

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Волошина Алла Владимировна

**Филологический метод Дионисия Галикарнасского
(на материале сочинений риторического корпуса)**

Специальность 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент О. М. Савельева

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Цитирование как отражение подхода исследователя к тексту.....	27
1.1. Принципы и функции цитирования в сочинениях Дионисия Галикарнасского.....	31
1.2. Дионисий Галикарнасский о Демосфене.....	71
1.3. Corpus Demosthenicum: состав корпуса, подлинность и время написания речей.....	85
Состав корпуса.....	85
Подлинность и время написания речей.....	93
1.4. Цитирование Демосфена в сочинениях Дионисия Галикарнасского..	100
Выводы.....	129
Глава 2. Метатесис как прием анализа языка и стиля.....	136
2.1. Дионисий Галикарнасский о Фукидиде.....	142
2.2 Метатесисы из Фукидида в сочинениях Дионисия Галикарнасского..	160
«О Фукидиде».....	160
«Второе письмо к Аммею».....	192
«О соединении слов».....	202
2.3. Метатесисы из Фукидида в трактате Псевдо-Деметрия «О стиле».....	211
Выводы.....	217
Глава 3. Стиль Дионисия Галикарнасского как филолога и ратора.....	223
Выводы.....	271
Заключение.....	274
Библиография.....	279

Введение

Общая характеристика работы

Данная диссертация посвящена изучению филологического метода писателя I в. до н. э. Дионисия Галикарнасского, а именно, выявлению важных для него принципов анализа и интерпретации текста, языка и стиля. Основное внимание в работе уделяется исследованию приемов его работы с «чужим словом» и своей собственной речью, а также сопоставлению подхода Дионисия и других античных авторов к оценке литературного текста и писательского мастерства.

Актуальность исследования и степень научной разработанности проблемы

Дионисий Галикарнасский традиционно и справедливо рассматривается прежде всего как историк, автор обширного исторического труда «Римские древности», сочинения его риторического корпуса долгое время не были предметом специального изучения, однако, начиная с XX века, они стали вызывать все больший интерес исследователей античной риторики, литературной критики и стилистики¹.

Мы в свою очередь хотели бы привлечь внимание к филологической стороне этих сочинений. В классической монографии Р. Пфайффера филология определяется как «искусство понимания, объяснения и возобновления литературной традиции»². Ф. Монтанари, С. Маттайос и А. Реньякос называют филологическими тексты, который «направлены на интерпретацию литературных произведений на разных уровнях»³. По мнению Ф. Монтанари, античная филология включает в себя «толкование древних

¹ Некоторые из работ, в которых специальное внимание уделяется риторическим сочинениям Дионисия (Atkins, 1934: 104-136), (Grube, 1965: 207-230), (Russell, 1981), (Innes, 1993: 267-272) (Kennedy, 1994: 161-165), (Wooten, 1994: 121-130), (Schenkeveld, 2006: 284-299), (Viidebaum, 2021).

² «Scholarship is the art of understanding, explaining, and restoring the literary tradition» (Pfeiffer, 1968: 3).

³ «The term “scholarship” refers first and foremost to all written works that aim specifically and directly to provide an interpretation of the literary works on various levels» (Montanari, Matthaios, Rengakos, 2015: 10).

авторов и издание их текстов, материалы, необходимые для толкования текстов, изучение грамматики, осмысление языка как инструмента для словесности, а также все, что может быть связано с этой областью»⁴. М. Дубишар относит к филологическим сочинениям труды, появляющиеся в результате критики или интерпретации произведений, которые, с одной стороны настолько ценны, что заслуживают сохранения, а с другой – настолько сложны, что требуют детального изучения (Dubischar, 2015: 546).

Содержание риторических сочинений Дионисия Галикарнасского и их общая интенция, как нам представляется, вполне соответствуют этим определениям филологии. Под филологическим методом Дионисия мы понимаем совокупность взглядов автора на словесное искусство, язык и стиль, а также подход к тексту, включающий способы его интерпретации, анализа и оценки.

Представление о Дионисии Галикарнасском как о филологе не является общепринятым⁵, однако оно несомненно намечается в работах некоторых исследователей. Так, анализируя наблюдения Дионисия за стилем Фукидида, К. де Йонге делает вывод о тесной взаимосвязи риторической и филологической составляющей в античной традиции:

«Деятельность филологов прежде всего была направлена на установление правильности обсуждаемого автором текста и на объяснение его трудностей. С другой стороны, риторы сосредоточились на практическом использовании классического текста как модели для создания новых текстов. Несмотря на то, что фокус филологов и раторов, таким образом, несколько различался, невозможно и нежелательно полностью разделять эти дисциплины (мы должны отметить, что александрийские ученые также рассматривали древние

⁴ «This includes the exegesis of ancient authors and the editing of their texts, the orderly collection of materials useful for exegetical purposes, the study of grammar, reflection on language as an instrument of literature, and everything that can be linked to this sphere» (Montanari, 2020: 1).

⁵ Риторические сочинения Дионисия Галикарнасского как правило не включаются в общие труды по античной филологии (Pfeiffer, 1968) (Dickey, 2007) (Montanari, 2020). К исключениям можно отнести монографию Дж. Сэндса «История классической филологии» (Sandys, 1903: 273-281) и недавнюю работу Ю. Бленсдорфа «Методы интерпретации в греческой и римской филологии» (Blänsdorf, 2020: 87-108).

тексты как образцы для новых литературных произведений). Обсуждение Дионисием синтаксиса Фукидида показывает, что работа филологов и риторов чрезвычайно взаимосвязана, и в некоторых отношениях было бы более разумно рассматривать обе группы как одну категорию „ученых“»⁶.

Рассматривая сочинения Дионисия как филологические труды, Ю. Бленсдорф характеризует их автора следующим образом:

«...особенно заслуживают признания описанный им самим поиск подходящего филологического метода, тщательность его доказательств, его детальные интерпретации удачных общих характеристик и богатая филологическая терминология. Наблюдая за искусством выступления и включая восприятие речей современной и гораздо более поздней аудиторией читателей, он открывает новые области, которые сегодня составляют важные аспекты литературной социологии»⁷.

Освещение подхода Дионисия Галикарнасского к тексту именно как филологического представляется нам продуктивным, так как позволяет точнее понять, с каких позиций он работает и как критик, и как ритор, и как писатель. Одновременно выполненная нами работа обновляет, дополняет и уточняет сложившееся представление о состоянии филологической мысли и «языковой технике» в I в. до н. э., в эпоху Августа.

В диссертации привлекается и учитывается обширная литература, посвященная риторическим сочинениям Дионисия, обзор исследований по соответствующим темам приводится в начале каждой из трех глав. Во

⁶ «The activities of the philologists primarily aimed at establishing the correct text of the author discussed and at explaining its difficulties. Rhetoricians on the other hand concentrated on the practical use of a classical text as a model for the production of new texts. Although the focus of philologists and rhetoricians was thus slightly different, it is not possible or desirable to separate these disciplines entirely (we should note that the Alexandrian scholars, too, regarded their ancient texts as models for new literary works). Dionysius' discussion of Thucydides' syntax illustrates that the work of philologists and rhetoricians is extremely interrelated, and in some respects, it might be more sensible to treat both groups as one category of 'scholars'» (Jonge, 2011: 477).

⁷ «Gerade unter dem Gesichtspunkt der philologischen Methode verdienen die von ihm selbst geschilderte Suche nach einer geeigneten philologischen Methode, die Sorgfalt seiner Beweisführung, seine detaillierten Interpretationen die treffenden Gesamtcharakteristiken und die reiche philologische Terminologie Anerkennung. Neue Aspekte eröffnet er mit der Beobachtung der Vortragsart und der Einbeziehung der Rezeption der Reden beim zeitgenössischen und dem viel späteren Lesepublikum, die heute wichtige Aspekte der Literatursoziologie bilden» (Blänsdorf, 2020: 108).

введении мы отмечаем лишь некоторые, наиболее важные в контексте нашего собственного исследования, труды, которые дают общее представление о подходе античного автора к языку, стилю и литературе.

Одной из главных работ о методе писателя до сих пор следует считать монографию С. Боннера (Bonner, 1939), в которой Дионисий воспринимается в первую очередь как литературный критик, чьи способы анализа улучшаются по мере освобождения от «оков риторической системы» («shackles of the rhetorical system») (Bonner, 1939: 23). Боннер утверждает, что большое влияние на Дионисия теории ораторского искусства, особенно в ранних работах, приводит к механической критике («mechanical criticism»), в которой отсутствует личный контакт исследователя с рассматриваемым автором («personal contact with the author criticized») (Bonner, 1939: 48). Этот тезис подвергался критике, в частности, со стороны Дж. Уолкера, который справедливо замечает, что риторика является неотъемлемой частью литературной критики Дионисия, тем более что античный критик всегда имел не отвлеченно эстетическую, но практическую цель (Walker, 2011: 215-216)⁸.

С. Боннер также обращается к важному и дискуссионному вопросу о хронологии сочинений Дионисия, для которых он реконструирует следующий порядок написания: 1) «О подражании» (1, 2 книги), 2) «О Лисии», «Об Исократе», «Об Исее», 3) «Первое письмо к Аммею» 4) «О Демосфене» (1-33 главы), 5) «О соединении слов», 6) «О Демосфене» (с 34 главы), 7) «Письмо к Помпею», 8) «О Фукидиде», 9) «Второе письмо к Аммею», 10) «О Динархе». В своей реконструкции Боннер исходит из представления о развитии метода автора. Некоторые исследователи оспаривают эту концепцию, поскольку сами сочинения Дионисия не содержат однозначных свидетельств линейной эволюции его метода. Так, уже в издании Г. Узенера и Л. Радермахера высказывается предположение, что, как и многие другие античные писатели, Дионисий Галикарнасский мог работать над своими текстами одновременно

⁸ О проблеме восприятия концепции «риторической критики» Дионисия см. также (Walker, 1998).

(Usener, Radermacher, 1899: xxxiv). К. Гудриан считает, что, при всех изменениях метода критика более уместно рассматривать его риторический корпус синхронно (Goudriaan, 1989: 683). К. де Йонге выражает более умеренную позицию, предлагая придерживаться разделения сочинений Дионисия на три этапа в соответствии с развитием метода – ранний, средний и поздний (Jonge, 2008: 22-23). Дж. Уолкер считает установление хронологии в целом неразрешимой задачей и не считает возможным проследить здесь какую-либо эволюцию (Walker, 2011: 216).

Признавая, что работы Дионисия отличаются друг от друга и в тематическом, и в стилистическом отношении, и в использованных приемах анализа, в своей диссертации мы не обращаемся к проблеме хронологии и концепции последовательного развития метода. На наш взгляд, различия между сочинениями могут объясняться не только временем написания, но также и другими причинами, например, разностью жанров, целей и адресатов.

В числе характерных для Дионисия приемов С. Боннер выделяет сравнение, перестановку⁹, критическое изложение, которое сопровождается соответствующими примерами, а также анализ стиля в соответствии с разделами риторической системы. «Первое письмо к Аммею» Боннер относит к истории литературы и отмечает в нем использование неких исторических методов¹⁰.

Интересные замечания о принципах работы Дионисия сформулированы в статьях Дж. Кальвани Мариотти и Ф. Боттаи. Дж. Кальвани Мариотти сопоставляет цитаты в трактате «О соединении слов» со схолиями к Гомеру, Фукидиду и Демосфену и делает вывод, что подход Дионисия к текстам древних авторов в некоторых отношениях близок к экзегетической технике античных комментариев (Calvani Mariotti, 1990, 1997). Ф. Боттаи

⁹ С. Боннер использует формулировку «method of recasting», в позднейших исследованиях этот прием получает название «метатесис» (metathesis, method of metathesis).

¹⁰ «The first letter to Ammaeus does not properly belong to the sphere of literary criticism; it deals rather with a point of literary history, and its methods are accordingly those of the historian rather than those of the critic» (Bonner, 1939: 59).

рассматривает «объяснительную технику» («*tecnică espositiva*») автора, в частности, структуру и способы аргументации в сочинениях Дионисия в контексте его целей как ученого и педагога (Bottai, 1999).

Ключевым этапом изучения риторического корпуса Дионисия Галикарнасского является т. н. «теория оценки» («*theory of evaluation*»), к исследованию которой обращаются Д. Шенкевельд и С. Деймон. Статья Шенкевельда посвящена следующим проблемам: какой критерий оценивания литературного произведения Дионисий считает более важным, «суждение разума» (λογικόν κριτήριον) или «иррациональное восприятие» (ἄλογος αἴσθησις), как эти критерии соотносятся с такими эстетическими категориями как «приятное» (τὰ ἡδέα) и «прекрасное» (τὰ καλά). В результате анализа автор приходит к выводу, что отдельные аспекты критики Дионисия не складываются в единую систему. По мнению Шенкевельда, непоследовательность Дионисия и других античных риториков является следствием того, что они обращались к различным философским системам, которые могли применяться к отдельным частным проблемам, но не согласовывались друг с другом в целом (Schenkeveld, 1975)

Полемизируя с Шенкевельдом, С. Деймон утверждает, что критическая система Дионисия не является непоследовательной, а лишь неполной. К недостаткам работы Шенкевельда, по мнению исследовательницы, относится небольшое число проанализированных пассажей, которые рассматриваются без учета последовательности их написания и развития критического метода Дионисия. В своей статье Деймон рассматривает большее число примеров, которые разделяет на три тематические группы: влияние литературного произведения на слушателя (эстетические, моральные, эмоциональные эффекты); способности, благодаря которым оценивается произведение (эстетика, ἄλογος αἴσθησις, λογικόν κριτήριον); критики, которые оценивают произведение (ιδιώτης «профан», τεχνίτης «специалист») (Damon, 1991).

Следующий важный вопрос, который привлекает внимание исследователей, – взаимосвязь риторики, культуры и политики в трудах

Дионисия Галикарнасского. Систематический анализ этой темы проводится в диссертации К. Гудриана (Goudriaan, 1989), который впервые рассматривает «Римские древности» и риторические сочинения Дионисия параллельно, как части единой системы, в частности, в данной работе соотносится подход Дионисия к ораторскому искусству и составленная им конституция Ромула. В диссертации изучается классицизм Дионисия, сформулированная им теория ораторского искусства и концепция подражания, представление об историографии как о ветви риторики, а также философская программа автора, на которую повлияли Платон, Исократ и Аристотель. Специальное внимание здесь уделено ключевым для Дионисия идеям: сотрудничество рационального и иррационального суждения, связанные с ними «прекрасное» и «приятное» как цели литературного произведения, а также разные типы аудитории оратора (эксперты и профаны).

Особо выделим некоторые тезисы диссертации. К. Гудриан подчеркивает интерес Дионисия не к письменной прозе для личного чтения, но к *πολιτικὸς λόγος*, который фактически имеет функцию протрептика: *πολιτικὸς λόγος* адресован широкой аудитории граждан, он убеждает их практиковать добродетель и избегать пороков, при этом подразумевается как рациональное, так и иррациональное воздействие ораторского искусства на слушателей. Эта концепция Дионисия формируется под влиянием в равной степени Исократа и Платона. Историография Дионисия имеет риторическую природу и тесно связана с его представлением о *πολιτικὸς λόγος*: стиль истории должен быть таким, чтобы ему мог подражать оратор. Анализ сформулированной в риторических сочинениях Дионисия идеи мимесиса, по мнению исследователя, показывает, что сложная концепция подражания реализуется у автора на разных уровнях: подражание классическим текстам, подражание в этической сфере, язык как подражание реальности, наконец, «несовершенный» мимесис постклассического ораторского искусства.

Монография Н. Виатера предлагает ответ на вопрос о том, почему Дионисий Галикарнасский выступает как сторонник классической греческой

литературы (Wiater, 2011). Исследователь убедительно доказывает, что Дионисий обращается к классическим текстам как к носителями классического этоса, определенного набора моральных и политических добродетелей, выраженных посредством языка. Автор отмечает, что в мировоззрении Дионисия Галикарнасского язык и стиль являются средствами самоопределения человека.

Большое значение для Дионисия имеет Исократ, который постулирует единство морали, риторической и политической практики, и создает идеализированный образ афинского государства и граждан. Именно этим, по мнению Виатера, объясняется то, что Дионисий отдает предпочтение Лисию и Геродоту, а не Фукидиду: Лисий предпочитается Фукидиду, так как стиль оратора моделируется в соответствии с речью среднего афинского гражданина, тогда как чтение историка чрезвычайно трудно для обычного человека; историография Геродота соответствует идеальному образу Афин, представленному у Исократа, в то время как Фукидид не поддерживает и отчасти разрушает этот образ (например, в знаменитом мелосском диалоге). В конечном итоге классицизм Дионисия создает модель греческой культурной идентичности, которая позволяет соединить наследие классической Греции и римскую современность.

Ключевую роль в концепции классицизма Дионисия играет концепция мимесиса, которая, как показывает Виатер, описывает процесс формирования личности в соответствии со стандартами классической красоты, постигаемой не через изучение абстрактных риторических правил, но благодаря непосредственному контакту с древним текстом.

Кроме того, в монографии обсуждается роль Дионисия в кругу греческих и римских интеллектуалов в Риме и его стратегии по созданию сообщества людей, которые рассматриваются как наследники традиции классического политического красноречия. Автор отмечает интерактивный характер критики Дионисия и подчеркивает, что она формируется в диалоге с коллегами, учениками и читателями. В этой связи Н. Виатер делает интересное

замечание о том, что Дионисий Галикарнасский устанавливает свой авторитет как критика за счет связи с традицией: классическую риторику можно изучить только с помощью метода, предложенного Дионисием, так как он основан на тех же принципах, что и сама классическая риторика, а именно, на взаимодействии теории и практики ораторского искусства.

Исследованию сформулированной Дионисием концепции мимесиса посвящена недавняя диссертация М. Шипперс (Schippers, 2019), в которой предлагается реконструкция текста и содержания трактата «О подражании». В данной работе подробно анализируются каноны авторов, составленные Дионисием и Квинтилианом, а также взаимоотношение различных античных теорий подражания (Дионисий, Квинтилиан, Элий Теон, Сенека, Лонгин, Плиний, Тацит, Дион Хризостом).

Рассмотрев идеи μίμησις/ζῆλος у Дионисия и imitatio/aemulatio у Квинтилиана, автор отмечает не только сходства этих авторов в использовании и интерпретации миметической терминологии, но и существенные различия, которые являются следствием их разной культурной позиции в отношении наследия классической Греции. Μίμησις и ζῆλος сосуществуют и являются равноценными практиками, при этом ζῆλος подразумевает вдохновение прекрасными примерам древней литературы и подражание им, которое в конечном итоге может привести к тому, что ученик достигнет уровня этих образцов. В то же время imitatio подчинено aemulatio и должно уступить ему место в практике оратора, для Квинтилиана подражание греческим образцам – начало пути, который должен завершиться переходом к латинскому красноречию, соперничающему с греческим. М. Шипперс объясняет разницу в подходах двух авторов тем, что для Дионисия важно возродить наследие классической Греции, тогда как для Квинтилиана – поставить латинскую и греческую литературу на один уровень.

Для изучения Дионисия Галикарнасского большое значение имеют работы К. де Йонге, в первую очередь его монография, которая является наиболее полным и подробным исследованием лингвистической стороны

риторических сочинений Дионисия (Jonge, 2008). В монографии рассматриваются языковые и литературные взгляды античного писателя, сочинения Дионисия сравниваются с работами античных филологов, риторов и критиков, например, Аристарха, Аполлония Дискола, Тиранниона, Трифона, Филодема, Деметрия, Лонгина, Квинтилиана и Аристоксена. Своей главной задачей автор считает не назвать конкретные источники Дионисия, но описать общую научную картину того времени, которая нашла отражение в его риторических сочинениях. В ходе своего исследования К. де Йонге отмечает, что для достижения своих целей как критика и ритора Дионисий интегрирует различные языковые и эстетические дисциплины, а именно, грамматику, филологию, философию, музыку, метрику, поэтику и риторику.

Анализ технической терминологии Дионисия, по мнению К. де Йонге, позволяет реконструировать грамматический дискурс эпохи Августа, который характеризуется слиянием филологии и философии, а именно, александрийских и стоических языковых идей. Также в своей работе Дионисий обращается к разным теориям соединения слов (*σύνθεσις*), которые разрабатывались эллинистической критикой, к трудам стоиков по синтаксису частей речи, а, возможно, и к работам других античных специалистов. Как центральная для Дионисия Галикарнасского выделена концепция «естественности» (*τὸ φυσικόν*), которую предлагается связать с идеями грамматиков и стоиков. Эта концепция реализуется в представлении Дионисия о «естественном» стиле текста в целом и «естественном» порядке слов в частности.

Особый интерес для нашей диссертации представляет проведенный К. де Йонге анализ важнейшего инструмента критики Дионисия, метода метатесиса. Автор приходит к выводу, что этот прием имеет следующие функции: показать, что композиция важнее выбора слов, указать способы избежать неестественной композиции, продемонстрировать эффект от определенных звуков, ритмов и расположения клауз, проиллюстрировать различия между разными стилями композиции и отметить поэтический

характер прозаических текстов. Важно, что метатезы необходимы Дионисию не как теоретическое упражнение, но как средство научить читателей составлять собственные тексты, соответствующие нормам классицизма и аттицизма.

К одной из наиболее интересных и продуктивных тем относится проблема взаимодействия Дионисия с римской аудиторией, литературной и культурной традицией. Уже У. Робертс отметил противоречивый характер отношений греческого писателя и его римского окружения: с одной стороны, желание «избавить греческий ум от уничижительных представлений о происхождении римлян и о средствах, с помощью которых они добились своего господства»¹¹, с другой, – молчание в отношении современной ему латинской литературы.

Из последних работ об отношениях Дионисия с римской аудиторией следует отметить статьи Г. Веайра. Исследователь объясняет кажущиеся изменения в подходе критика к стилю Фукидида (от резкого осуждения в «Письме к Помпею» и трактате «О подражании» до более сбалансированного вердикта в сочинении «О Фукидиде») зависимостью Дионисия от взглядов римской элиты, а также его стремлением подтвердить свою способность написать историю раннего Рима (Weaire, 2005). В более поздней статье Г. Веайр рассматривает категорию авторитета на материале трактата «О соединении слов» и приходит к выводу, что Дионисий представляет свое преподавание как процесс убеждения римского ученика в точке зрения учителя, которую тот подтверждает, прибегая к классическим греческим авторам как к внешнему авторитету (Weaire, 2012).

Тема взаимодействия греческой и римской традиции разрабатывается в сборнике статей «Дионисий Галикарнасский и августовский Рим. Риторика, критика и историография» (Hunter, Jonge 2019), который раскрывает, как критика и историография Дионисия «вписываются в социальный,

¹¹ «...he wished to disabuse the Greek mind of derogatory ideas as to the origin of the Romans and as to the means by which they had gained their ascendancy...» (Roberts, 1900: 442).

интеллектуальный, литературный, культурный и политический мир Рима при Августе»¹². Здесь хотелось бы выделить статьи «Демосфен у Дионисия и аттицизм эпохи Августа» (Yunis, 2019), «Дионисий и очарование Лисия» (Viidebaum, 2019), «Дионисий и Гораций: композиция в августовском Риме» (Jonge, 2019).

Также раскрытию данной темы посвящена недавняя диссертация С. Омса (Ooms, 2019). Исследователь проводит сопоставление взглядов Дионисия и Цицерона, которое позволяет реконструировать античные представления о прозаическом стиле и показать тесное взаимодействие греческого и римского стилистического дискурса. С. Омс отмечает, что и Цицерон, и Дионисий считают лучшим прозаиком Демосфена, а худшим – Гегесия, а также выделяют следующие критерии хорошего стиля: его можно адаптировать к любым обстоятельствам, он подходит для серьезных и достойных предметов и отличается умелым расположением слов. Кроме того, Дионисий и Цицерон пользуются теорией трех стилей речи, подчеркивают важность соединения слов в тексте и восприятия его на слух, а также обращаются к идеологии аттицизма. По мнению Омса, сходство между взглядами Дионисия и Цицероном лежит в области теорий стиля, аналитических методов, критического инструментария и терминологии.

В контексте нашей диссертации ключевое значение имеют два автора, чей стиль Дионисий Галикарнасский анализирует с большой тщательностью и подробностью, а именно, Фукидид и Демосфен. Тема Фукидида и Демосфена в сочинениях Дионисия представлена многими работами, на некоторые из которых мы обратим специальное внимание.

В книге Э. Габбы подход Дионисия к историографии рассматривается на материале как «Римских древностей», так и риторических сочинений (Gabba, 1991). Анализируя предисловие к работам о древних ораторах, исследователь

¹² «This volume examines how Dionysius' critical and rhetorical works are connected with his history of Rome, and the complex ways in which both components of this dual project rhetorical criticism and historiography fit into the social, intellectual, literary, cultural and political world of Rome under Augustus» (Hunter, Jonge, 2019: vii).

показывает, что конструируемый Дионисием образ архаического Рима реализует идеалы справедливости, умеренности, благочестия, которые восхваляет Исократ в истории Афин. Кроме того, Э. Габба приходит к выводу, что критика стиля Фукидида согласуется с теми позициями, которые Дионисий реализует в собственном историческом труде. Так, Дионисий Галикарнасский осуждает хронологическое расположение материала у Фукидида, которое лишает повествование непрерывности и ясности: Фукидид, действительно, хочет учесть взаимосвязь одновременно развивающихся процессов, тогда как Дионисий, имея в виду именно ясность и непрерывности истории, в своих «Римских древностях» делает акцент на полном и обстоятельном описании каждого события. В другом случае отмечается, что, в концепции Дионисия, речи должны соответствовать не только конкретному случаю, но и общему идеалу, который формирует история – в соответствии с этой идеей он выстраивает речи в своей истории, это же является предметом его критики «Истории» Фукидида.

М. Фокс проводит сопоставление между концепциями историографии у Дионисия Галикарнасского и Лукиана (Fox, 2001). Исследователь полагает, что в представлении Дионисия история не является неким внешним объектом, но создается тем, кто ее пишет в соответствии со своим видением. В концепции Дионисия, выбирая свой предмет, историк, как и любой другой автор, должен ориентироваться на пользу, удовольствие, моральную ценность для читателей. Риторика совершенно необходима для всякого морального суждения, а значит, она очень важна и в контексте исторического повествования.

В статье К. де Йонге показано, что на подход Дионисия Галикарнасского к Фукидиду влияет, популярность этого историка у римских писателей, а также его собственная, Дионисия, концепция историографии, которая связана с риторической программой классицизма (Jonge, 2017). В системе Дионисия, как ее понимает Йонге, важна не столько интеллектуальная, сколько моральная польза истории, исторический писатель должен конструировать

прошлое, вдохновляющее читателей на правильный образ жизни в настоящем. Вполне понятно, что повествование Фукидида о неудачах Афин расходится с тем идеализированным образом Афин, на который предлагал ориентироваться сам Дионисий Галикарнасский. Исследователь также обращается к интересному вопросу о том, что Дионисий имеет в виду, когда хвалит Фукидида за заботу об истине. Йонге приходит к выводу, что здесь имеется в виду вовсе не беспристрастность автора, но лишь отсутствие в «Истории» невероятных и мифических рассказов. При этом Дионисий постоянно указывает на собственную беспристрастность в оценке историка, тем самым подчеркивая, что он даже более предан истине, чем сам Фукидид.

В диссертации Я. ван Кронье (Cronjé, 1986) рассматривается тема и композиция работы «О Демосфене», а также место и значение этого сочинения в риторическом корпусе Дионисия. Автор доказывает, что данный текст относится к группе сочинений о древних ораторах, в которую входят работы о Лисии, Исократе и Исее. Разница в структуре и содержании этих сочинений объясняется тем, что Демосфен рассматривается Дионисием не как один из многих риторов, но как главный и лучший оратор древности. В диссертации подчеркивается двойная цель «О Демосфене»: с одной стороны, Дионисий Галикарнасский стремится показать превосходство стиля оратора, а с другой – дает теоретическое изложение музыкального аспекта его языка. Для осуществления этой программы Дионисий пользуется тремя риторическими системами оценки (ἀρεταὶ τῆς λέξεως, χαρακτῆρες τῆς λέξεως, ἀρμονίαι τῆς λέξεως). Кроме того, Кронье делает примечательный вывод о риторическом стиле древнего автора. По его мнению, Дионисий вполне сознательно выстраивает композицию своего сочинения таким образом, чтобы представленная им критика стиля Демосфена оказалось максимально незаметной для читателей.

В статье С. Вутена (Wooten, 1989) анализируется, как красноречие Демосфена описывается Дионисием и Гермогеном. В концепции Гермогена стиль оратора только представляется быстрым, но на самом деле

характеризуется избытком: быстрота, т. е. краткость, сжатость повествования, удерживает внимание аудитории, а избыток делает мысль ясной и выразительной. Дионисий чувствует и отмечает в прозе Демосфена то же сочетание краткости и полноты, однако не развивает эту, несомненно, важную мысль, поскольку она не вписывается в используемую им теорию трех стилей красноречия. Автор предполагает, что невозможность объяснить гений Демосфена через концепцию трех стилей заставила риторов перейти к более подробному делению стилей. По мнению С. Вутена, вполне возможно, что именно сочинение Дионисия «О Демосфене» стало одним из катализаторов перехода от этой трехчленной классификации к двадцати типам стиля Гермогена.

В статье Х. Юниса (Yunis, 2019) указывается, что критический подход Дионисия сыграл важную роль в перемещении Демосфена и аттицизма в центр дискурса августовской эпохи. Дионисий изображает Демосфена так, что он оказывается образцом не только красноречия, но и того, чего могут достичь граждане Рима эпохи Августа. Античный критик делает особый фокус на музыкальных элементах прозы оратора и его внимании к мельчайшим деталям языковой отделки. Кроме того, как отмечает исследователь, Дионисий всячески подчеркивает двойственность устремлений Демосфена, которая отличает его от Исократа, Платона и Фукидида: с одной стороны, оратор хочет достичь победы в определенном состязании, а с другой – стремится к постоянной литературной славе. Изящество и тщательность музыкальных и ритмических эффектов предназначены не для основной массовой аудитории ритора, но лишь для немногих специалистов, которые способны оценить эти детали в конкретный момент времени, и, разумеется, для будущих поколений читателей, на которых Демосфен несомненно рассчитывал.

Последний вопрос, который мы хотели бы осветить, – Дионисий Галикарнасский в отечественной науке. Из работ прошлого века отметим посвященные Дионисию главы в «Истории греческой литературы» (Соболевский, 1960: 156-167) и в «Истории античной эстетики» (Лосев, 1979:

515-525). В «Истории греческой литературы» раздел о Дионисии был написан С. И. Соболевским, который с большой подробностью рассматривает содержание риторических сочинений Дионисия, с особым акцентом на «приемах интерпретации и эстетической критики тогдашних филологов». А. Ф. Лосев анализирует работы Дионисия Галикарнасского с позиции рефлексии и рецепции классического наследия в эллинистическо-римскую эпоху, отмечая при этом «богатую интуицию» древнего автора и его «глубокий вкус». Кроме того, следует выделить статью Т. А. Миллер «Михаил Пселл и Дионисий Галикарнасский», эта работа посвящена очень редкой теме, которая до сих пор практически не исследована, а именно, рецепции риторических сочинений Дионисия у византийских авторов (Миллер, 1975).

В настоящее время к подробному изучению риторического корпуса Дионисия Галикарнасского обращается О. В. Осипова. Ее работы посвящены прежде всего Дионисию как теоретику литературы и ораторского искусства, исследователю древней историографии, критику языка и стиля Фукидида (Осипова, 2009, 2010, 2011, 2013, 2015, 2019, 2021, 2022). Подход Дионисия к историографии также рассматривается в статьях А. А. Сеницына (Сеницын, 2022, 2023).

При том, что на русский язык были переведены многотомные «Римские древности» (2005, под ред. И. Л. Маяк), не столь объемные риторические сочинения Дионисия все еще не имеют полного перевода. Отрывки из трактата «О сочетании имен» были переведены И. И. Толстым для сборника «Античные теории языка и стиля» (1936, под ред. О.М. Фрейденберг), позже в сборнике «Античные риторика» (1978, под ред. А. А. Тахо-Годи) были опубликованы полный перевод трактата «О соединении слов», выполненный М. Л. Гаспаровым, и перевод «Письма к Помпею» О. В. Смыки. «О Фукидиде» и «Второе письмо к Аммею» были переведены И. П. Рушкиным (2014), несколько ранее был опубликован перевод к отдельным главам сочинения «О Фукидиде», выполненный М. С. Абаимовым и В. М. Строгоцким (2009).

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является риторический корпус Дионисия Галикарнасского, в который входят следующие труды: группа сочинений о древних ораторах («О Лисии», «Об Исократе», «Об Исее») и предисловие к ним, сочинения «О Демосфене»¹³, «О Динархе», «О Фукидиде», «Письмо к Помпею», два письма к Аммею, трактаты «О соединении слов» и «О подражании». Наибольшее значение для данного исследования имеют сочинения «О Демосфене», «О Фукидиде», письма к Аммею и трактат «О соединении слов». Также к изучению привлекаются схолии и ряд античных риторических трактатов.

Предметом исследования являются тексты древних авторов, которые рассматривает Дионисий, принципы и способы его анализа этих текстов, а также стилистические приемы, используемые античным филологом в собственных сочинениях. Кроме того, в данной работе рассматриваются общие взгляды Дионисия на риторику как искусство, ее соотношение с другими искусствами и на изучение языка и стиля.

В диссертации устанавливается, что ключевое значение при обращении Дионисия Галикарнасского с текстом имеют приемы цитирования и метатесиса (прием метатезы или перестановки). В данной работе цитата рассматривается расширительно, как любое включение в текст элемента чужого высказывания, а под метатесисом понимается очень близкая к исходному тексту парафраза, которая у Дионисия является результатом переписывания, «переделки» оригинала.

Цитирование и метатесис анализируются на материале разных текстов, однако по ряду причин преимущественное внимание мы уделяем эксцерптам из Демосфена и Фукидида. Во-первых, эти авторы являются наиболее интересными и важными для самого Дионисия, именно к ним и к их сочинениям он обращается чаще всего. Считая Демосфена лучшим из

¹³ Вопрос о том, следует ли включать сочинение «О Демосфене» в группу сочинений о древних ораторах или рассматривать отдельно, остается открытым.

аттических писателей, Дионисий Галикарнасский стремится доказать превосходство его стиля с помощью разнообразных аргументов, а также специально занимается установлением времени написания и подлинности его сочинений. Фактически работы Дионисия являются одними из немногих дошедших до нас примеров филологического изучения Демосфена именно в ту эпоху, когда тот окончательно занимает первое место в каноне аттических ораторов.

Если Демосфен является для Дионисия образцом для подражания, то Фукидида он чаще критикует, преимущественно за слишком трудный и необычный язык. Сам будучи историческим писателем и обращаясь к другим историкам, Дионисий закономерно уделяет большое внимание этому автору, чтобы доказать, что стиль Фукидида не следует буквально воспроизводить в историческом повествовании. Дионисий Галикарнасский не является первооткрывателем темы исторического стиля, однако его сочинения, несомненно, имеют особую ценность для исследования античной рецепции Фукидида и филологической мысли I в. до н.э.

Нельзя не отметить и то, что интерес к сочинениям этих писателей был особенно велик в Риме в то время, когда там работал Дионисий. В нашей работе делается акцент на том, что Демосфен и Фукидид, их язык и стиль, были предметом обсуждения и полемики среди современников Дионисия Галикарнасского.

Выбор авторов обусловлен и тем, что александрийские филологи, которые, как известно, в большей степени занимались поэзией, чем прозой, проявляли интерес к Демосфену и Фукидиду. Мы принимаем во внимание, что из дошедших до нас схолий к прозаикам, именно комментарии к Демосфену и Фукидиду могут быть связаны как с александрийской филологической традицией, так и с сочинениями Дионисия.

В диссертации анализируется стиль древнего писателя, а именно, риторическая разработка сочинений Дионисия в соответствии с его представлениями о хорошем стиле и задачами как автора, а также

используемые им средства художественной выразительности, тропы и фигуры. Внимание к приемам организации и украшения речи в контексте изучения филологического метода объясняется тем, что их анализ углубляет наше представление о том, как Дионисий понимает и оценивает язык, стиль, текст и ораторское искусство.

Цель и задачи работы

Цель исследования состоит в том, чтобы показать филологический подход Дионисия Галикарнасского к текстам древних авторов, проследить, чем обеспечивается этот подход, и описать своеобразие его метода.

Данная цель достигается выполнением следующих **задач**:

1. Выделены основные для Дионисия приемы исследования текста, цитирование и метатеза, проведен анализ привлекаемых им контекстов из сочинений древних авторов.
2. Освещен вопрос о характере владения Дионисием сочинениями древних авторов, критериях его выбора текстов для анализа и цитирования, о его подходе к оценке мастерства писателя.
3. Проанализированы комментарии Дионисия к выбранным им пассажам из сочинений Демосфена и Фукидида, установлено, на какие аспекты этих текстов он обращает специальное внимание, его подход сопоставлен со схолиями к соответствующим писателям, а также с работами других античных авторов, которые обращались к тем же текстам.
4. В исследованных сочинениях Дионисия выделены и проанализированы элементы риторической разработки изложения, а также стилистические средства, которые используются им для описания и оценки языка, стиля, текста, ораторского искусства.

Методология

В работе проводится комплексный историко-филологический анализ сочинений риторического корпуса Дионисия Галикарнасского, также применяется интертекстуальный и сравнительный подход.

Научная новизна

В данной работе проводится систематическое исследование риторических сочинений Дионисия Галикарнасского, определяются главные для него приемы анализа языка, стиля и текста, подробно рассматриваются выделенные Дионисием и важные для него фрагменты из Демосфена и Фукидида.

Учитывая, что прием цитирования, хотя и рассматривался в литературе о Дионисии, но оставался недостаточно изученным, в предлагаемой работе выполнено подробное описание этого приема и его значимости для подхода Дионисия к тексту. Специальное внимание уделено принципам работы древнего автора с сочинениями Демосфена, впервые устанавливается полный список упоминаемых им речей оратора. Также его филологический метод сопоставляется с теми подходами к текстам Демосфена, которые демонстрируют александрийский филолог Дидим, авторы античных риторических трактатов и византийских схолий.

В диссертации системно и подробно проанализирован прием метатезы, который освещался в литературе о Дионисии, но достаточно фрагментарно. Здесь же метатезис рассматривается как важнейший для него способ работы с текстом, как прием анализа языка автора, критерий для характеристики построения текста и оценки мастерства писателя. В исследовании впервые последовательно анализируются все встречающиеся в корпусе Дионисия метатезы из Фукидида, которые сопоставляются с комментариями схолиастов и перестановками из сочинения Псевдо-Деметрия «О стиле».

Также в данной диссертации освещается тема стилистических средств в языке Дионисия, которая ранее затрагивалась исследователями ограниченно и вне контекста его филологического подхода. Проведенный в диссертации

анализ стилистических средств демонстрирует, что античный филолог выбирает и употребляет их с целью аргументации, для выразительного и убедительного представления важных для себя выводов.

Выполненное исследование позволяет существенно обновить сложившееся представление о методе и характере работы Дионисия Галикарнасского, греческого интеллектуала августовской эпохи и одного из самых авторитетных риториков античности.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость данной работы состоит в том, что она предлагает обновление и углубление существующей традиции изучения творчества Дионисия и демонстрирует его филологический подход к языку и тексту. Практическая ценность работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в курсах по аналитическому чтению древнегреческих авторов, античной литературе, литературной критике, стилистике и риторике. Кроме того, данное исследование может привлекаться при составлении комментариев к сочинениям Дионисия Галикарнасского.

Положения, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие положения:

1. Риторические сочинения Дионисия Галикарнасского демонстрируют его филологический подход к произведениям древних авторов. Для освещения филологического подхода Дионисия выделены и охарактеризованы его способы анализа и интерпретации привлекаемых текстов, его критерии оценки стиля и мастерства писателя, программа продукции текстов. В качестве основных приемов исследовательской техники Дионисия выделены цитирование и метатесис.
2. Цитаты из авторов в исследуемых сочинениях Дионисия Галикарнасского предлагается распределить на информативные, орнаментальные и парадигматические. В качестве примеров для анализа он предпочитает хорошо известные античному читателю тексты,

которые выбирает в соответствии со следующими критериями: подлинность произведения, его жанр, риторическая структура, содержание, образность и стиль изложения.

При этом для цитирования Демосфена важна значимость его речей (δημόσιοι λόγοι) и их места в риторической традиции.

3. Прием метатесиса как изменение прецедентного текста Дионисий Галикарнасский использует, чтобы продемонстрировать особенности организации высказывания и предложить на практике свою дидактическую программу, а именно, правила продукции хорошего текста, которые определяются важнейшей для него идеей соединения слов (σύνθεσις ὀνομάτων) и системой достоинств стиля (ἀρετὰ λέξεως).
4. Подход Дионисия к тексту реализуется в его методе оценки и исправления стиля Фукидида по следующим критериям: достоинствами стиля являются правильность (ἑλληνισμός), чистота языка (καθαρότης), краткость (συντομία) и самое главное – ясность (σαφήνεια). Стремление прояснить трудные места в тексте Фукидида объединяет Дионисия и авторов схолий к корпусу историка. Пересечения между его трансформациями и комментариями схолиастов возникают под влиянием общего источника, вероятно, эллинистического комментария к Фукидиду.
5. Дионисий уделяет основное внимание выбору темы и обоснованию этого выбора, в изложении темы для него важны последовательность, ясность и убедительность. Его подход к собственному стилю полностью согласуется с этими требованиями. Существенное место в риторической концепции Дионисия занимает соположение искусств красноречия и музыки. Ориентируясь на хорошо образованного читателя, Дионисий подчеркивает необходимость четкой аргументации и возможность полемики.
6. Исследование Дионисием языка, стиля, риторической техники, его повышенное внимание к лексической организации текста, к аппарату образных средств для выполнения задачи точного, выразительного и всем доступного изложения содержательной стороны представляет нам

богатую концепцию античного филолога и конкретный метод ее применения.

Апробация работы

Основные положения диссертации изложены в **пяти** публикациях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология, а также в **девяти** докладах на конференциях (Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2020, 2021, 2022 гг.; «Классическая филология в контексте мировой культуры» МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 2022 г.; Научная студенческая конференция по антиковедению, НИУ ВШЭ, Москва, 2022, 2023 гг.; Чтения памяти профессора И. М. Тронского, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 2022, 2023, 2024 гг.).

Структура работы

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Публикации по теме исследования

1. *Волошина А. В.* О сравнении текстов Платона и Пиндара в сочинении Дионисия Галикарнасского «О Демосфене» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. Т. 26, № 1. С. 198-208. (Импакт-фактор SJR — 0,214) (0,69 п. л.).
2. *Волошина А. В.* Прием цитирования у Дионисия Галикарнасского (на материале сочинения «О Демосфене») // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 4. С. 93-102. (Импакт-фактор РИНЦ — 0,144) (0,63 п. л.).
3. *Волошина А. В.* Лексема *δυσεξέλικτος* в сочинениях Дионисия Галикарнасского: семантика и словоупотребление // Мир науки, культуры,

- образования. 2023. № 4. С. 334-337. (Импакт-фактор РИНЦ — 0,421) (0,47 п. л.).
4. *Волошина А. В.* Прием метатезы в сочинении Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде» // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2024. Т. 28, № 1. С. 334-348. (Импакт-фактор SJR — 0,214) (0,94 п. л.).
 5. *Волошина А. В.* О сравнении ораторского и музыкального искусств у Дионисия Галикарнасского // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2024. № 4. С. 116-126. (Импакт-фактор РИНЦ — 0,144) (0,69 п. л.).

Глава 1. Цитирование как отражение подхода исследователя к тексту

В риторическом корпусе Дионисия Галикарнасского встречается множество цитат из сочинений древних авторов, однако этот материал не привлекал большого внимания исследователей и еще не стал предметом системного изучения. Долгое время к приводимым им цитатам обращались в основном как к свидетельствам о тексте или составе корпуса древнего автора, например, Демосфена (Sealey, 1993: 225-227) или Лисия (Dover, 1968: 15). Особый интерес, конечно, вызывали те случаи, где Дионисий приводит текст, не засвидетельствованный в других источниках, к примеру, пассаж из утраченной работы Феофраста «О стиле» (Lys. 14) или из «Истории Сицилии» Филиста (Rompr. 5).

Интерес к цитированию в рамках изучения метода самого Дионисия как ритора, литературного критика и филолога возник сравнительно недавно. Так, Дж. Кальвани Мариотти рассматривает цитаты в трактате «О соединении слов» в контексте традиции схолий (Calvani Mariotti, 1990, 1997). Исследовательница выявляет интересные параллели между замечаниями критика и толкованиями схолий, отмечает сходство Дионисия и схолиастов в способах введения цитат (Calvani Mariotti, 1997: 189). По мнению Мариотти, подход Дионисия к тексту близок экзегетической технике античных комментариев¹⁴. Также исследовательница делает важное замечание о том, что цитирование характеризует метод работы Дионисия над трактатом «О соединении слов», а его самого показывает, как «умного критика, который работает в центре, богатом книгами и ресурсами» и имеет доступ к материалу александрийских гипомнемат¹⁵.

¹⁴ «L'uso della citazione per verificare ogni θεωρία proposta, element caratterizzante della tecnica dionisiana, era stato tipico anche della tecnica esegetica dei commentarii» (Calvani Mariotti, 1997: 188).

¹⁵ «L'abbondanza delle citazioni, strumento di verifica che caratterizza il metodo di lavoro di Dionigi nel Corso del De compositione, I suoi interessi, che come abbiamo visto dai vari confronti scoliografici rivelano il retore ben informato sulle teorie letterarie e sulle tecniche di valutazione dei testi, ci inducono a vedere

Вторая часть статьи Ф. Боттаи «Аспекты объяснительной техники Дионисия Галикарнасского в *De oratoribus antiquis*» (Bottai, 1999b: 132-150) практически полностью посвящена цитатам Дионисия. В этой связи отмечаются разнообразные способы введения цитат и рассматриваются разные случаи цитирования: цитаты, необходимые для подтверждения какой-либо мысли или теории; цитаты, где Дионисий ссылается на других авторов; цитаты, представляющие собой короткие идиомы; цитаты, которые анализируются с помощью метатесиса. Специальное внимание хотелось бы обратить на то, что, по мнению Боттаи, Дионисий проявляет себя как добросовестный ученый, любящий истину, его подход как исследователя отличают скромность, стремление к ясности и желание помочь читателю (Bottai, 1999b: 132, 146, 150).

В статье П. Пайена цитаты из историков, использованные в сочинении «О Фукидиде», «Втором письме к Аммею» и «Письме к Помпею», рассматриваются в связи с концепцией историографии Дионисия (Payen, 2004: 111-133). Пайен показывает, что Дионисий цитирует историков, комментирует и вносит изменения в эти отрывки, чтобы «открыть проход, ведущий от истории греков к истории Рима» и понять «новую конфигурацию отношений между Римом и греческими городами»¹⁶. Исследователь отмечает некоторые способы введения цитат, которыми пользуется Дионисий, а также делает вывод, что маркирование цитат необходимо античному автору для того, чтобы читатель мог лучше ориентироваться в тексте, отделяя оригинальные слова от их толкования¹⁷.

in Dionigi, un “critico intelligente che lavoro in un centro ricco di libri e di risorse”, un probabile fruitore del ricco materiale degli hypomnemata» (Calvani Mariotti, 1997: 188).

¹⁶ «Lire les historiens classiques de la Grece, en reprendre des extraits, ouvre certes un passage qui conduit d'une Histoire des Grece, en reprendre des extraits, ouvre certes un passage qui conduit d'une Histoire des Grecs a une Histoire de Rome, mais cette mediation doit etre construite. Le travail sur les citations des historiens permet de saisir la nouvelle configuration des rapports qu'entretient Rome avec les cites grecques et leur histoire, c'est-a-dire leur passe en train de devenir un heritage commun» (Payen, 2004: 133).

¹⁷ «Seuls ceux-ci pouvaient permettre au lecteur de se reperer de facon certaine le long des colonnes de papyrus, lors d'une lecture personnelle et semisilencieuse, ou dans la continuite du discours, lors d'une lecture orale et collective. ... Les lisieres de la citation sont traces avec nettete, de sorte que le lecteur sache ce qui revient a l'ouvre cite et quelle est la nature de l'intervention de l'exegete» (Payen, 2004: 117-118).

Между цитатами Дионисия Галикарнасского и имеющимися у нас текстами древних авторов существуют разночтения, которые могут объясняться различными причинами. Возможно, Дионисий изначально пользуется отличным от нашего текстом, с другой стороны, разночтения могли появиться в процессе передачи как его собственных сочинений, так и тех авторов, к которым он обращается. Цитируя по памяти, Дионисий мог допускать ошибки, однако нельзя исключать и то, что он сознательно изменяет оригинальные тексты¹⁸.

Приводит ли он цитаты по памяти или имеет перед собой рукописи соответствующих авторов? Ответ на этот вопрос, по-видимому, будет разным в каждом конкретном случае. Как известно, в античности было принято полагаться на память значительно больше, чем в настоящее время (Small, 2005: 167), с другой стороны, Дионисий приводит достаточно большое число цитат, многие из которых столь велики, что их было бы очень трудно запомнить. Исследователи справедливо предполагают, что в своей работе Дионисий Галикарнасский мог пользоваться как полными рукописями древних авторов, так и специально сделанными выписками из их сочинений (Payen, 2004: 117).

Применительно к античному писателю не всегда возможно строго разграничить точную и неточную цитату, определить, изменен ли текст намеренно или случайно, поэтому в своей диссертации мы предлагаем понимать цитату расширительно как введение автором «в собственный текст элемента “чужого высказывания”» (Николюкин, 2001: 1190), включающее в себя аллюзию, реминисценцию, парафразу. Не исследуя непосредственно вопросы текстологии, мы рассматриваем цитирование в контексте филологического метода Дионисия, в связи с его подходом к исследованию языка и стиля, взглядами на ораторское искусство. В своей работе мы не обращаемся к подробному анализу всех встречающихся в риторическом корпусе

¹⁸ Наглядное представление об этой проблеме см. (Roberts, 1900).

Дионисия Галикарнасского цитат, но изучаем общие принципы использования приема цитирования в его сочинениях.

1.1. Принципы и функции цитирования в сочинениях Дионисия Галикарнасского

Проанализировав применение приема цитирования в риторических сочинениях Дионисия Галикарнасского, мы предлагаем выделить следующие функции цитат в его тексте: **информативная, орнаментальная и парадигматическая.**

Под **информативной функцией** понимается использование цитат с целью предоставить читателям необходимую с точки зрения Дионисия информацию. Стремясь к всестороннему и, насколько это возможно, объективному исследованию всякого вопроса, Дионисий нередко приводит эксцерпты из исторических и биографических работ, риторических и философских трактатов и других специальных сочинений, чтобы пояснить и аргументировать свою позицию или, напротив, показать отличную от собственной точку зрения. Он цитирует, в частности, Аристотеля (Amm. I 6), Деметрия Фалерского (Dem. 5), Деметрия Магнесийского (Din. 1), Феофраста (Lys. 6, 14; Isoc. 3), Филохора (Din. 3), Филоника (Isoc. 13), Эпикура (Comp. 24), обращается к трудам перипатетиков Аристоксена (Comp. 14; Dem. 48), Гермиппа (Is. 1), Иеронима (Isoc. 13), Анаксимена (Is. 20), стоиков Зенона (Dem. 48) и Хрисиппа (Comp. 4), александрийцев Каллимаха (Din. 1, 10; Dem. 13) и Аристофана Византийского (Comp. 22, 26), пергамских грамматиков (Din. 1, 46), упоминает работы Зоила (Is. 20) и Кратиппа (Thuc. 16).

В некоторых случаях в информативной функции могут выступать эксцерпты из литературных произведений. Так, в «Первом письме к Аммею» Дионисий цитирует речь «О венке» не ради ее стиля, но как документальный текст, в котором приводится важная информация – список архонтов (Amm. I 11). В этом же письме часто цитируются первые строки речей Демосфена, которые Дионисий, по-видимому, приводит для большей точности изложения (Amm. I 4, 10). Другой пример – цитации из речи Эсхина «Против Ктесифонта», которые Дионисий рассматривает в первую очередь как образцы

литературной критики, а не художественные тексты: он цитирует высказывания Эсхина, чтобы ознакомить своих читателей с тем, как стиль Демосфена оценивался его современником и оппонентом.

В качестве информативной цитаты может фигурировать и поэтический текст. Так, в трактате «О соединении слов» Дионисий цитирует несколько строк из Пиндара (Pi. fr. 79 Bergk, fr. 70 b Snell-Maehler) как свидетельство того, что древние старались избегать звука «с»:

ἄχαρι δὲ καὶ ἀηδὲς τὸ “σ” καὶ πλεονάσαν σφόδρα λυπεῖ· θηριώδους γὰρ καὶ ἀλόγου μᾶλλον ἢ λογικῆς ἐφάπτεσθαι δοκεῖ φωνῆς ὁ συριγμός· τῶν γοῦν παλαιῶν σπανίως ἐχρῶντο τινες αὐτῷ καὶ πεφυλαγμένως, εἰσι δ’ οἱ καὶ ἀσίγμως ᾠδὰς ὅλας ἐποίουν· δηλοῖ δὲ τοῦτο καὶ Πίνδαρος ἐν οἷς φησι·

πρὶν μὲν ἦρπε σχοινοτένειά τ’ ἀοιδὰ

διθυράμβων

καὶ τὸ σὰν κίβδηλον ἀνθρώποις (Comp. 14).

«некрасива и неприятна “с” и тяготит, когда ее слишком много, ведь этот свист кажется ближе к звериному и неразумному, чем к осмысленному звучанию, вот и некоторые древние пользовались ею редко и с осторожностью, есть даже те, кто делали стихотворения полностью без сигмы, это показывает и Пиндар, когда говорит:

прежде тянулась прямо песнь

дифирамбов

и обманчивая от людей [исходила] “сан”».

Дионисий отождествляет сигму с дорийской сан и говорит, что некоторым древним поэтам удавалось вовсе не пользоваться сигмой. Как пример «асигматической» поэзии эти же строки Пиндара приводит и Афиней со ссылкой на перипатетика Клеарха, далее Афиней называет и другие произведения без сигмы, а именно, дифирамб «Кентавры» и гимн к Деметре Ласа Гермионского (Ath. Deipn. 10. 455B). Мы можем предположить, что, говоря не об одном, а о нескольких древних авторах, которые не пользовались сигмой, Дионисий также имел в виду Ласа.

Интересно, что здесь Афиней цитирует фрагмент Пиндара в том же виде, что и Дионисий, опуская слова ἀπὸ στομάτων, хотя в следующей книге он приведет эти же строки полностью (Ath. Deipn. 11. 467A πρὶν μὲν ἤρτε σχοινοτένειά τ' αἰοῖδ' ἀ καὶ τὸ σὰν κίβδηλον ἀπὸ στομάτων). Возможно, в десятой книге Афиней воспроизводит цитату в том виде, в котором ее приводил Клеарх в сочинении «О загадках», в таком случае можно предположить, что в своем высказывании Дионисий также опирался именно на Клеарха, тем более что перипатетические источники имели для него большое значение.

Информативную функцию, на наш взгляд, также выполняют автоцитаты, то есть те случаи, когда Дионисий цитирует свои собственные тексты. Например, в «Письме к Помпею» он приводит отрывок из своего сочинения «О Демосфене», на что сам же и указывает (Pomp. 2; Dem. 5)¹⁹. Как нам представляется, таким образом Дионисий хочет напомнить основные тезисы своей критики непосредственному адресату, а также ввести в курс дела других возможных читателей письма, не знакомых с сочинением «О Демосфене».

Мы не рассматриваем информативные цитаты более подробно, так как они, на наш взгляд, достаточно хорошо изучены, эти эксцерпты отмечаются и подробно комментируются в изданиях и исследованиях риторического корпуса Дионисия Галикарнасского. Для нашей работы больший интерес представляет материал, который практически не рассматривается в литературе о Дионисии, а именно цитаты, имеющие **орнаментальную функцию**, то есть те фрагменты текстов древних авторов, которые он использует для обогащения и украшения собственных сочинений.

В орнаментальной функции у Дионисия чаще всего фигурируют поэтические цитаты, преимущественно из Гомера²⁰. Один из самых

¹⁹ λοιπὸν δ' ἐστὶ μοι καὶ περὶ αὐτῶν ὧν εἴρηκα λόγων περὶ τάνδρως ἐν τῇ περὶ τῶν Ἀττικῶν πραγμάτων ῥητόρων εἰλεῖν. θήσω δὲ αὐταῖς λέξεσιν, ὡς ἐκεῖ γέγραφα (Pomp. 2).

²⁰ Нельзя не отметить особое отношение Дионисия к Гомеру: его эпос цитируется очень часто, например, в трактате «О соединении слов», из всех поэтических цитат, которых в этом произведении около 70, Гомер цитируется 41 раз.

интересных и наиболее риторически разработанных примеров такого цитирования представлен в трактате «О соединении слов», который открывает напутствие Елены к Телемаху (Hom. Od. 15. 123-127), а завершают слова Идоменея о Махаоне (Hom. Il. 11. 514):

“δῶρόν τοι καὶ ἐγὼ, τέκνον φίλε, τοῦτο δίδωμι”, καθάπερ ἢ παρ’ Ὀμήρῳ φησὶν Ἑλένη ξενίζουσα τὸν Τηλέμαχον, πρώτην ἡμέραν ἄγοντι ταυτηνὴ γενέθλιον, ἀφ’ οὗ παραγέγονας εἰς ἀνδρὸς ἡλικίαν, καὶ τιμιωτάτην ἑορτῶν ἐμοί · πλὴν οὔτε χειρῶν δημιούργημα πέμπω σοι τῶν ἐμῶν, ὡς ἐκεῖνη ἔφη διδοῦσα τῷ μειρακίῳ τὸν πέπλον, οὔτ’ εἰς γάμου μόνον ὄραν, καὶ γαμετῆς χάριν εὔθετον, ἀλλὰ ποίημα μὲν καὶ γέννημα παιδείας καὶ ψυχῆς τῆς ἐμῆς... (Comp. 1)

«“Подарок и я, милое дитя, даю этот тебе”, как у Гомера говорит Елена, принимая как гостя Телемаха, тебе, празднующему свое рождение, первый день, в который ты достиг возраста мужчины, и для меня самый дорогой из праздников. Я отправляю тебе не только творение моих рук, как она сказала, давая юноше пеплос, а вещь полезную не только в час свадьбы для супруги, но создание и произведение учености и моей души...».

τοῦθ’ ἔξεις δῶρον ἡμέτερον, ᾧ Ροῦφε, “πολλῶν ἀντάξιον ἄλλων”, εἰ βουλευθείης ἐν ταῖς χερσὶ τε αὐτὸ συνεχῶς ὡσπέρ τι καὶ ἄλλο τῶν πάνυ χρησίμων ἔχειν καὶ συνασκεῖν αὐτὸν ταῖς καθ’ ἡμέραν γυμνασίαις (Comp. 26).

«Вот этот наш подарок, Руф, “многих стоящий других”, если захочешь, ты будешь иметь постоянно в руках, как и другие особенно полезные вещи, и будешь упражняться с ним в ежедневных своих занятиях».

Как известно, Дионисий Галикарнасский посвящает трактат «О соединении слов» своему юному ученику, поэтому слова τέκνον φίλε подходят здесь как нельзя лучше. При этом заметим, что такое обращение встречается у Гомера довольно редко²¹, а значит, Дионисий должен был хорошо знать текст поэм и с большой тщательностью выбирать из них цитаты. Также отметим, что он не ограничивает отсылку к «Одиссее» одним фрагментом, но

²¹ Выражение τέκνον φίλε встречается только в приведенном контексте; φίλε τέκνον трижды фигурирует в «Одиссее» и один раз в «Илиаде» (Heubeck, Hoekstra, 1988: 239).

пересказывает несколько строк Гомера, цитируя при этом слова оригинального текста (χειρῶν, πέπλον, εἰς γάμου ὄραν). В своей парафразе вместо гомеровского существительного ἄλοχος (Hom. Od. 15. 127) Дионисий использует γαμετή, что, на наш взгляд, объясняется его желанием избежать редкого поэтического слова. Интересно, что на трудное существительное ἄλοχος обращают внимание и авторы гомеровских схолий, они, как и Дионисий, объясняют его через синоним γαμετή (Sch. Hom. Il. 2. 700. 4 D ἄλοχος] γαμετή γυνή).

С другой стороны, в своем тексте Дионисий заменяет общеупотребительное существительное μνήμη (Hom. Od. 15. 126) на значительно более редкое слово δημιούργημα²², по-видимому, с целью подчеркнуть, что трактат является не только памятным подарком (μνήμη), но и творением, произведением (см. ряд синонимов δημιούργημα, ποίημα, γέννημα).

Обрамляющие трактат «О соединении слов» строки Гомера создают изысканную кольцевую композицию: начальная цитата – эпизод из «Одиссеи», где Елена преподносит Телемаху пеплос, финальная цитата – сцена из «Илиады», где Идомей просит Нестора взять к себе в колесницу врача Махаона. Дионисий Галикарнасский, как нам представляется, намеренно подбирает фрагменты так, чтобы создать ряд противопоставлений: сцена мирной жизни из «Одиссеи» и описание битвы в «Илиаде»; Елена обращается к юноше, а Идомей к старцу; в первом случае говорится о предмете (пеплос), а во втором – о человеке (Махаон). На наш взгляд, выбор цитат и то, как они введены в текст, показывают, что Дионисий рассчитывает на хорошо образованного читателя, который способен увидеть и оценить его эрудицию и риторическое мастерство.

²² Существительное δημιούργημα употребляется в греческом языке достаточно часто, однако не у классических, а в основном у поздних авторов. До Дионисия Галикарнасского оно встречается у стоиков Посидония и Хрисиппа, из современников Дионисия его используют Страбон, Филон Александрийский и Трифон.

В сочинении «О Лисии» Дионисий отмечает убедительность стиля Лисия, его способность представлять факты так, как нужно, умение вводить слушателей в заблуждение. Здесь оратор сравнивается с Одиссеем, о котором Гомер говорит, что тот мог и ложь выдавать за правду (Hom. Od. 19. 203):

...τοσαύτην ἔχει **πειθῶ** καὶ ἀφροδίτην τὰ λεγόμενα καὶ οὕτως λανθάνει τοὺς ἀκούοντας εἴτ' ἀληθῆ ὄντα εἴτε **πεπλασμένα**. ὥσθ' ὅπερ Ὅμηρος ἐπαινῶν τὸν Ὀδυσσεῆα ὡς **πιθανὸν** εἰπεῖν καὶ **πλάσασθαι** τὰ μὴ γενόμενα εἴρηκε, τοῦτό μοι δοκεῖ κἂν ἐπὶ Λυσίου τις εἰπεῖν· “εἴσκεν ψεύδεα πολλὰ λέγων ἐτύμοισιν ὁμοῖα” (Lys. 18). «...сказанное имеет такую убедительность и прелесть и так скрывает от слушателей, правдиво это или ложно. Так и Гомер, когда хвалит Одиссея, говорит, что он убедительно сказал и выдумал то, чего не было, это вот, мне кажется, можно сказать и в отношении Лисия: “говоря, он многое ложное уподобил похожему на истинное”».

Эти слова Гомера были хорошо известны античному читателю, к ним обращаются Гесиод (Hes. Th. 27), Страбон (Str. 1. 2. 9)²³, Плутарх (Plu. de Glor. Ath. 347e9). Древние комментаторы обсуждают здесь значение глагола εἴσκεν (ἴσκε)²⁴ и ложь Одиссея. Почему Гомер говорит, что мудрый человек не станет лгать (Hom. Od. 3. 20), тогда как Одиссей, который назван мудрым, говорит неправду Пенелопе (Hom. Od. 19. 203)? В комментарии Порфирия эта проблема решается посредством обращения к контексту (λύσις ἐκ τοῦ καιροῦ): рассудительный человек лжет, если его к этому вынуждает ситуация, в то время как глупец обманывает даже тогда, когда в этом нет необходимости²⁵.

²³ Примечательно, что Страбон, как и Дионисий, приводит эту цитату в контексте убедительности речи, как доказательство того, что сочетание вымышленных событий с действительными делает рассказ более убедительным, поэтому Одиссей у Гомера говорит не всю, но только «много» неправды, иначе она не была бы похожа на истину (Str. 1. 2. 9 πιθανώτερον ἂν οὕτω τις ψεύδοιτο, εἰ καταμίσγοι τι καὶ αὐτῶν τῶν ἀληθινῶν).

²⁴ ἴσκε ψεύδεα πολλὰ λέγων ἐτύμοισιν ὁμοῖα] τινὲς βούλονται τὸ ἔλεγε σημαίνειν. ἄλλοι δὲ τὸ ἴσκε, τὸ εἴκαζεν, ὁμοίου. τὸ γὰρ ὅλον, πολλὰ ψευδῆ λέγων εἴκαζεν, ὥστε ὅμοια εἶναι ἀληθεσιν. ἀπο τοῦ εἶδω, ὁ μέλλων εἴσω (Sch. Hom. Od. 19. 203. 1-3 V).

²⁵ Ἐναντίον ἐστὶ τοῦτο τῷ <ἴσκε ψεύδεα πολλὰ λέγων ἐτύμοισιν ὁμοῖα> (τ 203) · καὶ γὰρ πεπνυμένος ὑπόκειται. ἢ δὲ λύσις ἐκ τοῦ καιροῦ· τὸ γὰρ κατὰ καιρὸν κατεπείγοντα ψεύδεσθαι, τοῦτο φρόνησιν εἶναι φασίν. καὶ πῶς ὁ πεπνυμένος καὶ συνετὸς Ὀδυσσεὺς <ἴσκεν ψεύδεα πολλὰ λέγων>; ἀλλὰ τὸ πρὸς μηδὲν κατεπεῖγον ψεύδεσθαι, τοῦτο κομιδῆ νηπίου ἀνδρός (Porph. Quaest. Hom. Od. 3. 20).

Трудно установить, знал ли Дионисий Галикарнасский эту проблему гомеровского текста и ее решение, с уверенностью мы можем сказать только то, что он интерпретирует этот пассаж с позиции риторики: для Дионисия способность уподоблять ложное истинному – это убедительность, к которой должен стремиться хороший оратор²⁶. Сходное понимание этого места, на наш взгляд, демонстрирует в своем комментарии к «Одиссее» Евстафий, причем толкования Дионисия и Евстафия пересекаются и на уровне лексики, ср. *πιθανὸν, πλάσασθαι* (D.H.) и *πιθανὸν, πλάσεως* (Eust.):

ἐπιφέρει κατὰ τι ἐπιφώνημα ὁ ποιητὴς κομματικῶς, τὸ, ἴσκει ψεύδεα πολλὰ λέγων ἐτύμοισιν ὁμοῖα, διὰ τὸ πιθανὸν πάντως τῆς πλάσεως καὶ ἀνεξέλεγκτον» (Eust. Od. 2. 196. 40-42).

«поэт прибавляет краткую фразу в качестве завершающего штриха “говоря, он многое ложное уподобил похожему на истинное”, из-за совершенной убедительности и неопровержимости выдумки [Одиссея]».

В трактате «О соединении слов» обращение к образу Одиссея служит подтверждением важной для Дионисия идеи о том, что соединение слов в речи обладает большей силой, чем их выбор. Он уподобляет соединение слов Афине, которая изменяла внешность Одиссея в разных ситуациях (Hom. Od. 6. 230-1; 16. 273; 17. 202, 337; 23. 157-8; 24. 157):

ικανῶς γὰρ οἶομαι πεποηκέναι φανερόν ὃ προῦκειτό μοι, ὅτι μείζονα ἰσχὺν ἔχει τῆς ἐκλογῆς ἢ σύνθεσις. καὶ μοι δοκεῖ τις οὐκ ἂν ἀμαρτανεῖν εἰκάσας αὐτὴν τῇ Ὀμηρικῇ Ἀθηνᾶ: ἐκείνη τε γὰρ τὸν Ὀδυσσεῦα τὸν αὐτὸν ὄντα ἄλλοτε ἄλλοῖον ἐποίει φαίνεσθαι, τοτὲ μὲν ῥυσὸν καὶ μικρὸν καὶ αἰσχρὸν “πτωχῶ λευγαλέῳ ἐναλίγκιον ἠδὲ γέροντι”, τοτὲ δὲ τῇ αὐτῇ ῥάβδῳ πάλιν ἐφρασαμένη “μείζονά τ’ εἰσιδέειν καὶ πάσσονα [θῆκεν ιδέσθαι,²⁷] καὶ δὲ κάρητος οὔλας ἦκε κόμας ὑακινθίνῳ ἄνθει

²⁶ Образ Одиссея как оратора представлен также у Квинтилиана, однако, в отличие от Дионисия, он подчеркивает главным образом силу красноречия гомеровского героя, а не его убедительность (Quint. Inst. 12. 10. 64-65).

²⁷ Выражение *θῆκεν ιδέσθαι* удаляется в издании Ожак-Лёбеля, но остается в издании Узенера-Радермахера. Ж. Ожак и М. Лёбель считают *θῆκεν ιδέσθαι* случайно попавшей в текст глоссой. Действительно, эти слова мы находим, например, в комментарии Евстафия (Eust. Od. 2. 300. 28-30 *Σημειῶσαι δὲ καὶ ὅτι ἐκεῖ μὲν το, μείζονα τε εἰσιδέειν καὶ πάσσονα, εἶχε καὶ ῥῆμα τὸ θῆκε, καὶ ἔλεγε ὅτι ἔθηκεν αὐτὸν ἢ Ἀθηνᾶ καὶ μείζονα ιδέσθαι καὶ παχύτερον...*).

ὁμοίας”. αὕτη τε τὰ αὐτὰ λαμβάνουσα ὀνόματα τοτὲ μὲν ἄμορφα καὶ πτωχὰ καὶ ταπεινὰ ποιεῖ φαίνεσθαι τὰ νοήματα, τοτὲ δ’ ὑψηλὰ καὶ πλούσια [καὶ ἄδρᾶ²⁸] καὶ καλὰ (Comp. 4).

«Ведь, думаю, я достаточно ясно показал, что уже мной было сказано, а именно, что соединение слов имеет бóльшую силу, чем их выбор. И мне кажется, что не ошибется тот, кто уподобит его гомеровской Афине: ведь она Одиссея, который был одним и тем же, заставляла казаться всякий раз другим, то сморщенным, приземистым и уродливым “бедному жалкому старцу подобным”, то, снова прикоснувшись тем же самым жезлом, “выше на вид и крупнее [сделала на вид], и с головы спустила кудри, похожие на цветок гиацинта”. Так и соединение, взяв одни и те же слова, заставляет мысли казаться то некрасивыми, бедными и низкими, а то высокими, богатыми [мощными] и прекрасными».

Этот пример, на наш взгляд, показывает, что Дионисий хорошо знает, гомеровский текст. Так, он объясняет, что превращение героя в старца значит, что тот становится морщинистым, невысоким и некрасивым, при этом изменение облика Одиссея связывается с прикосновением жезла Афины. Заметим, что ни в одном из пассажей Гомера, из которых Дионисий мог взять приведенные цитаты, не говорится ни о том, как именно выглядел Одиссей, представляясь нищим, ни о жезле богини. Как мы предполагаем, в данном случае Дионисий вспоминает те эпизоды, где Афина, встретив Одиссея на Итаке, делает его похожим на старца или, наоборот, возвращает ему прекрасный облик (Hom. Od. 13. 429; 16. 172; 16. 456)²⁹. Скорее всего, здесь он парафразирует выражение *ῥάβδῳ ἐπεμάσσατ’ Ἀθήνη* (Hom. Od. 13. 429; 16. 172), причем заменяет редкое эпическое слово *ἐπιμαίομαι* на более общеупотребительную форму глагола *ἐφάπτομαι*. Примечательно, что

²⁸ Выражение *καὶ ἄδρᾶ* удаляет Л. Саде (Sadée, 1879), вслед за ним оно исключается из текста Дионисия в издании Узенера-Радермахера и Ожак-Лёбеля как глосса, попавшая в текст позже.

²⁹ Ὡς ἄρα μιν φαμένη *ῥάβδῳ ἐπεμάσσατ’ Ἀθήνη* (Od. 13. 429); Ἦ καὶ χρυσεῖη *ῥάβδῳ ἐπεμάσσατ’ Ἀθήνη* (Hom. Od. 16. 172); αὐτὰρ Ἀθήνη.../ *ῥάβδῳ πεπληγυῖα* πάλιν ποίησε γέροντα (Hom. Od. 16. 456).

Ευσταφίης в своем комментарии к Hom. Od. 16. 172 объясняет это гомеровское слово через тот же глагол, что и Дионисий (Eust. Od. 2. 119. 32-33 φησὶ γὰρ, ὅτι χρυσεῖη ῥάβδῳ ἐπιμασαμένη, ὃ ἐστὶν ἐφαψαμένη Ἀθήνη...).

Отмеченные нами параллели между текстами Дионисия и комментариями к Гомеру, конечно, сами по себе не свидетельствуют о том, что в этих случаях он обращался непосредственно к традиции гомеровской экзегезы. Мы все же считаем возможным присоединить свои наблюдения к выводам, сделанным Дж. Кальвани Мариотти, которая убедительно доказывает, что Дионисию Галикарнасскому, скорее всего, были известны александрийские гипомнематы, которые впоследствии легли в основу схолий³⁰, в том числе и гомеровских.

В сочинении «О Демосфене» Дионисий подробно рассматривает стиль Платона и обращает к философу те слова, которые Зевс говорит Афродите (Hom. II. 5. 428-430):

ἐγὼ τὴν μὲν ἐν τοῖς διαλόγοις δεινότητα τοῦ ἀνδρὸς καὶ μάλιστα ἐν οἷς ἂν φυλάττη τὸν Σωκρατικὸν χαρακτῆρα, ὥσπερ ἐν τῷ Φιλήβῳ, πάνυ ἄγαμαί τε καὶ τεθαύμακα, τῆς δ' ἀπειροκαλίας αὐτὸν οὐδεπώποτ' ἐζήλωσα τῆς ἐν ταῖς ἐπιθέτοις κατασκευαῖς, ὥσπερ ἔφην καὶ πρότερον, καὶ πάντων ἤκιστα ἐν οἷς ἂν εἰς πολιτικὰς ὑποθέσεις συγκαθεῖς ἐγκώμια καὶ ψόγους κατηγορίας τε καὶ ἀπολογίας ἐπιχειρῆ γράφειν. ἕτερος γὰρ τις αὐτοῦ γίνεται τότε καὶ καταισχύνει τὴν φιλόσοφον ἀξίωσιν. κάμοι γε πολλάκις ἐπῆλθεν εἰπεῖν ἐπὶ τῶν τοιούτων αὐτοῦ λόγων, ὃ πεποίηται παρ' Ὀμήρῳ πρὸς τὴν Ἀφροδίτην ὁ Ζεὺς λέγων· “οὐ τοι, τέκνον ἐμόν, δέδοται πολεμῆμα ἔργα, / ἀλλὰ σύ γ' ἡμερόεντα μετέρχεο ἔργα γάμοιο” Σωκρατικῶν διαλόγων, ταῦτα δὲ πολιτικοῖς καὶ ῥήτορσιν ἀνδράσι μελήσει» (Dem. 23).

³⁰ «Quindi sia la citazione, se pur in tono polemico, di Aristofane di Bisanzio, sia le connessioni evidenziate sopra, più o meno strette, tra quanto dice Dionigi nel *De compositione* e quanto osservano gli scolii agli autori citati suggeriscono che il critic di Alicarnasso con ogni probabilità aveva presente il materiale degli *hypomnemata* di ambiente alessandrino, i cui resti appunto sono riscontrabili nelle raccolte scoliografiche» (Calvani Mariotti, 1997: 190).

«В диалогах и особенно в тех, где он сохраняет сократический стиль, как в “Филебе”, я весьма восхищен и поражен силой этого мужа, но, как я и ранее сказал, нигде не хвалю его за безвкусные дополнительные украшения, и хуже всего в политических речах, когда он хочет писать, складывая вместе похвалы и порицания, осуждение и оправдание, ведь он становится тогда каким-то не похожим на себя и пятнает достоинство философа. И мне часто даже приходит на ум обратиться к нему такие слова, которые у Гомера Зевс говорит Афродите: “не тебе, дитя мое, даны дела войны, ты занимайся желанными делами брака”, [а ты, Платон, занимайся] сократическими диалогами, а вот это будет предметом заботы политиков и ораторов».

Эти строки были очень хорошо известны в античности, к ним обращаются, например, Цицерон (Cic. Att. 14. 13), Плутарх (Plu. De aud. poet. 35f-37b), Лукиан (Luc. De astrolog. 22). Можно думать, что критика философа неслучайно начинается здесь именно с гомеровской цитаты, ведь Платон выступает как противник поэзии и даже изгоняет Гомера из своего идеального полиса, о чем хорошо помнит Дионисий. Так, он замечает, что Платон, несмотря на свое презрительное отношение к поэтам³¹, нередко в своих сочинениях прибегает к поэтическому и даже дифирамбическому стилю (Dem. 6, 7, 29).

Вокруг цитаты из Гомера выстраивается развернутое сравнение: Зевс говорит, что Афродите надлежит заниматься браками, ведь военные дела – удел других богов, а Дионисий считает главным делом Платона сократические диалоги, а πολιτικὸς λόγος предлагает оставить другим авторам. Обращает на себя внимание то, с каким искусством Дионисий встраивает чужой текст в собственную речь. Так, «сократические диалоги» стоят в родительном падеже (σωκρατικῶν διαλόγων), как будто продолжая поэтическую фразу, которая оканчивалась родительным падежом (γάμοιο), в то же время из строки (ταῦτα δ' Ἄρῃ θεῶ καὶ Ἀθήνῃ πάντα μελήσει) он цитирует только первое и последнее

³¹ ἄρα γε ὁμοίως ἡρμήνευται ὁ αὐτὸς νοῦς οὐτοσί τοῖς ποιηταῖς, οὓς περιφρονεῖ καὶ ἀπελαύνει τῆς πολιτείας ὁ φιλόσοφος, ἢ κάλλιον καὶ γενναιότερον (Dem. 26);

слова, заменяя Ареса и Афину на политиков и риторов (πολιτικοῖς καὶ ῥήτορσιν ἀνδράσι).

Дионисий Галикарнасский нередко обращается к текстам, которые, как можно предполагать, были частью общекультурного репертуара античности. О большой известности этих цитат может свидетельствовать даже то, что в этих случаях Дионисий, вопреки своему обыкновению, не указывает авторство текста.

Так, оценивая стиль Исократа, Демосфена и Платона, он всякий раз резюмирует свою критику словами из трагедии Еврипида «Мудрая Меланиппа» (E. fr. 488 Nauck). Эта цитата в разных вариациях встречается у Дионисия трижды, всякий раз без указания авторства:

οὗτος δὲ οὐκ ἐμὸς ὁ λόγος πρώτου μὰ Δία, ἐπεὶ πολλοὶ καὶ τῶν παλαιῶν ταύτην εἶχον ὑπὲρ αὐτοῦ τὴν δόξαν (Isoc. 13).

«Это “не мое слово”, не я первый, клянусь Зевсом, так как многие и из древних такое имели мнение о нем».

ὅτι μὲν οὖν περιττὴ τίς ἐστὶν ἢ τῆς λέξεως τῆς Δημοσθένους ἀρμονία καὶ μακρῶ δὴ τινι διαλλάττουσα τὰς τῶν ἄλλων ῥητόρων, οὐκ ἐμὸς ὁ μῦθος. ἅπαντες γὰρ εὖ οἶδ’ ὅτι ταύτην αὐτῶ τὴν ἀρετὴν ἂν μαρτυρήσειαν, ὅσοι μὴ παντάλασι πολιτικῶν εἰσιν ἄλειροι λόγων... (Dem. 35).

«Итак, то, что стиль Демосфена обладает некой исключительной гармонией, которая значительно отличается от того, что есть у других ораторов, “не моя речь”».

...καὶ “πολὺς ὁ τελέτης ἐστὶν ἐν τοῖς τοιοῦτοις παρ’ αὐτῶ”, ὡς καὶ Δημήτριος ὁ Φαληρεὺς εἴρηκε που καὶ ἄλλοι συχνοί· “οὐ γὰρ ἐμὸς ὁ μῦθος” (Pomp. 2).

«...и “в эти вещах в нем много есть от жреца”, как сказал и Деметрий Фалерский, и многие другие: “ведь не моя речь”».

Ж. Ожак совершенно справедливо считает, что Дионисий использует это выражение, имея в виду «Пир» Платона, в котором именно с этих слов Эриксимах начинает свою речь в честь Эрота (Pl. Symp. 177a) (Aujac, 2002: 119).

Вероятно, многие из использованных Платоном поэтических цитат, благодаря авторитету философа и известности его текстов, были хорошо знакомы всякому образованному человеку. Например, в «Первом письме к Аммею» Дионисий цитирует палинодию Стесихора (Stesich. fr. 26 Bergk):

“οὐκ ἔστ’ ἔτυμος λόγος οὗτος”, ὃ φίλε Ἀμμαῖε, οὐδ’³² ἐκ τῶν Ἀριστοτέλους τεχνῶν τῶν ὕστερον ἐξενεχθεισῶν οἱ Δημοσθένους λόγοι συνετάχθησαν ἀλλὰ καθ’ ἑτέρας τινὰς εἰσαγωγάς· ὑπὲρ ὧν ἐν ἰδίᾳ δηλώσω γραφῆ τὰ δοκοῦντά μοι· πολὺς γὰρ ὁ περὶ αὐτῶν λόγος, ὃν οὐ καλῶς εἶχεν ἑτέρας γραφῆς ποιῆσαι πάρεργον (Amm. I 3).

«“не истинно слово это”, дорогой Аммей, не из книг Аристотеля, изданных позже, были составлены речи Демосфена, но в соответствии с другими трактатами, о которых я выскажу свое мнение в особом сочинении, ведь о них предстоит долгий разговор, который нехорошо вести мимоходом в другой работе».

В «Федре» эту и следующие за ней две строки палинодии приводит Сократ, собираясь произнести вторую, на его взгляд, более верную речь об Эроте (Pl. Phdr. 243a). Нам представляется, что, вводя эту цитату, Дионисий имеет в виду не только Стесихора, но и Платона, у которого эти слова фигурируют именно в связи с опровержением неправильной точки зрения, высказанной ранее. Примечательно, что цитату οὐκ ἔστ’ ἔτυμος λόγος οὗτος приводит и Цицерон, также в контексте опровержения того, что было сказано прежде (Cic. Att. 9. 13).

Другой пример – пассаж, где Дионисий инкорпорирует в свое рассуждение о типах соединения слов цитату из Пиндара (Pi. fr. 213 Snell-Maelher):

ἐγὼ... καλῶ τὴν μὲν αὐστηράν, τὴν δὲ γλαφυράν ἢ ἀνθηράν, τὴν δὲ τρίτην εὐκράτον· ἦν ὅπως ποτὲ γίνεσθαι φαίην ἄν, ἔγωγε ἀπορῶ καὶ “δίχα μοι νόος

³² Заметим, что, как и в других случаях, Дионисий выстраивает свою речь, следуя за процитированным текстом: свое рассуждение он начинает с того же отрицания οὐδ’, которое мы видим в следующей строке Стесихора οὐδ’ ἔβας ἐν νηυσὶν εὐσέλμοις.

ἀτρέκειαν εἶπεῖν”, εἴτε κατὰ στέρησιν τῶν ἄκρων ἐκατέρας εἴτε κατὰ μῖξιν (Comp. 21).

«я... называю первый строгим, второй гладким или цветистым, а третий хорошо смешанным, а сказать, как он все-таки получается, я со своей стороны затрудняюсь и “двойка у меня разум сказать истину”, образуется он в результате ли устранения крайностей двух других типов, или их смешения».

Две следующие за этой строки из того же сочинения Пиндара (Pi. fr. 213 Snell-Maehler), цитирует Адимант в «Государстве» Платона, когда рассуждает о том, как рассказы поэтов и жрецов о добродетели и порочности показывают юношам, что быть добродетельным труднее, чем быть порочным, а значит, заставляют их задумываться, какой жизненный путь им выбрать, справедливый или несправедливый:

...πῆ πορευθεὶς τὸν βίον ὡς ἄριστα διέλθοι; λέγοι γὰρ ἂν ἐκ τῶν εἰκότων πρὸς αὐτὸν κατὰ Πίνδαρον ἐκεῖνο τὸ “*πότερον δίκῃ τεῖχος ὕψιον ἢ σκολιαῖς ἀπάταις ἀναβάς*” (Pl. RP 365b).

«...будучи направлен каким образом он лучше всего может провести жизнь? Ведь, пожалуй, он по обыкновению обратит к самому себе следующие слова Пиндара “*правдою ли взойдя на вышнюю крепость, или коварными обманами*”».

Все три строки Пиндара приводит Цицерон, когда спрашивает совета, как ему лучше вести себя с племянником Квинтом:

Nunc me iuva, mi Attice, consilio “*πότερον δίκῃ τεῖχος ὕψιον*”, id est utrum aperte hominem asperner at respuam, “*ἢ σκολιαῖς ἀπάταις*”. Ut enim Pindaro sic ‘*δίκῃ μοι νόος ἀτρέκειαν εἶπεῖν*’ (Cic. Att. 13. 38).

«А теперь помоги мне, мой Аттик, советом, “правдою ли взойдя на вышнюю крепость”, то есть, или я открыто этого человека отвергну и отстраню, “или коварными обманами”, ведь, как у Пиндара, “двойка у меня разум сказать истину”».

В целом мы отмечаем, что из орнаментальных цитат второе место после Гомера у Дионисия занимает Пиндар. Так, говоря о возрождении аттического

красноречия после долгого забвения, Дионисий формулирует общую мысль о том, что все действительно важное проверяется временем, это близкое к афоризму высказывание обогащается у Дионисия цитатой из Пиндара (Pi. fr. 159 Bergk):

ἀλλὰ γὰρ οὐ μόνον “ἀνδρῶν δικαίων χρόνος σωτήρ ἄριστος” κατὰ Πίνδαρον, ἀλλὰ καὶ τεχνῶν νῆ Δία καὶ ἐπιτηδευμάτων γε καὶ παντὸς ἄλλου σπουδαίου χρήματος (Or. Ant. 2).

«Однако ведь не только “людей справедливых время лучший страж”, как говорит Пиндар, но и, клянусь Зевсом, искусств, а также занятий, и любой другой серьезной вещи».

В «Письме к Помпею» фрагмент из немейской оды Пиндара (Pi. N. 7. 52-53) приводится, чтобы подтвердить важную для Дионисия мысль о том, что хороший текст отличают умеренность и уместность:

συνειδῶς γὰρ Ἡρόδοτος, ὅτι πᾶσα μῆκος ἔχουσα πολὺ διήγησις ἂν μὲν ἀναπαύσεις τινὰς λαμβάνη, τὰς ψυχὰς τῶν ἀκροωμένων ἠδέως διατίθῃσιν, ἐὰν δὲ ἐπὶ τῶν αὐτῶν μένῃ πραγμάτων, κἂν τὰ μάλιστα ἐπιτυγχάνηται, λυπεῖ τὴν ἀκοὴν τῷ κόρῳ, ποικίλην ἐβουλήθη ποιῆσαι τὴν γραφὴν Ὀμήρου ζηλωτῆς γενόμενος... Θουκυδίδης δὲ πόλεμον ἕνα κατατείνας ἀπνευστὶ διεξέρχεται μάχας ἐπὶ μάχαις καὶ παρασκευὰς ἐπὶ παρασκευαῖς καὶ λόγους ἐπὶ λόγοις συντιθεῖς· ὥστε μοχθεῖν μὲν τὴν διάνοιαν τῶν ἀκροωμένων “κόρον δ’ ἔχει” φησὶν ὁ Πίνδαρος³³ “καὶ μέλι καὶ τὰ τέρπν’ ἄνθε’ ἀφροδίσια” (Ромр. 3).

«Геродот ведь понимал, что всякое длинное повествование настраивает души слушателей приятным образом, если имеет какие-то передышки, а, если оно останавливается на одних и тех же событиях, пусть даже они будут особенно удачны, слух терзается от пресыщения. Он решил сделать свое сочинение пестрым, став подражателем Гомера... В свою очередь Фукидид, устремившись к одной войне, рассказывает подробно и без передышки, нагромождая битвы на битвы, сборы на сборы, речи на речи так, что изнуряет

³³ Интересно, что в Or. Ant. 2 и Romr. 3 Дионисий указывает автора текста, в то же время цитата из Пиндара в Romr. 21 приводилась без указания авторства.

слушателей, “пресыщение есть” говорит Пиндар “и для меда, и для приятных цветов Афродиты”».

Нам представляется, что, обращаясь к Пиндару, Дионисий, как и в других случаях имеет в виду более широкий контекст, чем непосредственно цитирует. Во-первых, нужно обратить внимание на то, что непосредственно цитируемые им слова в оде Пиндара предваряет следующая строка: «передышка во всяком деле сладка» (Pi. N. 7. 51-52 *ἀνάπαυσις ἐν παντὶ γλυκεῖα ἔργῳ*). Напомним, что, говоря о Геродоте, Дионисий использовал существительное *ἀνάπαυσις*, которое, надо заметить, практически не встречается в его риторическом корпусе³⁴. Отсылкой к этой же строке Пиндара, возможно, является и синонимичное прилагательному *γλυκός* наречие *ἠδέως*. Употребляя здесь слово *κόρος* Дионисий, вероятно, имеет в виду ту строку Пиндара, которая будет непосредственно процитирована далее.

Сам фрагмент Пиндара, как считается, отсылает к словам Менелая о том, что троянцы не могут насытиться убийством, которое всем ненавистно, в то время как люди насыщаются даже приятными вещами (Hom. II. 13. 636-637 *πάντων μὲν κόρος ἐστὶ καὶ ὕπνου καὶ φιλότητος// μολπῆς τε γλυκερῆς καὶ ἀμύμονος ὀρχηθμοῖο...*). Эта цитата из «Илиады» приводится и в схолиях к оде³⁵:

<ἀλλὰ γὰρ ἀνάπαυσις ἐν παντὶ γλυκεῖα ἔργῳ> βούλεται ἦδε λῆξαι τῆς περὶ Νεοπτόλεμον παρεκβάσεως. ἀναπαύσομαι ἤδη λέγων περὶ αὐτοῦ, ἐπεὶ κόρος ἔλεστι πᾶσι. κόρον γὰρ ἔχει καὶ τὸ μέλι, φησί, καὶ τὰ Ἀφροδίσια. παρὰ τὸ Ὀμηρικόν (N 636) · πάντων μὲν κόρος ἐστὶ» (N. 7. 76) (Sch. Pi. N. 7. 76).

«<но ведь передышка во всяком деле сладка> он хочет уже закончить отступление о Нептолеме, говоря, что я прекращу, так как пресыщение

³⁴ Кроме этого места, Дионисий использует это слово *ἀνάπαυσις* еще один раз в сочинении «О Демосфене». В этом контексте оно имеет буквальное значение, а именно, возобновление дыхания при произнесении периода (Dem. 43), в то же время, говоря о Геродоте и Фукидиде, Дионисий подразумевает отдых, который дает читателю смена темы в историческом повествовании.

³⁵ В схолиях к «Илиаде», напротив, цитируются слова Пиндара (Sch. Hom. II. 13. 636. 1-2 T <καὶ φιλότητος> Πίνδαρος “κόρον δ’ ἔχει/καὶ μέλι καὶ τὰ τέρπν’ ἄνθε’ Ἀφροδίσια”).

бывает у всего. Пресыщение ведь есть и для меда, говорит, и для дел Афродиты. Как говорит Гомер, “у всего есть пресыщение”».

Дионисий Галикарнасский, как мы отметили выше, часто цитирует Гомера, однако в данном случае он предпочел обратиться к Пиндару. На наш взгляд, это показывает, что Дионисий хорошо помнит общий контекст фразы Пиндара и выбирает именно ее как более соответствующую его собственному послы. У Гомера говорится о пресыщении, которое вызывают сон и любовь, песня и танец, тогда как в оде Пиндара, как и у самого Дионисия, пресыщение связано именно с речью, ведь, как замечают и схолиасты, этими словами поэт завершает мифологическое отступление и возвращается к прославлению победителя соревнований.

Заметим, что в орнаментальной функции у Дионисия фигурируют не только поэтические, но и прозаические цитаты, с этой целью он обращается главным образом к Платону и Демосфену.

Несмотря на то, что Дионисий в целом подходит к стилю Платона с большой долей критики, диалог «Федр» он оценивает очень высоко. Этот текст, имеющий большое значение для риторической традиции в целом, должен был представлять для Дионисия особый интерес, ведь в нем обсуждаются риторические приемы и вопросы стиля (Hunter, 2012: 151). Так, в сочинении «О Лисии», говоря о Горгии, Дионисий отмечает, что стиль этого оратора был близок к дифирамбу. Он приводит здесь слова Сократа, который предупреждает, что в таком божественном месте его речь об Эроте будет похожа на дифирамб (Pl. Phaedr. 238d):

δηλοῖ δὲ τοῦτο Γοργίας τε ὁ Λεοντῖνος, ἐν πολλοῖς πάνυ φορτικὴν τε καὶ ὑπέρογκον ποιῶν τὴν κατασκευὴν καὶ “οὐ πόρρω διθυράμβων τινῶν” ἔνια φθεγγόμενος... (Lys. 3).

«Это демонстрирует и леонтинец Горгий, во многих речах он делает стиль грубым, тяжеловесным, и звучит иногда “не далеко от дифирамбов...”».

Как и в других случаях, Дионисий искусно встраивает чужое слово в собственный текст: вместо наречия οὐκέτι и глагола φθέγγομαι, которые мы

видим у Платона (Pl. Phaedr. 238d οὐκέτι πόρρω διθυράμβων φθέγγομαι.), используются более подходящие для данного контекста частица οὐ и причастие φθεγγόμενος. Также мы хотели бы привлечь внимание к тому, что Дионисий использует образное выражение Платона как достаточно конкретную характеристику текста: «дифирамб» и «дифирамбический стиль» в лексиконе Дионисия всегда обозначают речь, перенасыщенную выразительными средствами, избыточную, многословную, при этом не вполне ясную, такой стиль, по его мнению, уместен только в поэзии, но не в прозе.

Нам представляется, что в комментарии к «Федру» неоплатоника Гермия дифирамб также понимается именно как стилистическая характеристика речи Сократа:

<Διθυράμβος> δὲ εἶπε φθέγγεσθαι ἐπειδὴ **σκολιῶς** καὶ **διὰ μακροῦ** καὶ δι' ὑπερβάτων τὰ περὶ τὸν ὀρισμὸν ἀπηγγέλται · καὶ οἱ διθύραμβοι δὲ σκολιῶς ἀπηγγέλλοντο καὶ συνθέτων καὶ πεπλεγμένων ὀνομάτων (Herm. in Phaedr. 55. 16-19).

«<дифирамбом> сказал, что он звучит, так как то, что говорится об определении [любви] выражено запутанно, пространно и с гипербатами, а дифирамбы также произносились запутанно и со сложными словами».

Примечательно, что философ V в. н. э. Гермий описывает язык и стиль, с помощью тех же лексем, что и Дионисий Галикарнасский, автор I в. до н. э. Так, прилагательное σκολιός и наречие σκολιῶς Дионисий обычно использует при описании запутанного, трудного для понимания стиля Фукидида (Thuc. 24, 27, 29, 32, 39, 40; Attm. II 2, 16). Выражение διὰ μακροῦ у него относится к такому построению текста, при котором выражение мысли надолго задерживается (Dem. 9, 27; Thuc. 52, 53).

Мы, разумеется, не можем утверждать, что формулировки, которыми пользуются Дионисий и Гермий, совершенно аналогичны по смыслу, однако пересечения между ними, на наш взгляд, демонстрируют определенную общность подхода античных авторов разного времени, специалистов в разных областях знания, к языку, стилю и тексту рассматриваемых авторов.

Критикуя дифирамбический стиль, Дионисий как правило имеет в виду Платона (Dem. 6, 7, 29; Din. 8; Romp. 2)³⁶, при этом он считает, что сам философ использует слово «дифирамб» именно потому, что признает недостатки своего стиля:

ἀλλ' ἐκεῖνο ἐνδείξασθαι βουλόμενον ὅτι τὰ τοιαῦτα ἀμαρτήματα ἐν ταῖς κατασκευαῖς εἴωθεν ἀμαρτάνειν καὶ χειρῶν μὲν αὐτὸς αὐτοῦ γίνεται, ὅταν τὸ μέγα διώκη καὶ περιττὸν ἐν τῇ φράσει... ἤισθετο γάρ, ὡς ἔοικεν, τῆς ἰδίας ἀπειροκαλίας καὶ ὄνομα ἔθετο αὐτῇ τὸ διθύραμβον, ὃ νῦν ἂν ἠδέσθην ἐγὼ λέγειν ἀληθὲς ὄν (Dem. 6; Romp. 2)³⁷.

«но я хотел показать то, что он обыкновенно совершает такие ошибки в обработке речи и делается хуже сам себя, когда стремится к значительным и необыкновенным выражениям... ведь он сознавал, как кажется, свое собственное безвкусие и дал ему название дифирамб, об этом теперь я стыжусь говорить, хотя это правда».

Как мы видим, Дионисий Галикарнасский предпочитает для текста древнего автора такую интерпретацию, которая бы соответствовала его собственной, Дионисия, позиции по этому вопросу и подтверждала ее.

В сочинении «Об Исократе» он вновь обращается к Платону, когда говорит о превосходстве Исократа над другим ораторами:

τῇ δὲ τάξει τῶν ἐνθυμημάτων καὶ τοῖς μερισμοῖς τῶν ἐπιχειρημάτων καὶ τῇ καθ' ἕκαστον εἶδος ἐξεργασία τοῖς τε ἄλλοις ἅπασι τοῖς ἐν τῷ πραγματικῷ τόπῳ θεωρήμασι παρὰ πολὺ προτερεῖν ἠγούμην Ἰσοκράτην Λυσίου, κατὰ δὲ τὴν λαμπρότητα τῶν ὑποθέσεων καὶ τὸ φιλόσοφον τῆς προαιρέσεως πλεῖον διαφέρειν ἢ παιδὸς ἄνδρα, ὡς ὁ Πλάτων εἴρηκεν, εἰ δὲ χρὴ τὰληθὲς εἰπεῖν, καὶ τῶν ἄλλων ἀπάντων ῥητόρων ὅσοι φιλοσόφως τοῦ μαθήματος τούτου προέστησαν (Isoc. 12).

³⁶ Ж. Ожак отмечает, что критика «дифирамбического стиля» Платона была представлена также у современника Дионисия Цецилия Калактийского в его сочинении о Лисии (Aujac, 2002: 178). Впоследствии эту позицию Цецилия комментирует Псевдо-Лонгин в трактате «О возвышенном» (Long. Subl. 32).

³⁷ См. также “ἄγετε δὴ, Μοῦσαι, εἴτε δι' ᾧδῆς εἶδος λίγειαι εἴτε διὰ γένος τὸ Λιγύων μουσικὸν ταύτην ἔσχετε τὴν ἐπωνυμίαν, ξύμ μοι λάβεσθε τοῦ μύθου.” ὅτι δὲ ψόφοι ταῦτ' εἰσὶ καὶ διθύραμβοι, κόμπων ὀνομάτων πολὺν, νοῦν δὲ ὀλίγον ἔχοντες, αὐτὸς ἐρεῖ (Dem. 7).

«расположением энтимем и делением эпихейрем, разработкой в соответствии с каждым видом [утверждения], а также всеми другими принципами, которые касаются содержания, весьма значительно, я считаю, Исократ превосходит Лисия, если же следует говорить честно, то благодаря блестящим темам и склонности к философии он превосходит, как сказал Платон, больше, чем мужчина ребенка, и всех других риториков, которые встали во главе науки философского [красноречия]».

Здесь Дионисий отсылает к словам Сократа, которые тот произносит в самом конце «Федра»:

δοκεῖ μοι ἀμείνων ἢ κατὰ τοὺς περὶ Λυσίαν εἶναι λόγους τὰ τῆς φύσεως, ἔτι τε ἤθει γεννικωτέρῳ κερᾶσθαι· ὥστε οὐδὲν ἂν γένοιτο θαυμαστὸν προϊούσης τῆς ἡλικίας εἰ περὶ αὐτοὺς τε τοὺς λόγους, οἷς νῦν ἐπιχειρεῖ, πλεον ἢ παίδων διενέγκοι τῶν πρόποτε ἀψαμένων λόγων, ἔτι τε εἰ αὐτῷ μὴ ἀποχρήσαι ταῦτα, ἐπὶ μείζω δέ τις αὐτὸν ἄγοι ὀρμὴ θειοτέρα: φύσει γάρ, ὃ φίλε, ἔνεστί τις φιλοσοφία (Pl. Phaedr. 279a).

«мне кажется, что он [Исократ] по своей природе лучше, чем то, что есть в речах Лисия, кроме того, по своему характеру он создан более благородно, так что не будет ничего удивительного, если с возрастом в тех самых речах, к которым он теперь приступает, он станет превосходить тех, кто когда-либо ими занимался, больше, чем детей, а еще, если он не удовлетворится этим, то некий еще более божественный порыв поведет его к большему, ведь по природе, дорогой [Федр], присуща [ему] некая любовь к мудрости».

Дионисий, как нам представляется, вводит в свой текст эту цитату не ради нее самой, но имея в виду весь контекст высказывания Платона, который, несомненно, был хорошо известен и ему самому, и его читателям. Здесь важно не столько само сравнение, сколько то, что Сократ отмечает склонность Исократа к философии, которая ставит его выше Лисия и других авторов, ведь именно об этом говорит и Дионисий в своем сочинении об ораторе (Isoc. 4, 12).

Он не только обращается к авторитету Платона как к аргументу в пользу своей позиции, но развивает и дополняет мысль философа в соответствии с

собственными представлениям. Платон только отметил склонность юного Исократу к философии, не конкретизируя, что именно имеется в виду, тогда как Дионисий и здесь, и ранее уточняет, что устремленность оратора к философии показывает прежде всего выбор значительных, прекрасных и полезных тем для речей – это и есть истинная практическая философия, к которой нужно стремиться (Isoc. 4)³⁸.

Считается, что здесь Платон хвалит, хотя и несколько иронически, произведения Исократу, разумеется, не те, которые тот писал в качестве логографа, но его публичные эпидейктические речи (речи 1-15) (Yunis, 2011: 245). Эти же сочинения³⁹ заслуживают похвалу Дионисия, который прославляет их как замечательные уроки добродетели (Isoc. 4 κράτιστα γὰρ δὴ παιδεύματα πρὸς ἀρετὴν ἐν τοῖς Ἰσοκράτους ἔστιν εὐρεῖν λόγοις).

Обратим внимание на то, как наш автор адаптирует слова Платона к собственному тексту: вместо διενέγκοι используется διαφέρει, так как у Дионисия речь идет не о возможном будущем, но о свершившемся факте; для большей ясности он добавляет в платоновское сравнение слово ἀνήρ, вместо описательного выражения «когда-либо причастные к речам» (τῶν πώποτε ἀψαμένων λόγων) использует более простое и конкретное – «все другие риторы» (τῶν ἄλλων ἀπάντων ῥητόρων).

В орнаментальной функции, как уже было сказано, также используются цитаты из Демосфена⁴⁰. Так, критикуя высокий стиль Платона, слишком украшенный и не всегда ясный, Дионисий замечает, что он, конечно же, не полностью отвергает такой тип речи:

Μηδεὶς δὲ με τὰ τοιαῦτα ὑπολάβῃ λέγειν ἀπάσης καταγινώσκοντα τῆς ἐξηλλαγμένης καὶ ἐγκατασκευοῦ λέξεως, ἧ κέχρηται Πλάτων. Μὴ γὰρ δὴ οὕτω

³⁸ Образ Исократу имеет большое значение для концепции «философской риторики» Дионисия (Or. Ant. 1 φιλόσοφος ῥητορικὴ). Подробно об этом см. (Hidber, 1996: 44-56, 100-102), (Viidebaum, 2021).

³⁹ Специальное внимание Дионисий уделяет содержанию следующих речей Исократу: «Панегирик» (4), «К Филиппу» (5), «О мире» (8), «Ареопагитик» (7), «Архидам» (6) (Isoc. 5-9).

⁴⁰ Этот материал рассматривался в статье (Волошина, 2022b).

σκαῖος μηδ' ἀναίσθητος ἐγὼ γενοίμην, ὥστε ταύτην τὴν δόξαν ὑπὲρ ἀνδρὸς τηλικούτου λαβεῖν... (Dem. 6)⁴¹.

«Пусть никто не заподозрит, что я это говорю, полностью отвергая необычный и украшенный стиль, которым пользуется Платон, ведь не настолько я глуп и непонятлив, чтобы высказывать такое мнение о столь великом муже...».

Издатель Дионисия С. Ашер видит здесь отсылку к одному из самых знаменитых сочинений Демосфена, речи «За Ктесифонта о венке»:

ἀλλὰ πρὸς θεῶν οὕτω σκαῖος εἶ καὶ ἀναίσθητος, Αἰσχίνη, ὥστ' οὐ δύνασαι λογίσασθαι ὅτι τῷ μὲν στεφανουμένῳ τὸν αὐτὸν ἔχει ζῆλον ὁ στέφανος... (D. XVIII. 120).

«Но, ради богов, ты так глуп и непонятлив, Эсхин, что не можешь уразуметь, что для увенчиваемого венков сам по себе приятен...».

Дионисий, как мы видим, добавляет к исходному высказыванию отрицание, тем самым меняя его смысл на противоположный, таким образом, как нам представляется, он обогащает свой текст скрытым сравнением разумного автора (себя) и невежественного риторика (Эсхина).

В трактате «О соединении слов» Дионисий Галикарнасский перечисляет эллинистических историков, стиль которых, по его мнению, весьма далек от совершенства:

τοιγάρτοι τοιαύτας συντάξεις κατέλιπον οἷας οὐδεὶς ὑπομένει μέχρι κορωνίδος διελθεῖν, Φύλαρχον λέγω καὶ Δοῦριν καὶ Πολύβιον καὶ Ψάωνα καὶ τὸν Καλλατιανὸν Δημήτριον Ἰερώνυμόν τε καὶ Ἀντίγονον καὶ Ἡρακλείδην καὶ Ἠγησιάνакта καὶ ἄλλους μυρίους· ὧν ἀπάντων τὰ ὀνόματα εἰ βουλοίμην λέγειν, ἐπιλείψει με ὁ τῆς **ἡμέρας χρόνος** (Comp. 4).

«Итак, среди тех, кто такие сочинения оставил, которые никто не смог прочесть до конца, назову Филарха, Дурида, Полибия, Псаона, Деметрия Калатийского, Иеронима, Антигона, Гераклида, Гегесианакса и многих

⁴¹ Эту же мысль Дионисий повторяет в «Письме к Помпею», подчеркивая, что приводит собственные рассуждения из другого сочинения (Comp. 2).

других, имена которых, если захочу перечислить, мне не хватит времени целого дня».

Здесь цитируется фрагмент из речи «За Ктесифонта», где Демосфен перечисляет имена тех людей, которых он считал предателями эллинской свободы:

οἱ, ὅτ' ἦν ἀσθενῆ τὰ Φιλίππου πράγματα καὶ κομιδῆ μικρά, πολλάκις προλεγόντων ἡμῶν καὶ παρακαλούντων καὶ διδασκόντων τὰ βέλτιστα, τῆς ἰδίας ἕνεκ' αἰσχροκερδίας τὰ κοινῆ συμφέροντα προΐεντο, τοὺς ὑπάρχοντας ἕκαστοι πολίτας ἐξαπατῶντες καὶ διαφθείροντες, ἕως δούλους ἐποίησαν, Θετταλοὺς Δάοχος, Κινέας, Θρασύδαος... *ἐπιλείψει με λέγονθ' ἡ ἡμέρα τὰ τῶν προδοτῶν ὀνόματα* (D. XVIII. 295-296).

«Когда дела Филиппа были плохи и совсем незначительны, они часто, хотя мы предупреждали, упрашивали и учили лучшему, ради собственной корысти не думали об общей пользе, но каждый подвластных граждан обманывал и предавал до тех пор, пока не сделал их рабами, фессалийцев – Даох, Киней, Фрасидай... Мне не хватит дня, если я стану перечислять имена предателей».

Дионисий не только цитирует несколько слов из сочинения Демосфена, но и выстраивает свою собственную речь в соответствии с текстом оратора: в обоих случаях долгое перечисление завершает гипербола, которая должна создать впечатление, что автор мог бы назвать и много других имен. Кроме этого, в приведенной цитате можно видеть и скрытое сравнение, разумеется, ироническое, историков, чей стиль, по мнению Дионисия, оставляет желать лучшего, и предателей эллинской свободы, о которых говорил Демосфен.

Также отметим фрагмент из речи «О делах в Херсонесе», где говорится, что афинянам необходимо снарядить войско, чтобы быть готовыми к возможному вторжению Филиппа, даже если им представляется, что это сопряжено с большими трудностями и расходами:

Εἰ δέ τῳ δοκεῖ ταῦτα καὶ δαπάνης μεγάλης καὶ πόνων πολλῶν καὶ πραγματείας εἶναι, καὶ μάλ' ὀρθῶς δοκεῖ: ἀλλ' ἐὰν λογίσῃται τὰ τῇ πόλει μετὰ ταῦτα

γενησόμενα, ἂν ταῦτα μὴ 'θέλη, εὐρήσει λυσιτελοῦν τὸ ἐκόντας ποιεῖν τὰ δέοντα (D. VIII. 48).

«Если кому-то кажется, что это требует и больших расходов, и многих усилий, и труда, то он совершенно прав, но если подумает, что после этого случится с городом, если не захочет сделать, то обнаружит, что полезно по собственной воле делать то, что необходимо».

Обращаясь к речи «О венке», Дионисий не упоминал Демосфена, однако он указывает автора, когда цитирует сочинение «О делах в Херсонесе». Мы можем предположить, что это связано с тем, что текст этого сочинения не был так хорошо известен, как текст речи «О венке».

К указанной цитате Дионисий обращается в сочинении «О Демосфене» и трактате «О соединении слов», всякий раз изменяя ее так, чтобы она наилучшим образом соответствовал его собственным рассуждениям:

Εἰ δέ τῳ δοκεῖ ταῦτα καὶ πόνου πολλοῦ καὶ πραγματείας μεγάλης ἔργα εἶναι, καὶ μάλα ὀρθῶς δοκεῖ κατὰ τὸν Δημοσθένη· οὐδὲν γὰρ τῶν μεγάλων καὶ καλῶν μικρῶν ἐστὶ πόνων ὄνιον. *Ἄλλ' ἐὰν ἐπιλογίσῃται* τοὺς ἀκολουθοῦντας αὐτοῖς καρπούς, μᾶλλον δ' ἐὰν ἓνα μόνον τὸν ἔπαινον ὃν ἀποδίδωσιν ὁ χρόνος καὶ ζῶσι καὶ μετὰ τὴν τελευτήν, πᾶσαν ἠγήσεται τὴν [τε] πραγματείαν ἐλάττω τῆς προσηκούσης (Dem. 52).

«Если кому-то кажется, что это требует большого усилия и труда, то он совершенно прав, согласно Демосфену, потому что ничего великого и прекрасного не приобретается малыми усилиями, но если он рассмотрит следующие за этими трудами плоды, даже если одну только похвалу, которую дает время и при жизни, и после смерти, то решит, что весь этот труд меньше того, что приобретается».

Овладение красноречием сравнивается с подготовкой к военным действиям, так как и то, и другое требует больших усилий, целесообразность которых может вызывать сомнения, но при этом и то, и другое необходимо и будет полезно в будущем. Главное различие между текстами Дионисия и Демосфена – отсутствие у Дионисия важного слова *δαπάνη* (расход), которое

пропущено, скорее всего, намеренно: если Демосфен, говоря о снаряжении войска, не может обойти вопрос о средствах, на которые его необходимо снарядить, то Дионисий подчеркивает только то, что изучение риторики трудно, не затрагивая вопрос о финансах.

В трактате «О соединении слов» эта цитата фигурирует в похожем контексте, но речь идет не о риторике в целом, но о трудности овладения конкретно средним стилем речи:

εἰ δέ τινι δοκεῖ καὶ πόνου πολλοῦ ταῦτα καὶ πραγματείας μεγάλης ἄξια εἶναι, καὶ μάλα ὀρθῶς δοκεῖ κατὰ τὸν Δημοσθένην· ἄλλ' ἐὰν λογίσηται τοὺς ἐξακολουθοῦντας αὐτοῖς κατορθομένοις ἐπαίνους καὶ τὸν καρπὸν τὸν ἀπ' αὐτῶν ὡς γλυκὺς, εὐπαθείας ἠγήσεται τοὺς πόνους (Comp. 24).

«Если кому-то кажется, что это заслуживает и большого усилия, и труда, то он совершенно прав, согласно Демосфену, но если он учтет следующие по завершении этих трудов похвалы и то, как сладок происходящий от них плод, то станет считать эти труды блаженством».

Интересно проследить за поворотом мысли Дионисия: в первом случае он подчеркивал только то, что усилие меньше, чем приобретаемое благодаря нему, а во втором, – также говорится даже о приятности этих трудов. Заметим здесь слово εὐπάθεια: оно не относится к числу редких, встречается у многих авторов в значении «комфорт, роскошь, удовольствие». Сам Дионисий употребляет его в «Римских древностях» в описаниях жертвоприношений (Ant. Rom. 10. 17. 2) и праздников, например, по случаю основания Рима (Ant. Rom. 1. 88. 3), побед римлян над альбанцами (Ant. Rom. 3. 22. 1) и сабинянами (Ant. Rom. 6. 31. 3), прекращения войны с вольсками (Ant. Rom. 8. 55. 2). В своих риторических сочинениях Дионисий использует это слово в однотипных контекстах, при этом, как нам представляется, употребляет его не совсем в том же значении: в «Римских древностях» речь идет, как правило, о времени всеобщего отдыха и развлечениях, например, пирах, которые приурочены к важными для всего государства событиям, тогда как в трактате «О соединении слов» говорится о нематериальном удовольствии человека,

который совершенствует свои риторические умения, о его личных индивидуальных чувствах. Смысл, который Дионисий вкладывает в это слово в данном контексте, на наш взгляд, ближе ко второму значению лексемы: εὐπάθεια во множественном числе, в лексиконе стоиков обозначают «очищенные эмоции», противоположные πάθη (LSJ).

Наиболее многочисленную группу цитат в риторическом корпусе Дионисия Галикарнасского составляют эксцерпты, имеющие **парадигматическую функцию**, именно они представляют наибольший интерес для нашей темы, так как показывают подход Дионисия как исследователя к древним для него авторам и текстам.

Под парадигматической функцией мы понимаем использование цитат в качестве примеров, которые призваны иллюстрировать и подтверждать сделанные Дионисием наблюдения о языке, стиле и тексте. Идея параδείγмы имеет ключевое значение для Дионисия Галикарнасского, ведь примеры из древних авторов являются для него и материалом для детального анализа, и средством аргументировать собственные идеи, и образцами для продукции новых текстов. Стремясь к доказательному и убедительному изложению, он всегда предлагает читателям оценить справедливость своих выводов, обратившись к отобраным им самим эксцерптам из рассматриваемых авторов:

εἰ δὲ ὀρθῶς ὑπέιληφα, ἐξέσται τῷ βουλομένῳ σκοπεῖν <ἐπ' αὐτῶν τῶν παραδειγμάτων ποιούμενῳ τὴν ἐξέτασιν> (Is. 5).

«верно ли я решил, желающему можно проверить, изучив сами примеры».

εἰ δὲ τὰ προσήκοντα ἔγνωκα, πάρεστι τῷ βουλομένῳ σκοπεῖν ἐπ' αὐτῶν ποιούμενῳ τῶν <παραδειγ>μάτων τὴν ἐξέτασιν (Dem. 9).

«понял ли я то, что следует, желающий может проверить, изучив сами примеры».

Следует заметить, что размер и тип приводимых Дионисием цитат может варьироваться в зависимости от того, какая конкретно характеристика текста должна быть продемонстрирована. Например, в сочинении «Об

Исократе» подчеркивает, что в стиле этого оратора главным и наиболее достойным подражания является разработка идеи ἀρετή, каждый, кто любит истинную философию и хочет приносить пользу людям, должен обращаться именно к Исократу (Isoc. 5). Имея в виду это качество стиля оратора, Дионисий дает развернутые парафразы его речей, пересказывает их содержание и аргументацию (Isoc. 5-9). В то же время, когда необходимо показать особенности соединения слов Исократа Дионисий приводит точную дословную цитату из его «Ареопагитика» (Comp. 23).

На то, как цитаты представлены в тексте, влияет тип сочинения и характер изложения. Так, свое «Второе письмо к Аммею» Дионисий Галикарнасский начинает с того, что здесь, по просьбе Аммея, он применит дидактическое построение вместо риторического, а именно, приведет пример-доказательство к каждому своему утверждению, как делают авторы руководств по красноречию⁴². Действительно, в этом письме Дионисий приводит множество небольших цитат, состоящих иногда из одного слова (Amm. II 3), чтобы проиллюстрировать недостатки стиля Фукидида.

В парадигматической функции, вполне ожидаемо, используются цитаты из ораторов, Лисия, Исократа, Исея и Демосфена, каждому из которых Дионисий посвящает отдельное исследование. Исключением является Динарх: Дионисий пишет сочинение о нем, но никогда не использует цитаты из речей этого ритора в качестве примеров, вероятно, по причине того, что не видит в его стиле действительно оригинальных и достойных подражания качеств (Din. 6-7). Неизвестно, были ли написаны работы о Гипериде и Эсхине, которые Дионисий анонсировал в предисловии к сочинениям о древних ораторах (Or. Ant. 4). Мы можем отметить только то, что Гиперида Дионисий вовсе не цитирует, а речь Эсхина «Против Ктесифонта» всего однажды

⁴² ...ἀκριβεστέραν δὲ τὴν δῆλωσιν τῶν ἰδιωμάτων τοῦ χαρακτῆρος ἔσεσθαι νομίζοντος, εἰ παρὰ μίαν ἐκάστην τῶν προθέσεων τὰς λέξεις τοῦ συγγραφέως παρατιθεῖν, ὃ οἱ τὰς τέχνας καὶ τὰς εἰσαγωγὰς τῶν λόγων πραγματευόμενοι ποιοῦσιν, προελόμενος εἰς μηδὲν ἐλλείπειν καὶ τοῦτο πελοῖηκα, τὸ διδασκαλικὸν σχῆμα λαβὼν ἀντὶ τοῦ ἀποδεικτικοῦ (Amm. II 1).

приводится как пример особого соединения колонов, которое делает речь приятной и патетической (Comp. 9). По одному разу у Дионисия цитируются Горгий и Фрасимах: эксцерпт из Горгия, используется, скорее всего, в качестве примера образной чрезмерно украшенной речи (Dem. 1), а цитата из Фрасимаха – как самый ранний образец среднего стиля речи (Dem. 3).

Дионисий Галикарнасский, сам будучи историком, уделяет специальное внимание историческим писателям. Первое место здесь несомненно занимает Фукидид, примеры из его «Истории» подробно анализируются не только в специально посвященных ему сочинениях («О Фукидиде», «Второе письмо к Аммею»), но и в других работах Дионисия («О Демосфене», «О соединении слов»). К анализу привлекаются также эксцерпты из Геродота, Дионисий очень высоко оценивает его стиль, ставит его гораздо выше Фукидида, цитаты из Геродота иллюстрируют в его сочинениях красивое и приятное соединение слов (Comp. 3, 4). При этом, надо заметить, что Дионисий обращается к Геродоту нечасто, ведь его «История» написана на ионийском диалекте, а значит, рассматривать ее как образец для текстов на аттическом диалекте весьма затруднительно. Из других историков Дионисий один раз цитирует пассаж Филиста в качестве примера типичных для этого автора однообразных и бедных выражений (Rompr. 5).

Дионисий особенно часто обращается к Платону, который интересуется его не как философ, но в большей степени как писатель, выработавший собственную манеру изложения, не лишенную недостатков, но во многом достойную подражания. На материале конкретных цитат Дионисий устанавливает и оценивает стилистические особенности диалогов «Федр» (Dem. 7) и «Менексен» (Comp. 9, 18; Dem. 24-30).

В целом мы можем заметить, что Дионисий стремится к объективной оценке стиля рассматриваемых авторов, поэтому как правило отмечает в их текстах и достоинства, и недостатки. Пожалуй, единственным исключением является Гегесий Магнесийский, к пассажам из его текстов Дионисий обращается только для того, чтобы показать стиль, не имеющий ни единого

достоинства (Сomp. 4, 18)⁴³. Вполне понятно, почему аттиксист Дионисий не одобряет слишком вычурное азианское красноречие Гегесия.

В отношении парадигматических цитат наибольшим разнообразием отличается трактат «О соединении слов», так как он посвящен не конкретному автору, но весьма обширной теме, которая рассматривается на материале как прозы, так и поэзии, ведь между этими типами речи, по мнению Дионисия, не существует непреодолимой границы. В трактате анализируется соединение слов, в том числе метр, фрагментов Гомера (Сomp. 3, 4, 5, 15, 16, 18, 20, 26), Архилоха (Сomp. 17), Сапфо (Сomp. 23, 25), Симонида (Сomp. 26), Пиндара (Сomp. 22), Вакхилида (Сomp. 25), Сотада (Сomp. 4), Эвфориона Херсонесита (Сomp. 4), Софокла (Сomp. 7), Еврипида (Сomp. 11, 17, 25, 26), Аристофана (Сomp. 25), также здесь рассматривается множество других поэтических цитат неустановленного авторства.

Заметим, что Дионисий явно знает больше сочинений, чем непосредственно цитирует. Так, он кратко комментирует различные аспекты языка и стиля следующих авторов: историков Филарха, Дурида, Полибия, Псаона, Деметрия Каллатийского, Иеронима Родосского, Антигона, Гераклида и Гегесианакса (Сomp. 4), Ксенофонта (Сomp. 10, Romp. 4) и Ктесия Книдского (Сomp. 10), Эфора (Сomp. 23) и Феопомпа (Сomp. 23, Romp. 6); философов Демокрита (Сomp. 24), Аристотеля (Сomp. 24), Хрисиппа (Сomp. 4), Эмпедокла (Сomp. 22); поэтов Алкея (Сomp. 19, 24), Анакреонта (Сomp. 23), Стесихора (Сomp. 19, 24), Филоксена, Тимофея и Телеста (Сomp. 19); эпических поэтов Гесиода (Сomp. 23) и Антимаха Колофонского (Сomp. 22); трагика Эсхила (Сomp. 22) и ритора Антифонта Рамнутского (Сomp. 10, 22).

Мы предлагаем сопоставить список цитируемых и упоминаемых в риторических сочинения Дионисия авторов с составленным им же самим каноном греческих авторов, который известен нам из эпитомы его трактата «О подражании» (Im. Г. 2-5):

⁴³ В том же ключе о стиле Гегесия отзывается Цицерон (Cic. Orat. 67, 226; 69, 230).

1. Поэзия

- А) эпос: Гомер, Гесиод, Антимах, Паниасид
- Б) лирика: Пиндар, Симонид, Стесихор, Алкей
- В) трагедия: Эсхил, Софокл, Еврипид
- Г) комедия: Менандр и другие комедиографы⁴⁴

2. Проза

- А) историческая: Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Филист, Феопомп
- Б) философская: *пифагорейцы*⁴⁵, Ксенофонт, Платон, Аристотель
- В) ораторская: Лисий, Исократ, Ликург, Демосфен, Эсхин, Гиперид.

Не все цитируемые Дионисием авторы вошли в приведенный список, с другой стороны, – не все названные в каноне писатели и поэты цитируются или хотя бы упоминаются в других его сочинениях. Неожиданно выглядит отсутствие в этом списке Сапфо, хотя в трактате «О соединении слов» большой фрагмент из ее сочинения (Р. Оху. 2288) приводился как образец гладкого соединения слов, о котором Дионисий отзывается весьма одобрительно (Сотр. 23). В список также не вошли Исей, Архилох и Вакхилид, сочинения которых цитировались Дионисием, зато в каноне представлены Паниасид и Менандр, которые вовсе не фигурируют в его риторических сочинениях. Другие из названных здесь авторов, а именно, Гесиод, Антимах, Стесихор, Алкей, Эсхил, Ксенофонт, Феопомп, Гиперид и Ликург, упоминались Дионисием, но не цитировались.

Как мы видим, Дионисий Галикарнасский отдает предпочтение классическим авторам, он не обращается к эллинистическим поэтам и писателям, за исключением Менандра, которого упоминает всего один раз. На

⁴⁴ Дионисий советует подражать и другим комедиографам, однако не называет никого из них по имени. Из всех он выделяет Менандра, так как он единственный, кто достоин подражания и в отношении содержания: Τῶν δὲ κωμῳδῶν μιμητέον τὰς λεκτικὰς ἀρετὰς ἀπάσας· εἰσὶ γὰρ καὶ τοῖς ὀνόμασι καθαροὶ καὶ σαφεῖς, καὶ βραχεῖς καὶ μεγαλοπρεπεῖς καὶ δεινοὶ καὶ ἠθικοί. Μενάνδρου δὲ καὶ τὸ πραγματικὸν θεωρητέον (Im. Г. 2).

⁴⁵ Ж. Ожак считает, на наш взгляд, справедливо, что похвала пифагорейцам принадлежит не Дионисию, а неизвестному автору эпитомы (Аујас, 2002: 37). С другой стороны, следует отметить, что исследовательница трактата «О подражании» А. М. Шипперс относит упоминание пифагорейцев на счет Дионисия (Schippers, 2019: 107).

выбор авторов для цитирования, по-видимому, влияют личные предпочтения Дионисия. Так, из всех эпических поэтов, которые приводятся в списке как достойные подражания, он цитирует только Гомера, из трагиков он особенно отличает Еврипида, реже обращается к Софоклу, при этом ни разу не цитирует Эсхила.

Интересная ситуация складывается с Аристотелем. Дионисий неоднократно ссылается на него как на ученого и теоретика риторики, но никогда не цитирует его тексты как примеры художественной прозы. Заметим, что анализ сочинений философа с такой точки зрения был известен в античности. Так, в трактате Псевдо-Деметрия «О стиле» пассажи из Аристотеля фигурируют именно как примеры на разные особенности языка и стиля, наравне с цитатами из историков и ораторов (Demetr. Eloc. 28, 144, 157 etc.). Также следует обратить внимание на следующее: в трактате «О соединении слов» отмечается, что Аристотель пользовался средним соединением слов, самым лучшим, по мнению Дионисия, типом соединения (Comp. 24), в трактате «О подражании» предлагается подражать стилю философа в отношении силы, ясности, приятности и учености⁴⁶. Мы можем предположить, что, будучи приверженцем практического красноречия, Дионисий, хотя высоко оценивает сочинения философа и их стиль, не видит возможности использовать тексты Аристотеля в непосредственной практике ритора или исторического писателя.

Если эпитома достаточно точно и полно передает оригинальный текст трактата «О подражании», то, можно предположить, что представленный здесь список достойных подражания авторов не является строго фиксированным каноном, которого Дионисий намерен буквально придерживаться. Это хорошо показывает трактат «О соединении слов»: Дионисий, как мы видим, особо выделяет шесть ораторов, посвящает или

⁴⁶ Παραληπτέον δὲ καὶ Ἀριστοτέλην εἰς μίμησιν τῆς τε περὶ τὴν ἑρμηνείαν δεινότητος καὶ τῆς σαφηνείας, καὶ τοῦ ἠδέος καὶ πολυμαθοῦς· τοῦτο γὰρ ἔστι μάλιστα παρὰ τοῦ ἀνδρὸς τούτου λαβεῖν (Im. Γ. 4).

собирается посвятить каждому из них отдельное сочинение, но, когда ему нужны примеры ораторской прозы, он обращается совсем не к Лисию, Ликургу или Гипериду, но в первую очередь к Демосфену, значительно реже к Исократу, иногда к Эсхину. Выбор авторов, по-видимому, мотивирован и тем, как Дионисий их оценивает, и тем, какие тексты были ему лучше известны. Так, Дионисий выше всех других авторов ставит Демосфена, изучает корпус оратора, его язык и стиль, так что совсем не удивительно, что в своих сочинениях он часто обращается к любимому автору, речи которого специально исследовал.

Итак, как мы установили, Дионисий Галикарнасский хорошо знает и профессионально владеет большим числом древних текстов, при этом непосредственно для цитирования и анализа выбирает лишь некоторые из них. Какие именно сочинения или их части привлекают наибольшее внимание античного филолога? Выбирает ли он конкретные фрагменты из них произвольно, или руководствуется некими критериями?

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – Дионисий, как нам представляется, избегает обращаться к тем произведениям, подлинность которых вызывает у него сомнения. Внимание Дионисия к подлинности текста особенно хорошо прослеживается в его работе с корпусом Демосфена. Так, он говорит, что не может рассматривать панегирики оратора, поскольку эти тексты вовсе не принадлежат Демосфену и не соответствуют его стилю (Dem. 44). Этот подход Дионисий применяет и к другим авторам. Например, он подчеркивает, что, хотя многие считают автором речи «О статуе Ификрата» Лисия, это сочинение не следует рассматривать как образец стиля этого оратора, ведь на самом деле оно не принадлежит ему (Lys. 12). Сочинение «Об Исее» Дионисий начинает с утверждения, что стили Исея и Лисия достаточно похожи, поэтому человек неопытный будет обманут неверными подписями к их речам и не сможет их различить, поэтому, прежде чем обратиться к самому Исею, нужно понять, чем он отличается от Лисия (Is. 2). Основную часть работы «О Динархе» занимают составленные Дионисием списки подлинных

речей Динарха и тех, что приписываются ему ошибочно (Din. 10-13). Дионисий замечает, что Динарха ценят за сильную речь, кроме того, некоторые его сочинения определенно достойны внимания, а, значит, каждому, кто серьезно занимается риторикой, необходимо отделять его подлинные сочинения от подложных (Din. 1).

Выбирая тексты для сравнительного анализа стилей Платона и Демосфена, Дионисий хочет найти у философа пример судебного, совещательного или эпидейктического красноречия. Он замечает, что в корпусе Платона совещательное красноречие вовсе не представлено, если только не относить к нему письма⁴⁷. При этом надо заметить, что подход Дионисия к установлению жанра сочинений философа достаточно гибкий: «Апологию Сократа» он относит, хотя и с оговорками, к судебному красноречию, а речи об Эроте из «Пира» – к эпидейктическому (Dem. 23). На наш взгляд, учитывая все вышеизложенное, а также то, что Дионисий больше нигде не упоминает и не цитирует письма философа, его высказывание можно, хотя и с большой осторожностью, интерпретировать как сомнение в подлинности писем Платона.

Интерес Дионисия Галикарнасского к такой традиционной для античной филологии проблеме как установление подлинности текста связан с важной для него концепцией «эклектического мимесиса»⁴⁸. В соответствии с ней автор должен воспроизводить лучшие качества стиля древних писателей, поэтому очень важно, чтобы примеры, которые избираются для подражания, были подлинными. С другой стороны, наблюдается и обратная зависимость: Дионисий уверен, что для верной атрибуции текста необходима начитанность в подлинных сочинениях разных авторов и знание основных особенностей их стилей.

Выбирая сочинения для анализа, он также учитывает жанр и риторическую структуру текста, его тему, образность и стиль. Так, в

⁴⁷ *δημηγορία δὲ οὐδεμία, πλὴν εἴ τις ἄρα τὰς ἐπιστολάς βούλεται δημηγορίας καλεῖν* (Dem. 23).

⁴⁸ Термин «eklektische Mimesis» мы заимствуем из работы Т. Хидбера (Hidber, 1996: 56-75).

сочинении «О Лисии» цитируются речь «Против Диогитона» (Lys. 23-28), «Олимпийская речь» (Lys. 30) и «Речь о том, что не должно уничтожать унаследованный от отцов государственный строй в Афинах» (Lys. 32). Эти сочинения Дионисий приводит с целью показать особенности стиля оратора в трех видах красноречия, судебном, эпидейктическом и совещательном⁴⁹. При этом он подчеркивает, что Лисий преуспел именно в судебной риторике, поэтому наиболее подробно рассматривается судебная речь «Против Диогитона»: Дионисий последовательно цитирует и комментирует ее вступление (προοίμιον), изложение (διήγησις) и доказательства (πίστεις).

В сочинении «Об Исократе» Дионисий также выбирает для цитирования и парафразирования тексты, иллюстрирующие все три вида красноречия, при этом основное внимание уделяется совещательным речам, которые, несомненно, являются лучшими сочинениями Исократа. Как пример эпидейктического красноречия приводится «Панегирик» (Isoc. 5, 14), судебного – «Трапедзитик» (Isoc. 18), совещательного – «О мире» (Isoc. 7, 15), «Ареопагитик» (Isoc. 8), «Архидам» (Isoc. 9), «Филипп» (Isoc. 6).

Нельзя не отметить то, что одним из основных способов анализа и оценки языка, стиля и текста для Дионисия Галикарнасского является сравнение. Как золото, красивое само по себе, меркнет рядом с золотом более высокой пробы, так, по мнению Дионисия, и любой другой предмет, в частности, текст и стиль может быть лучше или хуже другого (Rompr. 1). Сравнительный принцип влияет и на выбор цитат: как можно предположить, Дионисий старается подобрать тексты для сравнения так, чтобы они имели хотя бы минимальное основание для сопоставления.

К примеру, в работе «Об Исее» для иллюстрации различий между Лисием и Исеем последовательно приведены большие фрагменты из шести сочинений: речи Исея «В защиту Евмафа» (Is. 5), «Против Диофана» (Is. 8),

⁴⁹ Здесь Дионисий, как считается, опирается на Аристотеля: τριχῆ δὲ νενεμημένου τοῦ ῥητορικοῦ λόγου καὶ τρία περιειληφότος διάφορα τοῖς τέλεσι γένη, τό τε δικανικόν καὶ τὸ συμβουλευτικόν καὶ τὸ καλούμενον ἐπιδεικτικόν ἢ πανηγυρικόν... (Lys. 16). Ср. с Arist. Rh. 1. 3. 3.

«Против членов дема» (Is. 10) и речи Лисия «В защиту Ференика» (Is. 6), «Против сыновей Гиппократы» (Is. 8), «Против Архебиады» (Is. 10). Чем объясняется такой выбор текстов? Исей, как утверждает Дионисий, занимался только судебным красноречием (Is. 2), поэтому, вполне понятно, почему для сопоставления двух ораторов Дионисий привлекает только судебные речи Лисия. Главный принцип, которым он руководствует при выборе конкретных текстов, – сходство описываемых ситуаций, изображаемых характеров и т. д. В речи Исея «В защиту Евмафа» говорится о некогда получившем свободу метеке, которого наследник освободителя угрожает вторично обратить в рабство, в речи Лисия «В защиту Ференика» также обсуждается вопрос о свободе афинского метека; речи «Против Диофана» и «Против сыновей Гиппократы» объединяет то, что в обоих случаях обвиняется опекун; речи «Против членов дема» и «Против Архебиады» сходны тем, что написаны для неопытных юношей. Выбирая для сопоставления только вступления этих сочинений (προοίμιον), Дионисий старается показать, насколько более умело, чем Исей, Лисий создает иллюзию безыскусного построения и формирует образ простого человека, вынужденного прийти в суд (Is. 11) – тем самым подтверждается знаменитое искусство этопей Лисия.

В других случаях основания для сопоставления цитат установить не так легко. Например, в сочинении «О Демосфене» сравниваются фрагменты из «Федры» Платона и девятого пеана Пиндара (Dem. 7)⁵⁰. Сопоставление поэтического и прозаического текстов мотивировано, во-первых, тем, что Дионисий характеризует стиль Платона как поэтический. Он утверждает, что Платону лучше всего удаются сократические диалоги, когда же философ обращается к высокому стилю, его речь, наполненная многочисленными тропами и поэтическими фигурами, слишком напоминает дифирамб (Dem. 6).

В связи с критикой поэтических элементов в стиле Платона Дионисий приводит цитату из «Федры», конкретно же, из второй речи Сократа об Эроте,

⁵⁰ Подробный анализ этого сопоставления см. (Волошина, 2022а).

где описывается процессия божественных и человеческих душ, которая под предводительством Зевса движется по небу (Pl. Phaedr. 247a). В этом фрагменте Дионисий отмечает некую аллегория, однако не раскрывает ее содержание. Мы предполагаем, что здесь имелось в виду иносказание Зевс/солнце, которое отмечают в этом платоновском тексте и авторы схолий к «Одиссее» (Sch. Hom. Od. 12. 62. 3-10 HQV).

Приведенную цитату из Платона Дионисий сравнивает с началом девятого пеана Пиндара (Pi. fr. 107 Bergk): это сочинение обращено к фиванцам и написано на праздник Исмения, в нем упоминается солнечное затмение 463 или 478 г., его мифологическая часть, по-видимому, была посвящена Аполлону Истмийскому и его сыну Тенеру. Пеан, как считается, имел апотропеическую функцию и, в соответствии с жанровым канонем, мог содержать обращение к Аполлону о защите (Rutherford, 2001: 192-193). В этом тексте соединяются несколько образов: солнце как источник света и зрения; солнце как Гелиос, правящий колесницей; Аполлон как Гелиос.

Сам пеан был хорошо известен в античности: его начало имитируется в «Антигоне» (S. Ant. 100-107), он, предположительно, упоминается у Плутарха (Plu. de Fac. in orbe lun. 931E) и у Плиния Старшего (Plin. HN 2. 12), первые десять строк пеана известны из армянского перевода трактата Филона Александрийского (Phil. Alex. Prov. 2. 80), его начало фигурирует также в одном из «Писем» Филострата (Phil. Ep. 1. 53).

На наш взгляд, уместно предположить, что, выбирая для сопоставления фрагменты поэзии и прозы, Дионисий, как и в других случаях, обращает внимание на сходство двух текстов по теме и образности: у Платона Зевс/солнце поднимается по небесному своду на крылатой колеснице, у Пиндара солнце/Аполлон выбирает другой путь движения по небу и скрывается от глаз людей.

В сочинении «О Демосфене» встречается еще одно интересное сравнение текстов Платона и Пиндара. В качестве доказательства того, что Платон больше заботится о красоте фразы, чем о ее содержании, и любит

использовать горгианские фигуры, Дионисий приводит фрагмент из «Менексена» (Pl. Mx. 236e):

ἔργων γὰρ εὖ πραχθέντων λόγῳ καλῶς ῥηθέντι μνήμη καὶ κόσμος τοῖς πράξασι γίνεται παρὰ τῶν ἀκουσάντων (Dem. 26).

«Дело в том, что, когда хорошо сделаны дела, благодаря хорошо сказанному слову сделавшие получают память и почет от услышавших».

Это предложение предлагается сравнить с отрывком из энкомия Пиндара к Александру Македонскому (Pi. fr. 121 Snell-Maehler):

πρέπει δ' ἔσλοϊσιν ὑμνεῖσθαι

<...> καλλίσταις ἀοιδαῖς.

τοῦτο γὰρ ἀθανάτοις τιμαῖσι ποτιψαύει μόνον [ῥηθέν],

θνάσκει δὲ σιγαθὲν καλὸν ἔργον (Dem. 26).

«Необходимо, чтобы славные были воспеты

<...> прекраснейшими песнями,

ведь только то имеет отношение к бессмертным почестям, [что сказано],

а невысказанное прекрасное деяние умирает».

Сам Дионисий называет основанием для сопоставления то, что Платон действует здесь как поэт, уделяя большее внимание отделке фразы, чем ее содержанию⁵¹. К этому мы можем добавить то, что на выбор именно этих текстов, очевидно, повлияло их тематическое сходство – в обоих случаях говорится о том, что следует воспевать совершивших прекрасные дела.

Также мы обращаем внимание на то, что, несмотря на общее впечатление разнообразия, круг сочинений и текстов, которые цитирует и подробно анализирует Дионисий, достаточно ограничен. Так, в своем сочинении «Об Исократе» Дионисий приводит парафразы из нескольких речей оратора, в которых разрабатывается идея ἀρετή: «Панегирик» учит патриотизму и гражданской доблести (Isoc. 5), «Филипп» полезен для

⁵¹ Πίνδαρος τοῦτο πεποίηκεν εἰς Ἀλέξανδρον τὸν Μακεδόνα, περὶ τὰ μέλη καὶ τοὺς ῥυθμοὺς μᾶλλον ἢ περὶ τὴν λέξιν ἐσπουδακώς. Πλάτων δέ, ὃς ἐπαγγέλλεται σοφίαν, τρυφεροῖς καλλωπίζει καὶ περιέργοις σχήμασι τὴν φράσιν (Dem. 26).

правителей, стремящихся к славе и военным победам (Isoc. 6), речь «О мире» показывает важность справедливости и благочестия (Isoc. 7), «Ареопагитик» призывает к умеренности (Isoc. 8), «Архидам» убеждает быть мужественными перед лицом опасности (Isoc. 9). Эти же речи цитируются и в других сочинениях Дионисия: фрагменты из «Ареопагитика» приведены в трактате «О соединении слов» (Comp. 23), пассажи из речей «О мире» и «Панегирик» – в сочинении «О Демосфене» (Dem. 40).

Из обширного сочинения Геродота, которое было, несомненно, хорошо известно Дионисию, трижды цитируется начало первой книги и только один раз начало седьмой книги⁵². Другой пример – Фукидид: Дионисий специально занимался языком и стилем Фукидида и, действительно, хорошо знал текст «Истории», ведь в своих риторических сочинениях он приводит эксцерпты из всех 8 книг этого труда⁵³. При этом не ко всем книгам Дионисий обращается одинаково часто, главное внимание он уделяет первым трем книгам, а именно, следующим частям текста: вступление к «Истории»⁵⁴, знаменитая надгробная речь Перикла⁵⁵ и описание гражданской войны на Керкире⁵⁶.

Кроме того, важно отметить, что в своих сочинениях Дионисий, как правило, обращается не к редким текстам, но, напротив, к тем, которые, по-видимому, были хорошо известны античному читателю. Иногда он и сам замечает это:

λήψομαι δ' ἐκ τῆς Ἡροδότου λέξεως τὴν ἀρχὴν τῆς ἱστορίας, ἐπειδὴ καὶ γνώριμός ἐστι τοῖς πολλοῖς... (Comp. 4)

«из Геродота же я возьму начало истории, поскольку оно всем известно...».

⁵² См. Comp. 3 (Hdt. 1. 8-10); Comp. 4 (Hdt. 1. 6); Comp. (Hdt. 1. 24.); Pomp. 3 (Hdt. 1. 1); Dem. 41 (Hdt. 7. 8).

⁵³ В сочинении «О Фукидиде» цитируются 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 книги, во «Втором письме к Аммею» – 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8 книги «Истории».

⁵⁴ См. Comp. 22 (Th. i. 1. 1-2), Thuc. 20 (Th. i. 1. 1), Thuc. 25 (Th. i. 1. 2, 2. 1), Amm. II (Th. i. 2. 1).

⁵⁵ См. Comp. 18 (Th. ii. 35. 1), Amm. II 4 (Th. ii. 37. 1), Amm. II 9 (Th. ii. 35. 2), Amm. II 12 (Th. ii. 39. 4), Amm. II 16 (Th. ii. 42. 4).

⁵⁶ См. Thuc. 28 (Th. iii. 81. 2-82. 1), Thuc. 29 (Th. iii. 82. 3-4), Thuc. 30 (Th. iii. 82. 4-5), Thuc. 31 (Th. iii. 82. 5-7), Thuc. 33 (Th. iii. 82. 8-83. 4), Amm. II 17 (Th. iii. 82-4).

χρήσομαι δὲ παραδείγμασιν οὐκ ἐξ ἐπιτηδεύσεως, ἀλλ' οἷς ἐνέτυχον, ἐξ ἐνὸς τῶν Φιλιππικῶν λαβῶν... (Dem. 43)

«я воспользуюсь не специально подобранными примерами, но теми, которые случайно встретились, возьму [их] из одной речи против Филиппа...».

Такой выбор вполне соответствует дидактической задаче Дионисия: он хочет показать и, насколько это возможно, научить хорошему стилю, соответственно, не может обойти вниманием уже известные и признанные образцы такого стиля.

Также мы предполагаем, что некоторые из парадигматических цитат, которые приводит Дионисий, уже обсуждались в предшествующей традиции и использовались для иллюстрации различных качеств стиля. Так, например, он цитирует первые восемь строк из каталога кораблей Гомера (Hom. II. 2. 494-501) и дает к ним следующий комментарий:

εἰ γὰρ τις ἔροίτο ὄντιν' οὖν ἢ ποιητῶν ἢ ῥητόρων, τίνα σεμνότητα ἢ καλλιλογίαν ταῦτ' ἔχει τὰ ὀνόματα ἃ ταῖς Βοιωτίαις κεῖται πόλεσιν Ὑρία καὶ Μυκαλησσὸς καὶ Γραῖα καὶ Ἐτεωνὸς καὶ Σκῶλος καὶ Θίσβη καὶ Ὀγχηστὸς καὶ Εὐτρησις καὶ τᾶλλα ἐξῆς ὧν ὁ ποιητὴς μέμνηται, οὐδεὶς ἂν εἰπεῖν οὐδ' ἦντιν' οὖν ἔχοι. ἀλλ' οὕτως αὐτὰ καλῶς ἐκεῖνος συνύφαγκεν καὶ παραπληρώμασιν εὐφώνοις διείληφεν ὥστε μεγαλοπρεπέστατα φαίνεσθαι πάντων ὀνόματα... (Comp. 16)

«Так вот ведь если спросить какого-то из поэтов или риториков, какой важностью или красотой обладают названия, которые имеют беотийские города, Гирия, Микалесс, Грея, Этеон, Скол, Фисба, Онхест, Эвтрес⁵⁷ и другие, которые поэт упоминает подряд, никто не скажет, что эти качества у них есть. Однако он [Гомер] так красиво сплел их вместе и разделил благозвучными вставками, что эти названия кажутся самыми величественными из всех...».

⁵⁷ В числе беотийских городов Дионисий упоминает здесь Фисбу, Онхест и Эвтрес. Примечательно, что эти названия не встречаются в том пассаже, которые он непосредственно цитирует (Hom. II. 2. 494-501), они появляются только в следующих строках (Hom. II. 2. 502, 506). Это еще раз показывает, что Дионисий хорошо знает гомеровский текст и, цитируя его, задействует более широкий контекст, чем непосредственно приводит.

К одной из строк этого же пассажа (Ном. II. 2. 497) обращается Псевдо-Деметрий в сочинении «О стиле»⁵⁸:

Πολλάκις μέντοι τεθέντες πως ἐφεξῆς σύνδεσμοι καὶ τὰ μικρὰ μεγάλα ποιοῦσιν, ὡς παρ' Ὁμήρῳ τῶν Βοιωτικῶν πόλεων τὰ ὀνόματα εὐτελεῖ ὄντα καὶ μικρὰ ὄγκον τινὰ ἔχει καὶ μέγεθος διὰ τοὺς συνδέσμους ἐφεξῆς τοσοῦτους τεθέντας, οἷον ἐν τῷ “Σχοῖνόν τε Σκῶλόν τε, πολύκνημόν τ' Ἐτεωνόν” (Demetr. Eloc. 173-175).

«Часто, конечно, поставленные друг за другом союзы даже малое делают великим, как у Гомера названия беотийский городов, простые и незначительные, обладают некой важностью и значительностью благодаря стоящим подряд союзам, например, в [строке] “Схен и Скол, и горами покрытый Этеон”».

Начало гомеровского каталога было и остается предметом изучения античных и современных комментаторов, главный вопрос, который здесь возникает, почему поэт начинает свой список именно с Беотии, хотя беотийцы играют крайне незначительную роль в «Илиаде»⁵⁹. Как мы видим, Дионисий и Деметрий не обращаются к этой проблеме, однако они замечают, что перечисленные Гомером названия беотийских городов сами по себе не являются важными или значительными, при этом оба автора указывают на то, что гомеровский пассаж производит величественное впечатление.

Псевдо-Деметрий считает, что это происходит благодаря скоплению соединительных слов (σύνδεσμοι), в то время как Дионисий не стремится назвать конкретный прием⁶⁰, но делает акцент на благозвучии и красоте, которую придает речи правильное соединение слов, и на мастерстве самого Гомера. Подход Дионисия, вероятно, объясняется тем, что он мыслит свой трактат не как ординарное практическое руководство, в котором необходимо

⁵⁸ Мы придерживаемся высказанной в большинстве последних исследований точки зрения, согласно которой трактат «О стиле» относится к I–III в. до н. э. Из этого следует, что Псевдо-Деметрий работает раньше Дионисия или одновременно с ним.

⁵⁹ Подробнее об античных и современных комментариях к этому месту см. (Schironi, 2018: 316-318).

⁶⁰ Дионисий знает и использует лексему σύνδεσμος, именно как название части речи (Dem. 48, Comp. 2). В данном же контексте он выбирает более общее слово παραλήρωμα, которое в его сочинениях является синонимом для προσθήκη и обозначает дополнительные слова, которые не являются необходимыми по смыслу (Jonge, 2008: 207).

перечислить конкретные приемы, тропы и фигуры, но видит в нем изложение своих взглядов на ораторское искусство и стили красноречия для образованных читателей, чьи интересы выходят за рамки «школьной» риторики.

1.2. Дионисий Галикарнасский о Демосфене

Специальное внимание в диссертации предлагается уделить парадигматическим цитатам из Демосфена, которые приводятся в риторических сочинениях Дионисия Галикарнасского. Выбор данной темы объясняется не только частым обращением Дионисия к эксцерптам из речей именно этого автора, но и тем особым положением, которое Демосфен занимает в его концепции красноречия как лучший и наиболее достойный подражания оратор. Нашей целью является изучить подход Дионисия Галикарнасского к текстам знаменитого аттического ритора и критерии его выбора конкретных пассажей для цитирования, а кроме того, определить способы его анализа языка и стиля Демосфена. В рамках исследования данной темы мы также рассматриваем состав корпуса оратора ко времени Дионисия и некоторые аспекты рецепции его речей в античности.

Традиционно Демосфен считается главным и лучшим греческим оратором, однако это мнение не было общепринятым ни при его жизни, ни в эллинистическую эпоху. Демосфен начинает входить в моду только в конце II – начале I в. до н. э., однако и в это время его превосходство над другими авторами еще не было столь неоспоримым, как это будет позднее (Bishop, 2019: 176-177, 183). В начале I в. до н. э. он рассматривался как один из нескольких выдающихся риторов, наряду с Лисием, Исократом, Ликургом, Гиперидом и Эхином (Bishop, 2019: 190). Модель, в которой Демосфен занимает центральное положение и оценивается как самый замечательный аттический оратор, в дошедших до нас текстах впервые ясно формулируется у Цицерона. При этом статус лучшего ритора окончательно закрепляется за ним, по-видимому, только в начале августовской эпохи (Bishop, 2019: 176).

Дионисий прибывает в Рим именно в это время⁶¹ и, очевидно, обращается к Демосфену в тот период, когда интерес к нему, был особенно велик. Цецилий Калактийский, современник и друг Дионисия, посвящает оратору ряд сочинений, насколько можно судить, его интересует проблема подлинности сочинений, входящих в корпус оратора, а также их стиль и риторическое построение. Ко второй половине I в. до н. э. относится и единственный известный нам александрийский комментарий к Демосфену, автором которого был Дидим Халкентер. Труд Дидима содержал исторический комментарий, в нем также обсуждались вопросы литературной критики, этимологии и паремииографии, проблемы подлинности сочинений оратора. К этому же времени⁶² относится небольшой текст P. Lond. Lit. 179, который называют самым ранним риторическим комментарием к Демосфену (Gibson, 2002: 201).

Дионисий Галикарнасский занимается подробным исследованием Демосфена: он рассматривает язык и стиль оратора и в работах, специально ему посвященных («О Демосфене», «Первое письмо к Аммею»), и в сочинениях о других авторах («Об Исее», «О Динархе», «О Фукидиде»), и в трактатах на общие темы («О соединении слов», «О подражании»). Известно также, что Дионисий составил сочинение, к сожалению, до нас не дошедшее, в котором, скорее всего, устанавливался список подлинных речей оратора (Din. 11, 13; Dem. 57).

Считая Демосфена лучшим аттическим оратором, Дионисий нередко вступает в полемику с его критиками. Так, он обращается к замечаниям Эсхина, политического противника Демосфена, причем анализирует эту давнюю критику с не меньшим вниманием, чем утверждения своих современников. С целью доказать, что соединение слов, которым пользовался

⁶¹ Как он сам о себе пишет, Дионисий, сын Александра, родом из Галикарнасса, прибыл в Рим в год окончания гражданской войны между Августом и Антонием, то есть в 30 или 29 г. (Ant. Rom. 1. 7. 2 ἐγὼ καταπλεύσας εἰς Ἰταλίαν ἄμα τῇ καταλυθῆναι τὸν ἐμφύλιον πόλεμον ὑπὸ τοῦ Σεβαστοῦ Καίσαρος).

⁶² Его датируют концом или даже серединой I – началом II в. н. э. (Gibson, 2002: 201) (Lossau, 1964: 112-13, 119-22).

Демосфен, действительно, является совершенным и достойным подражания, Дионисий приводит следующие цитаты из знаменитой речи Эсхина «Против Ктесифонта»:

περὶ δὲ τῆς συνθέσεως τῶν ὀνομάτων οὐδὲν οὔτε μείζον <οὔτ' ἔλαττον εὗρεν αἰσχύνην> ἢ καταγέλωτα φέρων. καὶ οὐχὶ τοῦτό πω θαυμάζειν ἄξιον, ἀλλ' ὅτι καὶ μαρτυρῶν πολλαχῆ τὴν ἀρετὴν τῷ ῥήτορι κατάδηλός ἐστι καὶ ζηλῶν. φανερόν δὲ τοῦτο γένοιτ' ἂν ἐξ ὧν αὐτὸς εἶρηκε, τότε μὲν οὕτω πως γράφων· **“ὅταν δὲ ἄνθρωπος ἐξ ὀνομάτων συγκείμενος καὶ τούτων πικρῶν καὶ περιέργων (Aeschin. 3. 229)”** ἐν γὰρ δὴ τούτοις οὐ τὴν ἐκλογὴν ἐπαινεῖ τῶν ὀνομάτων αὐτοῦ, μὰ Δία: τίς γὰρ ἂν γένοιτο πικρᾶς καὶ περιέργου ζῆλος ὀνομασίας·”, ἐν ἐτέρῳ δὲ τόπῳ οὕτως λέγων· **“ὡς ὑμᾶς ὀρρωδῶ κακῶς πάσχοντας, τὴν σύνθεσιν τῶν Δημοσθένους ὀνομάτων ἀγαπήσαντας (Aeschin. 3. 142)”** καὶ γὰρ ἐνταῦθα πάλιν οὐ δέδοικε, μὴ τὸ κάλλος καὶ τὴν μεγαλοπρέπειαν αὐτοῦ τῶν ὀνομάτων ἀγαπήσωσιν Ἀθηναῖοι, ἀλλὰ μὴ λάθωσιν ὑπὸ τῆς συνθέσεως γοητευθέντες, ὥστε καὶ τῶν φανερῶν αὐτὸν ἀδικημάτων ἀφεῖναι **διὰ τὰς σειρήνας τὰς ἐπὶ τῆς ἀρμονίας**⁶³. ἐκ δὲ τούτων οὐ χαλεπὸν ἰδεῖν, ὅτι δεινότητα μὲν αὐτῷ, ὄσσην οὐχ ἐτέρῳ, μαρτυρῶν καὶ ταῖς σειρῆσιν ἀπεικάζων αὐτοῦ τὴν μουσικὴν, ἀγάμενος δὲ οὐ τῆς ἐκλογῆς τῶν ὀνομάτων αὐτόν, ἀλλὰ τῆς συνθέσεως, ἀναμφιλόγως αὐτῷ ταύτην παρακεχώρηκε τὴν ἀρετὴν (Dem. 35).

«в соединении слов же он [Эсхин] ничего не нашел большего или меньшего, что было бы постыдно или смешно. удивительно же не это, а то, что он, явно, во многих местах подтверждает это достоинство [стиля Демосфена] и подражает ему. Это ясно, пожалуй, из того, что он сам говорит, когда пишет вот так: “Когда же человек, составленный из слов, таких резких и избыточных” – ведь в этих словах он [Эсхин] не его [Демосфена] выбор слов хвалит, но, клянусь Зевсом, в таком случае кто станет подражателем резких и избыточных слов? В другом месте так он говорит: “боюсь, что вы, поллюбившие соединение слов Демосфена, поплатитесь”. И здесь ведь он не боится, что афиняне красоту

⁶³ Аллюзия на (Aeschin. 3. 228).

и величественность слов у него полюбят, но боится, как бы они, незаметно для себя, очарованные соединением слов, не оставили без внимания его явные преступления из-за сирен в гармонии его речи. Из этого нетрудно видеть, он [Эсхин] свидетельствует о том, что тот [Демосфен] обладает силой, как никто другой, и, уподобляя его искусство сиренам, он восхищается им не за выбор слов, но за их соединение».

Заметим, что в дошедшем до нас тексте Эскина эти замечания не имеют того же смысла, который вкладывает в них Дионисий. Так, говоря о резких и избыточных словах Демосфена, Эсхин в первую очередь подчеркивал разницу между стратегом, принесшем государству большую пользу, но не способным об этом рассказать, и ритором, в данном случае Демосфеном, который может только произносить громкие речи, но при этом хочет казаться человеком действия⁶⁴.

Упоминание сирен считается аллюзией на высказанное Эскином опасение, что Демосфен, пожалуй, сравнит его самого с сиренами, которые приносят гибель своим слушателям⁶⁵. Как и в других случаях, Дионисий искусно встраивает слова древнего автора в собственный текст, при этом меняет смысл исходного пассажа и дополняет его: Эсхин говорит о «природе» (Aeschin. 3. 228 φύσις), тогда как Дионисий использует слово «гармония» (Dem. 35 ἁρμονία), которое в его сочинениях обозначает соединение слов в речи (σύνθεσις ὀνομάτων).

Комментарий Эскина о соединении слов действительно относился к искусству составления текста, но его едва ли его можно расценивать как комплимент Демосфену. В оригинальном пассаже Эсхин объясняет афинянам, что союз с Фивами был им не выгоден, хотя бы потому, что фиванцам была

⁶⁴ εἰ δ' ἦν ἀναγκαῖον ῥηθῆναι, οὐ Δημοσθένους ἦν ὁ λόγος, ἀλλ' ἀνδρὸς στρατηγοῦ μεγάλα μὲν τὴν πόλιν ἀγάθ' εἰργασμένου, λέγειν δὲ ἀδυνάτου καὶ τὴν τῶν ἀντιδίκων διὰ τοῦτο ἐζηλωκότος φύσιν, ὅτι σύννοιδεν ἑαυτῷ μὲν οὐδὲν ὧν διαπέπρακται δυναμένῳ φράσαι, τὸν δὲ κατήγορον ὄρᾳ δυνάμενον καὶ τὰ μὴ πεπραγμένα ὑπ' αὐτοῦ παριστάσαι τοῖς ἀκούουσιν ὡς διέκησεν. ὅταν δ' ἐξ ὀνομάτων συγκείμενος ἄνθρωπος, καὶ τούτων πικρῶν καὶ περιέργων, ἔπειτα ἐπὶ τὴν ἀπλότητα καὶ τὰ ἔργα καταφεύγῃ, τίς ἂν ἀνάσχοιτο; (Aeschin. 3. 229).

⁶⁵ ἀφομοιοῖ γὰρ μου τὴν φύσιν ταῖς Σειρήσιν. καὶ γὰρ ὑπ' ἐκείνων οὐ κηλεῖσθαι φησι τοὺς ἀκρωμένους, ἀλλ' ἀπόλλυσθαι ... (Aeschin. 3. 228).

фактически отдана Беотия, ведь в своем постановлении Демосфен написал «если какой-то город отойдет от Фив, афиняне помогут фиванским беотийцам». Иронизируя над очевидной хитростью, с которой был составлена эта фраза, Эсхин замечает, что, оказавшись в беде, беотийцы, разумеется, испытают радость от соединения слов Демосфена, однако она не будет больше, чем их гнев в отношении афинян⁶⁶.

Дионисий же пересказывает этот пассаж так, как будто оратор предостерегает самих афинян от того, чтобы они, уже очарованные соединением слов Демосфена, не попали в беду. Как мы видим, он также добавляет в оригинальный текст выражение $\omega\varsigma\ \upsilon\mu\acute{\alpha}\varsigma\ \acute{\omicron}\rho\rho\omega\delta\acute{\omega}$, причем сам глагол $\acute{\omicron}\rho\rho\omega\delta\acute{\omega}$ вовсе не фигурирует в дошедших до нас речах Эскина, его редко употребляют ораторы классического периода, при этом он часто встречается у Геродота и у самого Дионисия в «Римских древностях». Не исключено, что цитата из Эскина была приведена по памяти, поэтому в ней и появляется довольно редкая в ораторской прозе, но обычная для самого Дионисия лексема $\acute{\omicron}\rho\rho\omega\delta\acute{\omega}$.

В другом месте Дионисий анализирует замечание Эскина о резких и избыточных словах Демосфена (Aeschin. 3. 229) более подробно. Отвечая на обвинения Эскина, Дионисий в первую очередь исходит из того, что умеренное и уместное использование стиля, отклоняющегося от обычной речи, совершенно необходимо в πολιτικοὶ λόγοι :

ἃ δὲ γε Αἰσχίνης περὶ αὐτοῦ γράφει συκοφαντῶν, ὥσπερ ἔφην, τότε μὲν ὡς πικροῖς καὶ περιέρχοις ὀνόμασι χρωμένον, τότε δ' ὡς ἀηδέσι καὶ φορτικοῖς⁶⁷, ῥαδίας ἔχει τὰς ἀπολογίας... τὸ μὲν γὰρ πικραίνειν τὴν διάλεκτον, ὅταν ἀπαιτῶσιν οἱ καιροὶ (πολλάκις δὲ ἀπαιτοῦσι καὶ μάλιστα ἐν τοῖς παθητικοῖς τῶν ἐπιχειρημάτων),

⁶⁶ πρῶτον μὲν συνέπεισε τὸν δῆμον μηκέτι βουλεύεσθαι ἐπὶ τίσι δεῖ ποιεῖσθαι τὴν συμμαχίαν, ἀλλ' ἀγαπᾶν μόνον εἰ γίγνεται, τοῦτο δὲ προλαβὼν ἔκδοτον μὲν τὴν Βοιωτίαν ἅπασαν ἐποίησε Θεβαίους, γράψας ἐν τῷ ψηφίσματι, 'ἐάν τις ἀφιστῆται πόλις ἀπὸ Θεβαίων, βοηθεῖν Ἀθηναίους Βοιωτοῖς τοῖς ἐν Θήβαις, 'τοῖς ὀνόμασι κλέπτων καὶ μεταφέρων τὰ πράγματα, ὥσπερ εἶωθεν, ὡς τοὺς Βοιωτοὺς ἔργῳ κακῶς πάσχοντας τὴν τῶν ὀνομάτων σύνθεσιν τῶν Δημοσθένους ἀγαπήσοντας, ἀλλ' οὐ μᾶλλον ἐφ' οἷς κακῶς ἐλεπόνθεσαν ἀγανακτήσοντας... (Aeschin. 3. 142).

⁶⁷ Аллюзия на (Aeschin. 3. 72, 166-167).

ἐγκώμιόν ἐστι τοῦ ῥήτορος... εἰ μὲν οὖν μὴ κατὰ τὸν οἰκεῖον καιρὸν τῇ πικραίνουσῃ διαλέκτῳ χρώμενον ἀπεδείκνυεν αὐτὸν ἢ πλεονάζοντα ἐν αὐτῇ καὶ τῆς ποσότητος ἀστοχοῦντα, εἰκότως ἂν ὡς ἀμαρτάνοντα διέβαλλεν. ὁ δὲ τούτων μὲν οὐδέτερον ἔχει δεικνύουσι, κοινῶς δὲ διαβάλλει τὴν παθητικὴν διάλεκτον, οὖσαν ἐπιτηδειοτάτην εἰς πολιτικοὺς παραλαμβάνεσθαι λόγους... δεχέσθω δὲ τις τὴν περιεργίαν τῶν ὀνομάτων ὑπ' αὐτοῦ λεγομένην λέγεσθαι νυνὶ περιττὴν ἐργασίαν καὶ ἐξηλλαγμένην τῶν ἐν ἔθει. οὐ γὰρ δὴ γε εἰ ὁ καθ' ἡμᾶς βίος πολλὰ καὶ ἄλλα εἰκῆ τιθεῖς ἐπὶ τοῖς πράγμασιν ὀνόματα καὶ ταύτην ἀδιαφόρως κυκλεῖ τὴν λέξιν ἐπὶ τῆς πολυπραγμοσύνης, οὕτω καὶ τοὺς ἀρχαίους εἰκὸς αὐτῇ κεχρηῆσθαι. εἰ μὲν οὖν τὴν ἀκαιρίαν ἢ τὸν πλεονασμὸν τῆς ἐξηλλαγμένης ἐρμηνείας διασύρων καὶ ταῦτα εἴρηκεν, ὡς τοῦ Δημοσθένους περὶ ἐκάτερον αὐτῶν ἀμαρτάνοντος, ψεύδεται περιφανῶς... εἰ δὲ κἀνταῦθα τῷ γένει τῆς ἐξαλλαγῆς ὄλω πολεμῶν ταῦτ' εἴρηκεν Αἰσχίνης, ἄτοπὸν τι ποιεῖ πρᾶγμα, ταύτην διασύρων τὴν δεινότητα, ἧς πλείστης τῷ ῥήτορι δεῖ. τὸ γὰρ μὴ τοῖς πολλοῖς ὁμοίως ἐκφέρειν τὰς νοήσεις, ἀλλ' ἐπὶ τὸ σεμνότερον καὶ ποιητικώτερον ἐκβιβάζειν τὴν ὀνομασίαν παρὰ τῆς πολιτικῆς δυνάμεως μάλιστα ἀπαιτοῦμεν (Dem. 55-56).

«а то, в чем Эсхин на него клеветает, как я сказал, когда утверждает, что тот пользуется словами то резкими и избыточными, то неприятными и грубыми, легко опровергнуть ... “огрублять” язык, когда требуют обстоятельства (они же часто этого требуют, и особенно, в доказательствах, обращенных к эмоциям) – это похвала ритору... итак, если бы он [Эсхин] уличал его [Демосфена] в использовании «огрубленного» языка без должного повода или его употреблении избыточно и сверх меры, то справедливо бы осуждал это как ошибку. Он же ничего из этого не показывает, но полностью критикует патетический стиль, который является наиболее подходящим для общественных речей... Пусть кто-то допустит, что избыток слов, о котором тот говорит, теперь называется избыточная и отклоняющаяся от обычая обработка [речи]. Ведь ясно, что, если при нашей жизни необдуманно дают вещам много разных имен и без разбора используют это слово в значении “излишнее усердие”, то древние, вероятно, пользовались им не таким же

образом⁶⁸. Итак, если он [Эсхин] высмеивает неуместность или избыток необычных выражений, и говорит, что в этих вещах Демосфен совершает ошибку, то он, очевидно, заблуждается... Если же здесь Эсхин говорит это, отвергая необычный [стиль] в целом, то он действует странно, высмеивая силу, которая особенно необходима оратору, ведь высказывать не все мысли одинаковым образом, но обращать язык к возвышенному и поэтическому, мы особенно требуем от общественного красноречия».

Дионисий также обращает внимание на то, что Эсхин отмечает в речи Демосфена неудачные выражения (Dem. 55, 57)⁶⁹. Сам ритор характеризует их как «неприятные» (Aeschin. 3. 72... τὴν ἀηδίαν τοῦ λέγοντος ἅμα καὶ τοῦ ὀνόματος...), «нечестивые и невероятные» (Aeschin. 3. 166... τὰ μαρὰ καὶ ἀπίθανα ῥήματα...), в пересказе же Дионисия говорится о «неприятных и грубых словах» (Dem. 55 ὀνόμασι χρωμένον... ἀηδέσι καὶ φортиκοῖς; Dem. 57 ...φортиκοῖς καὶ ἀηδέσι τοῖς ὀνόμασιν αὐτὸν κεχρησθαι). Заметим, что Дионисий не повторяет встретившиеся здесь эпитеты μαρὸς и ἀπίθανος, но использует лексему φортиκός, которая в его собственных риторических сочинениях неизменно выступает именно как характеристика языка и стиля⁷⁰. Само же обвинение Дионисий парирует тем, что не нашел ни одного из отмеченных Эскином выражений в речах Демосфена, во всяком случае, в его подлинных сочинениях (Dem. 57)⁷¹.

Не обращаясь к вопросу о том, намеренно ли Дионисий Галикарнасский изменяет и достраивает оригинальный текст, заметим, что он оценивает замечания Эскина именно в контексте литературной критики, причем

⁶⁸ Это замечание, на наш взгляд, показывает, что у Дионисия есть представление об изменении языка с течением времени. Как нам представляется, к этой идее он обращается и тогда, когда говорит о несоответствии языка Фукидида тому, которым пользовались другие авторы того же времени (Thuc. 51).

⁶⁹ Дионисий упоминает следующие выражения, вызвавшие критику Эскина: οὐ δὲ τῆς φιλίας ἀπορρήξει τὴν συμμαχίαν, ἀμπελοφυγοῦσί τινες τὴν πόλιν, ὑποτέτμηται τὰ νεῦρα τοῦ δήμου, φорморραφοῦμεθα, ἐπὶ τὰ στενά τινες ὥσπερ τὰς βελόνας διείρουσιν.

⁷⁰ См. (Or. Ant. 2), (Lys. 3, 12), (Isoc. 3), (Is. 20), (Dem. 29, 44, 57), (Din. 8), (Thuc. 27, 45), (Comp. 25).

⁷¹ В дошедшем до нас тексте Демосфена эти выражения также не засвидетельствованы. Вероятно, они были произнесены Демосфеном, но или изначально не вошли в опубликованные тексты, или были удалены оттуда со временем из-за критики Эскина (Aujas, 1988: 186).

рассматривает использованные древним ритором выражения как конкретные характеристики языка и стиля, соответствующие тем, к которым Дионисий сам прибегает⁷². Так, замечание о соединении слов у Эсхина относилось к хитро составленному документу (Aeschin. 3. 142 τὴν σύνθεσιν τῶν Δημοσθένους ὀνομάτων), Дионисий же предлагает понимать его, скорее, как риторический термин «соединение слов». Другой пример – отмеченные Эхином «избыточные слова» Демосфена (Aeschin. 3. 229 περίεργα ὀνόματα), в которых Дионисий видит указание на избыточный и необычный стиль речи (Dem. 56 περιττὴν ἐργασίαν καὶ ἐξηλλαγμένην τῶν ἐν ἔθει)⁷³. Такой подход к интерпретации текста позволяет Дионисию привлечь авторитет древнего автора для доказательства важных для себя положений.

Из древних критиков Демосфена Дионисий также называет оратора Пифея⁷⁴, который обвинял Демосфена в лукавстве и злодействе, так как тот усвоил приемы Исея⁷⁵. Это, пожалуй, единственный упрек в адрес Демосфена, который Дионисий признает справедливым. Продолжая мысль Пифея, он сравнивает две пары риториков: у Демосфена и Исея из-за слишком искусного стиля подозрительным представляется даже истинное и справедливое, тогда как дела Лисия и Исократа кажутся правдивыми в любых обстоятельствах благодаря простоте их речей⁷⁶. Будучи приверженцем практического красноречия, Дионисий, как мы видим, выдвигает на первый план убеждение,

⁷² Напомним, что с тех же позиций Дионисий обращается и к Платону, когда использует встретившееся в «Федре» слово «дифирамб» (Pl. Phaedr. 238D) для обозначения особого типа речи (Lys. 3).

⁷³ Это выражение Дионисий использует для описания необычного стиля Фукидида (Dem. 1 ἡ μὲν οὖν ἐξηλλαγμένη καὶ περιττὴ καὶ ἐγκατάσκευος καὶ τοῖς ἐπιθέτοις κόσμοις ἅλασι συμπληρωμένη λέξις, ἧς ὄρος καὶ κανὼν ὁ Θουκυδίδης...) и Демосфена (Dem. 34 περιττὴ τίς ἐστὶν ἡ τῆς λέξεως τῆς Δημοσθένους ἀρμονία καὶ μακρῶ δὴ τινι διαλλάττουσα τὰς τῶν ἄλλων ῥητόρων).

⁷⁴ По свидетельству, которое передает Плутарх, Пифей также отмечал слишком явные усилия Демосфена в подготовке речи (Plu. Dem. 8).

⁷⁵ πονηρίαν γὰρ τῷ Δημοσθένει καὶ κακίαν τὴν ἐξ ἀνθρώπων πᾶσαν ἐνοικεῖν φήσας, κατὰ τὸδε τὸ μέρος οἷον εἰς διαβολὴν ἐπιτίθησιν, ὅτι τὸν Ἰσαῖον ὄλον καὶ τὰς τῶν λόγων ἐκείνου τέχνας σεσίτισται (Is. 4).

⁷⁶ ἐμοὶ γοῦν οἱ μὲν Ἰσαῖοι τε καὶ Δημοσθένους λόγοι, κἂν περὶ ἀληθείας καὶ δικαίας συνταχθῶσιν ὑποθέσεις, ὑποπτοὶ δοκοῦσιν εἶναι τῆς πολλῆς ἐπιτεχνήσεως ἕνεκα, οἱ δὲ Ἰσοκράτους καὶ Λυσίου παντὸς μάλιστα δίκαιοί τε καὶ ἀληθεῖς, κἂν μὴ τοιαῦτα τὰ πράγματα ἐν αὐτοῖς, ὅτι κακοῦργον οὐδὲν ἐπιφαίνουσιν ἐπὶ τῆς κατασκευῆς, ἀλλ' εἰσὶν ἐλεύθεροὶ τινες καὶ ἀφελεῖς (Is. 4)

в его представлении хороша и уместна только та риторическая отделка, которая не вредит, а, напротив, способствует убедительности ораторской речи.

Дионисий анализирует мнения не только древних, но и современных ему критиков Демосфена. Так, он полемизирует с неизвестными авторами, которые упрекают Демосфена в использовании плеоназмов (Dem. 58). Предполагают, что речь идет об современниках Дионисия, принадлежащих к школе стоического аттицизма, возможно, о Цецилии Калактийском (Aujas, 1988: 158). Дионисий соглашается с тем, что плеоназмы – характерная черта стиля Демосфена (Dem. 58 *ἰδίωμα τοῦ χαρακτήρος*), однако настаивает, что краткость, которую так ценят неназванные критики, вовсе не главное качество речи. Когда оратор стремится к ясности, живости, возвышенности, хорошему ритму, к стилю, в котором есть эмоции, моральный тон, живая борьба, т. е. ко всему тому, что требуется для убеждения, ему могут потребоваться и плеоназмы⁷⁷.

«Первое письмо к Аммею» Дионисий Галикарнасский посвящает полемике с неким перипатетиком, который утверждает, что Демосфен стал сильнейшим оратором благодаря изучению «Риторики» Аристотеля⁷⁸. Перипатетик, которого наш критик, по собственному замечанию, очень высоко ценит, намеревался издать трактат на эту тему, что и сподвигло Дионисия написать собственное сочинение (Amm. I 1). Ж. Ожак считает, что он имеет в виду не отдельного человека, но перипатетическую школу в целом (Aujas, 1988: 153). С другой стороны, С. Вутен видит здесь полемику с конкретным современником Дионисия, возможно, с самим Андроником Родосским (Wooten, 1994: 121)⁷⁹.

⁷⁷ τῆς σαφηνείας δεῖ στοχάζεσθαι τὸν ῥήτορα καὶ τῆς ἐναργείας καὶ τῆς αὐξήσεως καὶ τῆς περὶ τὴν σύνθεσιν τῶν ὀνομάτων εὐρυθμίας, ὑπὲρ ἅπαντα δὲ ταῦτα τοῦ παθητικῆν τε καὶ ἠθικῆν καὶ ἐναγώνιον ποιεῖν τὴν λέξιν, ἐν οἷς ἐστὶν ἡ πλείστη τοῦ πιθανοῦ μοῖρα. τούτων δὲ τῶν ἀρετῶν ἐκάστην οὐχ ἡ βραχυλογία κράτιστα δύναται ποιεῖν, ἀλλὰ καὶ ὁ πλεονασμὸς ἐνίων ὀνομάτων, ᾧ καὶ ὁ Δημοσθένης κέχρηται (Dem. 58).

⁷⁸ К. Купер считает, что сама идея обучения Демосфена у Аристотеля может восходить к перипатетику Критолаю (Cooper, 2000: 240).

⁷⁹ По мнению И. Дюринга, Дионисий Галикарнасский даже мог пользоваться новым изданием Аристотеля, составленным Андроником (Düring, 1957: 4, 421). С другой стороны, Дионисий мог воспользоваться изданием Аттика, где были собраны все сочинения Аристотеля и Феофраста (46 г. до н. э.) (Aujas, 1988: 154).

Давно замечено, что Дионисий Галикарнасский во многом ориентируется на перипатетическую традицию, однако он, очевидно, не разделяет подход перипатетиков к Демосфену. Известно, что Аристотель не рассматривал Демосфена как лучшего оратора и не цитировал его в своей «Риторике» (Alexiou, 2016: 401-418). Невысокое мнение Аристотеля об устном красноречии в целом и совещательном, в частности, а также о такой стороне ораторского искусства как исполнение, по-видимому, связано именно с Демосфеном, который, как считалось, ставил исполнение на первое место и был мастером совещательного красноречия (Bishop, 2019: 177-178).

Позиция Аристотеля, а, вероятно, и политическая обстановка в начале эллинистической эпохи, объясняют нелестные оценки Демосфена со стороны ранних перипатетиков⁸⁰. Так, Феофраст ставил Демада (Plu. Dem. 10) и Фокиона (Plu. Dem. 10; Phoc. 5)⁸¹ выше Демосфена: первый особенно ценился за естественный талант и способность говорить экспромтом, второй – за краткость, простоту и силу стиля (Cooper, 2000: 227-229). Также Феофраст критиковал аффектированный стиль Демосфена (Quint. Inst. 3. 8. 61). Аффектация воспринималась перипатетиками как признак того, что своим успехом оратор обязан не таланту, но тренировке, которую они оценивали невысоко (Bishop, 2019: 179). Деметрий Фалерский считает выступления (ὕλοκρισις) Демосфена низкими, неблагородными и бессильными (Demetr. fr. 161-162 Wehrli). Критолай называет Демосфена τεχνίτης, противопоставляя его Эсхину и Демаду которые не изучали риторику специально (Critol. fr. 28 Wehrli) (Bishop, 2019: 179). Гермипп считает Демосфена скорее практическим, чем естественным оратором (ἐπιμελής μᾶλλον ἢ εὐφύης) (Hermipp. fr. 75 Wehrli). К этой же теме относятся передаваемые Деметрием Фалерским

⁸⁰ Более благожелательное отношение к оратору демонстрирует перипатетик позднейшего времени Клеохар Мирлейский, который благосклонно отзывался о стиле Демосфена и его личных качествах (Phot. Bibl. 177. 121b9-16) (Bishop, 2019: 180).

⁸¹ Предполагают, что Плутарх (Plu. Dem. 10; Phoc. 5) отсылает именно к мнению Феофраста (Cooper, 2000: 227, 242).

рассказы о трудностях Демосфена при произнесении речей, с которыми он справился только благодаря многим упражнениям (Demetr. fr. 165-168 Wehrli).

На наш взгляд, идея, с которой Дионисий спорит во «Втором письме к Аммею», отражает восприятие Демосфена в перипатетической традиции I в. до н. э.⁸². Неизвестный автор, в отличие от ранних перипатетиков, по видимому, уже признает его лучшим или во всяком случае одним из лучших ораторов, но все же стремится поставить Аристотеля на более почетное место как учителя Демосфена.

Дионисий оценивает как достоинства все те недостатки Демосфена, которые отмечает перипатетическая традиция. Как приверженец практического красноречия, он постоянно подчеркивает важность эмоционального воздействия речи, поэтому и предпочитает Демосфена Исократу (Dem. 22), его полное одобрение заслуживает и мастерство Демосфена как исполнителя (Dem. 53). Также с большим вниманием Дионисий относится к тщательной риторической обработке текста и к постоянной тренировке оратора по всем правилам искусства, в то время как неподготовленные речи представляются ему совершенно неприемлемыми (Dem. 15; Comp. 25).

Анализируя стиль Демосфена, Дионисий опирается на предшествующую, в частности, перипатетическую традицию, но не разделяет критику слишком обработанного «неестественного» стиля Демосфена. Сравним два довольно похожих пассажа из Цицерона и Дионисия:

...quicquid est salsum aut salubre in oratione, id proprium Atticorum est. E quibus tamen non omnes faceti: Lysias satis et Hyperides, Demades praeter ceteros fertur, Demosthenes minus habetur; quo quidem mihi nihil videtur urbanus, sed non tam dicax fuit quam facetus; est autem illud acrioris ingeni, hoc maioris artis (Cic. Orat. 90).

⁸² В этой идее также можно видеть стремление античного читателя сблизить самых известных и выдающихся авторов эпохи. Так, Демосфена связывали с Исократом (Hermipp. fr. 69, 71 Wehrli) или с Платоном (Cic. de Orat. 1. 89).

«...все что есть остроумного и здорового в речи, есть свойство аттиков, однако из них не все изящны: Лисий и Гиперид достаточно изящны, о Демаде в этой связи говорят больше, чем об остальных, о Демосфене – меньше. Мне же ничего не представляется более остроумным, чем Демосфен, хотя он отличался не столько насмешливостью, сколько изяществом, ведь первое качество свойство мощного таланта, а второе – большого искусства».

...πάσας ἔχουσα τὰς ἀρετὰς ἢ Δημοσθένους λέξις <οὐ> λείπεται εὐτραπελίας, ἣν οἱ πολλοὶ καλοῦσι χάριν. πλεῖστον γὰρ αὐτῆς μετέχει μέρος. <...>

*οὐ γὰρ πως ἅμα πάντα θεοὶ δόσαν ἀνθρώποισιν*⁸³.

ὁμως δὲ καὶ τοὺς ἀστεῖσμοὺς ἔνειμαν ἐν τοῖς Δημοσθένους λόγοις· οὐδὲν γάρ, ὧν ἑτέροις τισὶν ἔδωκεν ἀγαθῶν ὁ δαίμων, ἐκείνῳ ἐφθόνησεν (Dem. 54).

«...стилю Демосфена, обладающему всеми достоинствами, хватает и остроумия, которое многие называют изяществом. Он имеет большую его долю... “не все разом боги дают людям”, однако же уделили и остроты речам Демосфена, ведь даймон не пожалел для него ничего, из тех благ, которые дал другим».

Как нам представляется, Цицерон и Дионисий ссылаются на некую предшествующую критику, возможно, перипатетическую, в которой отмечалось, что Демосфен недостаточно остроумен. Цицерон смягчает этот упрек, отделяя изящество, которое достигается искусством (*facetus – ars maior*), от присущей естественному таланту насмешливости (*discah – ingenium acrior*). Насколько можно судить⁸⁴, Дионисий вовсе отвергает критику в адрес Демосфена, при этом, в отличие от Цицерона, не обращается к заданному перипатетиками противопоставлению *ars/ingenium*.

В своем подходе к Демосфену Дионисий все же стоит ближе к Цицерону⁸⁵, чем к известным нам греческим авторам I в. до н. э. Так, Филодем в своей «Риторике» упоминает, парафразирует и цитирует Демосфена

⁸³ Цитата из «Илиады», эти слова обращает к Агамемнону Нестор (Hom. II. 4. 320).

⁸⁴ Приведенный выше пассаж из Dem. 54 плохо сохранился, в отношении текста и его понимания мы следуем за Ж. Ожак.

⁸⁵ Подробное сравнение взглядов Цицерона и Дионисия на Демосфена см. (Nassal, 1910: 141-147).

значительно чаще, чем других авторов, но не выделяет его как главного аттического оратора (Bishop, 2019: 188). Псевдо-Деметрий, автор сочинения «О стиле», нередко цитирует оратора и даже рассматривает его сочинения как образцы мощного стиля, однако Демосфен явно не занимает у него того центрального положения, которое он имеет в работах Цицерона и Дионисия (Cooper, 2000: 229) (Bishop, 2019: 182).

Наконец, обратим внимание на то, что проведенный Дионисием анализ языка и стиля оратора, был востребован в дальнейшей традиции демосфеновской экзегезы, а именно, в византийских схолиях к оратору (IX–XI век). Внимание схолиастов привлекает образ Протея, который Дионисий использовал для описания стиля Демосфена:

μόνου γὰρ Δημοσθένους ἐστὶ τὸ διὰ τῶν ἐναντίων ἀνύειν τὸ σπουδαζόμενον, καὶ πρὸ μικροῦ μὲν ἰκέτευε, νῦν δὲ φοβεῖ. **διὰ τοῦτο γὰρ καὶ Διονύσιος αὐτὸν Πρωτέα ἐκάλεσεν**, ὅτι εἰς πολλὰ καὶ τὰ ἐναντία μορφοῖ τὸν λόγον, νῦν μὲν ἰκετεύων, νῦν δὲ οἰκτιζόμενος, μετ’ ὀλίγον προτρέπων, αὔθις φοβῶν. ὁ δὲ καὶ νῦν πεποίηκε· φοβεῖ γὰρ τοὺς Ἀθηναίους ἐπὶ τοῖς μέλλουσιν· ‘εἰ γὰρ ἐγὼ καίτοι φίλους ἔχειν δοκῶν καὶ μὴ ὦν παντάλασιν ἔρημος οὐ δύναμαι δίκην λαβεῖν, τί ποιήσετε ὑμεῖς οἱ ἄποροι καὶ ἔρημοι;’ (Sch. Dem. 21. 392. 2-8).

«Дело в том, что только для Демосфена характерно достигать того, к чему он стремится, с помощью противоположного, и недавно умолял, а теперь пугает, поэтому ведь и Дионисий назвал его Протеем, так как он придает речи противоположные формы, то просит, а то жалуется, немного позже побуждает и тут же пугает. Очевидно, это он сделал и здесь, ведь он пугает афинян в отношении будущего: ‘если даже я, хотя, как считается, имею друзей и не являюсь одиноким, не могу добиться справедливости, что будете делать вы, будучи бедными и одинокими?’».

Следует, однако, заметить разницу в трактовке этого образа у Дионисия и авторов схолий. Для схолиастов сходство Демосфена с Протеем заключается в способности оратора менять риторическую форму своей речи (просьба, жалоба, побуждение, устрашение). Когда же Дионисий сравнивает Демосфена

с Протеем, он говорит не о какой-то конкретной особенности его стиля, но об изменчивой, непостоянной и гибкой манере его красноречия в целом:

τοιαύτην δὴ καταλαβὼν τὴν πολιτικὴν λέξιν ὁ Δημοσθένης οὕτω κεκινήμενην ποικίλως, καὶ τηλικούτοις ἐπεισελθὼν ἀνδράσιν ἐνὸς μὲν οὐθενὸς ἠξίωσε γενέσθαι ζηλωτῆς οὔτε χαρακτηῆρος οὔτε ἀνδρός, ἡμιέργους τινὰς ἅπαντας οἰόμενος εἶναι καὶ ἀτελεῖς, ἐξ ἀπάντων δ' αὐτῶν ὅσα κράτιστα καὶ χρησιμώτατα ἦν, ἐκλεγόμενος συνύφαινε καὶ μίαν ἐκ πολλῶν διάλεκτον ἀπετέλει, μεγαλοπρεπῆ λιτὴν, περιττὴν ἀπέριττον, ἐξηλλαγμένην συνήθη, πανηγυρικὴν ἀληθινὴν, αὐστηρὰν ἰλαράν, σύντονον ἀνειμένην, ἠδεῖαν πικράν, ἠθικὴν παθητικὴν, οὐδὲν διαλλάττουσαν τοῦ μεμυθευμένου παρὰ τοῖς ἀρχαίοις ποιηταῖς Πρωτέως, ὃς ἅπασαν ἰδέαν μορφῆς ἀμογητὶ μετελάμβανεν, εἴτε θεὸς ἢ δαίμων τις ἐκεῖνος ἄρα ἦν παρακρουόμενος ὄψεις τὰς ἀνθρωπίνας εἴτε διαλέκτου ποικίλον τι χρῆμα ἐν ἀνδρὶ σοφῷ, πάσης ἀπατηλὸν ἀκοῆς, ὃ μᾶλλον ἂν τις εἰκάσειεν, ἐπειδὴ ταπεινὰς καὶ ἀσχήμονας ὄψεις οὔτε θεοῖς οὔτε δαίμοσι προσάπτειν ὅσιον⁸⁶ (Dem. 8).

«Получив такой стиль общественного красноречия, Демосфен изменил его так разнообразно и, вступив на это поприще после столь великих мужей, он счел нужным подражать не одному человеку и не стилю кого-то одного, так как полагал всех их незаконченными и несовершенными. Он выбрал из них всех то, что было самым сильным и полезным, сплел их вместе и создал из многого единый стиль, величественный и простой, избыточный и без излишеств, изысканный и обычный, напыщенный и правдивый, суровый и веселый, сжатый и расплывчатый, приятный и горький, этический и патетический. Его стиль ничем не отличается от воспетого древними поэтами Протея, который без труда принимал всякий образ, был ли он бог или некий дэимон, обманывающий человеческие взоры, или же речь идет о разнообразной речи, приобретении мудрого человека, которое обманывает слух всякого, это скорее можно представить, поскольку приписывать низкий и безобразный вид богам и дэимонам не является благочестивым».

⁸⁶ Аллегорическая интерпретация Гомера в стоическом духе (Аујас, 1988: 164-165).

1.3. *Corpus Demosthenicum*: состав корпуса, подлинность и время написания речей

Состав корпуса

Считается, что сборник своих текстов начал составлять уже сам Демосфен в 337-324 году в качестве некой апологии политической и общественной деятельности (Sealey, 1993: 229). После смерти оратора (ок. 300 г.) над его корпусом работал племянник Демахар, вероятно, именно в это время в него попали речи других риторов антимакедонского направления, например, Аполлодора и Гегесиппа, в результате появилось т. н. «афинское издание» Демосфена, включавшее главным образом речи, относящиеся ко времени борьбы с Филиппом (Canfora, 2014: 49-50). Сочинения Демосфена, скорее всего, распространялись не по отдельности, но именно в составе этого корпуса, в который вошли не только его собственные произведения, но и работы других риторов (Canfora, 2014: 52). В дальнейшем попытку упорядочить корпус Демосфена предпринимает Каллимах в Πίνακες (Pfeiffer, 1968: 131). Предполагается, что именно его разделение речей оратора по жанрам воспроизводят все последующие издания Демосфена (Aujas, Lebel, 1981: 175). Не вполне ясно, занимался ли Каллимах установлением подлинных произведений оратора или только структурировал уже сложившийся корпус, во всяком случае, некоторые исследователи считают, что ему не удалось полностью разделить сочинения Демосфена и других авторов (Sealey, 1993: 229), в частности, Динарха (Lossau, 1964: 81-82). В дальнейшем в Πίνακες Каллимаха вносились дополнения и исправления (Pfeiffer, 1968: 133), возможно, они касались и списка речей Демосфена.

В своей работе Дионисий Галикарнасский, на наш взгляд, обращался к имеющемуся у него изданию оратора⁸⁷. Об этом свидетельствует, к примеру, то, что он указывает общее число строк, которое составляют речи Демосфена

⁸⁷ Возможно, что, находясь в Риме, Дионисий имел доступ и к знаменитому изданию Демосфена, созданному Аттиком (Bishop, 2019: 188).

(50-60 тысяч)⁸⁸. Кроме того, Дионисий нередко приводит очень объемные цитаты из оратора, которые едва ли можно было запомнить. Так, из речи «Против Конона», «Третьей Олинфской» или «За Ктесифонта о венке» цитируются несколько глав, занимающих многие страницы в современных изданиях.

Какие же сочинения Демосфена были известны Дионисию Галикарнасскому? Во-первых, обратим внимание на то, что Дионисий знает список речей Демосфена, составленный Каллимахом (Dem. 13; Din. 10)⁸⁹ или же его более поздний вариант, исправленный и дополненный другими филологами, но известный под именем Каллимаха. Этот список, как можно предположить, оставался стандартным и общепринятым в I в. до н. э.⁹⁰ С другой стороны, сам Дионисий также обращается к проблеме установления подлинности текстов, входящих в демосфеновский корпус, причем его атрибуции не всегда совпадают с теми, которые были представлены в Πίνακες⁹¹. В результате, в работах Дионисия мы можем найти следы двух списков, один из них был составлен им самим, другой – Каллимахом.

В своих риторических сочинениях Дионисий называет или цитирует следующие речи Демосфена: 1-11, 14-26, 36, 39, 40, 43, 48, 54, 57, 58, 59, 60. Рассматривая сочинения по частным обвинениям (36, 39, 43, 48, 57), Дионисий замечает, что таких речей у Демосфена существует не многим более двадцати⁹². Трудно сказать, включает ли он в эти двадцать речей те пять, которые уже назвал. На наш взгляд, справедливо будет сказать, что Дионисий

⁸⁸ οὐδὲν γὰρ εὐρίσκω τούτων παρὰ Δημοσθένει κείμενον, ὃν εἰρηκέναι φησὶν αὐτὸν Αἰσχίνης... οὐδέ γε ἄλλα τινὰ φορτικὰ καὶ ἀηδῆ ὀνόματα ἐν οὐδενὶ τῶν Δημοσθένους λόγων εὐρεῖν δεδύνημαι καὶ ταῦτα πέντε ἢ ἕξ μυριάδας στίχων ἐκείνου τοῦ ἀνδρὸς καταλελοιπότες (Dem. 57).

⁸⁹ Дионисию, вероятно, также известны составленные Каллимахом списки речей Лисия (Is. 5) и Динарха (Din. 1). В связи с Динархом Дионисий также упоминает пергамских грамматиков (Din. 1).

⁹⁰ Считается, что античные исследователи всегда обращались к Πίνακες Каллимаха и этот труд так и остался непревзойденным (Pfeiffer, 1968: 133).

⁹¹ Например, Дионисий упоминает, что Каллимах ошибочно приписывал Демосфену речь Динарха «Против Феокрина» (Din. 10).

⁹² τοιοῦτός ἐστι καὶ ὁ πρὸς Ἀπολλόδωρον ὑπὲρ Φορμίωνος καὶ ὁ κατ' Ὀλυμπιόδωρου [τῆς] βλάβης καὶ ὁ πρὸς Βοιωτὸν ὑπὲρ τοῦ ὀνόματος ἢ τε πρὸς Εὐβουλίδην ἔφεσις καὶ ἡ πρὸς Μακάρτατον διαδικασία καὶ οἱ ἄλλοι πάντες οἱ ἰδιωτικοὶ λόγοι οὐ πολλῶ πλείους τῶν εἴκοσιν ὄντες (Dem. 13).

знает по крайней мере двадцать, а, возможно, и двадцать пять речей Демосфена по частным обвинениям⁹³.

Также он упоминает речи, отсутствующие в известном нам корпусе, сам Дионисий Галикарнасский считает их неподлинными: речь «Против Крития об истребовании государственного имущества» (Напросг. 113. 4-7 ἔστι δὲ καὶ λόγος τις ἐπιγραφόμενος „Демосθένους πρὸς Κριτίαν περὶ τοῦ ἐνεπισκήμματος“, ὃν Καλλίμαχος μὲν ἀναγράφει ὡς γνήσιον, Διονύσιος δὲ ὁ Ἀλικαρνασεὺς ὡς ψευδεπίγραφον⁹⁴), «Защита по делу о полученных подарках» (Dem. 57 ἐν τῇ ἀπολογία τῶν δώρων⁹⁵), «Речь о том, чтобы не изгонять Гарпала» (Dem. 57 ἐν τῷ <περὶ τοῦ> μὴ ἐκδοῦναι Ἴαρπαλον)⁹⁶ и «Панегирик Павсанию» (Dem. 44 ἐγκώμιον εἰς Παυσανίαν)⁹⁷. Из упоминания панегирика следует, что Дионисий знает больше одного такого сочинения Демосфена (Dem. 44 πανηγυρικοὺς μὲν οὖν λόγους οὐκ ἔχομεν αὐτοῦ παρασχέσθαι· πάντας γὰρ ἔγωγε τοὺς ἀναφερομένους εἰς αὐτὸν ἀλλοτρίους εἶναι πείθομαι...). Также Дионисию известна речь «За Дифила», по его словам, это сочинение приписывается Динарху ошибочно, а на самом деле принадлежит Демосфену (Din. 11 Διφίλῳ δημηγορικός, αἰτοῦντι δωρεάς... τοῦτον ἐπέισθην ὑπὸ Δημοσθένους γεγράφθαι τὸν λόγον...).

Из всего вышеизложенного мы можем сделать вывод, что Дионисий Галикарнасский знает 59/64 речи оратора, из них неподлинными он считает по меньшей мере 10 речей. Скорее всего, ему было известно даже больше сочинений Демосфена. Во-первых, к полученному нами числу можно прибавить несколько панегириков, о которых говорилось выше⁹⁸. Кроме того,

⁹³ В известном в настоящее время корпусе оратора, помимо названных Дионисием речей 36, 39, 43, 48, 57, к ἰδιωτικοὶ λόγοι могут быть отнесены речи 27-35, 37, 38, 41, 42, 44-47, 49-53, 55, 56, 58, т. е. всего таких речей в дошедшем до нас корпусе 30.

⁹⁴ Гарпократион, вероятно, ссылается на утраченное сочинение о Демосфене, в котором Дионисий занимался составлением списка подлинных речей оратора.

⁹⁵ В «Первом письме к Аммею», по-видимому, упоминается эта же речь (Amm. I 12 εἰ δὲ τις ἐρεῖ, ὅτι περὶ τῆς τῶν δώρων, ἣν ἐπ' Ἀντικλέους ἄρχοντος ἀλελογήσατο περὶ τὴν Ἀλεξάνδρου τελευταίην, πολλῶ νεωτέρας ἔτι ποιήσει τὰς Ἀριστοτέλους τέχνας τῶν Δημοσθένους ἀγώνων).

⁹⁶ «Защита по делу о полученных подарках» и «Речь о том, чтобы не изгонять Гарпала» относятся к одному и тому же процессу против Гарпала.

⁹⁷ Возможно, упомянутый Дионисием «Панегирик Павсанию» – это т. н. «Любовная речь» (61). Д. Макдауэлл ссылается на Р. Клаво, который считает, что, говоря Павсаний, Дионисий имеет в виду Эпикрата, к которому и обращен энкомий (MacDowell, 2009: 28).

⁹⁸ К панегирикам Дионисий также относит «Надгробную речь» Демосфена (60) (Dem. 44).

не все сочинения Дионисия, в которых могли быть упомянуты речи оратора, дошли до нас полностью⁹⁹. Заметим и то, что перед Дионисием не стояла задача перечислить все произведения Демосфена, он упоминает только те из них, которые представляют для него определенный интерес.

Автор «Жизнеописаний 10 ораторов» говорит о 65 подлинных речах Демосфена, при этом он отсылает к неким исследователям этой темы (φέρονται) (Vit. dec. orat. 847e φέρονται δ' αὐτοῦ λόγοι γνήσιοι ἐξήκοντα πέντε). Р. Сили считает, что речь идет о современнике Дионисия Цецилии Калактийском (Sealey, 1993: 223-224). Нам представляется, что здесь автор «Жизнеописаний» мог сослаться и на самого Дионисия, к авторитету которого он обращается и в других случаях, например, когда указывает число подлинных речей Исократа или Лисия¹⁰⁰.

Считается, в древности было известно больше речей Демосфена, чем сейчас. В оксфордском издании представлена 61 речь оратора, тогда как в схолиях к Эсхину упоминается 71 речь (Sealey, 1993: 225), а, согласно подсчетам Л. Канфоры, в античности имели распространение как минимум 80 речей Демосфена (Canfora, 2014: 49). На наш взгляд, Дионисий имеет полное представление о доступном в его время корпусе оратора, и, вероятно, знает даже больше сочинений Демосфена, чем современный читатель.

Можно предполагать, что известный Дионисию демосфеновский корпус, был достаточно близок тому, которым мы располагаем сейчас, однако следует обратить внимание и на важные различия между ними.

Дионисий упоминает 12 речей против Филиппа, которые соответствуют речам с 1-11 в современном списке, «лишняя» речь появляется потому, что «Первую Филиппику» (4) Дионисий делит на две речи: первую часть он

⁹⁹ Не сохранились начало сочинения «О Демосфене», конец работы «О Динархе», а также упоминавшийся выше труд Дионисия, который, вероятно, был посвящен установлению подлинных речей оратора (Din. 11, 13; Dem. 57).

¹⁰⁰ φέρονται δ' αὐτοῦ λόγοι ἐξήκοντα, ὧν εἰσι γνήσιοι μὲν Διονύσιον εἰκοσιπέντε κατὰ δὲ Καικίλιον εἰκοσιοκτὼ οἱ δ' ἄλλοι κατεψευσμένοι... (Vit. dec. orat. 838d); φέρονται δ' αὐτοῦ λόγοι τετρακόσιοι εἰκοσιπέντε· τούτων γνησίους φασὶν οἱ περὶ Διονύσιον καὶ Καικίλιον εἶναι Διακοσίους τριάκοντα <καὶ τρεῖς> ... (Vit. dec. orat. 836a).

относит к архонству Аристодема (352/1 г.), а вторую, которая начинается со слов «Вот то, афиняне, что мы смогли найти...» (D. IV. 30 Ἄ μὲν ἡμεῖς, ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, δεδυνήμεθα εὔρεῖν, ταῦτ' ἐστίν...), – к архонству Фемистокла (347/6 г.) (Amm. I 10). Примечательно, что авторы византийских схолий к Демосфену знают эту идею Дионисия, но отвергают ее как не соответствующую внутренней логике речи¹⁰¹.

Знаменитые олинфские речи (1-3) у Дионисия следуют не в той же последовательности, что у нас: он ставит первой «Вторую Олинфскую», второй – «Третью Олинфскую», третьей – «Первую Олинфскую» (Amm. I 4). Здесь нарушается привычный нам порядок речей, который, по-видимому, был установлен еще Каллимахом (Аујас, 1992: 156). В этом вопросе авторы схолий к Демосфену также не поддерживают Дионисия и указывают на критику его позиции со стороны Цецилия Калактийского¹⁰².

Примечательно, что точку зрения Дионисия, по-видимому, разделяет один из авторов схолий к Фукидиду:

πιστεύσαντες δὲ τῷ θεῷ· ἐντεῦθεν ὁ Δημοσθένης ὀρμώμενος ἐν τῇ πρώτῃ τῶν Ὀλυνθιακῶν καὶ τῶν θεῶν εὐνοίαν ἰκανὴν ἔφη εἶναι νίκην ἐπαγαγεῖν Ἀθηναίοις, εἰ βούλωνται πολεμεῖν Φιλίππῳ (Sch. Th. 4. 92. 7. 4-7)¹⁰³.

«[доверившиеся божеству]: отталкиваясь от этого, Демосфен в первой из олинфских речей сказал, что благосклонности богов достаточно, чтобы принести победу афинянам, если они захотят сражаться с Филиппом».

Автор этого пассажа считает, что в первой из олинфских речей Демосфен говорит о том, что афиняне имеют такую поддержку богов, которая достаточна для победы над Филиппом. Здесь, на наш взгляд, имеется в виду

¹⁰¹ ἄ μὲν ἡμεῖς] ἐντεῦθεν φησὶ Διονύσιος ὁ Ἀλικαρνασεὺς ἐτέρου λόγου εἶναι ἀρχήν. προοίμιον δέ, φησιν, οὐκ ἔχει ἐπειδὴ δευτερολογία ἐστίν, ἐν αἷς ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστον οὐκ εἰσὶ προοίμια. οὐ λέγει δὲ ἀληθῆ. ἐπειδὴ γὰρ ἄνωθεν ὑπέσχετο περὶ πόρου χρημάτων εἰπεῖν, νῦν τοῦτο δεικνύει, καὶ ἐστὶν ὡσπερ ἐπίλογος... (Sch. Dem. 4. 90a.1-b.2).

¹⁰² ἐπὶ πολλῶν μὲν ἂν τις ἰδεῖν, ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, δοκεῖ μοι] τοῦτον Διονύσιος προτάπτει τῶν Ὀλυνθιακῶν, ἄρχοντάς τε τινὰς καταλέγων καὶ ἐκ τοῦ προοιμίου πιστούμενος ἐκ περιχαρείας ληφθέντος. Κακίλιος δὲ ἀντιλέγει πρῶτον ἀξιῶν τὸν πρῶτον νομιζόμενον (Sch. Dem. 2. 1a. 1-4).

¹⁰³ Здесь и далее текст схолий к Фукидиду приводится по изданию К. Худе (Hude, 1927). Также к работе привлекалось последнее издание схолий А. Клайнлогеля и К. Альперса (Kleinlogel, Alpers, 2019).

начальное предложение той речи, которую мы называем второй, а Дионисий и схолиаст – первой¹⁰⁴, тем более, что в двух других олинфских речах о благоволении богов ничего не сказано. Возможно, оба автора опираются на одну традицию, в которой именно вторая олинфская речь шла раньше остальных. С другой стороны, нельзя исключать и то, что схолиаст ссылается здесь непосредственно на мнение Дионисия.

Для большей точности и детальности изложения Дионисий Галикарнасский часто конкретизирует, какую именно речь Демосфена он имеет в виду. Используемые им названия в целом близки современным, т. е. тем, которые сохранились в византийских рукописях, за исключением следующих: речи 1-11 в нашем корпусе имеют собственные наименования, тогда как Дионисий упоминает их как речи против Филиппа или обозначает номерами¹⁰⁵; «О преступном посольстве» (19) у него называется «речь против Эсхина» (Amm. I 10 τὸν κατ' Αἰσχίνου συνετάξατο λόγον) или «обвинение Эсхина» (Dem. 14 ἐκ μὲν τῆς Αἰσχίνου κατηγορίας); «Против Беота по поводу приданого матери» (40) известна Дионисию как «За Мантифея о приданом» (Din. 13 Πρὸς Μαντίθεον περὶ προικός).

Заметим, что на одно и то же сочинение Дионисий может ссылаться по-разному. Так, 7 речь в нашем корпусе он называет «восьмой речью против Филиппа» (Amm. I 10 τὴν ὀγδόην τῶν Φιλιππικῶν δημηγοριῶν) или, с отсылкой к Каллимаху, речью «О Галонессе» (Dem. 13 ὃν ἐπιγράφει Καλλίμαχος ὑπὲρ Ἀλοννήσου); 9 речь фигурирует у него то как «величайшая из совещательных речей против Филиппа» (Thuc. 54 τῆ μεγίστη τῶν κατὰ Φιλίππου δημηγοριῶν),

¹⁰⁴ ἐπὶ πολλῶν μὲν ἂν τις ἰδεῖν, ὃ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, δοκεῖ μοι τὴν παρὰ τῶν θεῶν εὐνοίαν φανερὰν γιγνομένην τῇ πόλει, οὐχ ἥκιστα δ' ἐν τοῖς παροῦσι πράγμασι· τὸ γὰρ τοὺς πολεμήσοντας Φιλίππῳ γεγενῆσθαι καὶ χώραν ὁμορον καὶ δύναμιν τινα κεκτημένους, καὶ τὸ μέγιστον ἀπάντων, τὴν ὑπὲρ τοῦ πολέμου γνώμην τοιαύτην ἔχοντας ὥστε τὰς πρὸς ἐκεῖνον διαλλαγὰς πρῶτον μὲν ἀπίστους, εἶτα τῆς ἑαυτῶν πατρίδος νομίζειν ἀνάστασιν, δαιμονία τινὶ καὶ θεῖα παντάπασιν ἔοικεν εὐεργεσία (D. II. 1).

¹⁰⁵ μυρία τοιαῦτά ἐστι παρὰ Δημοσθένει καὶ μάλιστα ἐν τοῖς κατὰ Φιλίππου λόγοις... (Dem. 9); πολλὰ μὲν ἂν τις ἐκ τῶν κατὰ Φιλίππου δημηγοριῶν (Dem. 14); λέξις ἐκ μιᾶς τῶν κατὰ Φιλίππου δημηγορίας (Dem. 21); ἐν μὲν ταῖς συμβουλαῖς καὶ μάλιστα ταῖς κατὰ Φιλίππου κατακορεστέραις (Dem. 45); ἔπειτα Θεμιστοκλῆς, ἐφ' οὗ τὴν πέμπτην τῶν κατὰ Φιλίππου δημηγοριῶν ἀπήγγειλε Δημοσθένης... (Amm. I 10); εἶτα Λυκίσκος, ἐφ' οὗ τὴν ἑβδόμην τῶν Φιλιππικῶν δημηγοριῶν... (Amm. I 10); μετὰ Λυκίσκον ἔστιν ἄρχων Πυθόδοτος, ἐφ' οὗ τὴν ὀγδόην τῶν Φιλιππικῶν δημηγοριῶν... (Amm. I 10); μετὰ Πυθόδοτον ἔστι Σωσιγένης, ἐφ' οὗ τὴν ἑνάτην διελήλυθεν κατὰ Φιλίππου δημηγορία... (Amm. I 10).

το как десятая филиппика (Amm. I 10 τὴν δεκάτην, ἐν ἣ πειρᾶται διδάσκειν, ὅτι λύει τὴν εἰρήνην Φίλιππος); 18 речь упоминается как речь «О венке» (Amm. I 11 ἐν τῷ περὶ τοῦ στεφάνου λόγῳ)¹⁰⁶, речь «За Ктесифонта» (Dem. 31 ἐκ τοῦ ὑπὲρ Κτησιφῶντος λόγου)¹⁰⁷ или «Апология Ктесифонта» (Dem. 14 ἐκ τῆς ὑπὲρ Κτησιφῶντος ἀπολογίας). Для 14 речи Дионисий в одном случае дает только развернутое содержание¹⁰⁸, а в другом – обозначает ее как речь «О симмориях», ссылаясь на риторические списки (Amm. I 4 ἐπιγράφουσιν οἱ τοὺς ῥητορικοὺς πίνακας συντάξαντες “περὶ τῶν συμμοριῶν”).

Дионисий часто дает только краткое название сочинения: «речь против Мидия» (Amm. I 4 ὁ κατὰ Μειδίου λόγος) или «речь об освобождениях от повинностей» (Dem. 14 ἐκ δὲ τοῦ περὶ τῶν ἀτελειῶν λόγου). Дополнительно может указываться архонт, при котором была произнесена речь, обвинитель, обвиняемый или предмет тяжбы. Например, «в архонтство Фудема и Диотима он написал речь “Против Тимократа” для Диодора, преследующего Тимократа за противозаконные (меры)» (Amm. I 4 ἐπὶ δὲ Θουδήμου τοῦ μετὰ Διότιμον ἄρξαντος τὸν τε κατὰ Τιμοκράτους λόγον ἔγραψε Διοδώρῳ τῷ κρίνοντι παρανόμων τὸν Τιμοκράτη...) или «он написал речь “Против Аристократа” для Евтикла, преследуемого за незаконное постановление» (Amm. I 4 τὸν κατὰ Ἀριστοκράτους ἔγραψε λόγον Εὐθυκλεῖ τῷ διώκοντι παρανόμων τὸ ψήφισμα).

В отдельных случаях Дионисий конкретизирует жанр речи или тип процесса. Например, «совещательная речь “О помощи мегалопольцам”» (Amm. I 4 ...τὸν περὶ τῆς Μεγαλοπολιτῶν βοήθειας **δημηγορικὸν**¹⁰⁹...), «девятая совещательная речь против Филиппа о войсках в Херсонесе» (Amm. I 10 τὴν ἐνάτην... κατὰ Φιλίππου **δημηγορίαν** περὶ τῶν ἐν Χερρονήσῳ στρατιωτῶν...), «в

¹⁰⁶ См. также Amm. I 12; Thuc. 54; Comp. 18.

¹⁰⁷ См. также Comp. 25.

¹⁰⁸ ἔστι δὴ τις αὐτῷ δημηγορία τὴν μὲν ὑπόθεσιν ἔχουσα περὶ τοῦ πρὸς βασιλέα πολέμου, παρακαλοῦσα δὲ τοὺς Ἀθηναίους μὴ προχείρως αὐτὸν ἄρασθαι, ὡς οὔτε τῆς οἰκειᾶς αὐτῶν δυνάμεως ἀξιομάχου πρὸς τὴν τοῦ βασιλέως ὑπαρχούσης οὔτε τῆς συμμαχικῆς πιστῶς καὶ βεβαίως τῶν κινδύνων ἀντιληψομένης· παρακαλεῖ τε αὐτοὺς παρασκευασμένους τὴν ἑαυτῶν δύναμιν φανεροὺς εἶναι τοῖς Ἕλλησιν, ὅτι τὸν ὑπὲρ τῆς ἀπάντων ἐλευθερίας κίνδυνον ὑπομενοῦσιν, ἐάν τις ἐπ’ αὐτοὺς ἦ: πρὸ δὲ τοῦ παρασκευάσασθαι πρέσβεις οὐκ ἔῃ πρὸς τοὺς Ἕλληνας ἀποστέλλειν τοὺς καλέσοντας αὐτοὺς ἐπὶ τὸν πόλεμον, ὡς οὐχ ὑπακουσομένους (Thuc. 54).

¹⁰⁹ Мы понимаем *δημηγορικὸς λόγος* и *δημηγορία* как синонимы, обозначающие совещательную речь.

самой сильной из судебных, в написанной речи «О венке» » (Thuc. 54 Ἐν δὲ τῷ κρατίστῳ τῶν δικανικῶν, τῷ περὶ τοῦ στεφάνου γραφέντι λόγῳ...), «диадикасия «Против Макартата»» (Dem. 13 ἢ πρὸς Μακάρτατον **διαδικασία**¹¹⁰). Для некоторых сочинений Дионисий дает описание основной темы (ὑπόθεσις). Например, кратко пересказывается содержание речи «О свободе родосцев» (15) (Amm. I 4), а более пространно – сюжет речи «О симмориях» (14) (Thuc. 54).

Иногда при названии дается цитата из начала речи. Например, «“За Мантифея о приданом”: “всего тягостнее”» (Din. 13 πρὸς Μαντίθειον περὶ προικός: “πάντων ἐστὶν ἀνιάρωτατον”) или «...седьмую из совещательных речей против Филиппа он составил в ответ послам с Пелопоннеса, сделав такое начало: “всякий раз, граждане афинские, когда случаются речи”» (Amm. I 10 ...τὴν ἑβδόμην τῶν Φιλιππικῶν δημηγοριῶν διέθετο πρὸς τὰς ἐκ Πελοποννήσου πρεσβείας, ταύτην τὴν ἀρχὴν ποιησάμενος: “ὅταν ᾧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι λόγοι γίνωνται”).

В целом все речи Демосфена Дионисий делит на две группы δημόσιοι (речи по общественно значимым делам) и ἰδιωτικοί (речи по частным делам)¹¹¹, при этом δημόσιοι делятся на δημηγορικοί (совещательные) и δικανικοί (судебные)¹¹². К δημηγορικοί Дионисий относит, например, речь «О симмориях» и олинфские речи, к δικανικοί – «Против Андротиона» и «О венке», к ἰδιωτικοί – «В защиту Формиона» и «Против Олимпиодора».

Весьма вероятно, что все или большую часть этих сведений (название речей, жанр, архонт и т. д.) Дионисий почерпнул из списка Каллимаха или из его более позднего варианта, дополненного другими филологами.

¹¹⁰ Для **διαδικασία** LSJ указывает значение «иск по урегулированию спора между участниками процесса, например, по поводу имущества».

¹¹¹ ...οἱ ἄλλοι πάντες οἱ ἰδιωτικοὶ λόγοι οὐ πολλῶ πλείους τῶν εἴκοσιν ὄντες (Dem. 13).

¹¹² μέχρι τοῦδ' εὐρισκομένων δώδεκα λόγων, ὧν εἴρηκα, **δημοσίων**, ἐν οἷς εἰσι **δημηγορικοί** μὲν ἑπτὰ, **δικανικοί** δὲ πέντε... (Amm. I 4).

Подлинность и время написания речей

Дионисий Галикарнасский отмечает как неподлинны следующие речи Демосфена: «О договоре с Александром» (17), речи «Против Аристогитона» (25, 26), «Против Феокрина» (58), «Против Нееры» (59), «Надгробная речь» (60), «Против Крития об истребовании государственного имущества», «Защита по делу о полученных подарках», «Речь о том, чтобы не изгонять Гарпала», кроме того, панегирики Демосфена, в частности, «Панегирик Павсанию»¹¹³. В настоящее время некоторые из этих речей, действительно, считаются не принадлежащими Демосфену (17, 26, 58, 59), авторство других (25, 60) вызывает сомнения (Martin, 2019: xiii). В некоторых случаях Дионисий, напротив, относит к корпусу Демосфена те сочинения, которые другие филологи считали принадлежащими Динарху, а именно, речи «Против Беота по поводу имени» (39) и «За Дифила».

Принципы, в соответствии с которыми Дионисий проводит атрибуцию речей Лисия, Динарха и Демосфена, были выделены и подробно описаны М. Лоссау (Lossau, 1964). Исследователь утверждает, что *Echtheitskritik* Дионисия опирается на два основных критерия хронологический и стилистический. Использование хронологического критерия основано на работе Дионисия с различными историческими источниками, в том числе с биографическими, и подразумевает исключение из корпуса оратора тех сочинений, которые не могут принадлежать ему из-за временного несоответствия. Стилистический критерий исходит из важной для Дионисия мысли, что стиль каждого автора имеет свои особенности и характерные черты (Lossau, 1964: 74).

Обратим внимание на некоторые особенности *Echtheitskritik* Дионисия применительно к сочинениям Демосфена. Употребление хронологического критерия отмечается в его атрибуции речи «Против Беота по поводу имени» (39). Дионисий считает, что те, кто приписывают эту речь Динарху,

¹¹³ Если мы принимаем точку зрения Р. Клаво, согласно которой под «Панегириком Павсанию» Дионисий подразумевает «Любовную речь» (61), то следует отметить, что ее подлинность также вызывает сомнения у современных исследователей (Martin, 2019: xiii).

ошибаются, ведь в этом тексте как недавнее событие рассматривается экспедиция против Пилы, которая состоялась при архонте Феофиле, в это время Динарху было только тринадцать лет, а значит, он не мог быть ее автором (Din. 13).

Стилистический критерий Дионисий использует для атетезы «Надгробной речи» (60) и «Панегирика Павсанию», которые Дионисий исключает из корпуса оратора из-за их несоответствия как в содержательной, так и в выразительной части стилю Демосфена:

πανηγυρικοὺς μὲν οὖν λόγους οὐκ ἔχομεν αὐτοῦ παρασχέσθαι· πάντας γὰρ ἔγωγε τοὺς ἀναφερομένους εἰς αὐτὸν ἀλλοτρίους εἶναι πείθομαι καὶ οὐδὲ κατὰ μικρὸν ἔχοντας τὸν ἐκείνου χαρακτῆρα οὐτ' ἐν τοῖς νοήμασιν <οὐτ' ἐν τοῖς ὀνόμασι>, τῆς δὲ συνθέσεως ὄλῳ καὶ τῷ παντὶ λειπομένους. ὣν ἐστὶν ὁ τε φορτικὸς καὶ κενὸς καὶ παιδαριώδης ἐπιτάφιος καὶ τὸ τοῦ σοφιστικοῦ λήρου μεστὸν ἐγκώμιον εἰς Παυσανίαν (Dem. 44).

«Итак, я не могу предложить его панегирики, ведь я-то убежден, что все приписываемые ему являются неподлинными и не имеют даже самой малости от его стиля, ни в мыслях, ни в словах, уступая и целиком в соединении и во всем. Из них грубая, пустая и ребяческая “Надгробная речь” и полный бесполезных софизмов “Панегирик Павсанию”».

Сравним этот пассаж с фрагментом сочинения александрийского филолога Дидима о Демосфене. Обсуждая подлинность речи «В ответ на письмо Филиппа» (11), Дидим приводит мнение, согласно которому эта речь была написана Анаксименом Лампсакским и была вставлена в седьмую книгу его «Филиппики». Кроме того, как замечает Дидим, некоторые считают, что слово ὀρρωδεῖν, которое в ней встречается, не является демосфеновским:

ἔνιοι δ(ὲ) [. . .] νομ[. . .] φο[...]*κωτερω*[. . .]¹¹⁴ ἠρμήνευσαν, καθά[πε]ρ τὸ ὀρρωδεῖν ἦκιστα Δημο[σθ]ενικὸν ὃν κ(αὶ) εἶ τινα ἄλ(λ)α ὅμοια τούτω[ι] (Did. in D. col. 11. 12-17).

¹¹⁴ Ф. Хардинг понимает это место следующим образом: некоторые люди отмечают отдельные слова в 11 речи Демосфена как грубые, и, соответственно, не демосфеновские (Harding, 2006: 222).

«а некоторые истолковали как... очень грубо, например, [слово] ὀρθοθεῖν совсем не демосфеновское и любые другие подобные этому [слова]»¹¹⁵.

М. Лоссау рассматривает этот фрагмент как свидетельство того, что еще до Дидима, на рубеже I–II в. до н. э., филологи рассматривали стиль как критерий для атрибуции и атетезы текста Демосфена (Lossau, 1964: 78-79). Разделяя это мнение, мы в свою очередь хотели бы привлечь внимание к следующему: как и упомянутые Дидимом критики, Дионисий исключает из корпуса Демосфена речи, стиль которых представляется ему «грубым». Так, в приведенном выше фрагменте он отмечал грубый стиль «Надгробной речи» (Dem. 44 φορτικὸς... ἐπιτάφιος). Отражая критику Эсхина, Дионисий, как мы помним, утверждал, что грубость (Dem. 57 φορτικὰ... ὀνόματα, φορτικὰι κατασκευαί) свойственна только неподлинным сочинениям Демосфена¹¹⁶.

На наш взгляд, интересная ситуация складывается вокруг речи «О Галонессе» (7), которая, как известно, входила в демосфеновский корпус, но считалась неподлинной уже в античности¹¹⁷. Говоря об этом сочинении, Дионисий замечает, что оно воспроизводит точность и тонкость Лисия, в то время как важные качества стиля Демосфена, такие как необычность (ἐξαλλαγή), важность (σεμνολογία) и сила (δεινότης) встречаются в нем редко¹¹⁸. Дионисий не исключает эту речь из корпуса оратора, как можно предположить, потому что видит большое сходство стилей Демосфена и Лисия в многих сочинениях, которые считаются их подлинными произведениями (Dem. 13). При этом заметим, что Дионисий никогда не использует фрагменты из речи «О Галонессе» как парадигматические цитаты,

¹¹⁵ Фрагмент, его перевод и интерпретация приводятся по изданию Ф. Хардинга (Harding, 2006).

¹¹⁶ οὐδέ γε ἄλλα τινὰ φορτικὰ καὶ ἀηδῆ ὀνόματα ἐν οὐδενὶ τῶν Δημοσθένους λόγων εὐρεῖν δεδύνημαι καὶ ταῦτα πέντε ἢ ἕξ μυριάδας στίχων ἐκείνου τοῦ ἀνδρὸς καταλελοιπότης. εἰ μὲντοι τινὲς ἐν τοῖς ψευδεπιγράφοις εἰσὶ λόγοις ἀηδεῖς καὶ φορτικὰ καὶ ἄγροικοι κατασκευαί, ὡς ἐν τοῖς κατ' Ἀριστογείτονος β καὶ ἐν τῇ ἀπολογία τῶν δώρων καὶ ἐν τῷ περὶ τοῦ μὴ ἐκδοῦναι Ἄρπαλον καὶ ἐν τῷ κατὰ Νεαίρας καὶ ἐν τῷ περὶ τῶν πρὸς Ἀλέξανδρον συνθηκῶν ἐν ἄλλοις τε συχνοῖς, οὓς ὁ Δημοσθένης οὐκ ἔγραψεν, ἐν ἑτέρᾳ δηλοῦται μοι πραγματεία τὰ περὶ Δημοσθένη (Dem. 57).

¹¹⁷ Об этом подробно пишет, например, Либаний в своем прологе к речи «О Галонессе» (Lib. Arg. D. pr. 7).

¹¹⁸ ὅλος ἐστὶν ἀκριβῆς καὶ λεπτὸς καὶ τὸν Λυσιακὸν χαρακτῆρα ἐκμέμακται εἰς ὄνυχᾶ, ἐξαλλαγῆς δὲ ἢ σεμνολογίας ἢ δεινότητος ἢ τῶν ἄλλων τινός, ἃ τῇ Δημοσθένους δυνάμει παρακολουθεῖν πέφυκεν, ὀλίγην ἐπίδειξιν ἔχει (Dem. 13).

он обращается к ней всего дважды и цитирует только ее первую строку, исключительно с целью уточнить, какое именно сочинение имеется в виду (Amm. I 10; Dem. 13).

Помимо стилистического и хронологического критерия Дионисий, как нам представляется руководствуется и другими соображениями, а именно, обстоятельствами дела, характером действующих лиц. Так, он считает, что речь «За Дифила» не могла быть написана Динархом, ведь именно Демосфен просил о награждении Дифила, а тот сам просил его о помощи. Дионисий считает маловероятным, чтобы в такой ситуации Демосфен позволил Дифилу получить защитительную речь от Динарха¹¹⁹.

Мы можем, хотя и с большой осторожностью, предположить, что, руководствуясь похожими соображениями, Дионисий исключает из корпуса Демосфена речь «О том, чтобы не изгонять Гарпала». Плутарх сообщает, что, опасаясь наказания за свои преступления, Гарпал бежал от Александра в Афины. Демосфен сначала советовал не давать убежища Гарпалу, но после того, как получил от него золотой кубок и двадцать талантов, отказался выступить в народном собрании, притворившись, что лишился голоса. Вскоре о взятке стало известно и народ так шумел, что Демосфен даже не смог высказаться в свою защиту, затем афиняне изгнали Гарпала и обыскали дома всех, подозревавшихся в получении взятки, в результате последовавшего затем процесса Демосфен был приговорен к штрафу и тюремному заключению (Plu. Dem. 25-26). Согласно этому рассказу, «Речь о том, чтобы не изгонять Гарпала» вовсе не могла быть произнесена, ведь Демосфен не говорил ничего в его защиту, но только отказался выступать, после чего сразу же попал под подозрение и вряд ли мог открыто просить за Гарпала, тем более что тот уже был изгнан из Афин. С другой стороны, Дионисий мог воспользоваться здесь

¹¹⁹ Διφίλω δημηγορικός, αἰτοῦντι δωρεάς: “διὰ τὸ μὴ ῥάδιον εἶναι.” τοῦτον ἐπέισθην ὑπὸ Δημοσθένους γεγράφθαι τὸν λόγον, ὅτι τὰς δωρεὰς ἔγραψεν αὐτῷ Δημοσθένης, ὡς Δείναρχος ἐν τῷ κατὰ Δημοσθένους λόγῳ δεδήλωκε, καὶ ὅτι ἐπὶ τέλει τοῦ λόγου ὁ Δίφιλος Δημοσθένην παρακαλεῖ συνήγορον. ἀπίθανον δὲ οἶμαι εἶναι τὰς μὲν τιμὰς οὕτω γράφειν εὐνοοῦντα τῷ Διφίλῳ τὸν Δημοσθένην, λόγον δὲ παρὰ Δεινάρχου λαβόντα περιδεῖν (Din. 11).

и стилистическим критерием, ведь он сам отмечает речь «О том, чтобы не изгонять Гарпала» в числе тех ложно приписываемых Демосфену сочинений, которые отличаются «неприятной, грубой и деревенской отделкой» (Dem. 57 ἀηδεῖς καὶ φορτικαὶ καὶ ἄγροικοὶ κατασκευαί).

Заметим, что в своей работе Дионисий также устанавливает время написания многих речей оратора. Наиболее полное представление о подходе Дионисия к хронологии дает «Первое письмо к Аммею», цель которого – убедительно доказать, что Демосфен стал известен как великий оратор и написал свои лучшие сочинения раньше, чем появилась «Риторика» Аристотеля (Amm. I 3). Не рассматривая подробно содержание письма, которое комментируется многими исследователями, обратим внимание на некоторые особенности подхода античного филолога к этой теме.

Работая над письмом, Дионисий пользуется многим источникам, в числе которых сочинение «Об Аристотеле» Гермиппа Смирнского (Auјас, 1992: 157) и «Аттическая история» Филохора (Amm. I 9). Примечательно, что к этим же текстам обращается александриец Дидим в своем комментарии к Демосфену, причем у обоих авторов цитируется один общий пассаж из Филохора (Amm. I. 11; Did. in D. col. 1. 67 f, col. 11. 37 f)¹²⁰.

Также заметим, что к самим сочинениям Демосфена и Аристотеля Дионисий подходит как к историческим источникам. Так, он приводит пассаж из «Риторики», где упоминается просьба Филиппа к фиванцам о проходе через Аттику (Arist. Rh. 2. 23. 6). Опираясь на сведения из истории Филохора и речи «О венке» (D. XVIII. 168, 211, 213), Дионисий делает вывод, что упомянутое Аристотелем событие происходило в то же время, что и посольство афинян к фиванцам, т. е. в архонство Лимахида (Amm. I 11).

Дионисию, как уже отмечалось выше, были известны Πίνακες Καλλιμάχα, а, вероятно, и некие списки, составленные пергамскими

¹²⁰ Подробно об этом пересечении см. (Harding, 2006: 34-35).

грамматиками¹²¹. В «Первом письме к Аммею» он также упоминает составителей списков риториков, но не называет конкретных авторов (Αμμ. Ι 4 οἱ τοὺς ῥητορικοὺς πίνακας συντάξαντες). Возможно, в данном случае Дионисий обращался и к другим каталогам речей, которые были составлены уже в Риме (Αυῖας, 1992: 156)¹²².

Отметим тщательно разработанную аргументацию Дионисия в письме к Аммею. Первый этап его доказательства – установить, что многие речи Демосфена были написаны до Олинфской войны (349-348 гг.), в то время как Аристотель составил свой трактат после этих событий. Здесь Дионисий упоминает, в частности, три олинфские речи, речь «О симмориях», «Первую против Филиппа», «Против Мидия» – все эти сочинения, действительно, написанные до Олинфской войны, относятся к самым известным и замечательным сочинениям оратора. Второй пункт доказательства – продемонстрировать, что другие речи Демосфена были написаны до войны афинян против Филиппа (339-338 гг.), тогда как «Риторика» была написана позже. Все сказанное, очевидно, уже подтверждает, что Демосфен стал знаменитым оратором до опубликования «Риторики», однако Дионисий не может оставить без внимания знаменитую речь «О венке», написанную уже после смерти Филиппа. Последний шаг его доказательства – показать, что Аристотель создает «Риторику» после речи «О венке».

Итак, исходный тезис о том, что Демосфен достиг успеха в красноречии до появления трактата Аристотеля, подтверждается уже в самом начале письма, однако Дионисий продолжает свое изложение. Эта, на первый взгляд, избыточная аргументация, как нам представляется, нужна Дионисию, чтобы убедительно представить свой финальный вывод: Демосфен не только не

¹²¹ Дионисий упоминает, что о Динархе не написали ничего точного ни Каллимах, ни пергамские грамматикологи (Dip. 1 ἄμα δὲ ὅρῳν οὐδὲν ἀκριβὲς οὔτε Καλλιμάχων οὔτε τοὺς ἐκ Περγᾶμου γραμματικοὺς περὶ αὐτοῦ γράψαντας...). Это замечание можно рассматривать как ссылку на пергамский список речей Динарха, однако не исключено, что имеются в виду и какие-то другие специальные сочинения, составленные в Пергаме.

¹²² Предположение, сделанное Ж. Ожак, представляется нам достаточно правдоподобным, ведь Дионисий как правило конкретизирует свой источник, если речь идет о древних авторах, но не называет имена своих современников.

пользовался «Риторикой» при написании своих речей, но, напротив, Аристотель опирался на практику Демосфена и других ораторов¹²³. В свете этого вывода Дионисию важно показать, что не только некоторые, но все самые известные и признанные сочинения Демосфена, включая его лучшую речь «О венке», были написаны до «Риторики», следовательно, Аристотель мог обращаться к ним в своей работе.

¹²³ Ἀλλὰ γὰρ ὅτι μὲν οὐχ ὁ ῥήτωρ παρὰ τοῦ φιλοσόφου τὰς τέχνας παρέλαβεν αἷς τοὺς θαυμαστοὺς ἐκείνους κατεσκεύασε λόγους, ἀλλὰ τοῦναντίον τὰ Δημοσθένους καὶ τὰ τῶν ἄλλων ῥητόρων ἔργα παραθέμενος Ἀριστοτέλης ταύτας ἔγραψε τὰς τέχνας, ἰκανῶς ἀποδεδείχθαι νομίζω (Amm. I 12).

1.4. Цитирование Демосфена в сочинениях Дионисия Галикарнасского

В риторических сочинениях Дионисия Галикарнасского мы отмечаем 36 парадигматических цитат из Демосфена, конкретно же, из следующих речей: «Вторая олинфская» (2), «Третья олинфская» (3), «О мире» (5), «Третья против Филиппа» (9), «О симмориях» (14), «О венке» (18), «О преступном посольстве» (19), «Против Лептина» (20), «Против Мидия» (21), «Против Аристократа» (23), «Против Конона» (54). При том, что Дионисий занимается специальным исследованием Демосфена и хорошо знает весь обширный корпус оратора, для непосредственного цитирования и анализа он выбирает только 11 сочинений Демосфена, из которых явное предпочтение отдается речам по общественно значимым делам (*δημόσιοι λόγοι*)¹²⁴. Главное же внимание он уделяет речам против Филиппа и македонской партии во главе с Эксином¹²⁵, чаще всего приводятся фрагменты из речей «О венке» и «Третьей против Филиппа»¹²⁶.

В целом, мы можем заключить, что Дионисий цитирует самые известные и востребованные в античности сочинения оратора¹²⁷. С другой стороны, он практически не обращается к речам по частным делам (*ιδιωτικοί λόγοι*)¹²⁸, хотя некоторые из них (например, речи 40, 56, 58), как считается, использовались в

¹²⁴ *Δημόσιοι λόγοι* делятся на *δημηγορικοί* (совещательные) и *δικανικοί* (судебные). Из 11 процитированных Дионисием речей к совещательным относятся речи 2, 3, 5, 9, 14, 19, 20, к судебным – речи 18, 21, 23.

¹²⁵ 22 цитаты из 36 Дионисий выбирает из следующих речей: «Третья против Филиппа», «О венке», «Третья Олинфская», «О преступном посольстве», «Вторая Олинфская». Речь Демосфена «О мире» также связана с Филиппом, однако в ней, в отличие от других своих сочинений на эту тему, оратор призывает афинян заключить мир с Македонией.

¹²⁶ Всего в корпусе Дионисия встречается по 9 парадигматических цитат из речей «О венке» и «Третьей против Филиппа». Для речи «О венке» см. *Thuc.* 54; *Dem.* 14, 31; *Comp.* 6, 7, 8, 18, 25; для «Третьей Филиппики» см. *Thuc.* 54; *Is.* 13; *Dem.* 9, 54, 58; *Comp.* 9.

¹²⁷ По статистике А. Вайше, к наиболее популярным в античности сочинениям Демосфена относятся следующие речи: «Третья Олинфская» (3), «Первая против Филиппа» (4), «Третья против Филиппа» (9), «О венке» (18), «О преступном посольстве» (19), «Против Аристократа» (23), «Первая против Аристократа» (25), несколько реже обращались к речам «Против Андротиона» (22), «Против Тимократа» (24), «Против Лептина» (20) и «Против Мидия» (21) (*Weische*, 1972: 137-40).

¹²⁸ Из процитированных Дионисием сочинений к *ιδιωτικοί λόγοι* относится только речь «Против Конона» (54).

риторическом обучении в I в. до н. э. (Weische, 1972: 137-40). Заметим также, что Дионисий не цитирует письма Демосфена, хотя фрагменты из них фигурируют в сочинениях античных риторов, например, Гермогена Тарского (Rutherford, 1998: 80-83).

На наш взгляд, в выборе сочинений Демосфена и конкретных пассажей из них для цитирования Дионисий руководствуется теми же критериями, которые мы выделили для других авторов и текстов, а именно, подлинность сочинения, его жанр и риторическая структура, образность и авторский стиль.

Как уже было сказано, Дионисий обращается к актуальной в его время проблеме установления подлинных сочинений Демосфена, при этом его интерес к этой теме находит практическое применение. Напомним, что он отклоняет критику оратора со стороны Эсхина, утверждая, что отмеченные оппонентом неудачные выражения на самом деле не встречаются в подлинных речах Демосфена (Dem. 57). В другом случае Дионисий отказывается приводить цитаты из панегириков оратора, так как считает эти сочинения неподлинными¹²⁹. По той же причине он не рассматривает в качестве примера стиля Демосфена сохранившуюся в его корпусе «Эпитафию» (60):

κράτιστος δὴ πάντων τῶν πολιτικῶν λόγων ὁ Μενέξενος, ἐν ᾧ τὸν ἐπιτάφιον διεξέρχεται λόγον, ὡς μὲν ἐμοὶ δοκεῖ, Φουκυδίδην παραμιμούμενος, ὡς δὲ αὐτός φησιν, Ἀρχίνῳ καὶ Δίῳνι <ἀλειακίζόμενος> τοῦτον δὴ παραλήψομαι τὸν λόγον καὶ παρ' αὐτὸν ἐξετάσω Δημοσθένους λέξεις τινάς, οὐκ ἐκ τοῦ <ἐπιταφίου>· τοῦτον μὲν γὰρ οὐχ ἠγοῦμαι ὑπ' ἐκείνου τοῦ ἀνδρὸς γεγράφθαι· ἀλλ' ἐκ τῶν ἄλλων αὐτοῦ λόγων, ὅσοι περὶ τε τοῦ καλοῦ καὶ τῆς ἀρετῆς εἴρηνται... (Dem. 23).

«очевидно, самая сильная из всех общественных речей [Платона], “Менексен”, в которой он передает надгробную речь, как мне кажется, он подражает здесь Фукидиду, а сам он говорит, что уподобляется Архину и Диону, вот эту речь я возьму, чтобы сравнить с ней некоторые отрывки из Демосфена, не из его

¹²⁹ πανηγυρικοὺς μὲν οὖν λόγους οὐκ ἔχομεν αὐτοῦ παρασχέσθαι: πάντας γὰρ ἔγωγε τοὺς ἀναφερομένους εἰς αὐτὸν ἀλλοτρίους εἶναι πείθομαι... (Dem. 44).

“Эпитафий”, ведь я не думаю, что эта речь была написана именно им, но из других его речей, в которых говорится о красоте и добродетели...».

Обратим внимание на то, что внимание к подлинности сочинений Демосфена не характерно для авторов более поздних риторических трактатов. Так, И. Радерфорд совершенно справедливо замечает, что, если Дионисий и Цецилий Калактийский занимаются установлением подлинных речей Демосфена, то Гермогена, ритора II в. н. э., вовсе не интересуется этот вопрос, ведь он подходит к оценке оратора не с рациональных позиций, как Дионисий или Цецилий, но относится к нему с божественным поклонением (Rutherford, 1998: 87).

Как уже отмечалось выше, большое значение для Дионисия имеет жанр и содержание текста, что особенно необходимо, когда критик проводит сопоставление языка и стиля двух авторов. Так, в качестве образцов стиля Исократа и Демосфена выбираются большие пассажи из речей «О мире» (Isoc. Рас. 41-49) и «Третьей Олинфской» (D. III. 23-32). Оба сочинения относятся к совещательному красноречию, а в процитированных Дионисием пассажах разрабатываются одни и те же топоры: Исократ и Демосфен сравнивают нравы и обычаи древних и современных афинян, разумеется, не в пользу последних, и рассуждают об упадке государства, которому способствуют те, кто стремятся снискать благосклонность толпы. На важность такого критерия как тематическое сходство рассматриваемых текстов указывает и сам Дионисий:

...ἐπὶ τοῦτ' ἤδη πορεύσομαι τὰς ἄριστα δοκούσας ἔχειν παρ' ἑκατέρῳ τῶν ἀνδρῶν λέξεις προχειρισάμενος καὶ ἀντιπαραθεὶς αὐταῖς τὰς Δημοσθένους, ὅσαι περὶ τὰς αὐτὰς συνετάχθησαν ὑποθέσεις, ἵνα μᾶλλον αἱ τῶν ἀνδρῶν προαιρέσεις τε καὶ δυνάμεις γένωνται καταφανεῖς τὴν ἀκριβεστάτην βάσανον ἐπὶ τῶν ὁμοίων ἔργων λαβοῦσαι (Dem. 16).

«...я перейду теперь к выбору текстов, которые считаются лучшими у каждого из этих мужей и сравнению их с текстами Демосфена, которые составлены на ту же тему, чтобы стали более ясными устремления и силы этих мужей, оцененные самым точным образом на [примере] сходных событий».

Особенности стилей Платона и Демосфена Дионисий иллюстрирует цитатами из диалога «Менексен» (Pl. Mx. 236a-248d) и речи «О венке» (D. XVIII. 199-209), которые также выбраны с учетом содержания: как в надгробном слове Аспазии, которое приводит Сократ, так и во фрагменте из речи Демосфена говорится о славной истории Афин и о мужестве воинов. Это отмечает и сам Дионисий, указывая, что для сопоставления с Платоном ему необходимо одно из тех сочинений Демосфена, которое посвящено прекрасному и добродетельному (Dem. 23 περί τε τοῦ καλοῦ καὶ τῆς ἀρετῆς). При этом он, конечно, замечает и разницу приведенных пассажей: речь Платона – призыв афинян к достойному поведению, в то время как слова Демосфена – энкомий городу¹³⁰.

На первый взгляд выбор для сравнения двух авторов именно эпитафии из «Менексена» кажется достаточно неожиданным и даже несправедливым¹³¹, ведь надгробную речь Сократа из-за ее иронического характера нередко относят к пародийным текстам (Жебелев, Радлов, 1924: 99-101) (Clavaud, 2010: 9). С другой стороны, заметим, что в античности это сочинение могло и не считаться пародией. Так, например, Цицерон говорит о надгробной речи из «Менексена» как о действительно произнесенной и утверждает, что она ежегодно зачитывается на торжествах в честь павших (Cic. Orat. 151).

Как нам представляется, Дионисий выбирает для цитирования этот диалог не из стремления умалить достоинства стиля философа, но как текст, с его точки зрения, наиболее подходящий для сравнения Платона и Демосфена: эпитафия из «Менексена» рассматривается как πολιτικός λόγος¹³² (Dem. 23), т. е. относится к той же категории сочинений, что и речь «О венке». Дионисий, как мы отмечали ранее, часто обращается к хорошо известным текстам,

¹³⁰ ἀντιπαρεξετάσωμεν οὖν ταύτη Δημοσθένους λαβόντες λέξιν ἐκ τοῦ ὑπὲρ Κτησιφῶντος λόγου. ἔστι δ' οὐ παράκλησις Ἀθηναίων ἐπὶ τὸ καλὸν καὶ τὴν ἀρετὴν, ὥσπερ παρὰ τῷ Πλάτῳ, ἀλλ' ἐγκώμιον τῆς πόλεως, ὅτι πάντα ἡγεῖται ἄλλα ἐλάττω τιμῆς καὶ δόξης, ἧς φέρουσι καλαὶ πράξεις, κἂν εἰ μή τις αὐτὰς μέλλοι κατορθοῦν (Dem. 31).

¹³¹ «The comparison could not be more unfair» (Usher, 1974: 359).

¹³² Заметим, что Цицерон противопоставляет эту речь диалогам Платона и называет ее oratio popularis (Cic. Orat. 151), что созвучно с предложенным Дионисием определением πολιτικός λόγος.

которые, по-видимому, уже получили высокую оценку античных читателей. Так, и «Менексен» он привлекает к анализу как «самую сильную из общественных речей» (Dem. 23 κράτιστος δὴ πάντων τῶν πολιτικῶν λόγων). Дионисий даже упоминает, что некоторые с большой похвалой отзываются о финальных пассажах надгробной речи из этого диалога¹³³.

Также мы бы хотели привлечь внимание к пересечениям Дионисия Галикарнасского и более поздних авторов в выборе цитат из оратора. Так, например, Дионисий демонстрирует сходство стилей Демосфена и Фукидида на примере следующего пассажа речи «Против Мидия» (Dem. 9):

νῦν δὲ τοῦτο μὲν οὐκ ἐποίησεν, ἐν ᾧ τὸν δῆμον ἐτίμησεν ἄν, οὐδ' ἐνεανιεύσατο τοιοῦτον οὐδέν. ἐμοὶ δέ, ὅς, εἴτε τις, ᾧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, βούλεται νομίσει μανίαν **“μανία γὰρ ἴσως ἐστὶν ὑπὲρ δύνάμιν τι ποιεῖν”**, εἴτε καὶ φιλοτιμίαν, χορηγὸς ὑπέστην, οὕτω φανερώς καὶ μαρῶς ἐπηρεάζων παρηκολούθησεν, ὥστε μηδὲ τῶν ἱερῶν ἱματίων μηδὲ τοῦ χοροῦ μηδὲ τοῦ σώματος τὸ χεῖρε τελευτῶν ἀποσχέσθαι μου (D. XXI. 69).

«Но на самом деле он не сделал того, чем мог бы почтить народ, не впадая при этом в ребяческое безрассудство. Меня же, который стал хорегом (захочет ли кто-то, граждане афинские, назвать это честолюбием или безумием, ведь безумием, пожалуй, является делать что-то сверх сил), так явно и с отвратительным пренебрежением преследовал, что его не остановили ни священные одежды, ни хор, а в конце он не удержался и от рукоприкладства в отношении меня».

Дионисий отмечает усложненный синтаксис этого предложения, не соответствующий естественному порядку изложения, именно это качество, хотя и в разной степени, присутствует, по его мнению, как у Фукидида, так и у Демосфена:

τί δὴ πάλιν ἐστὶν ἐν τούτοις τὸ συνταράττον τὴν κατὰ φύσιν ἀπαγγελίαν; πρῶτον μὲν τό, πρὶν ἀπαρτίσαι τὸ ἡγούμενον εἴτε νόημα χρὴ λέγειν εἴτε κῶλον, ἕτερον

¹³³ ἃ δὲ δὴ κράτιστα εἰρήσθαι τῷ ἀνδρὶ δοκοῦσί τινες ἐπὶ τῇ τελευτῇ τοῦ λόγου, καγὼ σύμφημι... (Dem. 30).

παρεμβαλεῖν καὶ μηδὲ τοῦ δευτέρου τέλος ἔχοντος τὸ τρίτον ἐπιζευξαι, εἶτα τὴν τοῦ δευτέρου νοήματος ἀκολουθίαν ἐπὶ τῷ τρίτῳ τέλος εἰληφότι θεῖναι, κάπειτα ἐπὶ πᾶσιν, ὃ τοῦ πρώτου μέρος ἦν, διὰ μακροῦ καὶ οὐκέτι τῆς διανοίας αὐτὸ προσδεχομένης ἀποδοῦναι (Dem. 9).

«Так что же тогда есть в этих словах разрушающее естественное выражение? Во-первых, то, что, прежде чем закончить начатое, высказать или мысль, или колон, он добавляет второе и, когда оно еще не закончено, присоединяет третье, затем то, что относилось ко второму, следует после того, как было закончено третье, потом после всего он дает то, что относилось к первому, после большого интервала, когда это уже не соотносится со смыслом».

Примечательно, что это же место из речи «Против Мидия» рассматривается в позднейших риторических трактатах «О фигурах»¹³⁴ (II в. н. э.), «Об идеях»¹³⁵ (II в. н. э.), «О фигурах Демосфена»¹³⁶ (III–IV в. н. э.), однако, в отличие от Дионисия, авторов риторик здесь привлекает главным образом замечание о безумии и честолюбии, которое они рассматривают как фигуру иронии.

Следующая тема, которую разрабатывает Дионисий Галикарнасский в связи с оратором, – средний стиль красноречия (μέσος χαρακτήρ), лучшим образцом которого, по его мнению, является Демосфен. В качестве примеров этого, как считает Дионисий, самого совершенного стиля (Dem. 15 τοῦτον ἔγωγε τὸν χαρακτῆρα <τελειότατον ἀπάντων οἶμαι γενέσθαι>) приводятся несколько цитат, в частности, из речей «О преступном посольстве» и «Против Лептина об ателии» (Dem. 14):

¹³⁴ ἔστι τοίνυν χρεια τῶν σχημάτων κατὰ τρόπους πλείονας· ἐπίτασιν γὰρ δύναται τῶν πραγμάτων ἐμφαίνειν, ὡς ἔχει τὰ τοιαῦτα ... ἐμοὶ δ' ὄσον, εἴτε τις βούλεται νομίσει μανίαν εἴτε καὶ φιλοτιμίαν· διὰ γὰρ τῆς εἰρωνείας μᾶλλον, ἢ εἰ ἐξ εὐθείας ἐλέγετο, ἠϋξῆται ὁ λόγος... (Alex. Fig. 1. 13. 28).

¹³⁵ τοιαῦται δὲ αἱ εἰρωνεῖαι, μέθοδοί τινες οὔσαι δήπουθεν, οἷον ἐμοὶ δὲ ὅς, εἴτε τις, ὃ Ἀθηναῖοι, βούλεται νομίσει μανίαν· μανία γὰρ ἴσως ἐστὶ τὸ ὑπὲρ δύναμιν τι ποιεῖν· πάνυ γὰρ βαρέως ἐνταῦθα τὴν φιλοτιμίαν ἑαυτοῦ μανίαν ὠνόμασε... (Hermog. Id. 2. 8. 23).

¹³⁶ ἔτι δὲ καινῶς ἐν τῷ κατὰ Μειδίου ἐφ' ἑαυτοῦ εἰρωνεῖα κέχρηται· ἐγὼ δέ, ὅς—εἴτε τις, ὃ Ἀθηναῖοι, βούλεται νομίσει μανίαν (μανία γὰρ ἴσως ἐστὶ τὸ ὑπὲρ δύναμιν τι ποιεῖν) εἴτε φιλοτιμίαν—χορηγὸς ὑπέστην (Tib. Fig. 3. 8-12).

...ἀεὶ μὲν γάρ, ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, προσήκει μισεῖν καὶ κολάζειν τοὺς προδότας καὶ δωροδόκους, μάλιστα δὲ νῦν ἐπὶ τοῦ καιροῦ τούτου γένοιτ' ἂν καὶ πάντας ὠφελήσειεν ἄνθρώπους κοινῇ. **νόσημα γάρ, ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, δεινὸν ἐμπέπτωκεν εἰς τὴν Ἑλλάδα καὶ χαλεπὸν, ὃ πολλῆς τινος εὐτυχίας καὶ παρ' ὑμῶν ἐπιμελείας δεόμενον...** (D. XIX. 258).

«...ведь всегда, граждане афинские, следует ненавидеть и наказывать предателей и продажных, в особенности же теперь это будет полезно в целом для всех людей. Дело в том, что страшная болезнь, граждане афинские, напала на Грецию и трудная, которая требует большой удачи и заботы с вашей стороны...».

πρῶτον μὲν τοίνυν Κόνωνα σκοπεῖτε, εἰ ἄρα ἄξιον καταμεμψαμένους ἢ τὸν ἄνδρα ἢ τὰ πεπραγμένα ἄκυρόν τι ποιῆσαι τῶν ἐκείνω δοθέντων. οὗτος γάρ, ὡς ὑμῶν τινῶν ἔστιν ἀκοῦσαι τῶν κατὰ τὴν αὐτὴν ἡλικίαν ὄντων, **μετὰ τὴν τοῦ δήμου κάθοδον τὴν ἐκ Πειραιέως ἀσθενοῦς ἡμῶν τῆς πόλεως οὔσης...** (D. XX. 68).

«Во-первых, посмотрите теперь на Конона, разве достойно, порицая или этого мужа, или сделанное им, отменить уже данное ему. Ведь он, как можно слышать от некоторых из вас, людей одного с ним возраста, вместе с народом вернулся из Пирея, когда наш город был слаб...».

Из первого пассажа авторы риторик цитируют слова о болезни, постигшей Элладу. В трактате Псевдо-Деметрия «О стиле» этот фрагмент приводится как пример фигуры замедления (ἐπιμονή), которая способствует такому качеству стиля как сила (δεινότης)¹³⁷. В «Риторике» Псевдо-Аристиды пассаж иллюстрирует использование образных выражений (τροπικαὶ λέξεις), необходимых для важности стиля (σεμνότης)¹³⁸. Гермоген видит здесь характерный для блестящего (λαμπρότης) и торжественного (σεμνότης) стилей

¹³⁷ Ἡ δὲ καλουμένη ἐπιμονή ἐστὶ μὲν ἐρμηνεῖα πλείων τοῦ πράγματος, μέγιστα δὲ συμβάλουσιν ἂν εἰς δεινότητα· παράδειγμα δὲ αὐτῆς τὸ Δημοσθένους· **νόσημα γάρ, ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, δεινὸν ἐμπέπτωκεν εἰς τὴν Ἑλλάδα...** (Demetr. Eloc. 280).

¹³⁸ Καὶ ὅταν τροπικαῖς ἀντὶ ἰδίων ταῖς λέξεσι χρῆσι, οἷον τὴν δωροδοκίαν νόσημα εἰπεῖν, νόσημα, ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, δεινὸν ἐμπέπτωκεν εἰς τὴν Ἑλλάδα... (Aristid. Rh. 1. 1. 3. 2).

τροπή)¹³⁹. Фрагмент из второго процитированного Дионисием пассажа встречается у Псевдо-Аристида как пример амплификации (περιβολή)¹⁴⁰.

В другом случае Дионисий Галикарнасский проводит сравнение стилей Исократа и Демосфена, и, как уже отмечалось выше, иллюстрирует это сопоставление цитатами из речей «О мире» (Isoc. Ras. 41-49) и «Третьей Олинфской» (D. III. 23-32) (Dem. 21). К достоинствам фрагмента из Демосфена Дионисий относит способность оратора провести не мелочное сравнение каждого отдельного предмета в древности и современности, но охватить явление в целом¹⁴¹. По замечанию критика, стиль этого отрывка отличается от стиля Исократа большим благородством, великолепием, уместностью, энергичностью, живостью и патетикой, лучшим выражением мыслей, а кроме того, Демосфен избегает холодных и ребяческих фигур, которыми сверх меры пользуется Исократ¹⁴². Главное же различие двух ораторов, которое Дионисий особо подчеркивает, состоит в следующем: Исократ не может, а часто и не хочет, воздействовать на эмоции слушателей (Dem. 18), в то время как Демосфен захватывает даже тех, кто читает его речи спустя многие столетия (Dem. 22).

К отдельным предложениям этого же пассажа Демосфена обращается Гермоген, который также отмечает высокие качества этого текста, в частности,

¹³⁹ ... «νόσημα γάρ, ὃ Ἀθηναῖοι, δεινὸν ἐμπέπτωκεν εἰς τὴν Ἑλλάδα καὶ χαλεπὸν καὶ πολλῆς τινος εὐτυχίας καὶ τῆς παρ' ὑμῶν ἐπιμελείας δεόμενον» · ἡ γὰρ τροπή τραχέος οὔσα καὶ σφοδροῦ λόγου ἢ «νόσημα γάρ» ἐτέρως πως διῆρται ὡς ἐν λαμπρότητι καὶ οὐ μᾶλλον τραχύτητα ἐνταῦθα ἐμφαίνει ἢ λαμπρότητα. περὶ δὲ τῶν τοιούτων ὀνομάτων ἰκανῶς οἶμαι ἐν τῷ περὶ σεμνότητος ἡμῖν εἰρῆσθαι (Hermog. Id. 1. 10. 24-28).

¹⁴⁰ Περιβολὴν δὲ ποιεῖς καὶ ὅταν εἰσάγων τι παρ' αὐτοῦ, οἷον Κόνων ὑμᾶς τοσαῦτα εὐεργέτησε, μὴ εὐθὺς εἶπης τί ἐποίησεν, ἀλλὰ προλαβὼν ἐκ τίνων τίνα ἐποίησε, πῶς ἐχόντων ἐποίησεν, ὡς ἐν τῷ πρὸς Λεπτίνην τὸ μὲν εὐεργέτημα κατεναυμάχησεν, ὁ δὲ πρὶν τοῦτο εἰπεῖν προλαβὼν προσηγάγετο, καὶ πῶς ἐχόντων τί ἐποίησεν μετὰ τὴν τοῦ δήμου κάθοδον, τὴν ἐκ Πειραιῶς, ἀσθενοῦς ἡμῶν τῆς πόλεως οὔσης καὶ ναῦν οὐδεμίαν κεκτημένης, στρατηγῶν βασιλεῖ, παρ' ἡμῶν οὐδ' ἦντιναοῦν ἀφορμὴν λαβὼν, νῦν τὸ γενόμενον ὑπ' αὐτοῦ κατεναυμάχησε Λακεδαιμονίους (Aristid. Rh. 1. 3. 1. 9).

¹⁴¹ οὐ καθ' ἓν ἔργον ἕκαστον ἀρχαῖον ἔργον καινῶ παρατιθεῖς οὐδὲ πάντα μικρολογῶν συγκρίσει, ἀλλὰ ὅλη τῇ θέσει ποιούμενος ὅλην τὴν ἀντίθεσιν διεξοδικῆν (Dem. 21).

¹⁴² ταύτην τὴν διάλεκτον τίς οὐκ ἂν ὁμολογήσειε καὶ κατὰ τᾶλλα μὲν πάντα διαφέρειν τῆς Ἰσοκράτους; καὶ γὰρ εὐγενέστερον ἐκείνης καὶ μεγαλοπρεπέστερον ἡρμήνευκε τὰ πράγματα καὶ <εὐπρεπεστέροις> περιεῖληφεν ὀνόμασι συγκεκριτόταί τε καὶ συνέσπασται καὶ περιτετόρνευται τοῖς νοήμασιν ἄμεινον ἰσχύϊ τε πλείονι κέχρηται καὶ τόνοις ἐμβριθεστέροις καὶ πέφυγε τὰ ψυχρὰ καὶ μεираκιώδη σχήματα, οἷς ἐκείνη καλλωπίζεται πέρα τοῦ μετρίου. Μάλιστα δὲ κατὰ τὸ δραστήριον καὶ ἐναγώνιον καὶ ἐμπαθεῖς ὄλω καὶ τῷ παντὶ κρεῖττον ἔχει ἐκείνης (Dem. 21).

его энергичность, при этом, в отличие от Дионисия, он делает акцент на встречающихся здесь тропах и фигурах:

πῶς ἡμῖν ὑπὸ τῶν χρηστῶν τούτων τὰ πράγματα ἔχει; (D. III. 27).

«а теперь как у нас обстоят дела под руководством этих честных людей?»

ὁμοίως δὲ ὁ δῆμος ἐκνευρισμένοι καὶ περιηρημένοι χρήματα, συμμάχους, ἐν ὑπέρτερου καὶ προσθήκης μέρει γεγέννησθε, ἀγαπῶντες... (D. III 31).

«а вы, народ, ослабленные (букв. с перерезанными сухожилиями), лишённые средств, союзников, оказались в положении слуги и придатка, любите...».

В первом фрагменте Гермоген видит фигуру иронии¹⁴³, которая помогает раскрыть характер (ἦθος) и проявить страстность (σφοδρότης)¹⁴⁴, или же выразить возмущение (βαρύτης)¹⁴⁵. О втором предложении Гермоген замечает, что для шероховатого стиля (τραχύτης) характерны открытые упреки в адрес лиц более важных, чем говорящий¹⁴⁶. Глагол ἐκνευρισμένοι он рассматривает как троп (τροπικαί), шероховатое (τραχεῖαι)¹⁴⁷ и не вполне ясное (οὐ καθαρὰ), однако энергичное выражение (ἐναργῆ)¹⁴⁸. В словах ὁμοίως δὲ ὁ δῆμος Гермоген видит необычную фигуру (σχήματα καινοπρεπῆ)¹⁴⁹.

Интересно, что процитированный Дионисием пассаж подробно комментируют авторы схолий к Демосфену. Схолиасты обращают внимание в основном на риторическое построение этого текста, в частности, акцентируют внимание на тех же его особенностях, что и Гермоген, а именно, отмечают

¹⁴³ Иронию здесь отмечает и ритор Тиберий в сочинении «О фигурах»: Καὶ εἰρωνεία μὲν ἐστὶ τὸ διὰ τοῦ ἐναντίου τὸ ἐναντίον σημαῖνον, οἷον ... νυνὶ δὲ πῶς ἡμῖν ὑπὸ τῶν χρηστῶν τούτων τὰ πράγματα ἔχει (Tib. Fig. 3. 7).

¹⁴⁴ ὅτι δὲ καὶ ἦθος ποιεῖν σφοδρότητα οὐδὲν κωλύει, αἱ εἰρωνεῖαι δηλοῦσι πᾶσαι, οἷον πῶς ἡμῖν ὑπὸ τῶν χρηστῶν τούτων τὰ πράγματα ἔχει; (Hermog. Id. 1. 10. 68-71).

¹⁴⁵ τοιαῦτα δὲ αἱ εἰρωνεῖαι, μέθοδοί τινες οὔσαι δήπουθεν, οἷον ... κάκεῖνο δὲ τὸ πῶς ἡμῖν ὑπὸ τῶν χρηστῶν τούτων τὰ πράγματα ἔχει; (Hermog. Id. 2. 8. 21-27).

¹⁴⁶ Ἐννοιοι τοίνυν εἰσι τραχεῖαι πᾶσαι αἱ τῶν μειζόνων προσώπων ἐπιτίμησιν ἔχουσαι ἀπὸ τινος τῶν ἐλαττόνων προσώπων ἀπαρακαλύπτως, ὥσπερ τό ... ὁμοίως δὲ ἐκνευρισμένοι καὶ περιηρημένοι χρήματα, συμμάχους, ἐν ὑπέρτερου καὶ προσθήκης μέρει γεγέννησθε, ἀγαπῶντες (Hermog. Id. 1. 7. 27-38).

¹⁴⁷ αἱ γὰρ τραχεῖαι καὶ τροπικαὶ ἐναργεῖς μὲν εἶεν ἂν καὶ ἴσως καὶ ἄλλο τι, ὥσπερ ... καὶ τὸ ἐκνευρισμένοι καὶ ὅσαι τοιαῦτα... (Hermog. Id. 1. 12. 67-71).

¹⁴⁸ ... ἐκνευρισμένοι ... ταῦτα γὰρ καὶ τὰ τοιαῦτα ἐναργῆ μὲν ἐστὶ καὶ μέγεθος ἔχοντά πως, οὐ μὴν καθαρὰ· διὸ τοῖς πολλοῖς αὐτῶν καὶ σαφηνισμοῦ τινος δεῖ, ὡς τῷ ἐκνευρισμένοι ἐδέησε τοῦ περιηρημένοι χρήματα, συμμάχους εἰς σαφήνειαν (Hermog. Id. 1. 3. 61-67).

¹⁴⁹ Ἐτι σχήματα καλλωπίζει πως καὶ τὰ καινοπρεπῆ, οἷον «ὁμοίως δ' ὁ δῆμος»... (Hermog. Id. 1. 12. 248).

фигуру иронии в первом предложении¹⁵⁰, шероховатую метафору ἐκνευρισμένοι¹⁵¹, а также выразительное обращение ὑμεῖς¹⁵².

Итак, мы видим, что Дионисий и авторы позднейших риторик не единожды обращаются не только к одним и тем же сочинениям Демосфена, но даже к одним и тем же пассажам из них. Вероятно, избранные фрагменты Демосфена составляли некий канон, на который должен был ориентироваться любой, кто стал бы заниматься этим оратором (Rutherford, 1998: 81). Мы в свою очередь можем предположить, что этот канон начал формироваться еще до времени Дионисия, ведь маловероятно, чтобы эксерпты из речей такого знаменитого оратора как Демосфен стали предметом детального изучения только в I в. до н. э.

Также заметим, что, комментируя пассажи из оратора, Дионисий делает акцент на общем построении речи и впечатлении от нее, он не ставит перед собой задачу непременно указать конкретные тропы и фигуры, которые использует оратор, в то время как другие риторы обращают на эту сторону текста специальное внимание. При этом отметим, что такая интерпретация текстов Демосфена была Дионисию хорошо известна. Так, например, в цитате из «Третьей речи против Филиппа» (D. IX. 27) он отмечает такие фигуры как вопрос (πεῦσις), антипофора (ἀνθυποφορά) и преувеличение (αὔξησις) (Dem. 54), в другом случае говорит о плеоназмах у Демосфена (πλεονασμός) (Dem. 58). Кроме того, известно, что Цецилий Калактийский, друг и коллега Дионисия, составил специальный трактат, посвященный именно фигурам речи (σχήματα) (Woerther, 2015: xxxi).

За некоторыми исключениями Дионисий Галикарнасский в основном не отмечает в речах Демосфена конкретные средства выразительности. Его подход к этой теме, на наш взгляд, вполне созвучен тому, который сформулирован М. Л. Гаспаровым для Цицерона. Так, Гаспаров пишет, что

¹⁵⁰ πῶς ὑμῖν ὑπὸ τῶν χρηστῶν] εἰρωνεία τὸ σχῆμα (Sch. Dem. 3. 125a. 1).

¹⁵¹ ἐκνευρισμένοι] ...ἐλειδή **τραχεῖα ἢ ἡ μεταφορά**, ἐπήγαγεν τὸ ‘περιηρημένοι’ (Sch. Dem. 3. 145. 2-3).

¹⁵² ὑμεῖς δ’] **ἐμφαντικὸν** τὸ ‘ὑμεῖς’, ὡς ἂν εἰ ἔλεγεν... (Sch. Dem. 3. 144. 1).

Цицерон «смотрел свысока на традиционную догматическую риторику, процветавшую в эллинистических школах», в особенности же, на выделенное в ней огромное множество фигур, «которые было очень легко назвать, труднее определить и еще труднее систематизировать». «Не удивительно, – пишет Гаспаров, – что Цицерон с его отвращением к мелочному педантизму риториков всячески избегал касаться этого предмета, а если касался, то лишь в описательных выражениях и без всяких притязаний на полноту и точность» (Гаспаров, 1972: 17, 23).

Как уже было сказано, одна из важнейших целей риторических сочинений Дионисия – доказать превосходство красноречия Демосфена и утвердить необходимость подражать ему, соответственно, большая часть парадигматических цитат привлекается, чтобы продемонстрировать наиболее характерные и замечательные, по мнению критика, качества стиля оратора.

Как известно, Дионисий выделяет три стиля красноречия, высокий¹⁵³, простой¹⁵⁴ и смешанный¹⁵⁵. Самым лучшим из них он считает смешанный как наиболее приспособленный к природе человека и подходящий для выступлений перед разной аудиторией (Dem. 15, 33). Согласно Дионисию, этим стилем пользовались Исократ, Фрасимах и Платон, затем он был значительно усовершенствован Демосфеном (Dem. 14). Для сравнения Демосфена с Исократом и Платоном, как уже указывалось ранее, Дионисий выбирает цитаты из речей «О мире» и «Третьей Олинфской» (Dem. 17-22), диалога «Менексен» и речи «О венке» (Dem. 24-31). На основании подробного анализа этих фрагментов критик делает вывод, что Исократ Демосфен превосходит краткостью, тщательностью, в особенности же, живостью, силой

¹⁵³ Сам Дионисий называет этот стиль «необычным», «избыточным» и «украшенным» (Dem. 1 ἡ μὲν οὖν ἐξηλλαγμένη καὶ περιττή καὶ ἐγκατάσκευος καὶ τοῖς ἐπιθέτοις κόσμοις ἄλασι συμπληρωμένη λέξις...).

¹⁵⁴ ἡ δὲ ἐτέρα λέξις ἡ λιτὴ καὶ ἀφελὴς καὶ δοκοῦσα κατασκευὴν τε καὶ ἰσχὺν τὴν πρὸς ἰδιώτην ἔχειν λόγον καὶ ὁμοίότητα πολλοὺς μὲν ἔσχε... (Dem. 2).

¹⁵⁵ τρίτη λέξεως <ἰδέα> ἢν ἡ μικτὴ τε καὶ σύνθετος ἐκ τούτων τῶν δεῖν... (Dem. 3).

и патетикой¹⁵⁶, а Платона – тем, что всегда нацелен не только на красоту, но на полезное и истинное¹⁵⁷.

Следующий этап анализа красноречия Демосфена – сравнение с авторами, которые пользовались простым и высоким стилем, а именно, Лисием и Фукидидом. Дионисий проводит сопоставление двух ораторов на материале изложения (διήγησις) речей Лисия «Против Тисида» (Lys. fr. 232 Scheibe) и Демосфена «Против Конона» (D. LIV. 3-9) (Dem. 11-12). Примечательно, что это единственный раз, когда Дионисий цитирует ἰδιωτικὸς λόγος Демосфена. На наш взгляд, такой выбор объясняется тем, что Лисий считался мастером именно судебного красноречия по частным обвинениям (Lys. 15), поэтому для объективного сравнения двух авторов Дионисий выбирает речь Демосфена, относящуюся к тому же типу. Сам Дионисий также отмечает, что оба этих сочинения относятся к делу о насилии (Dem. 11 διήγησίν τινα περιέχουσα ὑβριστικῆν), кроме того, указывает на тематическое сходство этих текстов (Dem. 12 τὴν πραγματικὴν ὁμοιότητα). Действительно, обстоятельства, описываемые в речах «Против Тисида» и «Против Конона», довольно схожи: конфликт между истцом и обвиняемым начался уже давно, обвиняемый изображен как человек безнравственный, он и его сообщники из одной неприязни нападают на истца, застав его врасплох.

Процитированный фрагмент из речи «Против Конона» Дионисий оценивает следующим образом:

ταῦτ' οὐ **καθαρά** καὶ ἀκριβῆ καὶ σαφῆ καὶ διὰ τῶν κυρίων τε καὶ κοινῶν ὀνομάτων κατεσκευασμένα ὥσπερ τὰ Λυσίου; ἐμοὶ μὲν γὰρ ὑπάρχειν δοκεῖ. τί δέ; οὐχὶ σύντομα καὶ στρογγύλα καὶ **ἀληθείας μεστὰ** καὶ τὴν **ἀφελῆ** καὶ **ἀκατάσκευον** ἐπιφαίνοντα φύσιν, καθάπερ ἐκεῖνα; πάντων μὲν οὖν μάλιστα. οὐχὶ δὲ καὶ **πιθανὰ** καὶ ἐν ἧθει λεγόμενά τι καὶ τὸ πρέπον τοῖς ὑποκειμένοις προσώποις τε καὶ

¹⁵⁶ μάλιστα δὲ κατὰ τὸ δραστήριον καὶ ἐναγώνιον καὶ ἐμπαθεὲς ὄλφ καὶ τῷ παντὶ κρεῖττον ἔχει ἐκείνης... (Dem 21).

¹⁵⁷ ἢ μὲν γὰρ οὐδὲν ἔξω τῆς εὐμορφίας ἐπιτηδεύει καὶ παρὰ τοῦτ' ἔστιν αὐτῆς τὸ καλὸν ἐν ἀναληθέσιν, ἢ δὲ οὐδὲν, ὅ τι οὐκ ἐπὶ τὸ χρῆσιμον καὶ ἀληθινὸν ἄγει (Dem. 32).

πράγμασι φυλάττοντα; ἡδονῆς δὲ ἄρα καὶ πειθοῦς καὶ χαρίτων καιροῦ τε καὶ τῆς ἄλλης ἀπάσης τῆς τοῖς Λυσιακοῖς ἐπανθούσης ἀρετῆς οὐχὶ πολλὴ μοῖρα; (Dem. 13) «Разве этот отрывок не чистый, точный, ясный и составленный из обычных и общеупотребительных слов, как и у Лисия? Мне кажется, что это так. Что же еще? Разве он не краткий, закругленный, полный истины и демонстрирующий простую и неукрашенную естественность, как и тот другой? Он обладает этими качествами в большой степени. А разве он не является убедительным, этическим и соответствующим представленным лицам и событиям? Неужели он не обладает в высшей степени приятностью, убедительностью, изяществом, уместностью, и всеми другими качествами, которые процветают в речах Лисия?»

Дионисий, как мы видим, особо подчеркивает правдоподобие и убедительность изложения (διήγησις) Демосфена (Dem. 13 ἀληθείας μεστὰ, πιθανὰ... λεγόμενά, πειθοῦς... ἐπανθούσης). Авторы демосфеновских схолий также отмечают убедительность оратора, но если Дионисий не объясняет, какими конкретными средствами достигается это качество, то схолиасты связывают его с предварительным представлением основных аргументов (προκατασκευαί), ведь речь Демосфена начинается с предыстории конфликта Аристона и Конона. В начале изложения описывается стычка между Аристоном и сыновьями Конона во время гарнизонной службы в Панакте, это необходимо, чтобы слушателям речи не показался невероятным дальнейший рассказ о побоях и оскорблениях истца со стороны Конона¹⁵⁸.

Кроме того, Дионисий указывает на простоту и безыскусность текста Демосфена (Dem. 13 ...τὴν ἀφελῆ καὶ ἀκατάσκευον ἐπιφαίνοντα φύσιν...). О простом изложении этой речи (ἀπλῆ διήγησις) также говорится в сочинении Псевдо-Гермогена «О нахождении», при этом уточняется, что в данном случае

¹⁵⁸ τοῦτο γὰρ μάλιστα ἴδιον τῆς Δημοσθένους δεινότητος τὸ προλαβεῖν ταῖς προκατασκευαῖς τὸν ἀκροατὴν, ὥστε ἀδεῶς παραδέχεσθαι τὰ μέλλοντα λέγεσθαι. τοῦτο κὰν τῷ κατὰ Κόνωνα ἐποίησεν· ἵνα γὰρ μὴ ἀπίθανος εἶναι δόξη τοσαύτας πληγὰς καὶ ὕβρεις εἰς αὐτὸν γεγενῆσθαι λέγων, προέλαβε διὰ τῆς κατασκευῆς τὸν ἀκροατὴν εἰπὼν ὅτι κατὰ τὸ στρατόπεδον συσκηνοῦντων τῶν περὶ τὸν Κόνωνα πολλὰ παρ' αὐτῶν ἐγίγνετο καὶ ἄλλα ὕβριστικὰ μεθούτων (Sch. Dem. 2. 32c. 1-7).

«голые» факты (τὰ πράγματα ψιλὰ) сами по себе действуют сильнее, чем, если бы они были украшены словами¹⁵⁹. Эта же особенность сочинения Демосфена отмечается схолиастами, которые ссылаются в этом вопросе на Гермогена¹⁶⁰.

Заметим, что те качества стиля оратора, о которых Дионисий говорит именно в связи с процитированным пассажем, отмечаются другими авторами для различных частей речи «Против Конона» или же для всего этого сочинения в целом. Так, в «Риторике» Псевдо-Аристиды речь «Против Конона» упоминается в контексте правдоподобия (ἀξιοπιστία), конкретно же, имеется в виду использование Демосфеном клятвы как способа заслужить доверие аудитории¹⁶¹. Другой пример – Дионисий указывает на чистоту изложения и его соответствие общеупотребительному языку (καθαρὰ, διὰ τῶν κυρίων τε καὶ κοινῶν ὀνομάτων κατεσκευασμένα). Гермоген же отмечает, что, начиная свою речь с «голых» фактов (ἤρκται ψιλῶν τῶν πραγμάτων), Демосфен создает обманчивое впечатление чистоты и обыденности (φαντασίαν ἔχει καθαρότητος καὶ ιδιωτισμοῦ)¹⁶².

В результате сравнения двух ораторов Дионисий приходит к выводу, что Демосфен подражал простоте и изяществу Лисия, особенно в речах по частным обвинениям. По мнению критика, стилю Лисия не хватает напряженности (τόνος) и силы (ἰσχύς), тогда как Демосфен обладает изяществом (χάρις) в достаточной мере, а в отношении напряженности (τόνος)

¹⁵⁹ Ἀπλῆ μὲν οὖν διήγησις παρὰ Δημοσθένει ἐν τῷ Κατὰ Κόνωνος αἰκίας «ἐξήλθομεν εἰς Πάνακτον ἔτος τουτὶ τρίτον. καὶ μεθ' ἡμῶν ἐσκήνωσαν οἱ Κόνωνος υἱεῖς καὶ προσούρουν τε ἡμῖν καὶ τὰς ἀμίδας κατερρήγγνον»· οὐ γὰρ εἶχε μᾶλλον δεινῶσαι τῷ λόγῳ ἢ τὰ πράγματα λέγων αὐτὰ ὁ ῥήτωρ ψιλὰ, ἃ ἔπραττον ἐκεῖνοι· γυμνὰ γάρτοι λεγόμενα πλέον ἰσχὺν ἔλαβεν, ἢ εἴ τις αὐτὰ ἐκόσμει λόγοις (Hermog. Inv. 2. 7. 87).

¹⁶⁰ ἐξήλθον ἔτος τουτὶ τρίτον] τοῦτο λέγεται ἀπλῆ διήγησις ὑπὸ Ἑρμογένους· ἀπλῆ γὰρ ἐχρήσατο ὁ ῥήτωρ τῇ διηγῆσει, ἐπειδὴ, ὅτε αὐτομάτως ἰσχύουσι τὰ πράγματα, ἰσχυρῶν οὐ δεῖται λόγων (Sch. Dem. 54. 2. 1-3).

¹⁶¹ Ἀξιοπιστίας δὲ καὶ τὸ τοῖς ὄρκοις καὶ ταῖς ἀραῖς χρῆσθαι... καὶ ἐν τῷ κατὰ Κόνωνος, “καὶ εἰ μὲν εὐορκῶ, πολλὰ μοι γένοιτο ἀγαθὰ καὶ μηδέποτε αὐτίς τοιοῦτον μηδὲν πάθοιμι· εἰ δὲ ἐπιορκῶ, ἐξώλης ἀπολοίμην αὐτός τε καὶ εἴ τί μοι ἐστὶν ἢ μέλλει ἔσεσθαι” (Aristid. Rh. 1. 4. 1).

¹⁶² καὶ τοῦτο ἰδεῖν ἔστι παρὰ τῷ ῥήτορι μάλιστα, ἐπεὶ καὶ τὸ “ὕβρισθεις, ὧ Ἀθηναῖοι, καὶ παθὼν ὑπὸ Κόνωνος τουτουῖ τοιαῦτα” καὶ τὰ ἐφεξῆς τὰ τε προειρημένα παραδείγματα σχεδὸν ἀνὰ πάντα ἕνεκα μὲν τῆς ἐπιβολῆς καθαρῶς εἰσηκται· ἀπὸ γὰρ αὐτῶν ἤρκται ψιλῶν τῶν πραγμάτων καὶ φαντασίαν ἔχει καθαρότητος καὶ ιδιωτισμοῦ· τὰ δὲ μετὰ ταῦτα ἐφ' ἐκάστῳ ῥηθέντα περιβολὴν ἐποίησε λεληθυῖαν. δῆλον οὖν ἐκ τούτων, ὅτι καὶ φαινόμενός τις ἔστι λόγος καθαρός, οὐ μὴν ὡς ὄντως γε τοιοῦτος (Hermog. Id. 1. 3. 37-46).

и вовсе является непревзойденным¹⁶³. Заметим развитие мысли Дионисия: в сочинении «О Лисии» он указывал χάρις как характерное качество именно Лисия, в котором этого оратора никто не смог превзойти¹⁶⁴, здесь же говорится, что в отношении изящества (χάρις) и благозвучия (εὐστομία) Лисий превосходит всех, за исключением Демосфена¹⁶⁵.

Следующий автор, стилю которого, по мнению Дионисия, подражает Демосфен, – знаменитый историк Фукидид. К сравнению Демосфена и Фукидида Дионисий обращается в разных сочинениях, в качестве примеров он использует 9 цитат из речей «Третьей против Филиппа» (D. IX. 1, 13-14) (Thuc. 54) (Dem. 9), «О симмориях» (D. XIV. 13, 14) (Thuc. 54), «О венке» (D. XVIII. 231, 294-295) (Thuc. 54) и «Против Мидия» (D. XXI. 69) (Dem. 9). На наш взгляд, сходство стилей двух этих авторов неслучайно демонстрируется именно на материале δημόσιοι λόγοι Демосфена. Дионисий подчеркивает, что в отношении замысловатых мыслей, которые показывают многое в немногих словах, при этом нарушают грамматическую последовательность и передают мысль неожиданным образом, оратор больше всего подражает Фукидиду не в сочинениях по частным обвинениям (ιδιωτικοί), но в совещательных (δημηγορικοί) и судебных (δικανικοί), т. е. в речах по общественно значимым делам (δημόσιοι λόγοι)¹⁶⁶.

Предполагают, что к сравнению Фукидида и Демосфена обращался и Цецилий Калактийский¹⁶⁷. Так, Дионисий упоминает, что Цецилий, как и он

¹⁶³ παρὰ δὲ τῷ Δημοσθένει πολὺς μὲν ὁ τόπος, αὐτάρκης δ' ἡ χάρις, ὥστε κὰν ταύτη τῷ διαρκεῖ καὶ μετρίῳ νικᾷ κὰν ἐκείνῳ τῷ παντὶ προέχειν (Dem. 13).

¹⁶⁴ μίαν δὲ ἀρετὴν ἔτι τοῦ ῥήτορος ἀποδείξομαι, κρίνας καλλίστην τε καὶ κυριωτάτην καὶ μόνην αὐτὴν μάλιστα τῶν ἄλλων τὸν Λυσίου χαρακτῆρα δυναμένην βεβαιῶσαι, ἣν ὑπερεβάλετο μὲν οὐδεὶς τῶν ὕστερον... (Lys. 10).

¹⁶⁵ φυσικὴ τις ἐπιτρέχει τοῖς Λυσίου λόγοις εὐστομία καὶ χάρις, ὥσπερ ἔφην καὶ πρότερον, ἣ προὔχει πλὴν Δημοσθένους τῶν ἄλλων ῥητόρων (Dem. 13)

¹⁶⁶ τὰς δὲ πολυπλόκους νοήσεις καὶ πολλὰ δηλούσας ἐν ὀλίγοις καὶ διὰ μακροῦ κομιζομένας τὴν ἀκολουθίαν καὶ ἐκ παραδόξου τὰ ἐνθυμήματα φερούσας ἐζήλωσέν τε καὶ προσέθηκε τοῖς τε δημηγορικοῖς καὶ τοῖς δικανικοῖς λόγοις, ἥττον μὲν ἐπὶ τῶν ιδιωτικῶν, δαυμιλέστερον δὲ ἐπὶ τῶν δημοσίων ἀγώνων (Thuc. 53).

¹⁶⁷ У. К. Притчетт в своем комментарии к сочинению Дионисия «О Фукидиде» (Pritchett, 1975: 140) ссылается на работу А. Анастассиу (Anastassiou, 1964), которая, к сожалению, нам не доступна.

сам, отмечает в сочинениях Демосфена подражание энтимемам Фукидида¹⁶⁸. Это замечание предлагается рассматривать как свидетельство совпадения взглядов Дионисия и Цецилия, ведь оба автора считают, что Демосфен был подражателем Фукидида именно в отношении идей (ένθυμήματα)¹⁶⁹.

Сходство стилей Демосфена и Фукидида отмечается и в византийских схолиях к оратору. Некоторые замечания схолиастов по этой теме, на наш взгляд, перекликаются с выводами, сделанными Дионисиєм. Например, авторы схолий к «Первой Олинфской речи» указывают как характерную черту стиля Демосфена и Фукидида – способность соединять множество мыслей с помощью немногих слов (Sch. Dem. 1. 53d.1-3 εἰ γὰρ... Εὐβοεῦσι] πολλὰ διὰ τοῦ παραδείγματος ἦνυσε. τοῦτο γὰρ ἴδιον Δημοσθένους καὶ Θουκυδίδου, τὸ δι' ὀλίγων ῥημάτων πολλὰ νοήματα συνάγειν). В то же время Дионисий подчеркивает, что Демосфен заимствует у Фукидида мысли, которые показывают многое в немногих словах (Thuc. 53 τὰς δὲ πολυπλόκους νοήσεις καὶ πολλὰ δηλούσας ἐν ὀλίγοις).

В другом случае, говоря о влиянии Фукидида на Демосфена, Дионисий цитирует речь «О симмориях», конкретно же, тот пассаж, в котором оратор убеждает афинян не начинать самим войну против персов, но уже готовиться к ней, тем самым привлекая на свою сторону больше союзников (D. XIV. 13) (Thuc. 54). Дионисий отмечает, что здесь Демосфен подражает необычному, отклоняющемуся от обыденной речи, стилю Фукидида, при этом, в отличие от историка, оратор сохраняет ясность мысли¹⁷⁰. Схолиасты также связывают с Фукидидом процитированный Дионисиєм пассаж, однако имеют в виду сходство этих текстов в основной мысли: они отмечают, что похожая идея, а

¹⁶⁸ πασῶν ἐν λόγοις ἀρετῶν ἢ κυριωτάτη τὸ πρέπον. ταύτην ὁ Ἡρόδοτος ἀκριβοῖ μᾶλλον ἢ Θουκυδίδης· ὁμοειδὴς γὰρ οὗτος ἐν πᾶσι, κὰν ταῖς δημηγορίαις μᾶλλον ἢ ταῖς διηγήσεσιν. **ἐμοὶ μέντοι καὶ τῷ φιλότατῳ Καικίλιῳ δοκεῖ τὰ ένθυμήματα αὐτοῦ μάλιστα γε ζηλῶσαι Δημοσθένης** (Pomp. 3).

¹⁶⁹ «Ce passage atteste en outre la convergence de vues qui a lié Denys et Caecilius sur l'opinion, formulée par Caecilius, selon laquelle ce sont les idées (ένθυμήματα) que l'on trouve chez Thucydide que Démosthène a surtout imitées» (Woerther, 2015: 116-117).

¹⁷⁰ ταῦτα ἐξήλλακται μὲν ἐκ τῆς πολιτικῆς καὶ συνήθους τοῖς πολλοῖς ἀπαγγελίας, καὶ κρείττονά ἐστιν ἢ κατὰ τὸν ἰδιώτην: οὐ μὴν ἐσκότισται γε οὐδὲ ἀσαφῆ γέγονεν ὥστε ἐξηγήσεως δεῖσθαι (Thuc. 54).

именно, не спешить начинать войну, но готовиться к ней, встречается в речи полководца Архидама у Фукидида (Th. i. 80–85)¹⁷¹.

Говоря о сходстве стилей Демосфена и Фукидида, Дионисий привлекает специальное внимание к своей главной и любимой теме, к соединению слов. Так, в сочинении «О Фукидиде» (Thuc. 54) цитируются фрагменты из «Третьей речи против Филиппа» (D. IX. 1), (D. IX. 13-14), в которых, по мнению Дионисия, мысль запутанно сплетена и выражена непривычным образом¹⁷². В этом замечании, вероятно, следует видеть указание на усложненный синтаксис Демосфена.

На особенности синтаксиса одного из процитированных Дионисием пассажей обращают внимание и другие авторы: они отмечают в словах «много, граждане афинские, речей случается, без малого на каждом собрании о том, в чем Филипп...» (D. IX. 1 πολλῶν, ὃ Ἀθηναῖοι, λόγων γινομένων ὀλίγου δεῖν καθ' ἑκάστην ἐκκλησίαν, περὶ ὧν Φίλιππος...) конструкцию πλαγιασμός. Это слово имеет разные значения, но в данном случае, по-видимому, обозначает genetivus absolutus, который предшествует основному предложению¹⁷³. Гермоген считает, что πλαγιασμός способствует изобилию (περιβολή)¹⁷⁴ и быстроте стиля (γοργότης) Демосфена¹⁷⁵. Псевдо-Аристид отмечает, что здесь πλαγιασμός придает речи важность (σεμνότης)¹⁷⁶. Опираясь, по-видимому, на заметки риториков, эту же фигуру выделяют и авторы схолий к Демосфену¹⁷⁷.

¹⁷¹ καὶ σχήματος τοιοῦτόν ἐστιν εἶδος καὶ παρὰ Θουκυδίδῃ ἐν τῇ κατ' Ἀρχίδαμον δημηγορίᾳ τῇ πρώτῃ· καὶ γὰρ κάκεῖνος δοκῶν ἐπὶ τὸν πόλεμον προτρέπειν οὐδὲν ἤττον ἀντίσταται (Sch. Dem. 14. 2. 11-13).

¹⁷² καὶ γὰρ ἐνταῦθα πέπλεκται μὲν ἡ διάνοια πολυπλόκως, λέλεκται δ' ἐκ τῆς κοινότητος εἰς τὴν ἀσυνήθη φράσιν ἐκβεβηκότα... (Thuc. 54).

¹⁷³ Подробнее о πλαγιασμός у разных авторов см. (Vatri, 2017: 128-130).

¹⁷⁴ ἀλλ' οὖν ὃ γε πλαγιασμός πλεῖστον ἔχει τῆς περιβολῆς, ὥσπερ κἀν τῷδε πολλῶν, ὃ Ἀθηναῖοι, λόγων γινομένων ὀλίγου δεῖν καθ' ἑκάστην ἐκκλησίαν... (Hermog. Id. 1. 11. 272-274).

¹⁷⁵ οἱ τε πλαγιασμοὶ καὶ τὰ κατὰ συστροφὴν καὶ ὅσα τοιαῦτα· πολλὰ γὰρ δι' ἐλαχίστων ἐν ἐκείνοις λέγεται τοῖς σχήμασιν οὐ παραηλούντων ἡμῶν, ὅτι τέμνομεν τὰ πράγματα. ... τοῦ μὲν οὖν τέμνοντος τὰ πράγματα λόγου, οὐ μὴν δοκοῦντος τέμνειν παράδειγμα τὸ πολλῶν, ὃ Ἀθηναῖοι, λόγων γινομένων ὀλίγου δεῖν καθ' ἑκάστην ἐκκλησίαν... (Hermog. Id. 2. 1. 126-134).

¹⁷⁶ σεμνότητος δὲ σχῆμα καὶ ὅταν πλαγιασμοῖς τις χρήται... καὶ ἐν ἀρχῇ δὲ τοῦ κατὰ Φιλίππου πολλῶν, ὃ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, λόγων γινομένων περὶ ὧν Φίλιππος ἀδικεῖ καὶ ἄλλο τι πεπλαγιασμένον ἐπὶ τούτῳ καὶ πάντων εὖ οἶδ' ὅτι φησάντων γ' ἄν... (Aristid. Rh. 1. 1. 2. 4).

¹⁷⁷ <πολλῶν, ὃ ἄνδρες>] τοπικὴν καταδρομὴν ἔχει Φιλίππου τὸ προοίμιον· σχῆμα τοῦ ἐκ πλαγιασμοῦ τέμνοντος τὸν λόγον (Sch. Dem. 9. 1a. 1-2).

Примечательно, что те же пассажи из «Третьей речи против Филиппа» (D. IX. 1), (D. IX. 13), которые использовались в работе Дионисия «О Фукидиде» (Thuc. 54), иллюстрируют сходство стилей оратора и историка также в сочинении «О Демосфене» (Dem. 9). Здесь Дионисий не ограничивается комментарием к цитируемым текстам, но анализирует их с помощью приема метатесиса, который заключается в переписывании исходного текста другим способом:

Демосфен (D. IX. 1)	Дионисий (Dem. 9)
<p>πολλῶν, ὧν ἄνδρες Ἀθηναῖοι, λόγων γινομένων ὀλίγου δεῖν καθ' ἐκάστην ἐκκλησίαν περὶ ὧν Φίλιππος, ἀφ' οὗ τὴν εἰρήνην ἐποίησατο, οὐ μόνον ὑμᾶς ἀλλὰ καὶ τοὺς ἄλλους ἀδικεῖ, καὶ πάντων εὖ οἶδ' ὅτι φησάντων γ' ἄν, εἰ καὶ μὴ ποιοῦσι τοῦτο, καὶ λέγειν <δεῖν> καὶ πράττειν, ὅπως ἐκεῖνος παύσεται τῆς ὕβρεως καὶ δίκην δώσει, εἰς τοῦτο ὑπηγμένα πάντα τὰ πράγματα καὶ προειμένα ὁρῶ ὥστε δέδοικα μὴ βλάσφημον μὲν εἰπεῖν ἀληθὲς δὲ ἧ· εἰ καὶ λέγειν ἅπαντες ἐβούλοντο οἱ παριόντες καὶ χειροτονεῖν ὑμεῖς, ἐξ ὧν ὡς φαυλότατα τὰ πράγματα ἤμελλεν ἔξειν, οὐκ ἂν ἠγοῦμαι δύνασθαι χειρὸν ἢ νῦν διατεθῆναι.</p> <p>«много речей, граждане афинские, случается, без малого на каждом собрании о том, в чем Филипп, с тех пор как заключил мир, не только с</p>	<p>1. πολλῶν, ὧν ἄνδρες Ἀθηναῖοι, λόγων γινομένων καθ' ἐκάστην σχεδὸν ἐκκλησίαν, περὶ ὧν ἀδικεῖ Φίλιππος ὑμᾶς τε καὶ τοὺς <ἄλλους> Ἕλληνας, ἀφ' οὗ τὴν εἰρήνην ἐποίησατο.</p> <p>«много, граждане афинские, случается речей почти на каждом собрании о том, в чем Филипп поступает несправедливо с вами и с другими греками, с тех пор как заключил мир».</p> <p>2. καὶ ἀπάντων λεγόντων, καὶ εἴ τινες τοῦτο μὴ ποιοῦσιν, ὅτι δεῖ καὶ λέγειν καὶ πράττειν ταῦτα, ἐξ ὧν ἐκεῖνος παύσεται τῆς ὕβρεως καὶ δίκην δώσει.</p> <p>«и все говорят, даже если некоторые этого и не делают, что следует и говорить, и делать то,</p>

вами, но и другими поступает несправедливо, и я точно знаю, все, могли бы сказать, хотя и не делают этого, что следует говорить и действовать, чтобы он прекратил свое бесчинство и понес наказание. Я вижу, что все дела так приведены и запущены, что боюсь, как бы сказанная клевета не оказалась правдой: если бы даже все присутствующие захотели высказаться и вы бы голосованием выбирали из них так, чтобы дела обстояли самым плохим образом, то не думаю, что могло бы стать хуже, чем сейчас».

благодаря чему он прекратит свое бесчинство и понесет наказание».

В своем комментарии критик отмечает те особенности оригинального текста, которые, по его мнению, делают речь отклоняющейся от привычного «естественного» языка, что сближает стили Демосфена и Фукидида¹⁷⁸. В основном Дионисий обращает внимание на порядок изложения мыслей и синтаксис исходного предложения: ἀδικεῖ отделено от Φίλιππος, что задерживает последовательность мыслей, выражение οὐ μόνον ὑμᾶς ἀλλὰ καὶ τοὺς ἄλλους Ἕλληνας можно сказать без отрицания, но с простой связкой, выражение εὖ οἶδ' стоит не в нужном месте (Dem. 9). Дионисий комментирует и некоторые лексические особенности оригинального текста: ὀλίγου δεῖν стоит вместо σχεδόν, φησάντων γ' ἂν используется вместо φασκόντων (Dem. 9).

¹⁷⁸ κατὰ τί δὴ ταύτην ἡγοῦμαι τὴν λέξιν εἰκέναι τῇ Θουκυδίδου; καθ' ὃ κάκεινῃν πείθομαι μάλιστα διαφέρειν τῶν ἄλλων. τοῦτι δ' ἔστι τὸ μὴ κατ' εὐθεῖαν ἐρμηνείαν ἐξηγητέχθαι τὰ νοήματα μηδ', ὡς ἔστι τοῖς ἄλλοις σύνητες λέγειν, ἀπλῶς καὶ ἀφελῶς, ἀλλὰ ἐξηλλάχθαι καὶ ἀπεστράφθαι τὴν διάλεκτον ἐκ τῶν ἐν ἔθει καὶ κατὰ φύσιν εἰς τὰ μὴ συνήθη τοῖς πολλοῖς μηδ' ὡς ἡ φύσις ἀπαιτεῖ (Dem. 9).

Интересно, что авторы схолий к Демосфену также объясняют выражение ὀλίγου δεῖν через наречие σχεδόν¹⁷⁹.

Метатесис демонстрирует более простой и, с точки зрения Дионисия, «естественный» вариант оригинального текста, что достигается главным образом за счет изменения и даже упрощения, синтаксической структуры предложения. Дионисий сближает подлежащее и сказуемое (ἀδικεῖ Φίλιππος), ставит придаточное предложение ἀφ' οὗ τὴν εἰρήνην ἐποιήσατο после главного. От вводного выражения εὖ οἶδ' с изъяснительное придаточным (εὖ οἶδ' ὅτι...) и конструкции genetivus absolutus с декларативными инфинитивами (φησάντων γ' ἄν... καὶ λέγειν <δεῖν> καὶ πράττειν) у Дионисия остается только genetivus absolutus и изъяснительное придаточное (ἀπάντων λεγόντων... ὅτι). Как уже было сказано, критик считает φασκόντων полноценной заменой для выражения φησάντων ἄν, однако в своем метатесисе использует причастие от λέγω (ἀπάντων λεγόντων), по-видимому, потому, что при глаголе φάσκω нельзя поставить придаточное с ὅτι (ὅτι δεῖ καὶ λέγειν καὶ πράττειν). В некоторых случаях критик меняет исходный порядок слов, а именно, место уточняющего обстоятельства (ср. ὀλίγου δεῖν καθ' ἐκάστην ἐκκλησίαν и καθ' ἐκάστην σχεδόν ἐκκλησίαν), союза и прямого дополнения (ср. εἰ καὶ μὴ ποιοῦσι τοῦτο и καὶ εἴ τινες τοῦτο μὴ ποιοῦσιν), управляющего глагола (ср. λέγειν <δεῖν> καὶ πράττειν и δεῖ καὶ λέγειν καὶ πράττειν).

В варианте с метатесисом Дионисий избегает длинных и описательный выражений, благодаря чему сокращает оригинальный текст, например, союз οὐ μόνον... ἀλλὰ καὶ заменяется на τε καί, вместо выражение ὀλίγου δεῖν используется одиночное наречие σχεδόν. С другой стороны, краткость, очевидно, не является главной целью его переделки текста: τοὺς ἄλλους уточняется как τοὺς <ἄλλους> Ἕλληνας, в придаточные добавляются подлежащее (εἴ τινες τοῦτο μὴ ποιοῦσιν) и прямое дополнение (ὅτι δεῖ καὶ λέγειν καὶ πράττειν ταῦτα), союз ὅπως заменяется на ἐξ ὧν.

¹⁷⁹ <ὀλίγου δεῖν>] παρὰ μικρὸν καὶ σχεδόν εἶπειν... (Sch. Dem. 9. 2. 1).

Второй пример из речи Демосфена Дионисий называет избыточным, непривычным и «измененным» из-за необычного употреблении падежа и скопления связующих слов на небольшом расстоянии друг от друга¹⁸⁰:

Демосфен (D. IX. 13)	Дионисий (Dem. 9)
<p>εἴτ' οἴεσθε, οἱ μὲν οὐδὲν ἄν αὐτὸν ἠδυνήθησαν ποιῆσαι κακόν, αὐτοὶ δὲ μὴ παθεῖν ἐφυλάξαντο ἄν ἴσως, τούτους μὲν ἐξαπατᾶν αἰρεῖσθαι μᾶλλον ἢ προλέγοντα βιάζεσθαι...;</p> <p>«Или вы думаете, те, которые ничего плохого не могли бы ему сделать, они, пожалуй, только приняли бы меры предосторожности, чтобы не пострадать, таких предпочитает скорее обмануть, чем, предупредив, заставить силой...?»</p>	<p>εἴτ' οἴεσθε αὐτόν, οὓς μὲν ἐώρα μηδὲν δυναμένους αὐτὸν διαθεῖναι κακῶς, φυλαξαμένους δὲ ἄν ἴσως μὴ παθεῖν, τούτους μὲν ἐξαπατᾶν αἰρεῖσθαι μᾶλλον ἢ προλέγοντα βιάζεσθαι...;</p> <p>«Или вы думаете, что он тех, кого увидел не способными причинить ему вред, но только, пожалуй, принявшими меры предосторожности, чтобы не пострадать, таких предпочитает скорее обмануть, чем, предупредив, заставить силой...?»</p>

Здесь метатесис также представляет более простой в отношении синтаксиса вариант исходного предложения. Так, у Демосфена между глаголом οἴεσθε и зависящим от него accusativus cum infinitivo стоят два независимых придаточных предложения. Дионисий же вводит субъект accusativus cum infinitivo сразу после глагола (οἴεσθε αὐτόν...), инкорпорирует придаточные предложения внутрь accusativus cum infinitivo, при этом переводит глаголы в причастия и ставит их в зависимость от нового сказуемого (ἐώρα... δυναμένους... φυλαξαμένους). Если в тексте Демосфена «конкурируют» два субъекта, Филипп и его оппоненты, то вариант с метатесисом сконцентрирован вокруг одного главного субъекта, который появляется уже в самом начале, что значительно проясняет предложение.

¹⁸⁰ ἐναλλαγείσης δὲ τῆς πτώσεως καὶ τῶν συνδέσμων πολλῶν εἰς βραχὺ συναχθέντων, οἶμαι, περίεργός τε καὶ ἄσυνήθης καὶ ἐξηλλαγμένη γέγονεν ἡ διάλεκτος (Dem 9).

Дионисий также меняет конструкцию ποιέω + accusativus duplex (αὐτὸν ...ποιῆσαι κακόν) на διατίθημι + accusativus personae и adverbium (αὐτὸν διαθεῖναι κακῶς), по-видимому, для того, чтобы не перегружать предложение еще одним винительным падежом.

Как мы видим, критик считает «естественной» ту речь, которая отличается простым синтаксисом и краткостью, при этом не в ущерб ясности. Именно в соответствии с этими критериями он оценивает стили Демосфена и Фукидида, анализируя цитаты из их сочинений с помощью приема метатесиса.

Заметим, что тот же фрагмент из «Третьей речи против Филиппа» (D. IX. 13), который иллюстрирует сходство речи оратора и историка в сочинениях «О Фукидиде» (Thuc. 54) и «О Демосфене» (Dem. 9), привлекается в работе «Об Исее», но уже как свидетельство влияния на стиль Демосфена его учителя Исея (Is. 13)¹⁸¹. Сравним, как Дионисий комментирует этот текст в разных сочинениях:

ἐκεῖνα δὲ κατὰ συστροφὴν καὶ παρακεκινδυνευμένα τῷ τε βραχέως καὶ ἀγκύλως καὶ ἐκ παραδόξου συντίθεσθαι, καὶ οὐχ ἄπλασιν οὐδὲ ἐκ προχείρου γνωρίζόμενα... καὶ γὰρ τοῦτό ἐστι τὸ σχῆμα, ᾧ πολλάκις Δημοσθένης κέχρηται... (Is. 13)

«[сказанное] концентрированно, смело, так как оно составлено и кратко, и замысловато, и вопреки ожиданию, кроме того, не всем и не легко это понять... вот это и есть конструкция, которой часто пользуется Демосфен».

καὶ γὰρ ἐνταῦθα πέπλεκται μὲν ἡ διάνοια πολυπλόκως, λέλεκται δ' ἐκ τῆς κοινότητος εἰς τὴν ἀσυνήθη φράσιν ἐκβεβηκότα φυλάττεται δὲ τὸ περιττὸν αὐτῶν ἐν τῷ σαφεῖ (Thuc. 54).

«ведь здесь он сплел мысль запутанно, в речи он отошел от обычного и обратился к непривычному высказыванию, но при всей необычности его стиль сохраняет ясность».

¹⁸¹ В наиболее развернутом виде этот фрагмент представлен в сочинении «О Фукидиде» (D. IX. 13-14, Thuc. 54), наиболее краткий вариант фигурирует в сочинении «О Демосфене» (D. IX. 13, Dem. 9). Между процитированными Дионисием текстами отмечаются разночтения. При этом замечено, что с большинством рукописей Демосфена согласуется текст, представленный в сочинении «Об Исее» (D. IX. 13, Is. 13), из чего можно предположить, что Дионисий обращался непосредственно к рукописи оратора (Pritchett, 1975: 143).

В обоих случаях Дионисий отмечает сложный «запутанный» стиль этого фрагмента, его несоответствие общепринятому способу выражения, при этом, как мы видим, критик подстраивает свой комментарий под ситуацию. В сочинении «Об Исее» цитата привлекалась с целью показать, что именно отличает Исея от Лисия, а с другой стороны, сближает его с Демосфеном. На фоне простого стиля Лисия приведенные критиком примеры из речей Исея и Демосфена в самом деле выглядят более сложными и трудными для понимания. В то же время в сочинении «О Фукидиде» Дионисий подчеркивает следующее: речь Демосфена, хотя оратор и пользуется теми же приемами, что и Фукидид, все же остается достаточно понятной для читателя. В сравнении с представленными до этого примерами из «Истории» Фукидида смысл фрагмента из «Третьей речи против Филиппа», на наш взгляд, действительно, производит впечатление ясности.

Тема соединения слов в речах Демосфена, вполне ожидаемо освещается и в трактате «О соединении слов». Так, Дионисий приводит фрагмент из речи «О венке», чтобы продемонстрировать, как неудачная постановка колонов разрушает благозвучие и важность стиля¹⁸². Цитата из Демосфена показывает здесь хорошее расположение колонов, тогда как в предложенном Дионисием метатесисе период, напротив, перестает быть закругленным (στρογγύλη) и соответствующим судебному красноречию (δικανική)¹⁸³:

Демосфен (D. XVIII. 119)	Дионисий (Comp. 7)
τὸ λαβεῖν οὖν τὰ διδόμενα ὁμολογῶν ἔννομον εἶναι, τὸ χάριν τούτων ἀποδοῦναι παρανόμων γράφει;	ὁμολογῶν οὖν ἔννομον εἶναι τὸ λαβεῖν τὰ διδόμενα, παρανόμων γράφει τὸ τούτων χάριν ἀποδοῦναι.

¹⁸² πολλάκις γὰρ τοῦτ' ἐπὶ τὸ κῶλον τοῦτου μὲν προτεθὲν ἢ ἐπὶ τούτῳ τεθὲν εὐστομίαν τινὰ ἐμφαίνει καὶ σεμνότητα, ἑτέραν δὲ τινὰ συζυγίαν λαβὸν ἄχαρι φαίνεται καὶ ἄσεμνον (Comp. 7).

¹⁸³ τί δ' εἰ τὴν Δημοσθένους λέξιν ταύτην 'τὸ λαβεῖν οὖν τὰ διδόμενα ὁμολογῶν ἔννομον εἶναι, τὸ χάριν τούτων ἀποδοῦναι παρανόμων γράφει;' λύσας τις καὶ μεταθεὶς τὰ κῶλα τοῦτον τὸν τρόπον ἐξενέγκαι 'ὁμολογῶν οὖν ἔννομον εἶναι τὸ λαβεῖν τὰ διδόμενα, παρανόμων γράφει τὸ τούτων χάριν ἀποδοῦναι', ἃρ' ὁμοίως ἔσται δικανικὴ καὶ στρογγύλη; ἐγὼ μὲν οὐκ οἶμαι (Comp. 7).

«итак, братъ то, что дали, признавая законным, благодарить за это ты осуждаешь как противозаконное»	«итак, признавая законным братъ то, что дали, как противозаконное ты осуждаешь благодарить за это».
---	---

Ж. Ожак считает, что, говоря о «закругленной» речи Демосфена, Дионисий имеет в виду плотный и компактный период (Аујас, 2002: 85). В интерпретации этого примера все же возникают определенные трудности, ведь сам критик не объясняет, что именно теряет оригинальный текст при перестановке колонов в метатесисе. Мы считаем, что мысль Дионисия могут прояснить другие комментарии к этому пассажию. Так, Гермоген отмечает в цитате Демосфена парисосис, состоящий из трех колонов одинаковой длины, к которым добавляется один короткий¹⁸⁴. Эту же идею развивает автор трактата о фигурах, который указывает, что каждый из этих колонов содержит по 9 слогов¹⁸⁵. Опираясь на риторическую традицию, схолиасты также отмечают в этом фрагменте парисосис¹⁸⁶. Можно предположить, что Дионисий Галикарнасский имеет в виду ту же особенность построения этой фразы, однако по своему обыкновению не считает необходимым назвать использованную оратором риторическую фигуру.

Рассмотрев теорию соединения колонов, Дионисий переходит к вопросу об их форме (σχηματισμός)¹⁸⁷. Не останавливаясь подробно на теме, которая, по его собственным словам, весьма обширна и глубока, он цитирует фрагмент из речи Демосфена «О венке», который анализируется при помощи метатесиса:

¹⁸⁴ ταῖς μέντοι καθ' ὅλον κῶλον παρισώσεσι καὶ πάνυ χρῆται ὁ Δημοσθένης... οἷον «τὸ λαβεῖν οὖν τὰ διδόμενα ὁμολογῶν ἔννομον εἶναι, τὸ χάριν τούτων ἀποδοῦναι παρανόμων γράφῃ;» τρισὶ γὰρ κώλοις καὶ δι' ὅλον ἴσοις κομμάτιον ἐν ἐπήγαγε τὸ «παρανόμων γράφῃ» καὶ πεποίηκε κάλλος δαιμόνιον ὁμοῦ τῷ γοργῷ καὶ σφοδρῷ κατὰ τὴν ἀποστροφὴν (Hermog. Id. 1. 12. 137-145).

¹⁸⁵ Τοῦτο δὲ γίνεται, ὅταν ἐξ ἴσων συλλαβῶν κῶλα γίνηται ἑννέα συλλαβῶν· τὸ λαβεῖν οὖν τὰ διδόμενα ἑννέα συλλαβῶν· ὁμολογῶν ἔννομον εἶναι, ἑννέα συλλαβῶν· τὸ χάριν τούτων ἀποδοῦναι, κόμμα, τῶν παρανόμων γράφῃ (Περὶ τῶν τοῦ λόγου σχημάτων 3.132).

¹⁸⁶ τὸ λαβεῖν οὖν τὰ διδόμενα] καθ' ὅλον κῶλον παρίσωσις (Sch. Dem. 18. 203. 1).

¹⁸⁷ ἢ μὲν δὴ περὶ τὴν ἀρμογὴν τῶν κώλων θεωρία τοιαύτη, ἢ δὲ περὶ τὸν σχηματισμὸν ποδαπή; (Comp. 8).

Демосфен (D. XVIII. 179)	Дионисий (Comp. 8)
οὐκ εἶπον μὲν ταῦτα, οὐκ ἔγραψα δέ· οὐδ' ἔγραψα μὲν, οὐκ ἐπρέσβευσα δέ· οὐδ' ἐπρέσβευσα μὲν, οὐκ ἔπεισα δὲ Θηβαίους «Не сказал бы я этого, не записал бы, не записал бы, не отправился бы с послами, не пошел бы с послами, не убедил бы фиванцев».	ταῦτ' εἰπὼν ἔγραψα, γράψας δ' ἐπρέσβευσα, πρεσβεύσας δ' ἔπεισα Θηβαίους. «Сказав это, я записал, а записав, отправился с послами, а отправившись с послами, убедил фиванцев».

По мнению Дионисия, при изменении формы колонов фраза Демосфена теряет изящество¹⁸⁸, однако и здесь он не поясняет, в чем именно состоит достоинство исходного текста. Заметим, что этот же пассаж анализирует Псевдо-Деметрий в сочинении «О стиле:

Демосфен (D. XVIII. 179)	Деметрий (Demetr. Eloc. 270)
οὐκ εἶπον μὲν ταῦτα, οὐκ ἔγραψα δέ· οὐδ' ἔγραψα μὲν, οὐκ ἐπρέσβευσα δέ· οὐδ' ἐπρέσβευσα μὲν, οὐκ ἔπεισα δὲ Θηβαίους «Не сказал бы я этого, не записал бы, не записал бы, не отправился бы с послами, не пошел бы с послами, не убедил бы фиванцев».	εἰπὼν ἐγὼ καὶ γράψας ἐπρέσβευσά τε καὶ ἔπεισα Θηβαίους «Я, сказав и записав, отправился с послами и убедил фиванцев».

В отличие от Дионисия, который называет исходное построение изящным (χαριέντως), Деметрий характеризует его как сильное (δεινόν)¹⁸⁹. В трактате Деметрия эта цитата фигурирует как пример климакса (κλίμαξ), при этом, как мы видим, он также демонстрирует эффектность фразы Демосфена

¹⁸⁸ ...εἰ τοῦτον ἐξήνεγκε τὸν τρόπον ὁ Δημοσθένης τὴν λέξιν ταύτην... ἄρ' οὕτως ἂν συνέκειτο χαριέντως, ὡς νῦν σύγκειται; (Comp. 9).

¹⁸⁹ Λαμβάνοιτ' ἂν καὶ ἡ κλίμαξ καλουμένη, ὥσπερ Δημοσθένης τὸ 'οὐκ εἶπον μὲν ταῦτα, οὐκ ἔγραψα δέ· οὐδ' ἔγραψα μὲν, οὐκ ἐπρέσβευσα δέ· οὐδ' ἐπρέσβευσα μὲν, οὐκ ἔπεισα δὲ Θηβαίους· ἴσχεδόν γὰρ ἐπαναβαίνοντι ὁ λόγος ἔοικεν ἐπὶ μειζόνων μείζονα· εἰ δὲ οὕτως εἶποι τις ταῦτα, εἰπὼν ἐγὼ καὶ γράψας ἐπρέσβευσά τε καὶ ἔπεισα Θηβαίους, διήγημα ἔρεϊ μόνον, δεινὸν δὲ οὐδέν (Demetr. Eloc. 270).

с помощью приема метатесиса. Примечательно, что фигуру климакс в этом предложении отмечают и позднейшие авторы, в частности, Гермоген¹⁹⁰ и схолиасты¹⁹¹.

Разумеется, мы не можем утверждать, что, комментируя данные фрагменты, Дионисий имеет в виду именно и исключительно те особенности текстов, на которые указывают другие авторы, а именно, фигуры парисосис и климакс. Более важным нам представляется подчеркнуть, что интерес критика вызывают именно те пассажи из речи «О венке», которые привлекают специальное внимание авторов риторических трактатов и комментаторов Демосфена. При этом, как уже было замечено, наш критик не считает необходимым называть конкретные фигуры речи, даже тогда, когда их использование довольно очевидно.

К теме соединения слов и использования Демосфеном фигур речи относится и полемика Дионисия с неназванными критиками, которые считали характерным недостатком стиля оратора использование многих слов для выражения одного и того же, т. е. плеоназмы¹⁹² (Dem. 58). В качестве примеров такого рода Дионисий приводит цитаты из речей «Третьей против Филиппа» и «Против Мидия»:

Φιλίππῳ δ' ἐξέσται καὶ πράττειν καὶ ποιεῖν, ὅ τι βούλεται (D. IX. 3).

«Филиппу будет возможно делать и совершать, что он хочет».

Τὸν Μειδίαν τοῦτον οὐκ εἰδὼς ὅστις ποτ' ἐστίν, οὐδὲ γινώσκων (D. XXI. 78).

«Об этом Мидии я не признавал, каков он есть, и не знаю».

Τῆς ἀδελφῆς ἐναντίον κόρης ἔτι καὶ παιδὸς οὔσης (D. XXI. 79).

«в присутствии сестры, девушки, тогда [она была] еще ребенком».

¹⁹⁰ Ἐτι τῶν ἐπιφανῶς καλλωπιζόντων ἐστὶ μετὰ ἐναργείας καὶ τὸ κλιμακωτὸν καλούμενον σχῆμα, ὃ δὴ σπάνιον παρὰ τῷ ῥήτορι, μᾶλλον δὲ οὐδὲ σπάνιον, ἀλλ' ἅπαξ ἢ δις εἰρημένον· ἔστι δὲ οὐδεν ἄλλον ἢ πλεονάζουσα ἀναστροφή, οἷον οὐκ εἶπον μὲν ταῦτα, οὐκ ἔγραψα δέ, οὐδ' ἔγραψα μὲν, οὐκ ἐπρέσβευσα δέ, οὐδ' ἐπρέσβευσα μὲν, οὐκ ἔπεισα δέ (Hermog. Id. 1. 12. 211-217).

¹⁹¹ <οὐκ ἔγραψα>] τὸ σχῆμα τὸ λεγόμενον κλιμακωτὸν (Sch. Dem. 18. 272. 1).

¹⁹² Дионисий использует выражение «ὁ πλεονασμὸς ἐνίων ὀνομάτων» (Dem. 58), однако Р. Д. Андресон считает, что πλεονασμὸς у Дионисия не является terminus technicus (Anderson, 2000: 102).

На наш взгляд, использованные Демосфеном выражения привлекают внимание к тем фактам, которые оратор хочет выделить, и придают высказыванию большую эмоциональность. Так, в первом примере синонимы *πράττω* и *ποιέω*, по-видимому, должны подчеркнуть и усилить мысль о вседозволенности, которую получил Филипп. Во втором предложении *εἰδώς* и *γυνώσκων* стоят в разных временах, что можно понять так: «я тогда не понимал, что это за человек, и теперь не знаю, каков он на самом деле». В третьем примере мы можем видеть фигуру градации, которая усиливает обвинение. Здесь рассказывается о том, как Мидий стал оскорблять Демосфена и сквернословить в присутствии его матери и сестры, при этом оратор особо подчеркивает юный возраст девушки, т. е. имеет в виду: «он оскорблял меня в присутствии сестры, во-первых, в присутствии женщины, а кроме того, она была тогда еще совсем ребенком». В таком ключе понимают это высказывание и схолиасты, которые считают, что *παῖς* указывает на юный возраст девушки, а *κόρη* на женский пол, которому свойственна стыдливость¹⁹³.

Как уже говорилось выше, обращаясь к этим примерам, Дионисий, вероятно, отвечает на критику со стороны Цецилия Калактийского (Aujas, 2002: 158). Заметим, что как пример плеоназма выражение *πράττειν καὶ ποιεῖν* (D. XVIII. 62) упоминает ритор Тиберий в сочинении «О фигурах Демосфена», сам же Цецилий, по-видимому, называл это синонимией (*συνωνυμία*)¹⁹⁴. Напомним, что Дионисий Галикарнасский признает, что выразить одну вещь несколькими словами является характерной чертой стиля Демосфена, однако считает использование такого рода выражений вполне обоснованным (Dem. 58).

¹⁹³ καὶ παιδὸς οὔσηω κόρης] τὸ μὲν ‘παιδὸς’ τὸ ἀπαλὸν τῆς ἡλικίας, ‘κόρης’ δὲ οἷον παρθένου καὶ ἀντιβλέπειν διὰ τὴν αἰδῶ μὴ τολμώσης (Sch. Dem. 21. 257. 1-2).

¹⁹⁴ **πλεονασμὸς** δὲ ἐστὶ, <οἷον>· τί δεῖ πράττειν καὶ ποιεῖν τὴν πόλιν; ἐνέργειαν τὸ σχῆμα ἔχει ἐν τῷ πυσματικῷ τιθεμένεν. **συνωνυμίαν** ὀνομάζει τὸ σχῆμα Καικίλιος ὅταν κατὰ τοῦ αὐτοῦ πράγματος καὶ κατὰ τοῦ προκειμένου δύο λέξεις γενηθῶσιν (Tib. Fig. 34. 2).

Как приверженец практического красноречия. Дионисий уделяет специальное внимание такому аспекту речи как исполнение (ὕλοκρισις). При этом единственным оратором, стиль которого критик анализирует в этом отношении, оказывается Демосфен. Интерес Дионисия к этой теме, на наш взгляд, объясняется не в последнюю очередь тем, что мастерство Демосфена как исполнителя стало пунктом критики оратора уже со времен ранних перипатетиков.

К теме исполнения приводятся три цитаты из «Третьей речи против Филиппа», где говорится о разрушенных Филиппом городах и об установленной им повсюду тирании (D. IX. 26, 27) (Dem. 54). Дионисий утверждает, что стиль этих фрагментов сам показывает чувствительным к такого рода вещам людям, какое исполнение требуется в каждом конкретном случае¹⁹⁵. Рассмотрим первый из процитированных пассажей:

Ὀλυνθον μὲν δὴ καὶ Μεθώνην καὶ Ἀπολλωνίαν καὶ δύο καὶ τριάκοντα πόλεις ἐπὶ Θράκης ἐῶ, ἃς ἀπάσας οὕτως ὠμῶς ἀνήρηκεν, ὥστε μηδ', εἰ πώποτε ᾤκίσθησαν, ῥάδιον ἦν προσελθόντας εἰπεῖν. καὶ τὸ Φωκέων τοσοῦτον ἔθνος ἀνηρημένον σιωπᾷ (D. IX. 26).

«и Олинф, и Мефону, и Аполлонию, и тридцать два города во Фракии, я оставлю, их все с такой жестокостью он уничтожил, что не легко было бы, придя туда, сказать, были ли они когда-то населены. И я умолчу о том, что уничтожен народ фокейцев, столь многочисленный прежде».

Дионисий комментирует этот отрывок следующим образом:

διηρηκῶς γὰρ τὸ πλῆθος τῶν ἀνηρημένων ὑπὸ Φιλίππου πόλεων ἐπὶ Θράκης οὐ φησὶν ἐρεῖν. οὐχὶ ταῦτ' οὖν εἰρωνευόμενον δεῖ λέγειν καὶ ἅμα ὑπαγανακτοῦντα καὶ παρεντείνοντα τὸν ἦχον; εἴτ' εἰ καὶ φησὶν οὐκ ἔχειν ἐρεῖν ταῦθ' ὥσπερ δεινὰ καὶ πέρα δεινῶν, ὅμως ὀδύρεται πόλεων κατάλογον καὶ τελείαν ἀναίρεσιν διέξεισιν, ὡς οὐδ' ἶχνος ἔτι λοιπὸν ἐχουσῶν τῆς παλαιᾶς οἰκίσεως. οὐ δι' ὀργῆς τ' οὖν ταῦτα ὑπερβαλλούσης καὶ οἴκτου λέγεσθαι προσήκει; (Dem. 54).

¹⁹⁵ αὐτὴ γὰρ ἡ λέξις διδάσκει τοὺς ἔχοντας ψυχὴν εὐκίνητον, μεθ' οἷας αὐτὴν ὑποκρίσεως ἐκφέρεσθαι δεήσει. ὃ δὴ ἐγὼ σαφῆς ἐπὶ τῶν παραδειγμάτων ποιήσω (Dem. 53).

«Назвав множество городов, разрушенных Филиппом во Фракии, он говорит, что не станет говорить о них. Так вот, не следует ли говорить это тоном ироническим, а вместе с тем несколько разгневанным и напряженным? Затем, если он сказал, что не может говорить об этом, как о страшном или еще более ужасном, однако скорбит над списком городов и описывает их полное уничтожение, такое, что не осталось даже следа их прежнего существования. Итак, разве это не следует произносить с нарастающим гневом и стенанием?»

Дионисий делает основной акцент на эмоциональном напряжении, которыми должно сопровождаться произнесение этих слов, при этом особенность риторического построения этого фрагмента он отмечает лишь вскользь: Демосфен перечисляет города, о которых обещает не говорить. В то же время другие авторы называют конкретную фигуру, которая здесь использована. Псевдо-Деметрий рассматривает эту цитату как пример паралепсиса (παράλειψις), который способствует мощи стиля (δεινότης)¹⁹⁶. Паралепсис в этом фрагменте отмечает и Гермоген, но, по его мнению, эта фигура способствует не мощи, но скромности стиля (ἐπιείκεια)¹⁹⁷.

¹⁹⁶ Ὡς δ' ἂν καὶ ἐκ σχημάτων γίγνοιτο δεινότης, λέξομεν. ἐκ μὲν οὖν τῶν τῆς διανοίας σχημάτων, ἐκ μὲν τῆς παραλείψεως ὀνομαζομένης οὕτως· Ὀλυθον μὲν δὴ καὶ Μεθώνην καὶ Ἀπολλωνίαν καὶ δύο καὶ τριάκοντα πόλεις τὰς ἐπὶ Θράκης ἐῶ... (Demetr. Eloc. 263).

¹⁹⁷ μέθοδος γὰρ ἐπιεικείας πρώτη μὲν ἢ προειρημένη, μετὰ δὲ ταύτην ἢ ἐκ παραλείψεως... Ἦτοι οὖν οὕτως ἢ τῇ μεθόδῳ μόνη χρῆται παραλειπτικῆ, τὰ πράγματα δὲ οὐδὲν ἤττον λέγει... καὶ πάλιν Ὀλυθον μὲν δὴ καὶ Μεθώνην καὶ Ἀπολλωνίαν καὶ δύο καὶ τριάκοντα πόλεις ἐπὶ Θράκης ἐῶ... (Hermog. Id. 2. 6. 144-164).

Выводы

В данной главе мы выделили три основные функции, в которых используются цитаты в риторических сочинениях Дионисия Галикарнасского, а именно, информативная, орнаментальная и парадигматическая. Анализ цитат, как нам представляется, показал, что предложенное нами разделение во многом условно, ведь большая часть цитаций привлекается Дионисием с главной целью – проиллюстрировать, аргументировать и усилить важные для себя положения и выводы.

Мы можем заключить, что Дионисий Галикарнасский обладает большой эрудицией в области древних сочинений как художественных произведений, так и специальной литературы. В своей работе он обращается к самым знаменитым «классическим» авторам и текстам, что не в последнюю очередь связано с его дидактической задачей – научить хорошему стилю на конкретных знакомых каждому примерах. На выбор Дионисия влияют и его личные предпочтения, и практические соображения. Неслучайно, из многих ораторов чаще всего цитируется Демосфен, стиль которого Дионисий, как известно, считает лучшим образцом для подражания. Обращает на себя внимание и то, что Дионисий ни разу не обращается к Гесиоду, Антимаху или Паниасиду, которых относит к наиболее достойным авторам, зато очень часто цитирует Гомера, как можно предположить потому, что хорошо знает и любит его тексты. Высоко оценивая Аристотеля как писателя, Дионисий тем не менее никогда не рассматривает эксерпты из сочинений философа с точки зрения языка и стиля, ведь его главный интерес сосредоточен на практическом красноречии.

Следует заметить, что к выбору конкретных сочинений и пассажей для цитирования и анализа Дионисий подходит, опираясь на важные для себя критерии. Стремясь к объективному изложению темы и достоверным выводам, он учитывает подлинность текста, его жанр, риторическую структуру, образность и авторский стиль. Параллели между Дионисием и

другими авторами, на наш взгляд, показывают, что в центре его внимания не редкие, но, напротив, хорошо известные «хрестоматийные» тексты, некоторые из которых, как мы предполагаем, уже были отмечены и рассматривались в предшествующей традиции.

Как было установлено, при выборе цитаций Дионисий Галикарнасский ориентируется не только на сам эксцерпт, но на весь хорошо ему известный широкий контекст фразы. Он достаточно свободно обращается с этими фрагментами, нередко изменяет и дополняет исходный текст, выстраивая параллели между своим высказыванием и речью древнего автора, авторитет которого должен усилить его собственную, Дионисия, позицию. Он искусно встраивает «чужое слово» в собственные сочинения, рассчитывая на образованных читателей, они, по-видимому, знают приведенные цитаты и способны оценить мастерство, с которым они были использованы.

Наконец, подход Дионисия к цитированию выявляет его нацеленность на анализ текста и его интерпретацию. На наш взгляд, этот интерес демонстрирует, в частности, его обращение с цитатами из Гомера и Платона: Дионисий не просто приводит фрагменты из их сочинений, но достраивает и объясняет смысл приведенных эксцерптов, фактически их комментирует.

В своих риторических сочинениях Дионисий часто цитирует Демосфена. О положении Демосфена в каноне греческих авторов, его изучении и рецепции в I в. до н. э. мы узнаем в основном благодаря Цицерону, тогда как греческие писатели этого времени или не рассматривают Демосфена как лучшего ритора (Псевдо-Деметрий, Филодем), или же их работы о нем сохранились только во фрагментах (Цецилий Калактийский, Дидим Халкентер). В этой связи риторические сочинения Дионисия Галикарнасского приобретают особую ценность как одни из немногих имеющихся у нас источников по этой теме.

В момент возрастающего интереса к Демосфену Дионисий всесторонне исследует его речи, их подлинность, язык и стиль, на наш взгляд, с главной целью – показать, почему именно Демосфена следует считать самым

замечательным оратором – такая позиция, по-видимому, еще не вполне утвердилась и нуждалась в доказательстве. Стремление Дионисия именно доказать, а не констатировать превосходство Демосфена, на наш взгляд, особенно заметно в сравнении с тем, как он рассматривает других ораторов. Действительно, говоря о Лисии, Исократе или Исее, он уверенно называет стилистические особенности их речей и практически не приводит возможные возражения на этот счет, в случае же Демосфена Дионисий постоянно ссылается на различные мнения, которые подробно анализирует и при необходимости оспаривает.

Дионисий Галикарнасский проявляет большую осведомленность об изучении оратора, о его древних и современных критиках, а его собственные заметки о Демосфене оказываются востребованы позднейшими комментаторами. Полемизируя с критиками оратора, Дионисий пользуется различными стратегиями. Так, замечания Эсхина рассматриваются в отрыве от их реального содержания и политического контекста, который, разумеется, уже не представлял интерес для самого Дионисия. При этом слова Эсхина переформулируются и осмысляются таким образом, чтобы подтвердить значимые для Дионисия Галикарнасского тезисы, а именно, уместность отклоняющегося от обычной речи патетического стиля и важность правильного соединения слов. Не оценивая справедливость сделанных Дионисием выводов, отметим, что в своей полемике он пользуется достаточно логичной и рациональной аргументацией. Так, он утверждает, что выделенные Эхином неудачные выражения на самом деле не встречаются в подлинных речах Демосфена, затем убедительно доказывает, что с точки зрения хронологии оратор не мог читать «Риторику» Аристотеля до того, как произнес свои лучшие речи, наконец, он отклоняет упрек в использовании плеоназмов на основании того, что главным достоинством речи следует считать вовсе не краткость, но качества, способствующие убедительности речи.

В концепции Дионисия Галикарнасского Демосфен безусловно занимает центральное положение как самый замечательный ритор, стиль которого обладает многими достоинствами, в частности, разнообразием, т. е. способностью меняться в зависимости от ситуации, уместностью в использовании выразительных средств, хорошим соединением слов, и, конечно же, убедительностью. На примере Демосфена Дионисий также подчеркивает значимость риторической обработки текста, исполнительского мастерства оратора и его способность воздействовать на эмоции слушателей. Известно, что ранние перипатетики рассматривали эти качества стиля Демосфена как недостатки, тогда как Дионисий, при всей своей ориентированности на перипатетическую традицию, явно не присоединяется к этой критике, так как оценивает стиль оратора с позиций практического красноречия.

В ходе своей работы Дионисий Галикарнасский обращается и к таким традиционным для античной филологии темам, как определение подлинности сочинений и времени их написания. Внимание Дионисия к этой стороне текста вполне понятно: создавая рекомендации по продукции текста, Дионисий исходит из того, что понимание стиля оратора, а значит, и подражание ему, возможно только, если мы рассматриваем его подлинные речи (см. концепцию «эkleктического мимесиса»). В своем распоряжении Дионисий имеет издание Демосфена и знает весь доступный в его время корпус оратора, по нашим подсчетам, ему известно по меньшей мере 59/64 речи Демосфена, из которых он считает неподлинными около 10. Для атрибуции текста он пользуется стилистическим и хронологическим критериями, а также учитывает обстоятельства создания сочинения (см. речь «За Дифила» и, возможно, «Речь о том, чтобы не изгонять Гарпала»). Установление времени написания этих речей необходимо Дионисию для доказательства того, что Демосфен не только не пользовался «Риторикой» Аристотеля, но, напротив, философ составил свой трактат с опорой на Демосфена и других ораторов. На наш взгляд, таким

образом Дионисий хочет еще раз подчеркнуть превосходство риторической практики над теорией.

В своих изысканиях на эти темы Дионисий Галикарнасский опирается на многие труды, в частности, как мы предполагаем, он хорошо знает составленный Каллимахом список сочинений оратора, включая следующие сведения: названия речей, их нумерация, жанр, начальные строки и др. Вероятно, Дионисий также имеет представление о принятых в античной филологии принципах работы с историческими источниками и авторскими текстами, о чем могут свидетельствовать пересечения между ним и александрийцем Дидимом (использование в качестве исторических источников сочинений Гермиппа и Филохора, употребление лексемы *φορτικός* как характеристики стиля применительно к тексту сомнительного авторства).

Проведенное нами исследование показало, что из всего корпуса Демосфена для цитирования в парадигматической функции Дионисий Галикарнасский выбирает фрагменты только из 11 речей: «Вторая Олинфская», «Третья Олинфская», «О мире», «Третья Филиппика», «О симмориях», «О венке», «О преступном посольстве», «Против Лептина», «Против Мидия», «Против Аристократа», «Против Конона». Как мы считаем, Дионисию хорошо известен весь обширный корпус оратора, однако он предпочитает обращаться к одним и тем же сочинениям Демосфена, а иногда даже к одним и тем же фрагментам из них.

Дионисий Галикарнасский приводит цитаты из речей Демосфена в качестве примеров на разные качества стиля оратора, как образцы среднего стиля красноречия, смешанной гармонии и хорошего стиля в целом. К этим фрагментам Дионисий применяет следующие приемы анализа: комментарий, метатесис и сравнение. Краткий или более пространственный комментарий необходим, чтобы указать наиболее важную, по мнению Дионисия, стилистическую особенность цитаты, метатесис позволяет выделить композицию текста и его синтаксис, сопоставление пассажей из разных авторов (Лисий, Исократ, Исей, Платон, Фукидид) должно показать, что

сближает Демосфена с другими писателями и какими качествами стиля он их превосходит.

Мы обращаем особое внимание на прием метатесиса, к которому Дионисий прибегает, когда рассматривает свою главную и любимую тему, а именно, соединение слов. Анализ текстов оратора с помощью метатезы, во-первых, показывает хорошее соединение слов Демосфена, а с другой стороны, его склонность к краткой запутанной и отклоняющейся от обыкновенной манере выражения, что объединяет его с Фукидидом. Критик подчеркивает, что, в отличие от историка, оратору обычно удается сохранить ясность, которая в концепции Дионисия и является важнейшим достоинством речи.

Дионисий Галикарнасский отбирает сочинения Демосфена и конкретные фрагменты из них на основании тех критериев, которые отмечались нами для других авторов и текстов. Он цитирует только те сочинения, которые считает подлинными, также учитывает жанр речи, ее риторическую структуру, содержание и образность, что особенно важно в контексте сравнительного метода исследования, ведь Дионисий считает возможным сопоставление только тех текстов, которые имеют определенные смысловые и/или формальные сходства.

Наконец, отметим, что основной интерес Дионисия Галикарнасского сосредоточен вокруг очень известных речей, которые, по-видимому, считались самыми главными и лучшими произведениями оратора уже в античности. Именно к таким сочинениям, очевидно, относятся *δημόσιοι λόγοι* Демосфена, в особенности, наиболее цитируемые Дионисием речь «О венке» и «Третья Филиппика» – их политический пафос, риторический аппарат и построение имели исключительное значение для греко-римского красноречия.

Также мы предполагаем, что в выборе цитат Дионисий мог опираться на уже сложившуюся традицию, в которой к анализу привлекались именно эти тексты оратора. На эту мысль наталкивают следующие соображения. Во-первых, маловероятно, чтобы при всей значимости Демосфена для риторического искусства его речи вовсе не были предметом детального

изучения и комментирования до I в. до н. э. Кроме того, мы отмечаем, что позднейшие риторы нередко цитируют те же речи и фрагменты из них, что и Дионисий, причем они не копируют его заметки, даже если обращают внимание на те же аспекты этих текстов. Например, Дионисий в весьма образной манере говорит о правдоподобию, убедительности, простоте и безыскусности изложения речи «Против Конона» (D. LIV. 3-9). При том, что авторы риторических трактатов и схолиасты также отмечают эти качества стиля, они, в отличие от Дионисия, делают акцент на определенных выразительных средствах, которые создают такой эффект (предварительное представление основных аргументов, перечисление фактов и т. д.).

В целом, на наш взгляд, Дионисий Галикарнасский скорее стремится сформулировать важнейшие с его точки зрения стилистические особенности текста и передать общее впечатление от речи, чем назвать конкретные риторические средства. Так, комментируя цитату из речи «О венке» (D. XVIII. 119), Дионисий говорит только о хорошем расположении колонов, Гермоген же отмечает в этом фрагменте парисосис. Другой фрагмент из того же сочинения (D. XVIII. 179) Дионисий приводит как пример на изящную форму колонов, тогда как Псевдо-Деметрий, Гермоген и схолиасты указывают здесь фигуру климакс. Как мы предполагаем, античная теория фигур речи была Дионисию достаточно известна, однако он задумывает свои сочинения не как трактаты в духе школьной риторики, где указание фигур было бы совершенно необходимо, но как изложение, в достаточно свободной форме, своих взглядов на язык, стиль и ораторское искусство для хорошо образованных читателей¹⁹⁸. При этом следует заметить, что, несмотря на авторитет Дионисия Галикарнасского, который сохранялся на протяжении всей античности и в византийское время, такой подход к стилю Демосфена оказался довольно мало востребован в позднейшей традиции.

¹⁹⁸ Примечательно, что сам Дионисий неоднократно называет своих читателей φιλόλογοι (Comp. 25; Thuc. 2, 25; Dem. 23; Lys. 8).

Глава 2. Метатесис как прием анализа языка и стиля

Один из наиболее часто используемых Дионисием Галикарнасским способов анализа языка писателя и описания авторского стиля – прием метатесиса или метатезы (μετάθεσις, букв. – перестановка, переложение), суть которого заключается, как уже понятно из перевода, в переписывании, переименовании исходного текста¹⁹⁹. Наиболее ранние примеры метатесиса отмечаются у Платона (Pl. RP 393d-394b; Phdr. 264d) и Аристотеля (Arist. Rh. 1367b-1368a; Po. 1458b15-1459a4)²⁰⁰, в дальнейшем этот прием получил широкое распространение как в теории риторики, так и в практике обучения красноречию. Исследования метатесиса обычно основываются на примерах из сочинений Цицерона, Псевдо-Деметрия, Филодема, Дионисия и Псевдо-Лонгина.

Прием метатесиса может считаться вариантом такого распространённого риторического упражнения как парафраза (Jonge, 2008: 383)²⁰¹. В отдельных случаях разделить комментарий к тексту, его парафразу и метатесис достаточно трудно. Например, во «Втором письме к Аммею» Дионисий анализирует пассаж из «Истории» Фукидида следующим образом:

“τὴν μὲν οὖν ἀληθεστάτην αἰτίαν, λόγῳ δὲ ἀφανεστάτην, τοὺς Ἀθηναίους οἶομαι μεγάλους γινομένους ἀναγκάσαι εἰς τὸ πολεμεῖν.” βούλεται γὰρ δηλοῦν, ὅτι μεγάλοι γιγνόμενοι οἱ Ἀθηναῖοι ἀνάγκην παρέσχον τοῦ πολέμου· πεποίηκεν δὲ ἀντὶ τῆς ἀνάγκης καὶ τοῦ πολέμου ὀνοματικῶν ὄντων ῥηματικὰ τὸ τε ἀναγκάσαι καὶ τὸ πολεμεῖν (Amm. II 6).

¹⁹⁹ Метатесис – устоявшееся обозначение, принятое исследователями, сам Дионисий не называет свой прием метатесисом, но пользуется глаголами μετατίθημι, ἀλλάττω, μετακινέω, μεταρρυθμίζω (Jonge, 2008: 367). В некоторых случаях использование этого приема не маркируется специальной лексикой.

²⁰⁰ «Metathesis has a precursor in Aristotle, Poet. 22, 1458a17-31, where word-substitution in verse is called μετατιθένα» (Janko, 2000: 227, n. 2).

²⁰¹ Так, Элий Теон определяет парафразу изменение формы выражения при сохранении смысла высказывания и одним из вариантов парафразы считает изменение синтаксического построения исходной фразы (Jonge, 2008: 383).

«“итак, причиной самой истинной, на словах же самой скрытой, я считаю то, что афиняне, сделавшись могущественными, принудили воевать”. Дело в том, что он [Фукидид] хочет показать, что, сделавшись могущественными, афиняне вызвали необходимость войны, он поставил вместо “необходимость” и “война”, которые являются существительными, глаголы “заставлять” и “воевать”».

Для того, чтобы разделить комментарий, парафразу и метатезу, мы предлагаем понимать метатесис как максимально близкую к оригиналу парафразу, целью которой является демонстрация особенностей языка и стиля исходного текста. На наш взгляд, метатезу можно рассматривать как продолжение и обогащение приема цитирования, ведь его использование обычно подразумевает, что сначала приводится оригинальный текст, а затем – его измененный вариант, который сопровождается комментарием критика. В случае Дионисия метатесис также является важным элементом столь любимого им сравнительного метода исследования (Ромп. 1 ἐκ τῆς συγκρίσεως ἐξέτασις), так как в основе этого приема лежит явное или скрытое сопоставление нескольких вариантов одного и того же пассажа, которое должно выявить достоинства или недостатки исходного текста. Для читателя, особенно современного, главная трудность примеров с метатезой состоит в том, что Дионисий не всегда подробно объясняет, почему какое-либо построение текста следует считать лучше или хуже другого.

Заметим, что метатесисы Дионисия привлекались к исследованию, но достаточно редко. Одним из первых важность метатезы («method of recasting») в контексте критического метода Дионисия отметил С. Ф. Боннер, который выделил две основные функции этого приема: метатесис показывает, как должен быть изменен плохой стиль, с другой стороны, как малейшее изменение может испортить хороший пассаж (Bonner, 1939: 76). Нельзя не согласиться с Боннером в том, что метатесис – один из лучших методов критического подхода, который требует больших усилий со стороны того, кто его применяет (Bonner, 1939: 93). По его мнению, которое хотелось бы

поддержать без малейших сомнений, частое использование метатесиса в сочинении «О Фукидиде» показывает, что Дионисий с особой тщательностью подходит к исследованию стиля историка (Bonner, 1939: 92-93).

Одна из немногих работ, где подробно рассматривается техника метатесиса у Дионисия Галикарнасского, – статья Н. А. Гринберга, однако ее существенным недостатком является то, что исследователь обращается исключительно к поэтическим метатезам, причем анализирует всего несколько примеров (у Дионисия Ном. II. 12. 433-5 и II. 13. 392-3; у Филодема Ном. II. 16. 112-4). Гринберг сравнивает метатезу Дионисия, при которой изменяется только метр оригинала, и метатесис, проведенный Филодемом, где метр исходного пассажа сохраняется. По мнению ученого, использование поэтических метатесисов у Дионисия весьма ограничено и нужно ему лишь для того, чтобы показать важность соединения слов в речи. Исследователь критикует подход Дионисия, полагая, что приводимые древним критиком перестановки доказывают скорее важность для поэзии метра, чем соединения слов (Greenberg, 1958: 265). Важное заключение, к которому приходит Гринберг, состоит в том, что метатесис широко использовался и был предметом дискуссий в античной критике еще до Филодема и, соответственно, до Дионисия, исторически этот прием имел целью выделить композицию поэтического произведения и сделать ее предметом специального исследования (Greenberg, 1958: 266).

В статье С. Деймон метод метатесиса рассматривается как элемент оценочной теории Дионисия («theory of evaluation»). Исследовательница отмечает увеличение числа примеров с метатезой в тех работах Дионисия, которые традиционно считаются более поздними: в сочинении «Об Исократе» этот прием используется всего один раз, в сочинении «Об Исее» – дважды, в сочинении «О Демосфене» и в трактате «О соединении слов» – по девять раз в каждом, в сочинении «О Фукидиде» и «Втором письме к Аммею» – двадцать

два раза (Damon, 1991: 51)²⁰². В работах Дионисия Деймон выделяет две группы перестановок: большая их часть (33) показывает недостатки исходного текста, меньшая часть (10) – альтернативный или лучший в сравнении с оригиналом вариант (Damon, 1991: 51-52).

Т. Хидбер определяет метатесис как изменение порядка слов и, вслед за С. Деймон, выделяет две его функции – демонстрация достоинств или недостатков оригинального текста (Hidber, 1996: 66). Ф. Боттаи подчеркивает разнообразие этой техники, ее глубину и выразительность²⁰³, исследовательница также отмечает увеличение числа метатесисов в тех сочинениях Дионисия, которые считаются более поздними (Bottai, 1999: 141-146).

Наиболее полно и детально метатесис анализируется в статье К. де Йонге, который рассматривает этот прием как один из методов литературной критики Дионисия Галикарнасского, наряду с анализом длинных фрагментов текста и сравнением двух или более авторов (Jonge, 2005: 463). Критикуя позицию Н. А. Гринберга, Йонге подчеркивает, что метатесис – полезный универсальный критический метод и важный дидактический инструмент (Jonge, 2005: 465, 479). В отличие от С. Деймон, он выделяет в сочинениях Дионисия три вида метатесиса: 1) исправляющий недостатки оригинала, т. е. показывающий лучший вариант текста; 2) демонстрирующий худший, в сравнении с оригиналом, вариант текста; 3) показывающий альтернативный вариант текста (Jonge, 2005: 468-479). Большая часть перестановок Дионисия принадлежит первой группе, второй тип используется только в трактате «О соединении слов» —такой метатесис, по мнению Йонге, наиболее подходит для практического руководства по риторике, которым и является данный

²⁰² В сочинении «О Фукидиде» и «Втором письме к Аммею» мы насчитали всего 16 метатесисов. К сожалению, в своей статье С. Деймон не дает точных ссылок на примеры с метатесисом. Возможно, она включает в свою статистику и те случаи, которые мы предлагаем рассматривать как комментарий или парафразу.

²⁰³ «Vario, dunque, è l'impiego delle metatesi da parte di Dionigi; è questa una tecnica il cui uso, non esteso comunque a tutta la produzione criticoletteraria, aumenta nel corso della produzione dei vari trattati, facendo sì che le analisi acquistino sempre maggior spessore critico, diventando più profonde ed articolate» (Bottai, 1999: 146).

трактат (Jonge, 2005: 474). Исследователь полагает, что именно дидактический характер трактата влияет на то, что Дионисий часто не комментирует метатезы или даже предлагает самим читателям провести перестановку и сделать собственные выводы. Рассмотрев несколько примеров на каждый тип метатесиса из сочинений «О Демосфене» и «О соединении слов», Йонге заключает, что целью Дионисия было не только утвердить важность соединения слов, как полагал Гринберг, но и показать, каким должно быть «естественное» соединение слов, какой эффект получается от сочетания определенных звуков, ритмов, клаузов, чем отличаются разные типы соединения слов, какие поэтические элементы присутствуют в прозе.

Материал этой статьи с некоторыми изменениями лег в основу главы монографии К. де Йонге о Дионисии Галикарнасском (Jonge, 2008: 367-390). В этой последней работе он анализирует большее число примеров и приходит к выводу, что метод метатесиса тесно связан с различными теориями языка и стиля, которые задеиствует Дионисий, в частности, с его представлениями о синтаксической и грамматической согласованности (κατάλληλος, ἀκολουθία).

В последнее время метатесисы Дионисия Галикарнасского вызывают все больший интерес. Так, Ш. Баккер привлекает известный пример метатесиса из Геродота (Comp. 4) как свидетельство того, что древние считали изменение порядка слов стилистическим явлением (Bakker, 2009: 10-11). А. Ватри видит в примерах с метатесисом возможность понять, какой текст античный автор считает более ясным не в теории, но на практике²⁰⁴, он также рассматривает метатесисы в контексте психолингвистики (Vatri, 2019: 93-106). В статье А. Пурвс один из гомеровских метатесисов Дионисия (Comp. 4) служит иллюстрацией взаимосвязи процесса чтения и чувственного опыта (Purves, 2020: 172-187). К критике Дионисия в адрес стиля Фукидида и, в частности, к его метатесисам, обращается Т. Йохо (Joho, 2022: 1-8).

²⁰⁴ «Of course, Dionysius need not have thought of the changes he made in these terms, which makes them all the more significant, in that they are even more likely to reflect what he empirically considered clearer than what he theorized to be clearer. In the end, we might be able to go some way towards reading an ancient writer's mind» (Vatri, 2017: 194).

Итак, метатесисы Дионисия Галикарнасского привлекают внимание исследователей, однако этот интересный и обширный материал, на наш взгляд, требует дальнейшего подробного и системного изучения. Во многих работах, в том числе упомянутых нами, приводится достаточно небольшое число метатез, которые часто рассматриваются как отдельные примеры, но не как элементы единой системы.

По нашим подсчетам, всего в риторических сочинениях Дионисия насчитывается 43 метатесиса, в числе авторов, к которым он обращается, Исократ, Исей, Демосфен, Эсхин, Платон, Софокл, Гомер, Геродот и Фукидид. Давно замечено, что материалом для перестановок Дионисия чаще всего оказывается «История» Фукидида – именно к этим метатесисам мы и обращаемся в своей диссертации. Выбор автора объясняется не только большим числом примеров, но и тем исключительным местом, которое критика языка и стиля этого историка занимает у Дионисия Галикарнасского.

Нашей целью является проанализировать, как античный филолог пользуется приемом метатезы, установить, какие именно исправления он вносит в текст Фукидида и какими соображениями при этом руководствуется. В рамках данной темы рассматриваются и некоторые аспекты рецепции Фукидида в античности, тот историко-литературный контекст, в котором формируется подход Дионисия к языку и стилю этого автора. Кроме того, мы предлагаем провести сопоставление метатез с византийскими схолиями к «Истории», обращая особое внимание на те параллели между Дионисием и схолиастами, которые еще не стали предметом детального анализа. Также для более полного и объемного представления об античной технике метатесиса применительно к прозе Фукидида в нашей работе исследуются примеры из трактата Псевдо-Деметрия «О стиле».

2.1. Дионисий Галикарнасский о Фукидиде

«История» Фукидида имела своих последователей и подражателей²⁰⁵, однако предполагают, что в течении долгого времени она читалась реже, чем сочинения Геродота и Ксенофонта (Hornblower, 1995:47). Вероятно, возобновление интереса к «Истории» происходит в кругу Цицерона, Аттика, Лукреция и Корнелия Непота (Canfora, 2006:730-731). Считается, что критика языка и стиля Фукидида со стороны Дионисия Галикарнасского тесно связана с дискуссией о необходимости и возможности подражания историку, которая существовала в Риме в I в. до н. э. (Jonge, 2008:214).

Так, Цицерон рассуждает о стиле Фукидида в нескольких своих трактатах, всякий раз в связи с полемикой об аттическом стиле (Cic. Orat. 28-32; Brut. 284-288; Opt. gen. 15-17). Он спорит с некоторыми римскими ораторами, т. н. «аттиками» (в их числе Брут и Гай Лициний Кальв), которые призывали подражать стилю историка, считая его образцом аттицизма. В свою очередь Цицерон утверждает, что достоинства, которые обнаруживают приверженцы Фукидида, характерны для исторического произведения, но не для сочинения ратора, ведь «История», даже если обратиться к приведенным в ней речам, не поможет оратору ни в суде, ни в народном собрании (Cic. Orat. 30 *Thucydides autem res gestas et bella narrat et proelia, graviter sane et probe, sed nihil ab eo transferri potest ad forensem usum et publicum*). Возможно, именно на это замечание Цицерона откликается Дионисий, когда упоминает «неких небезызвестных мудрецов», которые считают, что стиль Фукидида не пригоден для выступающих перед толпой или в суде, но подходит для тех, кто пишет историю (Thuc. 50 *ἐπιχειροῦσι δέ τινες οὐκ ἄδοξοι σοφισταὶ λέγειν, ὅτι τοῖς μὲν πρὸς τὰς ὀχλικὰς ἐντεύξεις παρεσκευασμένοις καὶ τὰ δίκαια λέγουσιν οὐκ ἔστιν ἐπιτήδειος οὗτος ὁ χαρακτήρ, τοῖς δὲ τὰς ἱστορικὰς πραγματείας ἐκφέρουσιν*) (Jonge, 2008: 215). Согласно другому предположению, здесь Дионисий

²⁰⁵ О влиянии Фукидида на Полибия, Катона Старшего, Целия Антипатра, Саллюстия см. (Canfora, 2006).

ссылается на своего друга и коллегу Цецилия Калактийского (Nassal, 1910: 105) (Aujas, 1991: 161), который, по-видимому, проявлял интерес к истории и историческому стилю. Так, в словаре Суда указывается, что Цецилий был автором труда «О сказанном риториками против истории и в защиту истории»²⁰⁶, Афинея также упоминает его сочинение о войнах рабов на Сицилии²⁰⁷ и некий труд «Об истории»²⁰⁸.

Вопрос о том, был ли Дионисий Галикарнасский знаком с трудами Цицерона, остается открытым. Общность теоретических взглядов авторов побуждала уже самых первых исследователей рассматривать их сочинения параллельно (Nassal, 1910) (Hubbel, 1913), однако многие сходства между ними могут объясняться общими источниками. Впрочем, вероятность того, что Дионисий Галикарнасский читал трактаты Цицерона, на наш взгляд, довольно высока: известно, что Цецилий составил сочинение, в котором сравнивались Демосфен и Цицерон²⁰⁹, кроме того, римский покровитель Дионисия историк Квинт Элий Туберон близко знал Цицерона²¹⁰.

В целом мнение Дионисия о стиле Фукидида совпадает с суждением Цицерона²¹¹. Оба автора отмечают такие качества «Истории» как, с одной стороны, неясность, а с другой – значительность, важность²¹², при этом подчеркивается трудность, или даже невозможность подражать этой

²⁰⁶ Περὶ τῶν κατὰ ἱστορίαν ἢ παρὰ ἱστορίαν εἰρημένων τοῖς ῥήτορι (Suda κ 1165).

²⁰⁷ σύγγραμμα δὲ ἐκδέδωκε περὶ τῶν δουλικῶν πολέμων (Athen 6. 272f = FGrHist 183 F 1; T 7 Woerther).

²⁰⁸ Περὶ ἱστορίας (Athen 11. 466a = FGrHist 183 F 2; T 8 Woerther).

²⁰⁹ Σύγκρισις Δεμοσθένους καὶ Κικέρωνος (Suda κ 1165).

²¹⁰ Квинт Элий Туберон выступал обвинителем помпеянца Лигария, защитником которого был Цицерон. После поражения в этом процессе Квинт Туберон посвятил себя истории и юриспруденции. Цицерон называет Туберона родственником, так как мать Квинта была родственницей Цицерона, возможно, двоюродной сестрой (Treggiari, 2017: 25). Цицерон и Луций Туберон, отец Квинта Туберона, вместе получали образование, были товарищами по военной службе во время Союзнической войны 89 г. и впоследствии находились в тесном общении, объединенные, по словам Цицерона, общими интересами (Cic. Lig. 21). Весьма маловероятно, что Дионисий, будучи другом человека, столь близкого Цицерону, не знал ни одного сочинения великого римского оратора и теоретика риторики.

²¹¹ Подробное сравнение взглядов Дионисия и Цицерона на стиль Фукидида проводится в диссертации Ф. Нассаля (Nassal, 1910: 101-114).

²¹² Ipsae illae contiones ita multas habent obscuras abditasque sententias vix ut intellegantur (Cic. Orat. 9. 30); Thucydides autem res gestas et bella narrat et proelia, graviter sane et probe... (Cic. Orat. 9. 30); ...τὴν τε μεγαληγορίαν τοῦ ἀνδρὸς καὶ τὴν καλλιλογίαν καὶ τὴν δεινότητα καὶ τὰς ἄλλας ἀρετὰς ἐν τοῦτοις τοῖς ἔργοις ἐπέισθην τελειοτάτας εἶναι... (Thuc. 27).

значительности²¹³. Оба автора выделяют речи Фукидида: Цицерон одобряет их, хотя и не считает подходящими для выступления оратора²¹⁴, Дионисий подробно обсуждает недостатки этой части «Истории» (Thuc. 18, 37-41, 45-49). С другой стороны, заметим, что Цицерон, рассматривая Фукидида с позиции оратора, считает его стиль не подходящим для красноречия, однако вполне уместным в истории²¹⁵. В то же время Дионисий, сам будучи историком и обращаясь к историку Туберону²¹⁶, старается показать, что язык и стиль Фукидида не всегда применим в историческом повествовании. Кроме того, в отличие от Цицерона, который не называет греческих риториков, подражавших Фукидиду, Дионисий Галикарнасский отмечает влияние историка на стиль Демосфена²¹⁷.

Также мы обращаем внимание на замечание Цицерона, где характер стиля Фукидида объясняется его древностью:

...novam istam quasi de musto ac lacu fervidam orationem fugiendam nec **illam praeclaram Thucydidi nimis veterem tamquam Anicianam notam persequendam. Ipse enim Thucydides si posterius fuisset, multo maturior fuisset et mitior** (Cic. Brut. 288).

«...и эту новую речь, как будто из едва забродившего сока и еще бурлящего чана, следует избегать, и не нужно придерживаться этой весьма славной речи Фукидида, слишком древней как вино времен Аниция. Ведь сам Фукидид, живи он позже, был бы гораздо более зрелым и мягким».

²¹³ Huius tamen nemo neque verborum neque sententiarum gravitatem imitator ... (Cic. Orat. 31); ἡ μὲν οὖν ἐξηλλαγμένη καὶ περιττὴ καὶ ἐγκατάσκευος καὶ τοῖς ἐπιθέτοις κόσμοις ἄπλασι συμπληρωμένη λέξις, ἧς ὄρος καὶ κανὼν ὁ Θεουκιδίδης, ὃν οὐθεὶς οὐθ' ὑπερεβάλετο τῶν ἐπιγινομένων οὔτε εἰς ἄκρον ἐμμήσατο... (Dem. 1); οἱ δὲ Θεουκιδίδην ζηλοῦν λέγοντες καὶ τὸ μὲν εὐτόνον καὶ στερεὸν καὶ δεινὸν καὶ τὰ τοῦτοις ὅμοια χαλεπῶς ἐκλαμβάνοντες... (Din. 8).

²¹⁴ Ipsae illae contiones ita multas habent obscuras abditasque sententias vix ut intellegantur... (Cic. Orat. 30); Orationes autem quas interposuit—multae enim sunt—eas ego laudare soleo (Cic. Brut. 288).

²¹⁵ 'at laudatus est ab omnibus. ' fateor; sed ita ut rerum explicator prudens severus gravis; non ut in iudiciis versaret causas, sed ut in historiis bella narraret ... (Cic. Orat. 31).

²¹⁶ Как метко замечает С. Ашер, «Дионисий был историком, критикующим другого историка в интересах третьего» (Usher, 1974: 456).

²¹⁷ ῥητόρων δὲ Δημοσθένης μόνος, ὥσπερ τῶν ἄλλων ὅσοι μέγα τι καὶ λαμπρὸν ἔδοξαν ποιεῖν ἐν λόγοις, οὕτω καὶ Θεουκιδίδου ζηλωτὴς ἐγένετο κατὰ πολλὰ... (Thuc. 53); φέρε δὲ καὶ τίνι διαλλάττει τῆς Θεουκιδίδου λέξεως ἡ Δημοσθένους ἢ παρὰ τὸν αὐτὸν κατεσκευασμένη χαρακτῆρα, εἴπωμεν... (Dem. 10).

Возможно, именно с этой мыслью полемизирует Дионисий в своем сочинении «О Фукидиде»:

πρὸς δὲ τοὺς ἐπὶ τὸν ἀρχαῖον βίον ἀναφέροντας τὴν Θουκυδίδου διάλεκτον ὡς δὴ τοῖς τότε ἀνθρώποις οὕσαν συνήθη, βραχὺς ἀπόχρη μοι λόγος καὶ σαφής, ὅτι πολλῶν γενομένων Ἀθήνησι κατὰ τὸν Πελοποννησιακὸν πόλεμον ῥητόρων τε καὶ φιλοσόφων οὐδεὶς αὐτῶν κέχρηται ταύτῃ τῇ διαλέκτῳ... (Thuc. 51).

«А тем, кто, ссылаясь на древность, считают, что язык Фукидида был обычен для людей того времени, мне достаточно краткого и ясного ответа, а именно, что никто из риториков и философов, которых было много в Афинах во время Пелопонесской войны, не пользовался таким языком...».

Мы, разумеется, не можем утверждать, что в данном случае Дионисий ссылается непосредственно на Цицерона, однако это вполне вероятно, особенно, если мы присоединяемся к позиции К. де Йонге, который считает, что Дионисию во всяком случае был известен трактат «Оратор» (Jonge, 2008: 216).

Давно замечено, что сочинения Дионисия Галикарнасского, где подробно рассматривается язык и стиль историка («Письмо к Помпею», в особенности же, сочинение «О Фукидиде» и «Второе письмо к Аммею») отличаются от других его работ, ведь критик приводит гораздо больше цитат из Фукидида, чем из других авторов, а также сопровождает их подробнейшим комментарием и детальным разбором. Общая интонация этих сочинений и отдельные ремарки, на наш взгляд, показывают трудность положения, в котором находится Дионисий: его друзья и влиятельные покровители, Квинт

Элий Туберон²¹⁸, Аммей²¹⁹ и Помпей²²⁰, по-видимому, склонны одобрять стиль Фукидида, тогда как сам Дионисий подходит к историку с критических позиций²²¹.

В обращении к Квинту Элию Туберону в сочинении «О Фукидиде», Дионисий, по собственным словам, стремится защитить себя от нападков «любителей обвинять» (Thuc. 2 ... ὅσοις πολὺ τὸ φιλαίτιον ἔνεστιν), которые, как он предполагает, «будут упрекать... за то, что мы дерзнули заявлять, что Фукидид, сильнейший из историков, порой ошибается в замысле и совершенно ослабеваает в отношении силы» (Thuc. 2 ... τοὺς ἐπιτιμήσοντας..., ὅτι τολμῶμεν ἀποφαίνειν Θουκυδίδην τὸν ἀπάντων κράτιστον τῶν ἱστοριογράφων καὶ κατὰ τὴν προαίρεσιν ποτε τῶν λόγων ἀμαρτάνοντα καὶ κατὰ τὴν δύναμιν ἐξασθενοῦντα...). Аргументом в свою защиту он считает то, что «целью его сочинения является не нападение на замысел и силу Фукидида, не исчисление его ошибок, не умаление...» (Thuc. 3 ἔστι δὴ τὸ βούλημά μου τῆς πραγματείας οὐ καταδρομὴ τῆς Θουκυδίδου προαιρέσεώς τε καὶ δυνάμεως, οὐδ' ἐκλογισμὸς τῶν ἀμαρτημάτων οὐδ' ἐξευτελισμὸς...), но «...некое извлечение стиля [Фукидида], охватывающее все, что оказывается у него общим с остальными и отличным от других» (Thuc. 3 ... ἐκλογισμὸς δέ τις τοῦ χαρακτῆρος τῶν λόγων, ἅπαντα περιειληφώς, ὅσα συμβέβηκεν αὐτῷ κοινὰ τε πρὸς ἑτέρους καὶ διαφέροντα παρὰ τοὺς ἄλλους).

Поводом к написанию «Второго письма к Аммею» Дионисий называет критическое замечание одного из своих адресатов: Аммей считает, что

²¹⁸ Квинт Элий Туберон – представитель знатного патрицианского рода (Bowersock, 1965: 129), известный историк и юрист. Дионисий упоминает его исторический труд в своих «Римских древностях» (Ant. Rom. 1. 80. 1 ... ὡς δὲ Τουβέρων Αἴλιος δεινὸς ἀνὴρ καὶ περὶ τὴν συναγωγὴν τῆς ἱστορίας ἐπιμελὴς γράφει...).

²¹⁹ Об Аммее предполагают, что он был близким другом Дионисия и влиятельным человеком. Свидетельствами этого считается то, что Дионисий называет Аммея κράτιστος (Or. Ant. 1 ὃ κράτιστε Ἀμμαῖε) и φίλτατος (Amm. I Διονύσιος Ἀμμαίῳ τῷ φίλτατῳ πλεῖστα χαίρειν). Он мог быть или римлянином (возможно, одним из покровителей Дионисия), или вольноотпущенником (Hidber, 1996: 96-97).

²²⁰ Гней Помпей Гемин – скорее всего, грек, но, возможно, и римлянин, он мог быть вольноотпущенником самого Помпея Великого. Ж. Ожак высказывает предположение, что речь идет о Гемине, авторе учебника по астрономии «Введение в явления» (Αυγας, 1975).

²²¹ И. Матьяшич приходит к выводу, что Дионисий Галикарнасский выступает против общепринятого представления о Фукидиде как о лучшем греческом историке (Matijašić, 2018: 97).

сочинение «О Фукидиде» было написано недостаточно тщательно, ведь в нем сначала названы все характеристики стиля, а только потом приведены доказательства (Amm. II 1).

Вероятно, имея в виду возможные упреки, Дионисий и сам смягчает свою критику Фукидида, например, когда использует описательные формулировки: вместо *σολοικίζειν* говорит *σολοικίζειν ἂν ὑφ' ἡμῶν λέγοιντο* (Thuc. 11, 18); вместо *σολοικισμός* вводит редкий эпитет *σολοικοφανής* (Thuc. 29, 53, 55) (Jonge, 2008: 272) (Jonge, 2011: 469).

Какие же недостатки стиля Фукидида отмечает Дионисий Галикарнасский? По его мнению, наиболее существенным из них является неясность. Здесь следует заметить влияние на критика Аристотеля и перипатетиков, которые, как известно, придавали большое значение именно ясности стиля (*σαφήνεια*). Кроме того, напомним, что в свете той пользы, которую всякий читатель может получить от текста, для Дионисия особенно важно, чтобы сочинение было понятно не только специалистам, но и обычному человеку²²². Необходимость толкования трудных мест «Истории», очевидно, сужает круг людей, способных ее воспринять, — это одна из причин, почему неясность оценивается Дионисием как существенная проблема текста.

В некоторых случаях он и сам выступает в роли комментатора трудных пассажей из Фукидида. Например, смысл ответа афинянин мелосцам (Th. v. 105. 1) Дионисий объясняет следующим образом:

‘Τῆς μὲν τοίνυν πρὸς τὸ θεῖον εὐμενείας οὐδ’ ἡμεῖς οἰόμεθα λελείπεσθαι· οὐδὲν γὰρ ἔξω τῆς μὲν ἀνθρωπείας, τῆς δ’ εἰς τὸ θεῖον νεμέσεως τῶν τ’ εἰς σφᾶς αὐτοὺς βουλήσεων δικαιοῦμεν ἢ πράσσομεν. ἡγούμεθα γὰρ τό τε θεῖον δόξη τὰνθρώπειόν τε σαφῶς διὰ παντὸς ἀπὸ φύσεως ἀναγκαίως, οὗ ἂν κρατῆ, ἄρχειν’· **τούτων ὁ νοῦς ἔστι** μὲν δυσεῖκαστος καὶ τοῖς πάνυ δοκοῦσιν ἐμπείρωσ τοῦ ἀνδρὸς ἔχειν,

²²² πρὸς μὲν οὖν τοὺς οἰομένους μόνων εἶναι τῶν εὐπαιδευτῶν ἀναγνῶναι τε καὶ συνεῖναι τὴν Θουκυδίδου διάλεκτον ταῦτα λέγειν ἔχω, ὅτι τὸ τοῦ πράγματος ἀναγκαῖόν τε καὶ χρήσιμον ἅπασιν “οὐδὲν γὰρ ἂν ἀναγκαῖότερον γένοιτο οὐδὲ πολυωφελέστερον” ἀναιροῦσιν ἐκ τοῦ κοινοῦ βίου, ὀλίγων παντάπασιν ἀνθρώπων οὕτω ποιοῦντες, ὥσπερ ἐν ταῖς ὀλιγαρχουμέναις ἢ τυραννουμέναις πόλεσιν: εὐαρίθμητοι γὰρ τινές εἰσιν οἳ πάντα τὰ Θουκυδίδου συμβαλεῖν, καὶ οὐδ’ οὗτοι χωρὶς ἐξηγήσεως γραμματικῆς ἔνια (Thuc. 51).

κατακλείεται δ' εἰς τοιοῦτόν τι πέρας, ὅτι τὸ μὲν θεῖον δόξῃ γινώσκουσιν ἅπαντες, τὰ δὲ πρὸς ἀλλήλους δίκαια τῷ κοινῷ τῆς φύσεως κρίνουσιν νόμῳ· οὗτος δ' ἔστιν ἄρχειν ὧν ἂν δύνηται τις κρατεῖν (Thuc. 40).

«“Благость от божества, мы думаем, не оставила и нас, ведь мы ничего не делаем и не считаем справедливым вне человеческого представления о возмездии божества и вне желания людей в отношении их самих. Дело в том, что в отношении божественного мы полагаем на основании мнения, о человеческом же ясно знаем, что оно по природной необходимости властвует там, где имеет силу”. Смысл этих слов трудно разобрать, даже и тем, кто считает себя весьма сведущими в Фукидиде, но заканчивается это таким выводом, что все постигают божественное по собственному представлению, а справедливость в отношении друг друга устанавливают на основании общего природного закона, а он таков, что правят те, кто в состоянии взять верх».

Заметим, что и само стремление Дионисия прояснить смысл текста, и то, как именно он его понимает, и даже отдельные формулировки, которыми он при этом пользуется, созвучны с византийскими схолиями к «Истории»:

...ὁ νόμος· ...τό τε γὰρ θεῖον θεραλεύομεν κατὰ τὸ κοινὸν πάντων ἀνθρώπων ἔθος, τοὺς τε ἀνθρώπους ἡγούμεθα φύσει γεγρονέναι πρὸς τὸ ἄρχειν ὧν κρατοῦσιν (Sch. Th. 5. 105. 1. 1-6).

«смысл таков ... дело в том, что с божественным мы обращается по общему для всех людей обычаю, и мы считаем, что по природе достигли власти те из людей, которые берут верх».

В своих сочинениях Дионисий Галикарнасский критикует, во-первых, οἰκονομία Фукидида: история разделена по летам и зимам, истинная причина событий не называется в самом начале, вступление слишком затянуто и не вполне соответствует тому, о чем будет сказано дальше, война длилась 27 лет, а повествование заканчивается на 22 году, отдельным важным эпизодам войны уделяется слишком мало места, а не самые существенные события, наоборот, рассматриваются очень подробно (Thuc. 9-15, 19). Анализируя речи из «Истории», критик приходит к выводу, что они не всегда используются там,

где это действительно необходимо для повествования, кроме того, в отдельных речах и сами мысли, и их выражение не соответствуют характеру действующих лиц, событиям и обстоятельствам (Thuc. 17, 18, 34, 37-41, 44-45). Также Дионисий отмечает неясность многих пассажей Фукидида, в одних случаях причина этого чрезмерная краткость выражения, в других, напротив, – обилие уточняющих обстоятельств (Thuc. 24; Amm. II 15). Кроме того, к неясности приводит и нежелание историка выразить свою мысль общепринятым и «естественным» образом. Как нарушение «естественного» порядка Дионисий оценивает следующие аспекты стиля: выбор редких слов, их необычный порядок, использование малопонятных метафор, запутанных фигур речи, в частности, горгианских, постоянные отклонения от грамматических и синтаксических норм, которые зачастую выглядят как ошибки (Thuc. 24, 29; Amm. II 3-14, 17).

Мы не знаем, как отвечали на замечания Дионисия его современники и непосредственные адресаты, но, возможно, их мнение было сходно с тем, которое несколько позднее выскажет неизвестный комментатор Фукидида. Один из оксиринхских папирусов (P. Оху. VI 853)²²³ сохранил анонимный текст (около I в. н. э) с комментарием к началу второй книги «Истории» (с 1 по 45 главу). Предполагают, что в основе этого текста лежит некий эллинистический комментарий, содержащий грамматическое толкование трудной прозы Фукидида²²⁴. Говоря о разделении «Истории» по летам и зимам, автор P. Оху. 853 приводит краткое резюме критики Дионисия Галикарнасского в отношении οἰκονομία Фукидида:

²²³ Папирус P. Оху. 853, который в настоящее время хранится в Египетском музее в Каире, состоит из 8 фрагментов, около 600 строк. Комментарий к Фукидиду был написан на обратной стороне трех документальных папирусов, которые были соединены вместе (P. Оху. 6986 recto). Один из этих трех документов датируется 131-132 гг. н. э., записанный на папирусе текст относят ко II в. н. э., а сам комментарий предположительно был создан в I в. до н. э., то есть примерно в то же время, когда над этой темой работал Дионисий.

²²⁴ «This papyrus was based upon an Hellenistic ὑπόμνημα mostly interested in providing γραμματικαὶ ἐξηγήσεις. These grammatical explanations were first meant to help readers to understand Thucydides' (difficult) Attic prose» (Pulice, 2022: 105).

Διονύσιος [ὁ] Ἀλικαρνασσεὺς ἐν τῷ περὶ Θουκυδίδ[ου] συντάγματι περὶ οὐ πολλῶν μ[έ]μφεται τὸν Θουκυδίδην, τὰ δ' ἀν[ω]τάτω τρία κεφάλαια διέξεισιν, ὅ[τι] τε οὐκ ἄρχοντας καὶ Ὀλυμπιάδα[ς ὡ]ς οἱ λοιποὶ προτέθεικε τῶν χ[ρό]νων ἀλλ' ἰδίως θέρη καὶ χει[μῶ]νας, καὶ ὅτι διέσπακε καὶ διή[ρη]κε τὴν ἱστορίαν καὶ συγκό[πτει] τὰ πράγματα οὐκ ἀπα[ρ]τίζω[ν τ]ὰς περὶ ἐκάστων διηγ[ή]σεις ἀ[λλ]ὰ ἀπ' ἄλλων ἐπ' ἄλλα τρεπόμενος πρ[ὶ]ν τελειῶσαι, καὶ ὅτι τὴν ἀληθῆ τοῦ πολέμου αἰτ[ί]αν ε<ι>π{ι}ὼν ὡς σφόδρα αὐτὸς ἐξητακῶς, ὅτι δι' εὐλάβειαν τῆς ἰσχύος τῶν Ἀθηναίων ἐπολέμησαν αὐτοῖς οἱ Λακεδαιμόνιοι, οὐ μὰ Δία διὰ τὰ Κορκυραϊκὰ ἢ Ποτειδαιατικὰ καὶ τὰς παρὰ τοῖς πολλοῖς λεγομένας αἰτίας, ὅμως οὐκ ἀπὸ τούτων ὧν ἔκρινεν αὐτὸς διηγεῖται ἐκ[ε]ῖθεν ἀρξάμενος ἀφ' οἷων πραγμάτων μετὰ τὰ Περσικὰ ηὐξήθησαν οἱ Ἀθηναῖοι, ἀλλὰ πάλιν ἐπὶ τὰς κοινὰς αἰτίας τρέπεται²²⁵.

«Дионисий Галикарнасский в трактате о Фукидиде порицает Фукидида по некоторым причинам, а выше он изложил три основных факта: он [Фукидид] не как все остальные определял время по архонтам и олимпиадам, но по своему, в соответствии с летами и зимами; он разбил и разделил историю и разрубил события, не завершая повествование о каждом, но поворачивая от одного предмета к другому, прежде чем закончить; он сказал, что сам установил истинную причину войны, [а именно, что] из-за опасения перед силой афинян спартанцы сражались с ними, клянусь Зевсом, не из-за дел на Керкире или в Потидее и тех причин, которые называют многие, однако он [Фукидид] рассказывает не с того, что сам решил, т. е. начиная с событий, когда афиняне усилились после Персидской войны, но снова обращается к общеизвестным причинам».

Древний комментатор не считает эти замечания справедливыми и высказывает следующие соображения, которые должны их опровергнуть: разделение по архонтам и олимпиадам в то время не было общепринятым; повествование Фукидида является непрерывным; Фукидид не собирался описывать другие войны, произошедшие после войны, с персами, кроме того,

²²⁵ Текст приводится в варианте, предложенном О. Пулис (Pulice, 2022: 110). См. также (Grenfell, Hunt, 1908: 109).

долг историка сначала указать очевидные причины, а затем высказывать свое собственное мнение. Не разделяя позицию Дионисия, неизвестный автор явно обнаруживает глубокое знание его сочинений, посвященных историку²²⁶.

Полемика с Дионисием Галикарнасским также отмечается в биографии Фукидида, приписываемой Марцеллину (*Vita Thucydidis Marcellini*) (Luschnat, 1954: 42-47). Точное время написания и авторство этого сочинения не известны, вероятно, *Vita Thucydidis* была составлена около 450 г. н. э. (Matijašić, 2018: 98). Это сочинение представляет собой введение, адресованное тем, кто только приступает к чтению «Истории» (Burns, 2011: 3). Первая часть сочинения содержит биографические сведения, а во второй части (главы 35-58) также рассматривается стиль историка. Автор упоминает Дионисия Галикарнасского в следующем контексте:

τὴν μέντοι ιδέαὺν αὐτοῦ τῶν λέξεων καὶ τῶν συνθέσεων αἰτιῶνται οἱ πλείονες, ὧν ἐστὶ Διονύσιος ὁ Ἄλικαρνασσεύς · μέμφεται γὰρ αὐτῷ ὡς πεζῆ καὶ πολιτικῆ λέξει χρῆσθαι μὴ δυναμένῳ οὐκ εἰδὼς ὅτι δυνάμεός ἐστι ταῦτα πάντα περιττῆς καὶ ἕξωος πλεονεξίας (Marcellin. 53)²²⁷.

«Конечно, многие обвиняют форму его речей и их соединение, из них и Дионисий Галикарнасский: дело в том, что он [Дионисий] упрекает его [Фукидида] в неспособности пользоваться прозаическим и политическим стилем, не сознавая, что он [Фукидид] во всем этом обладает чрезвычайной силой и большим навыком».

Интересно отметить, что неприятие критики Дионисия, которое отмечается уже у древних авторов, сохранялось на протяжении долгого времени. Например, Ф. Бласс, хотя и соглашается со многими идеями Дионисия Галикарнасского, все же считает, что критик должен был бы испытывать больше пиетета перед Фукидидом²²⁸. Э. Норден полагает, что

²²⁶ «As we have seen, the commentator's refutation of his adversary resorts to the rhetorical techniques of ἀντιλογία and reveals an intimate knowledge of Dionysius' treatises on Thucydides but also of the now lost Περὶ μῆσεως (or at least what is left of it in the Letter to Gnaeus Pompeius)» (Pulice, 2022: 105).

²²⁷ Текст приводится по изданию (Jones, Powell, 1960), также привлекается издание (Alberti, 1972).

²²⁸ «Aber allerdings ...die schroffe Art in der er sein Urteil ausspricht zeugt wenig von der Pietät, die er gegen einen so überlegenen Geist haben müssen» (Blass, 1865: 187).

Дионисий не был способен по достоинству оценить оригинальность стиля историка²²⁹. Естественно, что и метатесисы, которые Дионисий приводит для демонстрации недостатков стиля Фукидида, получали весьма нелестную оценку. Так, С. Боннер вполне справедливо замечает, что в переработанном виде текст Фукидида теряет свою остроту и компактность²³⁰. По мнению Э. Габбы, с современной точки зрения переписывание текста Фукидида, чтобы избежать краткости и неясности, выглядит глупо и банально. Впрочем, он оправдывает Дионисия тем, что тот адресует свою критику не ко всем, но только к желающим подражать стилю историка (Gabba, 1991: 66).

Нельзя не согласиться, с тем, что стремление максимально прояснить и упростить текст лишает Фукидида индивидуальности и разрушает «древнюю и суровую красоту» его стиля, которую отмечает и сам Дионисий (Comp. 22 κάλλος... τὸ ἀρχαϊκὸν ἐκεῖνο καὶ αὐστηρόν). Тем не менее У. К. Притчетт в предисловии своего комментария к сочинению «О Фукидиде» говорит, что за время своего двадцатипятилетнего преподавания заметил, как полезны для студентов наблюдения Дионисия за синтаксисом и стилем Фукидида (Pritchett, 1975: xiii). На наш взгляд, этот пример из современной практики доказывает, что критика Дионисия, как бы мы ее не оценивали, достигает во всяком случае одной из своих целей, а именно, сделать мысль историка более доступной для читателей.

Наконец, прежде чем приступить непосредственно к анализу приема метатесиса, необходимо рассмотреть, как была организована работа Дионисия, а именно, был ли ему доступен текст «Истории», а также какие-либо исследования и комментарии к Фукидиду.

²²⁹ «Dionys v. H. denkt sich nun in seinen Kritiken den Thukydides als einen höchst eigensinnigen Schriftsteller, der, ergriffen von der Sucht, Neues und Ungewöhnliches zu bieten, immer das gerade Gegenteil von dem dachte und schrieb, was normale Menschen gedacht und geschrieben hatten. Das ist die Vorstellung die dieser Mann von Originalität hat» (Norden, 1898: 96).

²³⁰ «By recasting Thucydides in this way Dionysius succeeds in removing most of the obscurity, but he also removes the pungency and compactness which he elsewhere acknowledges as characteristic of Thucydides' style; his procedure is rather like attempting to rewrite Tacitus in the style of Caesar or Nepos» (Bonner, 1939: 90).

Подчеркнем, что сочинения Дионисия Галикарнасского, непосредственно посвященные Фукидиду, предназначены главным образом для специалистов, которых сам Дионисий называет φιλόλογοι²³¹. Под φιλόλογοι, очевидно, подразумевается широкий круг образованных людей, в первую очередь адресаты Дионисия Аммея, Помпей и Туберон, которые, скорее всего, одобряли манеру изложения историка. С целью доказать свою точку зрения перед искушенной аудиторией, которая к тому же высоко оценивала стиль Фукидида, Дионисий должен был с особым вниманием и тщательностью подойти к исследованию этой темы.

На наш взгляд, в своей работе Дионисий постоянно обращается к полной рукописи «Истории» или к отдельным, впрочем, весьма обширным, выпискам из нее. В пользу этого мнения свидетельствует несколько фактов. Во-первых, он цитирует большое количество очень объемных эксцерптов из всех книг «Истории», которые было бы довольно трудно запомнить. Кроме того, Дионисий неоднократно указывает количество строк, которые содержит тот или иной пассаж Фукидида (Thuc. 10, 13, 19, 33)²³². Давно замечено, что длинные эксцерпты из «Истории», которые им приводятся, практически совпадают с нынешними изданиями, тогда как короткие цитаты часто не соответствуют современному тексту Фукидида. У. К. Притчетт высказал весьма убедительное предположение, что Дионисий пользовался изданием Фукидида только тогда, когда хотел привести большой фрагмент текста, а в остальных случаях цитировал по памяти (Pritchett, 1975: xvii).

Какое же издание «Истории» могло быть доступно Дионисию? Считается, что текст Фукидида был известен римлянам уже во времена Катона, когда после победы при Пидне (168 г. до н. э.) в Рим попала библиотека македонского царя Персея. В 83 г. до н. э. Сулла привозит библиотеку

²³¹ εἰ δὲ ἀληθεῖς καὶ προσήκοντας ἐμαυτῶ προήρημαι λόγους, σύ τε κρινεῖς καὶ τῶν ἄλλων φιλολόγων ἕκαστος... (Thuc. 2); δεηθεῖς σοῦ πάλιν καὶ τῶν ἄλλων φιλολόγων τῶν ἐντευξομένων τῇ γραφῇ... (Thuc. 25).

²³² Примечательно, что количество строк Дионисий указывает для сочинений только двух авторов, Демосфена и Фукидида.

Апелликона Теосского, в которой также имелся текст «Истории». Таким образом, можно предположить, что в Риме циркулировали разные издания Фукидида. В «александрийском» издании «История» заканчивается 411 г. до н. э., при этом в одну книгу помещаются два или три года войны. По мнению Л. Канфоры, именно это издание известно Целию Антипатру и Дионисию Галикарнасскому (Canfora, 2006: 727-728, 735). Вполне возможно, что именно этот вариант текста хранился в библиотеке Элия Туберона, известного историка и подражателя Фукидида, который, как уже говорилось, был покровителем Дионисия в Риме. Также существовал более древний «афинский» вариант сочинения Фукидида, происходящий из библиотеки Апелликона, он заканчивался первыми двумя книгами «Греческой истории» Ксенофонта, причем каждому году пелопонесской войны здесь соответствовала одна книга. Это издание, вероятно, было известно Цицерону, Аттику, Корнелию Непоту, Лукрецию, Деметрию Магнесийскому (Canfora, 2006: 728-735).

К. Маурер убедительно доказывает, что Дионисий пользовался очень хорошим текстом Фукидида, гораздо лучшим, чем можно найти в любой из известных нам рукописей историка (Maurer, 1995: 209-211). Л. Канфора считает, что находившееся в распоряжении Дионисия «александрийское» издание Фукидида в целом соответствовало позднеантичным рукописям, на которых основаны современные издания, хотя между ними и существуют некоторые различия. «История», которой пользуется Дионисий, разделена на 8 книг, однако последняя книга заканчивается не отбытием Тиссаферна (Th. viii. 109), как в современных изданиях, но битвой при Киносеме (Th. viii. 104–106), кроме того, т. н. «мелийский диалог» у Дионисия находится не в 5 книге, как у нас, а в 6 (Canfora, 2006: 740-741).

Осведомленность Дионисия Галикарнасского о традиции исследования и интерпретации Фукидида показывает упоминание некоего Кратиппа²³³,

²³³ По версии Шварца (Schwartz, 1919: 25-26) и Якоби (Jacoby, 1907: 828), Кратипп – более поздний автор, упоминание о котором попало в текст Дионисия из маргиналий. А. Гомме считает, что

который также известен Плутарху (Plu. de Glor. Ath. 345d). Как пишет Дионисий, Кратипп считал, что Фукидид сознательно не включил речи в конец своего сочинения, так как они мешают событиям и надоедают слушателям. Он утверждает, что Кратипп, собрал и записал пропущенное Фукидидом²³⁴. Остается неясным, что конкретно имеется в виду²³⁵, однако хотелось бы присоединиться к позиции, согласно которой Дионисий говорит о сборнике «пропусков» Фукидида, составленном Кратиппом²³⁶. Л. Канфора предполагает, что в этом сочинении была сформулирована теория, объясняющая относительно небольшое число речей в конце «Истории»²³⁷.

Также Дионисий неоднократно ссылается на высказывания неких критиков и защитников Фукидида. Возможно, как уже отмечалось выше, замечание «неких небезызвестных мудрецов» о непригодности стиля историка для практикующего оратора (Thuc. 50), а также мысль о том, что особенности стиля Фукидида следует объяснять его древностью (Thuc. 51), отсылают непосредственно к трактатам Цицерона. Кроме того, Дионисий упоминает и неких критиков построения «Истории» (Thuc. 10 Αἰτιῶνται δὲ καὶ τὴν τάξιν αὐτοῦ **τινες**...), и тех, кто хвалит речи Фукидида (Thuc. 34 Ἐπεὶ δὲ καὶ περὶ τῶν δημηγοριῶν αὐτοῦ τὰ δοκοῦντά μοι φανερά ποιήσειν ὑπεσχόμην, ἐν αἷς οἴονται **τινες** τὴν ἄκραν τοῦ συγγραφέως εἶναι δύναμιν...), и тех, кто считает понимание Фукидида уделом исключительно образованных людей (Thuc. 51 Πρὸς μὲν οὖν

Кратипп был современником Фукидида (Gomme, 1954: 53-55). Л. Канфора считает неверным отождествление Кратиппа с автором греческой истории, охватывающей события 411–394 гг. (Canfora, 2006: 744).

²³⁴ ...Κράτιππος ὁ συνακμάσας αὐτῶ καὶ τὰ παραλειφθέντα ὑπ' αὐτοῦ συναγαγὼν γέγραφε, οὐ μόνον ταῖς πράξεσιν αὐτὰς ἐμποδῶν γεγενῆσθαι λέγων, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἀκούουσιν ὀχληρὰς εἶναι (Thuc. 16).

²³⁵ Комментаторов Дионисия Ж. Ожак (Aujas, 1991: 64), Дж. Павано (Pavano, 1958: 58-59), У. К. Притчетта (Pritchett, 1975: 66) интересуется прежде всего личность Кратиппа, они не высказывают идей относительно того, какое именно его сочинение мог иметь в виду Дионисий.

²³⁶ «Cratippus, who was completely ignored until the advent of Dionysius and (perhaps) Didymus, and thereafter immediately forgotten, is in fact an author who “emerged” at about that time and whose erudite *Συναγωγή* of “Thucydidean omissions” ...» (Canfora, 2006: 744).

²³⁷ «In short, on the basis of the Alexandrian division into eight books, Cratippus formulated a theory about the “lack of speeches” and presented it as a decision taken by Thucydides as a result of the inefficacy of the speeches (of which there were too many) in the previous parts... Dionysius was very impressed by this theory, which cleverly connected evidence from the text with biographical data, and saw in Cratippus’ Collection of Omissions a sort of anti-Thucydidean document» (Canfora, 2006: 743).

τοὺς οἰομένους μόνων εἶναι τῶν εὐπαιδύτων ἀναγνῶναί τε καὶ συνεῖναι τὴν Θουκυδίδου διάλεκτον...).

Дионисий Галикарнасский не называет прямо тех авторов, которые писали о Фукидиде до него, однако, мы можем предположить, какие сочинения могли быть ему известны. Интерес к Фукидиду проявлял Феофраст²³⁸, возможно, он писал об историке в своем сочинении *Περὶ ἱστορίας*²³⁹. Одноименное сочинение также было написано учеником Феофраста Праксифаном, который, скорее всего, занимался биографией Фукидида. Принимая во внимание влияние, которое оказала на Дионисия перипатетическая традиция ему мог быть небезынтересен сложившийся в ней подход к Фукидиду.

Из современников Дионисия Галикарнасского к исследованию историка, по-видимому, обращался александриец Дидим (Montana, 2015: 174), который мог опираться в этом вопросе на труды Аристарха о Фукидиде (Pfeiffer, 1968: 225). Не исключено, что Дидим составил биографию Фукидида (*Βίος Θουκυδίδου*), которая, могла основываться на уже существовавших эллинистических сочинениях (Schmidt, 1854: 321, 333). Из словаря Суда известно сочинение «Об ошибках Фукидида в аналогии» (Suda δ 874 *Περὶ τῶν ἡμαρτημένων παρὰ τὴν ἀναλογίαν Θουκυδίδου*), оно приписывается грамматикю Клавдию Дидиму, однако существует предположение, что его автором также был Дидим Халкентер (Schmidt, 1854: 2-3). Еще один современник Дионисия Феодор Гадарский был автором сочинения «Об истории» (Suda θ 151 *Περὶ ἱστορίας*), о содержании которого, впрочем, ничего не известно. Примерно в то же время, что и сочинения Дионисия, была написана работа «Фукидидовские вопросы в алфавитном порядке» (Suda ε 3363 *Ζητήσεις κατὰ στοιχεῖον Θουκυδίδου* или *Τῶν παρὰ Θουκυδίδου ζητούμενων κατὰ*

²³⁸ Свидетельство Цицерона показывает интерес Феофраста к стилю Фукидида (Cic. Orat. 39).

²³⁹ Название этого сочинения передает Диоген Лаэртский (D. L. 5. 47).

λέξις)²⁴⁰, автором которой был историк Эвагор Линдский, вероятно, ученик Тимагена. Трудно судить о содержании этого труда, однако, не исключено, что это был первый словарь к «Истории» Фукидида.

В контексте нашего исследования необходимо рассмотреть вопрос о том, были ли Дионисию известны эллинистические комментарии к Фукидиду. Здесь следует оговориться, что мы не имеем прямых свидетельств существования подобных комментариев (Matijašić, 2018: 150), однако хотелось бы присоединиться к мнению тех исследователей, которые признают такую возможность.

Критикуя стиль историка за неясность, Дионисий замечает, что понять сказанное Фукидидом нельзя без грамматической интерпретации (χωρίς ἐξηγήσεως γραμματικῆς)²⁴¹. Эти слова натолкнули Г. Узенера на мысль, что при написании сочинения «О Фукидиде» Дионисий пользовался александрийскими комментариями к «Истории» (Usener, 1889: 72-74). Это предположение поддержал О. Лушнат, который решил, что под γραμματικαὶ ἐξηγήσεις подразумеваются именно ὑπομνήματα эллинистического времени, созданные еще до Дидима (Luschnat, 1954: 22-25). Р. Пфайффер допускает, что автором комментария к Фукидиду мог быть Аристарх Самофракийский (Pfeiffer, 1968: 223, 225). Согласно другой гипотезе, исследованием историка занимался Аристофан Византийский для своего сочинения Ἑλλάδα καὶ λέξεις, поскольку Фукидид считался образцом аттического диалекта (Matijašić, 2018: 149)²⁴².

На наш взгляд, вполне правдоподобно высказанное Г. Узенером и поддержанное Л. Радермахером предположение, что в самом издании Фукидида, которым пользовался Дионисий, присутствовали некие

²⁴⁰ Словарь Суда называет две работы Эвагора: Ζητήσεις κατὰ στοιχείων Θουκυδίδου и Τῶν παρὰ Θουκυδίδη ζητούμενων κατὰ λέξιν. Сходство названий заставляет предположить, что здесь имеется в виду один и тот же труд.

²⁴¹ ...εὐαρίθμητοι γὰρ τινές εἰσιν οἳ πάντα τὰ Θουκυδίδου συμβαλεῖν, καὶ οὐδ' οὔτοι χωρὶς ἐξηγήσεως γραμματικῆς ἔνια... (Thuc. 51); τὰς δὲ αἰνιγματώδεις καὶ δυσκαταμαθήτους καὶ γραμματικῶν ἐξηγήσεων δεομένας... (Thuc. 55).

²⁴² О том, что язык Фукидида рассматривали в таком ключе, может свидетельствовать и замечание самого Дионисия (Ρομπ. 3 Ἡρόδοτος τε γὰρ τῆς Ἰάδος ἄριστος κανὼν Θουκυδίδης τε τῆς Ἑλλάδος).

критические знаки и схолии (Radermacher, 1905: 968–969)²⁴³. Это тем более возможно, если мы поддерживаем позицию Л. Канфоры, согласно которой Дионисий Галикарнасский пользовался именно «александрийским» изданием Фукидида.

Из комментариев к Фукидиду, до нас дошли византийские схолии к «Истории» (X–XIV в. н. э.), которые, к сожалению, мало изучены (Dickey, 2007: 55). Предполагают, что они сохранили следы эллинистической традиции, хотя основная их часть сформировалась значительно позже (около IX в. н. э.)²⁴⁴. Э. Вольц (Voltz, 1911) и О. Лушнат (Luschnat, 1954) показывают, что упомянутый выше папирус Р. Оху. 853 и византийские схолии воспроизводят один общий источник²⁴⁵. Х. Мелер полагает, что папирус и схолии опираются на один александрийский комментарий, однако делают из него разную выборку (Maehler, 2007: 587-593). Присоединяясь к тем, кто видит в основе этих текстов эллинистический комментарий к Фукидиду, О. Пулис указывает, что это речь идет о грамматическом комментарий, по-видимому, известном и Дионисию Галикарнасскому²⁴⁶.

Г. Узенер первым заметил связь между «Вторым письмом к Аммею» Дионисия и схолиями к Фукидиду и предположил, что они восходят к общему источнику, существовавшему до Дионисия и Дидима (Usener, 1889). Некоторые параллели между схолиями и критикой Дионисия во «Втором письме к Аммею» анализируются в статье К. де Йонге (Jonge, 2011: 451-478).

²⁴³ Краткое изложение этой дискуссии см. (Jonge, 2008: 217-219).

²⁴⁴ «Traces of valuable, ancient exegetic material in the Thucydidean scholia are mixed with several late and less interesting remarks, which form the main part of the corpus. There is no ultimate scholarly agreement about the date of origin of the Thucydides' scholia, but the extant collection was probably compiled in the ninth century AD» (Grossi, 2016: 110).

²⁴⁵ «It has been convincingly demonstrated by Voltz and Luschnat that the commentary preserved in P. Oxy. 853 was not at the origin of the Byzantine scholia but represented rather an independent redrafting of a common source. As the 25 parallels deal with ἐξηγήσεις γραμματικαί, we can reasonably assume that our Hellenistic source was a grammatical commentary» (Pulice, 2022: 85).

²⁴⁶ «When talking about ἐξηγήσεις γραμματικαί, Dionysius may have in mind some kind of grammatical ὑπόμνημα, particularly given that he probably used one to write the *Second Letter to Ammaeus*. A comparison of P. Oxy. 853 with the Byzantine scholia tends to confirm that such a ὑπόμνημα did exist in the Roman world by the time our commentary was written, being probably its main source» (Pulice, 2022: 85).

Исследователь отмечает, что лингвистическая терминология письма отличается от той, что используется в других сочинениях Дионисия, при этом многие формулировки критика совпадают с предложенными в схолиях к Фукидиду. В статье подчеркивается важность обоих текстов для истории античной науки о языке, в особенности для изучения лингвистической терминологии второй половины I в. до н. э.²⁴⁷. По мнению ученого, сходство между текстом Дионисия Галикарнасского и схолиями в интерпретации синтаксических конструкций объясняется тем, что древний критик, как и схолиасты, руководствовался эллинистическим комментарием к Фукидиду, в котором, по-видимому, присутствовали наблюдения за синтаксисом историка. Впрочем, К. де Йонге не исключает возможность того, что заметки, изначально сделанные Дионисием, впоследствии были использованы авторами схолий.

²⁴⁷ Об этом также см. (Usener, 1889: 99-109), (Radermacher, 1905: 968-969), (Luschnat, 1954: 22-25), (Ros, 1969: 49-68).

2.2. Метатесисы из Фукидида в сочинениях Дионисия Галикарнасского

«О Фукидиде»

Сочинение «О Фукидиде» посвящено Квинту Элию Туберону. Признавая бесспорные достоинства «Истории» Фукидида, здесь Дионисий Галикарнасский отмечает такие ее недостатки как неудачное членение и построение повествования, плохо разработанные эпизоды, речи и диалоги. Основное внимание уделяется выбору и соединению слов: Фукидид пользуется редкими словами, сочетая их не обычным образом. Дионисий критикует стиль «Истории» за трудное запутанное соединение слов, порой близкое к поэтическому употреблению, многочисленные горгианские фигуры, лишние вставки или, напротив, чрезмерную краткость – все эти качества приводят к неясности, главному недостатку Фукидида. Придерживаясь идеи о важности сравнения для оценки писателя, Дионисий кратко рассматривает и других авторов, предшественников Фукидида, отдельно он анализирует стиль Демосфена, которого считает наиболее удачливым подражателем историка. Метатесисы из этого сочинения, на наш взгляд, дают наиболее полное представление о методе работы Дионисия с текстом исследуемого автора.

D. H. Thuc. 20, Th. i. 1. 1 (Θουκυδίδης Ἀθηναῖος συνέγραψε...)

Рассуждая о недостатках стиля Фукидида в отношении содержания и расположения материала, Дионисий Галикарнасский присоединяется к позиции неназванных критиков, которые считали неудачными начало и конец «Истории» (Thuc. 10 Αἰτιῶνται δὲ καὶ τὴν τάξιν αὐτοῦ τινες, ὡς οὔτε ἀρχὴν τῆς ἱστορίας εἰληφότος ἦν ἐχρῆν οὔτε τέλος ἐφηρμοκότος αὐτῇ τὸ πρέπον...). По мнению Дионисия, начало «Истории» имеет следующий недостаток: сначала названы ложные причины войны, а только потом та, которую сам историк считает истинной, при этом рассказ о ложных причинах со всеми отступлениями занимает 2000 строк (Thuc. 10 ...μέχρι δισχιλίων ἐκμηκύνας στίχων...), а об истинной причине и всех сопутствующих обстоятельствах

приводятся только основные пункты, о которых говорится бегло и менее, чем в 500 строках (Thuc. 10 ...κεφαλαιωδῶς καὶ ἐπιτροχάδην ἐν ἐλάττοσιν ἢ πεντακοσίοις στίχοις...).

Анализируя вступление «Истории» (προοίμιον²⁴⁸), Дионисий замечает, что Фукидид стремится доказать, что деяния эллинов до войны были незначительны, тем самым желая придать большую важность событиям Пелопонесской войны. Такая мысль, по мнению нашего критика, во-первых, не справедлива, а кроме того, не может использоваться как аргумент, доказывающий важность описываемой войны. Здесь он также ссылается на составителей риторических трактатов, которые, считают, что вступление должно содержать основные пункты предстоящего рассказа (Thuc. 19 οἱ δὲ τὰς ῥητορικὰς συνταξάμενοι τέχνας παραγγέλλουσι δείγματα τῶν λόγων τὰ προοίμια ποιεῖν αὐτὰ τὰ κεφάλαια τῶν μελλόντων δηλοῦσθαι про λαμβάνοντας). По подсчетам Дионисия, эта главная информация занимает во вступлении Фукидида менее 50 строк (Thuc. 19 ὁ δὲ καὶ πεποίηκεν ὁ ἀνὴρ ἐπὶ τῷ τέλει τοῦ προοιμίου, μέλλον ἄρχεσθαι τῆς διηγήσεως, ἐν ἐλάττοσιν ἢ πεντήκοντα στίχοις...), в то время как само вступление историк растянул на 500 строк (Thuc. 19 προοίμιον τῆς ἱστορίας μέχρι πεντακοσίων ἐκμηκύνει στίχων...).

После этих замечаний Дионисий предлагает свой вариант вступления, который он составляет следующим образом: начав в самых первых слов «Истории» (Th. i. 1. 1 Θουκυδίδης Ἀθηναῖος συνέγραψε...), он обрывает этот пассаж на предложении о том, что предшествующие войне события не представляли собой ничего значительного (Th. i. 1. 2 ...οὐ μεγάλα νομίζω γενέσθαι οὔτε κατὰ τοὺς πολέμους οὔτε ἐς τὰ ἄλλα), сразу после этого идет фрагмент где сказано, что в вопросах истории не следует полагаться на поэтов и логографов (Th. i. 21. 1 οὔτε ὡς ποιηταὶ ὑμνήκασι περὶ αὐτῶν...), далее критик

²⁴⁸ Здесь возникает некое несоответствие. Какую именно часть текста Дионисий называет προοίμιον? В одном случае вступление у него включает описание причин войны (Thuc. 10 ...τελευτῶν τοῦ προοιμίου τὰς αἰτίας βούλεται πρῶτον εἰπεῖν, ἀφ' ὧν τὴν ἀρχὴν ἔλαβε) и доходит до Thuc. i. 118, тогда как здесь Дионисий рассматривает как вступление только текст до Thuc. i. 21, не включая туда рассказ о причинах войны.

продолжает уже без перерывов до предложения, в котором Фукидид обещает объяснить причины войны (Th. i. 23. 5 διότι δὲ ἔλυσαν, τὰς αἰτίας προέγραψα πρῶτον καὶ τὰς διαφορὰς τοῦ μή τινα ζητῆσαί ποτε, ἐξ ὅτου τοσοῦτος πόλεμος τοῖς Ἕλλησι κατέστη). Фактически Дионисий предлагает полностью исключить из вступления пространное описание событий древней истории Эллады, так как они не имеют прямого отношения к Пелопонесской войне.

Между текстом историка в современных изданиях и тем, который представлен у Дионисия, существуют некоторые различия²⁴⁹. Мы не рассматриваем их в своей работе, так как, во-первых, эти расхождения по большей части незначительны. Кроме того, так как в этой главе Дионисий не цитирует Фукидида, но приводит только свой вариант метатесиса, трудно сказать, что именно является источником разночтений, решение самого критика или имеющийся у него текст «Истории».

D. H. Thuc. 25, Th. iv. 34. 1 (τῶν δὲ Λακεδαιμονίων οὐκέτι...)

В Thuc. 25 Дионисий Галикарнасский цитирует начало «Истории», где сказано, что Пелопонесская война была самой значительной в истории Греции (Th. i. 1. 2)²⁵⁰, этот фрагмент прерывается большой лакуной. Из дальнейшего метатесиса ясно, что, скорее всего, здесь был приведен отрывок из описания битвы при Пилосе (Th. iv. 34. 1). Из-за лакуны мы не можем знать точно, как именно выглядел приведенный критиком текст Фукидида, однако, как уже было отмечено выше, цитаты Дионисия, особенно длинные, практически совпадают с тем текстом историка, которым мы располагаем сейчас, поэтому

²⁴⁹ Они перечислены в комментарии У. К. Притчетта: ἦσαν вместо ἦσαν; αὕτη δὴ μεγίστη вместо αὕτη μεγίστη δὴ; ἀδύνατον вместо ἀδύνατα; πιστεῦειν вместо πιστεῦσαι; ἠξίωσα вместо πυνθανόμενος ἠξίωσα; δοκεῖ вместо ἐδόκει; παρῆ вместо παρῆν; ἐκατέρων вместо ἐκατέρω; γεγονότων вместо γενομένων; ἀνθρώπινον вместо ἀνθρώπειον; τὴν вместо ταχεῖαν τὴν; τὰς ...μνημονευόμενας вместо τὰ μνημονευόμενα; ἢ οὐχ вместо οὐχ (Pritchett, 1975: 71-72).

²⁵⁰ «Dionysius repeats a quotation from Thuc. 1. 1. 2, which he had used in chap. 20. There are variations in the two Greek texts. Dionysius' text for 1. 2. 1-2 does not differ from the manuscript version» (Pritchett, 1975: 105). Часть, которая начинается с τῆς γὰρ ἐμπορίας οὐκ οὔσης встречается также в Amm. II 7; Amm. II 15; Comp. 22.

представляется возможным сопоставить метатесис Дионисия с фрагментом из современного издания «Истории»:

Фукидид (Th. iv. 34. 1) ²⁵¹	Дионисий (Thuc. 25)
<p>τῶν δὲ Λακεδαιμονίων οὐκέτι ὀξέως ἐπεκθεῖν ἢ προσπίπτοιεν δυναμένων, γνόντες αὐτοὺς οἱ ψιλοὶ βραδυτέρους ἤδη ὄντας τῷ ἀμύνασθαι, καὶ αὐτοὶ τῇ τε ὄψει τοῦ θαρσεῖν τὸ πλεῖστον εἰληφότες πολλαπλάσιοι φαινόμενοι καὶ ξυνειθισμένοι μᾶλλον μηκέτι δεινοὺς αὐτοὺς ὁμοίως σφίσι φαίνεσθαι, ὅτι οὐκ εὐθὺς ἄξια τῆς προσδοκίας ἐπεπόνθεσαν, ὥσπερ ὅτε πρῶτον ἀπέβαινον τῇ γνώμῃ δεδουλωμένοι ὡς ἐπὶ Λακεδαιμονίους, καταφρονήσαντες καὶ ἐμβοήσαντες ἄθροοι ὥρμησαν ἐπ' αὐτοὺς...²⁵²</p> <p>«Но так как спартанцы больше не могли быстро отвечать там, где их атаквали, легковооруженные воины поняли, что они [спартанцы] уже медленнее защищаются; они [афиняне] от этого зрелища значительно набрались смелости, видя, что их [афинян] гораздо больше; и им, получившим опыт, спартанцы больше не казались</p>	<p>τῶν δὲ Λακεδαιμονίων οὐκέτι ἐπεκθεῖν, ἢ προσπίπτοιεν, δυναμένων, γνόντες αὐτοὺς οἱ ψιλοὶ βραδυτέρους ἤδη, συστραφέντες καὶ ἐμβοήσαντες, ὥρμησαν ἐπ' αὐτοὺς ἄθροοι: ἕκ τε τῆς ὄψεως τὸ θαρρεῖν προσειληφότες, ὅτι πολλαπλάσιοι ἦσαν, καὶ ἐκ τοῦ μηκέτι δεινοὺς αὐτοὺς ὁμοίως σφίσι φαίνεσθαι καταφρονήσαντες, ἐπειδὴ οὐκ εὐθὺς ἄξια τῆς προσδοκίας ἐπεπόνθεσαν, ἦν ἔσχον ὑπόληψιν, ὅτε πρῶτον ἀπέβαινον τῇ γνώμῃ δεδουλωμένοι ὡς ἐπὶ Λακεδαιμονίους.</p> <p>«Но так как спартанцы больше не могли быстро отвечать там, где их атаквали, легковооруженные воины поняли, что они [спартанцы] уже [стали] более медленными, они [афиняне], собравшись и закричав, побежали на них всей массой: от этого зрелища они значительно осмелели, так как были более многочисленны, и, испытав</p>

²⁵¹ Данный метатесис, а также несколько других проанализированных в данной главе примеров были рассмотрены в статье (Волошина, 2024а).

²⁵² Здесь текст Фукидида приводится по изданию (Jones, Powell, 1960).

<p>такими страшными, как тогда, когда они [афиняне] высаживались, подавленные мыслью, что идут на спартанцев, так как они [афиняне] не сразу претерпели соответствующее ожиданию; испытав презрение, они [афиняне] всей массой с криком бросились на них...».</p>	<p>презрение из-за того, что они [спартанцы] больше не казались им такими страшными, коль скоро они не сразу претерпели соответствующее ожиданию, которое они [афиняне] имели в качестве предубеждения, когда впервые высаживались, подавленные мыслью, что идут на спартанцев».</p>
---	--

Дионисий признает, что фраза Фукидида сжатая и сильная, однако считает, что она будет яснее и приятнее в варианте с метатесисом (Thus. 25 ἀγκυλωτέρα μὲν οὖν ἢ φράσις οὕτω σχηματισθεῖσα γέγονε καὶ δεινότερα, σαφεστέρα δὲ καὶ ἡδίωv ἐκείνωv ἂν κατασκευασθεῖσα). Главным недостатком этого фрагмента критик считает неверную последовательность мыслей, поэтому предлагает последнюю часть поставить сразу после первой, а то, что сказано в середине, после них (Thus. 25 κοινότερον μᾶλλον καὶ ὠφελιμώτερον, τοῦ τελευταίου μορίου τῷ πρώτῳ προστεθέντος, τῶν δὲ διὰ μέσου τὴν μετὰ ταῦτα χώραν λαβόντων).

Дионисий Галикарнасский критикует историка за порядок изложения мыслей, поэтому основное изменение в метатесисе касается именно этой стороны текста: у Фукидида главная мысль выражена в начале и в конце предложения, а между ними находятся обстоятельства причины, тогда как Дионисий предлагает сначала дать основную мысль, а затем связанные с ней обстоятельства. У. К. Притчетт отмечает «грубую красоту» исходного периода, а вариант, предложенный Дионисием, называет «банальным и затянутым»²⁵³.

Следует заметить, что вместо καταφρονήσαντες Дионисий вводит причастие συστραφέντες, которое не фигурирует в предложении Фукидида. Глагол συστρέφω в военном языке значит «собратся», «сгруппироваться

²⁵³ «The period is impressive by its rough beauty and is not obscure. By contrast, Dionysius writes a banal and dragging sentence» (Pritchett, 1975: 105).

самому», «собраться вместе для нападения или защиты» (LSJ). Мы предполагаем, что причастие *συστραφέντες* появляется в метатесисе под влиянием похожих контекстов. Так, у самого Фукидида встречается *οἱ ξυστραφέντες ἄθροοι ἤλθον* (Th. iv. 68. 6), *ἂν ξυστραφέντες ἄθροοι... περιγένοιτο* (Th. vi. 91. 2), у Диодора Сицилийского *ἄθροοι συστραφέντες... ἠκόντιζον* (D. S. 17. 21. 1). Выражение *ἄθροον ἑαυτὸν συστρέψας* есть в схолиях к «Илиаде» (Sch. Hom. II. 22. 308b1 bT), *ἄθροον συστρέψας ἑαυτὸν* – в комментарии Евстафия (Eust. II. 4. 619. 9). У самого Дионисия в «Римских древностях» есть контекст, похожий на фукидидовский: *συστραφέντες ἄθροοι καὶ ἀναβοήσαντες... ὄρμησαν...* (Ant. Rom. 9. 39. 3). Приведенные примеры, на наш взгляд, показывают, что в метатесисе Дионисий использует обычное для описания военных действий выражение, которое имело следующие элементы: аористное причастие от *συστρέφω*, прилагательное *ἄθροος* и глагол (как правило глагол движения) в личной форме.

Также обратим внимание на изменение порядка слов: ср. *ἐμβοήσαντες ἄθροοι ὄρμησαν ἐπ' αὐτοὺς* и *ἐμβοήσαντες ὄρμησαν ἐπ' αὐτοὺς ἄθροοι*. У Фукидида *ἄθροοι* стоит в такой позиции, что может быть отнесено и к *ἐμβοήσαντες* и к *ὄρμησαν*, тогда как у Дионисия *ἄθροοι* относится только к *ὄρμησαν* (Pritchett, 1975: 106). Устраняя амфиболон, критик, как представляется, старается избежать двусмысленности, которая была в исходном тексте.

Мы можем выделить и другие важные различия двух текстов. Дионисий опускает те слова, которые представляются ему не столь необходимыми по смыслу. Так, не используется наречие *ὀξέως*, которое в исходном предложении усиливало смысл глагола *ἐλεκθέω*. От выражения *βραδυτέρους ὄντας τῷ ἀμύνασθαι* остается только *βραδυτέρους*, Дионисий снимает причастие и дательный падеж, который уточняет значение прилагательного: у Фукидида «они стали слабее, чтобы защищаться» (*αὐτοὺς... βραδυτέρους... ὄντας τῷ ἀμύνασθαι*), у Дионисия «они [есть] более слабые» (*αὐτοὺς... βραδυτέρους...*). Также заметим, что у Фукидида для выражения причины подряд используется

несколько конструкций с причастиями (γνόντες, εἰληφότες, φαίνόμενοι, ξυνειθισμένοι), Дионисий заменяет одну из них на предложение причины (ср. πολλαπλάσιοι φαίνόμενοι и ὅτι πολλαπλάσιοι ἦσαν). Возможно, он не использует причастие, чтобы избежать повторения однокоренных форм φαίνόμενοι и φαίνεσθαι.

Еще одно изменение, которое заслуживает внимания, – пропуск выражения ξυνειθισμένοι μᾶλλον. Фукидид подчеркивает, что спартанцы перестали казаться грозными, потому что афиняне привыкли к ним: ξυνειθισμένοι μᾶλλον μηκέτι δεινούς αὐτοὺς ὁμοίως σφίσι φαίνεσθαι. Дионисий же формулирует другую мысль: афиняне почувствовали презрение, так как спартанцы перестали казаться грозными: ἐκ τοῦ μηκέτι δεινούς αὐτοὺς ὁμοίως σφίσι φαίνεσθαι καταφρονήσαντες.

Также отметим некоторые лексические замены. Вместо *dativus causae* τῇ ὄψει используется конструкция с предлогом ἐκ + *genitivus* (ἐκ τῆς ὄψεως), также со значением причины. По-видимому, Дионисий предпочитает выражение с предлогом как уже более органичное для языка его времени, а кроме того, более однозначное и точное. Описательное выражение τὸ πλεῖστον εἰληφότες заменяется однокоренным глаголом *προσειληφότες*, в результате упрощается конструкция: вместо τοῦ θαρσεῖν τὸ πλεῖστον εἰληφότες более лаконичное τὸ θαρρεῖν *προσειληφότες*. Союз ὅτι Дионисий заменяет на ἐπειδὴ, очевидно, чтобы избежать повторения двух одинаковых союзов, так как в его варианте с метатесисом уже есть одно придаточное с ὅτι.

Обратим внимание на нехарактерный и довольно редкий для Дионисия прием – добавление в метатесис выражения, которого нет в исходном тексте: «так как они не сразу испытали соответствующее ожиданию, **которое они имели в качестве предубеждения**» (...ἐπειδὴ οὐκ εὐθὺς ἄξια τῆς προσδοκίας ἐλεπόνθεσαν, ἦν ἔσχον ὑπόληψιν). Существительное ὑπόληψις имеет несколько значений, здесь обозначает «предубеждение», «подозрение», «допущение, предположение». С точки зрения смысла фраза ἦν ἔσχον ὑπόληψιν представляется избыточной, так как ὑπόληψις в данном контексте практически

синоним *προσδοκία*, которое имеет значение «ожидание»²⁵⁴. Также заметим, что *ὑπόληψις*, хотя и не является редким словом, чаще всего фигурирует в философских текстах и ни разу у Фукидида, тогда как *προσδοκία* используется в текстах разных жанров и неоднократно встречается у самого Фукидида.

Мы можем предположить, что выражение *ἦν ἔσχον ὑπόληψιν* стало известно Дионисию благодаря комментарию, где рассматривалось это место из «Истории». В этой связи примечательно, что именно слово *ὑπόληψις* фигурирует в схолиях к этому же пассажи:

ὡς ἂν εἰ ἔλεγε ‘τεταπεινωμένοι φόβῳ ἐνεκεν τῆς ὑπολήψεως τῶν Λακεδαιμονίων, ἧς εἶχον περὶ αὐτῶν’, ὡς ὅτι σφόδρα εἰσὶ πεζομάχοι καὶ πολεμικοὶ (Sch. Th. 4. 34. 1. 9-12).

«как если бы он сказал: “принижённые страхом из-за предубеждения о спартамцах, которое они имели о них”, а именно, что они очень искусные в войне пехотинцы».

D. H. Thuc. 29, Th. iii. 82. 3 (ἔστασίαζέν τε οὖν τὰ τῶν πόλεων...)

Следующий пассаж Фукидида (Thuc. 29) Дионисий, как кажется весьма справедливо, называет изогнутым и трудным для понимания (*σκολιὰ²⁵⁵ καὶ δυσπαρακολούθητα²⁵⁶*), критик отмечает в нем искривлённые фигуры похожие на солецизмы (*τὰς τῶν σχηματισμῶν²⁵⁷ πλοκάς соλοикоφανεῖς²⁵⁸ ἔχοντα*). Это же место цитируется в сочинении Дионисия «О Демосфене» как пример необычного, избыточного, риторически отделанного, избыливающего

²⁵⁴ Например, в «Ономастиконе» Юлия Поллукса *ὑπόληψις* и *προσδοκία* перечисляются как синонимы (Poll. 5. 126. 3 *οἴησις, ὑπόληψις, προσδοκία, εἰκασία, ἐλπίς, ὑπόνοια, ὑπόψια*).

²⁵⁵ *Σκολιός* (изогнутый, искривленный) у Дионисия только о стиле Фукидида (Thuc. 24, 27, 32, 40; Amm. II 2, 16).

²⁵⁶ *Δυσπαρακολούθητος* (букв. тот, за которым трудно следовать, т. е. труднопознаваемый) у Дионисия только о стиле Фукидида (Thuc. 9, 27, 47; Amm II 15; Romp. 3) или Филиста, которого Дионисий считает подражателем Фукидида (Romp. 5).

²⁵⁷ Под *σχηματισμός* (форма, построение) Дионисий подразумевает как грамматическую форму отдельного слова (род, падеж, число, время и т. д.), так и оформление периода в целом (Jonge, 2008: 272).

²⁵⁸ *Σολοικοφάνης* (имеющий вид солецизма), в отличие от *σολοικισμός* (солецизм), – достаточное редкое слово, которое встречается как правило в комментариях и схолиях. У Дионисия всегда о стиле Фукидида (Din. 8; Thuc. 53, 55).

украшениями стиля, стандартом и образцом которого был Фукидид (Dem. 1 ...ἐξηλλαγμένη καὶ περιττὴ καὶ ἐγκατάσκευος καὶ τοῖς ἐπιθέτοις κόσμοις ἄλασι συμπεπληρωμένη λέξις, ἧς ὄρος καὶ κανὼν ὁ Θουκυδίδης). Для исправления «недостатков» этого текста предлагаются следующие метатесисы:

Фукидид (Th. iii. 82. 3)	Дионисий (Thuc. 29)
<p>ἔστασίαζέν τε οὖν τὰ τῶν πόλεων, καὶ τὰ ἐφυστερίζοντά που ἐπιτύσσει τῶν προγενομένων πολὺ ἐπέφερε τὴν ὑπερβολὴν τοῦ καινοῦσθαι τὰς διανοίας τῶν τ' ἐπιχειρήσεων περιτεχνήσει καὶ τῶν τιμωριῶν ἀτοπία</p> <p>«Итак, восстало то, что было в городах, и взволновавшееся несколько позже в соответствии с тем, что стало известно об уже случившемся, двинулось значительно дальше в изобретении замыслов, в хитрости нападений и необычайности отмщений»²⁵⁹</p> <p>...τῶν τ' ἐπιχειρήσεων ἐπιτεχνήσει καὶ τῶν τιμωριῶν ἀτοπία: καὶ τὴν εἰωθυῖαν τῶν ὀνομάτων ἀξίωσιν ἐς τὰ ἔργα ἀντήλλαξαν τῇ δικαίῳσει.</p> <p>«В хитрости нападений и необычайности отмщений: и привычное значение имен в</p>	<p>1. ἔστασίαζον αἱ πόλεις, αἱ δ' ὑστεροῦσαι πόλεις «восстали города, а города, взволновавшиеся позже»</p> <p>2. οἱ δὲ ὑστερίζοντες ἐπιπυθανόμενοι τὰ γεγενημένα παρ' ἑτέροις ἐλάμβανον ὑπερβολὴν ἐπὶ τὸ διανοεῖσθαι τι καινότερον «а взволновавшиеся позже, узнав затем о случившемся от других, двинулись дальше в измышлении чего-то нового»</p> <p>3. πολλὴν τὴν ἐπίδοσιν ἐλάμβανον εἰς τὸ διανοεῖσθαι τι καινότερον περὶ τὰς τέχνας τῶν ἐγχειρημάτων καὶ περὶ τὰς ὑπερβολὰς τῶν τιμωριῶν: τὰ τε εἰωθότα ὀνόματα ἐπὶ τοῖς πράγμασι λέγεσθαι μετατιθέντες ἄλλως ἤξιουν αὐτὰ καλεῖν. «Они значительно преуспели в измышлении чего-то нового в</p>

²⁵⁹ Здесь и далее текст Фукидида приводится по изданию Дионисия (Aujas, 1991).

отношении дел они изменили по своему суждению»	хитростях предприятий и в чрезмерности отмищений, и, изменив привычные имена вещей, считали нужным называть их иначе».
--	--

Дионисий считает, что колон $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\sigma\acute{\iota}\alpha\zeta\acute{\epsilon}\nu\ \tau\epsilon\ \omicron\upsilon\tilde{\nu}\ \tau\grave{\alpha}\ \tau\tilde{\omega}\nu\ \rho\acute{o}\lambda\epsilon\omega\nu$ без всякой необходимости сформулирован описательно (Thuc. 29 περιέφρασται πρὸς οὐδὲν ἀναγκαῖον). В своем варианте он заменяет $\tau\grave{\alpha}\ \tau\tilde{\omega}\nu\ \rho\acute{o}\lambda\epsilon\omega\nu\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\sigma\acute{\iota}\alpha\zeta\acute{\epsilon}\nu$ на более конкретное $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\sigma\acute{\iota}\alpha\zeta\omicron\nu\ \alpha\acute{\iota}\ \rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma$. Дж. Павано полагает, что $\alpha\acute{\iota}\ \rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ не является полным эквивалентом $\tau\grave{\alpha}\ \tau\tilde{\omega}\nu\ \rho\acute{o}\lambda\epsilon\omega\nu$, так как у Фукидида подразумеваются не город в целом, а некие его части²⁶⁰ ($\tau\grave{\alpha}\ \mu\acute{\epsilon}\rho\eta$, $\alpha\acute{\iota}\ \mu\epsilon\rho\acute{\iota}\delta\epsilon\varsigma$, $\alpha\acute{\iota}\ \sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\epsilon\iota\varsigma$, $\alpha\acute{\iota}\ \acute{\epsilon}\tau\alpha\iota\rho\epsilon\acute{\iota}\alpha$), вероятно, две партии, демократическая и олигархическая (Pavano, 1958: 120-121). Здесь хотелось бы отметить, что тот же вариант упрощения текста, который дает Дионисий, предлагают и авторы схолий к Фукидиду (Sch. Th. 3. 82. 3. 1-2 $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\sigma\acute{\iota}\alpha\zeta\omicron\nu\ \alpha\acute{\iota}\ \rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma$).

Выражение $\tau\grave{\alpha}\ \acute{\epsilon}\phi\upsilon\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\zeta\omicron\nu\tau\grave{\alpha}$ που критик считает трудным для понимания (Thuc. 29 δυσείκαστος²⁶¹), поэтому он заменяет субстантивированное в среднем роде причастие $\tau\grave{\alpha}\ \acute{\epsilon}\phi\upsilon\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\zeta\omicron\nu\tau\grave{\alpha}$ на существительное с атрибутивным причастием $\alpha\acute{\iota}\ \acute{\upsilon}\sigma\tau\epsilon\rho\acute{o}\upsilon\sigma\alpha\iota\ \rho\acute{o}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ или причастие, субстантивированное в мужском роде, $\omicron\acute{\iota}\ \acute{\upsilon}\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\zeta\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$, при этом вместо редкого слова $\acute{\epsilon}\phi\upsilon\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\zeta\omicron$, которое впервые встречается у Фукидида, предлагаются более понятные и употребительные глаголы $\acute{\upsilon}\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\epsilon}\omega$ или $\acute{\upsilon}\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\zeta\omicron$ ²⁶².

Схолиасты также поясняют причастие от редкого глагола $\acute{\epsilon}\phi\upsilon\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\zeta\omicron$, они предлагают не аналогичное, но похожее решение: $\tau\grave{\alpha}\ \acute{\epsilon}\phi\upsilon\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\zeta\omicron\nu\tau\grave{\alpha}$ заменяется словосочетанием с субстантивированным причастием от другого

²⁶⁰ И. Рейске в своем издании Дионисия предлагал добавить в текст слово τέλος, по-видимому, в значении «воинская часть» $\tau\grave{\alpha}\ <\tau\acute{\epsilon}\lambda\eta>\ \tau\tilde{\omega}\nu\ \rho\acute{o}\lambda\epsilon\omega\nu$ (Reiske, 1777: 1145).

²⁶¹ Δυσείκαστος – достаточно редкое слово, чаще всего встречается в сочинениях византийского времени, по одному разу – у авторов II в. н. э. (Лукиан, Клавдий Птолемей, Юлий Поллукс). У Дионисия δυσείκαστος обычно о Фукидиде (Thuc. 40; Amm. II 3), один раз о стиле Фукидида и Демосфена (Lys. 4 ... τῆς μὲν Φουκυδίδου λέξεως καὶ Δημοσθένους... πολλὰ δυσείκαστά ἐστιν ἡμῖν...).

²⁶² Сам Дионисий употребляет и $\acute{\upsilon}\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\��}\omega$, и $\acute{\upsilon}\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\��}\omega$, но использует $\acute{\epsilon}\phi\upsilon\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\��}\omega$.

слова «позже других восстающие» (Sch. Th. 3. 82. 3. 2 **αἰ ὕστερον τῶν ἄλλων στασιάζουσαι**).

Далее обратимся к словосочетанию ἐπιτύσσει τῶν προγενομένων. Вариант ἐπιτύσσει засвидетельствован только у Дионисия, в рукописях Фукидида есть слово τύσσει, т. е. дательный падеж от существительного τύστις, которое обозначает процесс расследования или сведения, полученные в результате расследования. Вне зависимости от того, какой вариант предпочитается ἐπιτύσσει или τύσσει, можно считать, что в обоих случаях перед нами существительное в форме дательного падежа. В таком случае Дионисий заменяет конструкцию, где существительное в дательном падеже управляет причастием в родительном (ἐπιτύσσει τῶν προγενομένων), на однокоренное причастие с прямым дополнением ἐπιπυθανόμενοι τὰ γεγενημένα. Т. Йохо отмечает, что замена *nomen actionis* конструкцией с глагольной формой показывает, как важно для Дионисия подчеркнуть активность субъекта, в то время как Фукидид делает акцент на самом действии (Joho, 2022: 3). Как нам представляется, причиной данной замены могло быть и то, что существительное τύστις употреблялось довольно редко и, по-видимому, было не совсем понятно²⁶³.

Вместо конструкции с редким существительным схолиасты, как и Дионисий, используют однокоренное причастие с прямым дополнением: «...такое, о чем они были заранее уведомлены в отношении восстаний в других местах...» (Sch. Th. 3. 82. 3. 2-3...**οἷα προπετυσμένοι τὰς ἐτέρωθι στάσεις**...).

В конструкцию τὴν ὑπερβολὴν τοῦ καινοῦσθαι τὰς διανοίας Дионисий вводит предлог ἐπὶ (ὑπερβολὴν ἐπὶ τὸ διανοεῖσθαι τι καινότερον) или εἰς (ἐπίδοσιν ...εἰς τὸ διανοεῖσθαι τι καινότερον)²⁶⁴. Критик выбирает обычную для греческого языка конструкцию ἐπὶ с инфинитивом, где предлог семантически

²⁶³ Слово τύστις до Фукидида встречается у Эсхила, затем по одному разу у Еврипида, Платона, Софокла и нескольких других авторов, в дальнейшем его активно употребляют только более поздние авторы (например, Иосиф Флавий, Дион Кассий). В фукидидовских схолиях это слово объясняется как «молва, слух, весть» (Sch. Th. 1. 136. 2. 1 τύστιν: φήμην).

²⁶⁴ Вариант с предлогом εἰς мог возникнуть отчасти потому, что текст самого Фукидида в одной из рукописей Дионисия встречается не как τοῦ καινοῦσθαι, а как ἐς τὸ καινοῦσθαι.

эквивалентен союзу, вводящему придаточное предложение, в то время как у Фукидида инфинитив (в значении *genitivus objectivus*) имеет «подчеркнуто именную привкус»²⁶⁵.

На наш взгляд, схолиасты также обращают внимание на эту тяжеловесную конструкцию Фукидида, но переформулируют ее иным образом:

...ἐπὶ τοῦτο ἐφέροντο καὶ ἔρρεπον ταῖς διανοίαις, ὥστε κατὰ πολὺ ὑπερβαλέσθαι τὰς ἀλλαγῶν στάσεις γινομένης (Sch. Th. 3. 82. 3. 3-5).

«...к этому направлялись и склонялись в своих замыслах, так что во многом превзошли восстания, происходящие в другом месте».

Особое внимание хотелось бы привлечь к лексике, которую использует Дионисий. Вместо выражения ἐπιφέρω τὴν ὑπερβολὴν он предлагает λαμβάνω ὑπερβολὴν или λαμβάνω ἐπίδοσιν. В обоих случаях критик меняет глагол, по-видимому, чтобы избежать повтора: ἐλάμβανον ὑπερβολὴν ἐπὶ τὸ διανοεῖσθαι вместо возможного *ἐπέφερε ὑπερβολὴν ἐπὶ τὸ διανοεῖσθαι* или ἐπίδοσιν ἐλάμβανον εἰς τὸ διανοεῖσθαι вместо возможного *ἐπίδοσιν ἐπέφερε εἰς τὸ διανοεῖσθαι*.

Если в выражении λαμβάνω ὑπερβολή Дионисий сохраняет существительное Фукидида, то замена ὑπερβολή на ἐπίδοσις определенно требует комментария. Существительное ἐπίδοσις имеет несколько значений, здесь употребляется в смысле «увеличение, продвижение, прогресс». Конструкция ἐπίδοσιν λαμβάνω εἰς с *accusativus* встречается, например, у Полибия (Plb. 4. 1. 4) и Страбона (Str. 11. 12. 2), а также у более поздних авторов вплоть до византийского времени. У самого Дионисия в «Римских древностях» эта конструкция употребляется неоднократно²⁶⁶: ὁπότε γὰρ εἰς ὄχλου πλήθος ἐπίδοσιν αἱ πόλεις τισὶ λάβοιεν (Ant. Rom. 1. 16. 2); Οἱ δὲ

²⁶⁵ «pointedly nominal flavour» (Joho, 2022: 4).

²⁶⁶ Также у Дионисия встречается конструкция ἐπίδοσιν ἔχω εἰς + acc.: ἅμα δὲ καὶ τοῦ πολιτικοῦ πλήθους ἐπίδοσιν εἰς εὐανδρίαν ἐσχηκότος ἀπαναλωσαί τι καλῶς ἔχειν ᾧετο (Ant. Rom. 1. 85. 2); ἐπὶ δὲ τῆς Νόμα Πομπιλίου δυναστείας εἰρήνης ἀπολαύσαντες βεβαίου πολλὴν ἔσχον ἐπίδοσιν εἰς εὐανδρίαν τε καὶ πλοῦτον (Ant. Rom. 3. 6. 1); ἐν οἷς πολλὴν ἔσχεν ἐπίδοσιν εἰς εὐανδρίαν τε καὶ πλοῦτον καὶ τὴν ἄλλην ἄπασαν εὐδαιμονίαν (Ant. Rom. 3. 31. 4). Кроме того, встречается конструкция ἐπίδοσιν ποιέω εἰς + acc. σφετέρων ἐπικελεύσει τε καὶ παιανισμῶ πολλὴν ἐποίουν τὴν εἰς τὸ εὐψυχον ἐπίδοσιν (Ant. Rom. 2. 41. 3).

Πελασγοὶ ...μεγάλην καὶ ταχεῖαν ἐπίδοσιν ἔλαβον εἰς εὐανδρίαν (Ant. Rom. 1. 23. 1); ἐπειδὴ πολλὴν ἐπίδοσιν εἰς ὄχλου πλῆθος ἢ πόλις εἰλήφει (Ant. Rom. 2. 47. 1), μεγίστην ἂν ἡ Ῥωμαίων πόλις ἐπίδοσιν εἰς ἡγεμονίαν ἐκ τῶν ἐκείνου πολιτευμάτων ἔλαβεν (Ant. Rom. 8. 60. 2); Οἱ Κέλτοι... τοσαύτην ἔλαβον ἐπίδοσιν εἰς πολυσαρκίαν τε καὶ ἀπαλότητα (Ant. Rom. 14. 8. 1). Во всех случаях речь идет о народах или городах, которые получили прирост населения (Ant. Rom. 1. 16. 2; 1. 23. 1; 2. 47. 1) или достигли высокой степени какого-либо качества (Ant. Rom. 8. 60. 2; 14. 8. 1). Похожее место, где говорится о расцвете города, находим и у современника Дионисия, историка Диодора Сицилийского (D. S. 19. 52. 3 τοῦ Κασάνδρου πολλὰ συμφιλοτιμηθέντος εἰς τὴν αὐξήσιν ταχὺ μεγάλην ἐπίδοσιν ἔλαβεν ἢ πόλις). Мы можем предположить, что Дионисий выбирает для замены именно слово ἐπίδοσις под влиянием похожих контекстов, которые встречаются во многих исторических сочинениях, в том числе в его собственном.

Вторую часть этого предложения (τῶν τ' ἐπιχειρήσεων... τῇ δικαιοῦσει) Дионисий характеризует как запутанную (Thuc. 29 δυσεξέλικτος πλοκή) и поэтическую (Thuc. 29 ποιητικῆς, μᾶλλον δὲ διθυραμβικῆς σκευωρίας οἰκειότερον²⁶⁷). Его метатесис значительно отличается от оригинала как в лексическом, так и в синтаксическом отношении.

Выражения τῶν τ' ἐπιχειρήσεων ἐπιτεχνήσει и τῶν τιμωριῶν ἀτοπία заменяются на περὶ τὰς τέχνας τῶν ἐγχειρημάτων и περὶ τὰς ὑπερβολὰς τῶν τιμωριῶν. Во-первых, вместо дательных падежей (ἐπιτεχνήσει и ἀτοπία) используются конструкции с предлогом περὶ (περὶ τὰς τέχνας и περὶ τὰς ὑπερβολὰς). Кроме того, как мы видим, Дионисий старается не использовать частые у Фукидида существительные модели на -σις: ἐπιχείρησις заменяется на ἐγχείρημα, а ἐπιτέχνησις – на τέχνη. Если замену ἐπιτέχνησις на τέχνη, можно объяснить выбором более общего и употребительного слова, то этого нельзя

²⁶⁷ Сравнение с дифирамбом у Дионисия всегда отрицательное, как правило о стиле Платона (Dem. 6, 29; Rom. 2; Din. 8). Существительное σκευωρία (в широком смысле «большая забота о чем-либо») у Дионисия несколько раз встречается в риторическом значении (Thuc. 5; Com. 25).

сказать о паре ἐπιχειρήσεις/ἐγχείρημα. Возможно, словосочетание τῶν τ' ἐπιχειρήσεων ἐπιτεχνήσει, казалось критику неуместным не столько из-за неясности, сколько из-за слишком заметного созвучия.

Схолиасты также обращают внимание на слово ἐπιτεχνήσεις, хотя нужно заметить, что в их тексте Фукидида фигурирует другое похожее существительное περιτεχνήσεις. В одном случае оно объясняется как «злодеяние» или «чрезмерная премудрость» (Sch. Th. 3. 82. 3. 8-9 περιτεχνήσει: τῇ κακουργίᾳ. περινοίᾳ), в другом τῶν τ' ἐπιχειρήσεων περιτεχνήσει понимается как «способы нападений» (Sch. Th. 3. 82. 3. 7 τοῖς τρόποις τῶν ἐπιχειρήσεων).

Следующие слова Фукидида о «необычности наказаний» (τιμωριῶν ἀτοπία) могут быть поняты по-разному. В схолиях ἀτοπία объясняется как ἀήθεια, т. е. непривычное, неожиданное (Sch. Th. 3. 82. 3. 9 ἀτοπία: τῷ ἀήθει), или δεινότης, т. е. ужасное (Sch. Th. 3. 82. 3. 8 τῇ δεινότητι τῶν τιμωριῶν). В то же время Дионисий, как следует из метатесиса, понимает ἀτοπία как ὑπερβολή, т. е. чрезмерность, избыточность.

Вместо выражения с абстрактным существительным и родительным падежом (τὴν εἰωθυῖαν τῶν ὀνομάτων ἀξίωσιν) Дионисий использует существительное с атрибутивным причастием τὰ εἰωθότα ὀνόματα. Здесь, как можно предположить, критик, во-первых, старается заменить описательное выражение более кратким и простым, а кроме того, исключить из текста существительное ἀξίωσις, которое само по себе не относится к числу редких, но в таком значении, как здесь, по-видимому, встречается только у Фукидида²⁶⁸. Схолиасты также отмечают здесь некое несоответствие и считают необходимым объяснить, что ἀξίωσις – это «значение» (Sch. Th. 3. 82. 4. 3 ἀξίωσιν μὲν τὴν σημασίαν εἶπε) или «употребление имен» (Sch. Th. 3. 82. 4. 1-2 τῶν ὀνομάτων χρήσιν ἀντήλλαξαν).

Также обратим внимание на то, что в метатесисе ἐς τὰ ἔργα заменяется на ἐπὶ τοῖς πράγμασι. Оба существительных (ἔργον и πρᾶγμα) могут иметь

²⁶⁸ В LSJ этот единственный контекст Фукидида дает отдельное четвертое значение для слова ἀξίωσις (ἀ. τῶν ὀνομάτων ἐς τὰ ἔργα «устоявшееся значение слов»).

значение «вещь, предмет», однако для данного контекста более понятным и точным будет слово *πράγμα*, ведь обычно противопоставляются *πράγμα* (*πράγματα*) и *ὄνομα* (*ὀνόματα*), тогда как *ἔργα* чаще описывает действие как процесс. Интересно, что в схолиях, как и у Дионисия, фукидидовское *ἔργα* заменяется на *πράγματα* (Sch. Th. 3. 82. 4. 5-6 *ἐχρῶντο κατὰ τῶν πραγμάτων*).

В конце предложения Фукидида сказано очень кратко *ἀντήλλαξαν τῇ δικαίῳσει*. Это простое сказуемое с *dativus modi* критик разворачивает в длинную фразу с составным глагольным сказуемым, предикативным причастием и инфинитивом *λέγεσθαι μετατιθέντες ἄλλως ἡξίουσαν αὐτὰ καλεῖν*. По мнению Т. Йохо, сказуемое *ἡξίουσαν καλεῖν* позволяет Дионисию сделать акцент на сознательной решимости революционеров изменить свои суждения, тогда как Фукидид подчёркивает сам акт изменения (Joho, 2022: 6).

Кроме того, как нам представляется, Дионисий Галикарнасский считает сам контекст недостаточно понятным и нуждающимся в пояснении, которое и дает метатесис. Это место разъясняют и схолиасты, при этом трудности, которые они видят в тексте Фукидида, по-видимому, те же, которые были отмечены Дионисием:

ἀξίωσιν μὲν τὴν σημασίαν εἶπε, δικαίῳσει δὲ ἀντὶ τοῦ τῇ ἑαυτῶν κρίσει. βούλεται δὲ εἰπεῖν, ὅτι μετέθεσαν τὰ ὀνόματα. οὐ γὰρ, ὡς νενόμιστο πρόσθεν, ἐχρῶντο κατὰ τῶν πραγμάτων, ἀλλὰ μεθῆρμωσαν κατὰ τὴν ἑαυτῶν κρίσιν (Sch. Th. 3. 82. 4. 3-6). «“ценностью” он назвал значение, а “в соответствии с законной оценкой” он сказал вместо “в соответствии с их собственным суждением”. Он же хотел сказать, что они поменяли имена. Дело в том, что они пользовались в отношении вещей (теми именами, которые) были приняты ранее, но переделали в соответствии с их собственным суждением».

Как мы видим, и критик, и схолиасты стараются разъяснить, в каком смысле здесь употреблено слово *δικαίῳσις*²⁶⁹, и что значит *τὴν εἰωθυῖαν τῶν*

²⁶⁹ В LSJ этот единственный фукидидовский контекст дает отдельное третье значение для слова *δικαίῳσις* («суждение о том, что правильно» *ἀντήλλαξαν τῇ δικαίῳσει*).

ὀνομάτων ἀξίωσιν ἐς τὰ ἔργα ἀντήλλαξαν. При этом заметим, что в схолиях, как и у Дионисия, используются слова μετατίθημι и ὀνόματα.

D. H. Thuc. 29, Th. iii. 82. 4 (τόλμα μὲν γὰρ ἀλόγιστος...)

Следующий фрагмент Фукидида Дионисий критикует за театральные фигуры (Thuc. 29 θεατρικὰ σχήματα), отмечает в нем паромойосис и парисосис (Thuc. 29 παρομοιώσεις γὰρ ἀμφοτέρα ταῦτα καὶ παρισώσεις περιέχει), а также эпитеты, которые нужны только для красоты (Thuc. 29 τὰ ἐπίθετα καλλωπισμοῦ χάριν κεῖται). Для исправления этих недостатков предлагаются следующие метатесисы:

Фукидид (Th. iii. 82. 4)	Дионисий (Thuc. 29)
<p>τόλμα μὲν γὰρ ἀλόγιστος ἀνδρία φιλέταιρος ἐνομίσθη, μέλλησις δὲ προμηθῆς δειλία εὐπρεπής</p> <p>«ведь безрассудная отвага считалась полезным для товарищей мужеством, а предусмотрительное промедление – скрытой трусостью».</p> <p>τὸ δὲ σῶφρον τοῦ ἀνάδρου πρόσχημα, καὶ τὸ πρὸς ἅπαν συνειτὸν ἐπὶ πᾶν ἀργόν</p> <p>«и мудрое (считалось) ширмой трусливого, а во всем разумное – во всем праздным».</p>	<p>τὴν μὲν γὰρ τόλμαν ἀνδρίαν ἐκάλουν, τὴν δὲ μέλλησιν δειλίαν</p> <p>«ведь отвагу называли мужеством, а промедление – трусостью».</p> <p>οἱ δὲ σῶφρονες ἄνανδροι, καὶ οἱ συνετοὶ πρὸς ἅπαντα ἐν ἅλασιν ἀργοί</p> <p>«и мудрые (назывались) трусливыми, а во всем разумные – во всем праздными».</p>

В первой части предложения Дионисий заменяет конструкцию *nominativus duplex* на *accusativus duplex*, вместо глагола νομίζω в форме пассивного аориста (ἐνομίσθη) предлагает глагол καλέω в форме активного имперфекта (ἐκάλουν). Замена пассивного глагола активным может указывать на стремление Дионисия сделать акцент на личном субъекте (John, 2022: 7). Отметим, что в схолиях к этому месту также использована активная конструкция, но с другим глаголом:

τὴν μὲν γὰρ ἀλόγιστον τόλμαν... ἀνδρίαν **προσηγόρευσαν** (Sch. Th. 3. 82. 4. 6-8).
«ведь безрассудную дерзость... мужеством называли».

Кроме того, критик отметил здесь такие риторические фигуры как паромойосис (παρομοίωσις) и парисосис (παρίσωσις). У Дионисия παρομοίωσις описывает клаузы, которые содержат слова с одинаковым началом или окончанием, а παρίσωσις – симметричные клаузы (Anderson, 2000: 90, 92). Вероятно, как паромойосис здесь рассматривается ἀλόγιστος и ἀνδρία, προμηθῆς и εὐπρεπής. Можно заметить, что в этой фразе повторяются одинаковые звуки и их сочетания: **τόλμα μὲν γὰρ ἀλόγιστος ἀνδρία φιλέταιρος ἐνομίσθη, μέλλησις δὲ προμηθῆς δειλία εὐπρεπής**. Как парисосис, по-видимому, оценивается повторение структуры «существительное + прилагательное»: τόλμα ἀλόγιστος, ἀνδρία φιλέταιρος, μέλλησις προμηθῆς, δειλία εὐπρεπής.

Дионисий старается устранить эти недостатки, удаляя прилагательные ἀλόγιστος, φιλέταιρος, προμηθῆς, εὐπρεπής: без этих определений исходная конструкция фразы сохраняется, но ее симметрия не так сильно подчеркивается; также устраняется и паромойосис, хотя при этом возникает новое созвучие (τόλμαν, ἀνδρίαν, δειλίαν). По мнению критика, употребленные Фукидидом определения – не существенные для смысла украшения. Такой подход Дионисия подвергался критике. Так, Гомме считает, что φιλέταιρος, т. е. «в интересах партии», – ключевое для данного контекста слово (Gomme, 1956: 374).

Примечательно, что позицию Дионисия поддерживают авторы схолий, которые также отмечают, что употребление φιλέταιρος нужно только для параллелизма:

τὸ δὲ „φιλέταιρος“ παρελκόντως κεῖται · κέχρηται δὲ αὐτῷ διὰ τὸ ἴπροσῆθεῖναι ‘τόλμαν ἀλόγιστον’, ἵνα παρίσωσις γένηται (Sch. Th. 3. 82. 4. 8-10).

«а „полезный для товарищей“ стоит излишне, он воспользовался им из-за добавления „безрассудная отвага“, чтобы получился парисосис».

Заметим, что Фукидид употребляет все абстрактные существительные без артикля (τόλμα, ἀνδρία, μέλλησις, δειλία). Дионисий же использует артикль при винительном прямого дополнения (τὴν τόλμαν, τὴν μέλλησιν) и опускает при винительном именной части сказуемого (ἀνδρίαν, δειλίαν), что позволяет избежать двусмысленности (дерзость они называли храбростью или храбрость они называли дерзостью).

Во второй части предложения Дионисий снимает слово πρόσχημα, в результате он, с одной стороны, получает симметричные конструкции οἱ σόφρονες ἄνδρoι и οἱ συνετοὶ ἀργοί, которых не было в оригинальном варианте, но с другой, – убирает слово, не являющееся, по его мнению, обязательным с точки зрения смысла.

Фукидид часто пользуется субстантивированными прилагательными среднего рода в значении абстрактных существительных. Вместо них Дионисий предлагает прилагательные, субстантивированные в мужском роде (οἱ σόφρονες, οἱ συνετοὶ) или входящие в состав сказуемого как именная часть (ἄνδρoι, ἀργοί). Субстантивация по мужскому роду, на наш взгляд, позволяет подчеркнуть личный характер действия.

В схолиях также отмечается необычное использование прилагательных у Фукидида, схолиасты заменяют их существительными (σωφροσύνη, ἀνδρία), но делают это непоследовательно, сохраняя фукидидовские συνετὸν и ἀργὸν:

...τὴν δὲ σωφροσύνην, φησὶν, ἀνδρίας προκάλυμμα ᾧοντο, καὶ τὸ πρὸς πάντα συνετὸν πρὸς πάντα ἀργὸν ἔλεγον... (Sch. Th. 3. 82. 4. 15-17).

«мудрость, он говорит, считали прикрытием трусости, а разумное в отношении всего называли в отношении всего праздным».

Обращает на себя внимание изменение предложных конструкций. У Фукидида мы видим предлоги πρὸς и ἐπὶ с прилагательными в винительном падеже и единственном числе (πρὸς ἅπαν, ἐπὶ πᾶν). В схолиях и в метатесисе используется более привычный вариант с множественным числом (ср. Sch. πρὸς πάντα и D. H. πρὸς ἅπαντα, ἐν ἅλασιν). Схолиасты дважды используют

предлог πρὸς, тогда как Дионисий старается сохранить вариативность оригинала, но вместо ἐπὶ с винительным падежом (ἐπὶ πᾶν) использует ἐν с дательным (ἐν ἅπασιν). Мы можем предположить, что критик выбирает этот предлог, чтобы избежать слишком явного созвучия форм πρὸς ἅπαντα и ἐπὶ ἅπαντα.

D. H. Thuc. 30, Th. iii. 82. 5 (ἐπιβουλεύσας δέ τις...)

Следующее предложение из этого же эпизода Дионисий критикует за неясность, и предлагает изменить его так, чтобы смысл стал чистым и видимым издалека (Thuc. 30 καθαρὸς δὲ καὶ τηλαυγῆς ὁ νοῦς οὕτως ἂν ἦν...):

Фукидид (Th. iii. 82. 5).	Дионисий (D. H. Thuc. 30)
ἐπιβουλεύσας δέ τις τυχών τε ξυνετός, καὶ ὑπονοήσας ἔτι δεινότερος: προβουλεύσας δὲ ὅπως μηδὲν αὐτῷ δεήσει, τῆς ἐταιρίας διαλυτῆς καὶ τοὺς ἐναντίους ἐκπεπληγμένος.	οἱ τ' ἐπιβουλεύοντες ἑτέροις εἰ κατορθώσειαν, δεινοί: καὶ οἱ τὰς ἐπιβουλάς προὔπονοοῦντες ²⁷⁰ εἰ φυλάξαιντο, ἔτι δεινότεροι: ὁ δὲ προϊδόμενος, ὅπως μηδὲν αὐτῷ δεήσει μήτ' ἐπιβουλῆς μήτε φυλακῆς, τὰς τε ἐταιρίας διαλύειν ἐδόκει καὶ τοὺς ἐναντίους ἐκπεπλήχθαι.
«тот, кто замыслил [заговор] и добился [в этом] успеха, [считался] умным, и догадавшийся [о заговоре] – еще более ловким: а принявший меры, чтобы ни в чем [из этого] не нуждаться, [считался] разрушителем своей партии и пораженным [страхом] перед врагами».	«замышляющие заговор против других, если они успешно его совершили, [считались] ловкими: и заранее подозревающие заговоры, если они [от них] убереглись, – еще более ловкими: а подумавший заранее о том, чтобы не нуждаться ни в заговоре, ни в защите [от него],

²⁷⁰ В рукописях Дионисия стоит причастие προελινοοῦντες (от προελινοέω), но Ж. Ожак оставляет здесь конъектуру И. Рейске προὔπονοοῦντες (от πρόυπονοέω).

казалось, разрушает партии и поражен [страхом] перед врагами».

В отношении этого фрагмента Дионисий замечает, что причастие *τυχών* употреблено непонятно, так как *τυχών* и *ὑπονοήσας* не могут относиться к одному и тому же лицу: *τυχών* относится к человеку, успешно осуществившему задуманное, а *ὑπονοήσας* – к тому, кто предвидел вред, который еще не был нанесен, но опасность все еще надвигается (Thuc. 30). Дионисий разворачивает причастие *τυχών* в условное предложение (*εἰ κατορθώσειαν*), вместо *ὑπονοήσας* вводится словосочетание *οἱ τὰς ἐπιβουλάς προὔπονοοῦντες*, к которому добавляется придаточное условия (*εἰ φυλάξαιντο*). К одиночным причастиям Дионисий добавляет уточняющие слова: ср. *ἐπιβουλεύσας* и *ἐπιβουλεύοντες ἑτέροις*, *ὑπονοήσας* и *τὰς ἐπιβουλάς προὔπονοοῦντες*. К глаголу *δεήσει* добавляется пояснение *μήτ' ἐπιβουλῆς μήτε φυλακῆς*. Словосочетания *τῆς ἑταιρίας διαλυτῆς* и *τοὺς ἐναντίους ἐκπεπληγμένος* расширяются до полноценного предложения с *nominativus cum infinitivo* (*τὰς τε ἑταιρίας διαλύειν ἐδόκει καὶ τοὺς ἐναντίους ἐκπεπληῆσθαι*).

Обобщенно-личное значение у Фукидида выражают причастия в единственном числе (*ἐπιβουλεύσας*, *τυχών*, *ὑπονοήσας*, *προβουλεύσας*, *ἐκπεπληγμένος*), тогда как Дионисий использует причастия во множественном числе (*οἱ ἐπιβουλεύοντες*, *οἱ προὔπονοοῦντες*). Причем, в отличие от Фукидида, он всегда ставит артикль при субстантивированных причастиях (ср. *οἱ ἐπιβουλεύοντες* и *ἐπιβουλεύσας*). Также заметим, что Дионисий заменяет аористные причастия (*ἐπιβουλεύσας*, *ὑπονοήσας*) на причастия настоящего времени (*ἐπιβουλεύοντες*, *προὔπονοοῦντες*).

В метатесисе не используется редкое прилагательное *ξυνετός*, вместо этого дважды повторяется прилагательное *δεινός* (*δεινοί*, *δεινότεροι*)²⁷¹. Вместо причастия от *προβουλεύω* Дионисий выбирает причастие от *προοράω*

²⁷¹ Здесь в языке Фукидида есть двойная грань: мало того, что подозрение ценилось даже выше, чем успех, но считалось, что лучше быть умным, чем разумным. В отличие от *ξυνετός*, прилагательное *δεινός* не всегда комплиментарный термин (Gomme, 1956: 377).

(προϊδόμενος), вероятно, для того чтобы избежать повторения однокоренных форм, ведь ранее уже было ἐπιβουλεύοντες, ἐπιβουλάς, далее будет снова повторяться ἐπιβουλής.

В схолиях этот пассаж Фукидида преобразован похожим образом: вместо προβουλεύω используется глагол προσκοπέω, добавляется уточнение μήτε ἐπιβουλεύειν μήτε ἐπιβουλεύεσθαι (ср. с μήτ' ἐπιβουλής μήτε φυλακῆς в метатесисе), а именное словосочетание τῆς ἑταιρίας διαλυτῆς также, как и у Дионисия, разворачивается в nominativus cum infinitivo (διαλύειν τὴν ἑταιρίαν ὑπωπτεύετο):

ὁ δὲ προσκοπῶν, ὅπως μήτε ἐπιβουλεύειν μήτε ἐπιβουλεύεσθαι ἀνάγκη τις αὐτῷ γένηται, διαλύειν τὴν ἑταιρίαν ὑπωπτεύετο (Sch. Th. 3. 82. 5. 3-5).

«а предусматривающий, чтобы у него не случилась какой-то необходимости ни замышлять заговор, ни быть тем, против кого замышляют, подозревался в разрушении своей партии».

D. H. Thuc. 31, Thuc. iii. 82. 7 (καὶ μὴν καὶ τὸ συγγενές...)

Следующее предложение Фукидида Дионисий Галикарнасский критикует по нескольким позициям: использование субстантивированных прилагательных τὸ συγγενές и τὸ ἑταιρικόν вместо существительных συγγένεια и ἑταιρία²⁷² осуждается как поэтическая замена (Thuc. 31 ποιητικὴ μετάληψις)²⁷³, кроме того, неясно, относится ли выражение ἀπροφασίστως τολμῶν к родственникам или к друзьям²⁷⁴.

Примечательно, что эти же трудности текста отмечают и авторы схолий, они заменяют «родственное» на «родственников», «товарищеское» на «друзей», а также уточняют, кто именно готов рисковать:

²⁷² Г. Узенер добавляет в текст Дионисия из схолия: τὸ γὰρ “συγγενές” καὶ τὸ “ἑταιρικόν” <ἀντὶ τῆς συγγενείας καὶ τῆς ἑταιρίας> κείμενον μετείληπται. В издании Ж. Ожак: τὸ γὰρ συγγενές καὶ τὸ ἑταιρικόν <ἀντὶ συγγενῶν καὶ ἑταίρων> κείμενον μετείληπται.

²⁷³ Μετάληψις – риторическая фигура, которая обозначает замену слова синонимом. Интересно, что термин μετάληψις встречается у Дионисия только в этом контексте.

²⁷⁴ Дж. Павано считает, что смысл предложения Фукидида понятен из того, что к ἑτοιμότερον εἶναι ближе стоит τοῦ ἑταιρικοῦ (Pavano, 1958: 126).

καὶ μὴν, φησὶν, καὶ οἱ συγγενεῖς τῶν φίλων ἀλλοτριώτεροι ἐνομίζοντο, διὰ τὸ ἐτοιμότερον τολμᾶν ὑπὲρ τῶν φίλων τοὺς φίλους ἢ τοὺς συγγενεῖς (Sch. Th. 3. 82. 6. 2-4).

«вот он говорит, “и родственники считались более чуждыми, чем друзья, так как друзья более готовы рисковать за друзей, чем за родственников”».

В свою очередь Дионисий предлагает для текста Фукидида следующий вариант метатесиса:

Фукидид (Th. iii. 82. 7)	Дионисий (Thuc. 31)
καὶ μὴν καὶ τὸ συγγενὲς τοῦ ἑταιρικοῦ ἀλλοτριώτερον ἐγένετο διὰ τὸ ἐτοιμότερον εἶναι ἀπροφασίστως τολμᾶν.	καὶ μὴν καὶ τὸ ἑταιρικὸν οἰκειότερον ἐγένετο τοῦ συγγενοῦς διὰ τὸ ἐτοιμότερον εἶναι ἀπροφασίστως τολμᾶν.
«даже родственное стало более чуждым, чем товарищеское из-за готовности безоговорочно рисковать».	«даже товарищеское стало более близким, чем родственное из-за готовности безоговорочно рисковать».

Несмотря на то, что вместо τὸ συγγενὲς и τὸ ἑταιρικόν здесь, по мнению Дионисия, лучше было бы использовать συγγένεια и ἑταιρία, в варианте с метатезой сохраняются исходные прилагательные. В основном перестановка затрагивает синтаксис предложения, критик меняет именную часть сказуемого (οἰκειότερον вместо ἀλλοτριώτερον) и порядок слов: если у Фукидида после подлежащего (τὸ συγγενὲς) стоит дополнение (τοῦ ἑταιρικοῦ), а затем сказуемое (ἀλλοτριώτερον ἐγένετο), то у Дионисия сказуемое (οἰκειότερον ἐγένετο) стоит между подлежащим (τὸ ἑταιρικόν) и дополнением (τοῦ συγγενοῦς).

Метатесис, как нам представляется, меняет смысловой акцент предложения. Суть этого изменения можно сформулировать, обратившись к прагматической теории. Согласно подходу, разработанному прагматической лингвистикой, стандартная схема порядка слов в повествовательном предложении следующая: окружающая обстановка, топик, фокус, предикат, прочие элементы. Из этой схемы следует вывод, что более важная информация

в предложении идет раньше, а предикат является разделительной линией между прагматически маркированной информацией и остальной частью предложения (Dik, 2007: 38-39). На наш взгляд, в данном случае изменение структуры предложения позволяет сделать больший акцент на подлежащем τὸ ἑταιρικόν, тогда как в исходном варианте Фукидида маркированы и подлежащее (τὸ συγγενές), и дополнение (τοῦ ἑταιρικοῦ), так как они оба стоят перед предикатом.

D. H. Thuc. 31, Th. iii. 82. 7 (οὐ γὰρ μετὰ τῶν κειμένων νόμων...)

О следующем предложении Дионисий говорит, что Фукидид выражается описательно, причем говорит и не сильно, и не ясно (Thuc. 31 περιέφρασταί²⁷⁵ δὲ καὶ τὰ ἐπὶ τούτοις, καὶ οὔτε ἰσχυρῶς οὔτε σαφῶς ἀπήγγελλται). Текст предлагается исправить, с помощью следующего метатесиса:

Фукидид (Th. iii. 82. 7)	Дионисий (Thuc. 31)
οὐ γὰρ μετὰ τῶν κειμένων νόμων ὠφελείας ²⁷⁶ αἱ τοιαῦται σύνοδοι, ἀλλὰ παρὰ τοὺς καθεστῶτας πλεονεξία.	οὐ γὰρ ἐπὶ ταῖς κατὰ νόμον ὠφελείαις αἱ τῶν ἑταιριῶν ἐγίνοντο σύνοδοι, ἀλλ' ἐπὶ τῷ παρὰ τοὺς νόμους τι πλεονεκτεῖν.
«ведь не в соответствии с существующими законами для помощи эти объединения, но против установленного ради получения преимуществ».	«ведь не ради выгод в соответствии с законом возникали эти объединения друзей, но ради того, чтобы против законов получить в чем-то преимущество».

Для того, чтобы сделать текст и более грамматически корректным, и более ясным, Дионисий расширяет подлежащее и сказуемое: указательное

²⁷⁵ Глагол περιφράζομαι (περιφράζω) Дионисий использует только по отношению к Фукидиду (Thuc. 29, 31, 32, 46; Amm. II 4), хотя существительное περίφρασις встречается и в описании стиля Платона (Dem. 5, 7, 29).

²⁷⁶ В рукописях Фукидида и Дионисия ὠφελίας (ὠφελείας), однако большинство издателей считают, что здесь Дионисий видел дательный падеж ὠφελία. Дательный падеж может означать «оказать помощь», «на благо общества», «ради взаимопомощи» (Pritchett, 1975: 115).

местоимение (αἱ τοιαῦται) уточняет существительное τῶν ἐταιριῶν, добавлен глагол-сказуемое ἐγίνοντο. Самостоятельным родительному и дательному падежу (ὠφελείας, πλεονεξία) Дионисий предпочитает конструкцию с ἐπί (ἐπί ταῖς ὠφελείαις, ἐπὶ τῷ πλεονεκτεῖν), при этом вместо абстрактного существительного πλεονεξία он использует субстантивированный инфинитив τὸ πλεονεκτεῖν.

Вместо μετά с родительным падежом (μετὰ τῶν κειμένων νόμων) Дионисий предлагает более обычное и употребительное κατά с винительным (κατὰ νόμον), причем опускает слово κειμένων, по-видимому, считая его избыточным для смысла. Вместо παρὰ τοὺς καθεστῶτας критик использует более ясное и конкретное παρὰ τοὺς νόμους. Трудно сказать, почему Дионисий меняет множественное число с артиклем (τῶν νόμων) на единственное без артикля (νόμον). Мы можем только предположить, что такой метатесис позволял избежать слишком явного повтора: κατὰ νόμον и παρὰ τοὺς νόμους лучше, чем κατὰ τοὺς νόμους и παρὰ τοὺς νόμους.

В схолиях к Фукидиду фигурируют похожие конструкции, однако схолиасты сохраняют исключенное из метатесиса определение (κειμένους) и даже добавляют новое (ὑπάρχοντας):

...κατὰ τοὺς κειμένους, φησὶν, νόμους... ἀλλὰ παρὰ τοὺς ὑπάρχοντας νόμους (Sch. Th. 3. 82. 6. 5-7).

«в соответствии с существующими, говорит, законами... но против имеющихся законов».

D. H. Thuc. 31, Th. iii. 82. 7 (καὶ ὄρκοι εἶ που ἄρα ἐγίνοντο...)

В следующей фразе Дионисий отмечает гипербат и перифразу (Thuc. 31 ἐν τούτοις ὑπερβατόν τε καὶ περίφρασις...) и предлагает несколько вариантов метатесиса, последний из которых, по его мнению, демонстрирует более правильную, в сравнении с оригиналом, последовательность мыслей (Thuc. 31 τὸ δὲ κατάλληλον τῆς διανοίας ἦν ἂν τοιοῦτο...):

Фукидид (Th. iii. 82. 7)	Дионисий (Thuc. 31)
<p>καὶ ὄρκοι εἴ που ἄρα ἐγίγνοντο συναλλαγῆς, ἐν τῷ αὐτίκα πρὸς τὸ ἄπορον <ἐκατέρῳ> διδόμενοι ἴσχυον, οὐκ ἐχόντων ἄλλοθεν δύναμιν</p> <p>«и клятвы примирения, если они, возможно, случались, даваемые ввиду безвыходности [положения], оставались в силе [только] в данный момент, пока они [противники] не имели поддержки извне».</p>	<p>1. ἐν τῷ παραυτίκα ἴσχυον «[клятвы] оставались в силе [только] немедленно»</p> <p>2. διὰ τὸ μηδεμίαν ἄλλην ἔχειν δύναμιν κατὰ τὸ ἄπορον ἐκατέρῳ διδόμενοι. «за неимением другой силы в соответствии с невозможностью для каждого даваемые [клятвы]».</p> <p>3. οἱ δὲ περὶ τῆς φιλίας ὄρκοι εἴ που ἄρα γένοιτο, ἀπορία πίστεως ἄλλης ἐκατέρῳ διδόμενοι ἐν τῷ παραχρῆμα ἴσχυον. «а клятвы о дружбе, если они, возможно, случались, даваемые из-за отсутствия другого доказательства [дружбы], оставались в силе [только] в этот момент».</p>

Как гипербат Дионисий понимает разрыв между ἴσχυον и αὐτίκα (Thuc. 31 τὸ δὲ “ἴσχυον” δι’ ὑπερβατοῦ κείμενον τῷ “αὐτίκα”). В метатесисах обстоятельство времени ставится непосредственно перед сказуемым: ἐν τῷ παραυτίκα ἴσχυον или ἐν τῷ παραχρῆμα²⁷⁷ ἴσχυον. В первом случае простое наречие αὐτίκα заменяется на производное от него παραυτίκα. Критик, как нам представляется, руководствуется разницей в узусе: αὐτίκα – более употребительное слово, но с предлогом ἐν обычно сочетается παραυτίκα. У

²⁷⁷ В словаре Гезихия наречие παραχρῆμα объясняется через παραυτίκα (Hsch. π 736).

самого Фукидида встречаются оба варианта²⁷⁸, но у других авторов как правило ἐν τῷ παραυτίκα²⁷⁹. Вероятно, по той же причине во втором случае αὐτίκα заменяется на παραχρῆμα: выражение ἐν τῷ αὐτίκα встречается только у Фукидида, тогда как ἐν τῷ παραχρῆμα – и у других авторов.

На наш взгляд, Дионисий считает гипербатом выражение ὄρκοι εἶ που ἄρα ἐγίγνοντο συναλλαγῆς, поэтому переносит несогласованное определение ближе к существительному, к которому оно относится: οἱ δὲ περὶ τῆς φιλίας ὄρκοι. При этом к подлежащему добавляется артикль (ср. ὄρκοι и οἱ ὄρκοι), одиночный родительный падеж заменяется конструкцией с предлогом (ср. ὄρκοι συναλλαγῆς и περὶ τῆς φιλίας ὄρκοι), вместо существительного συναλλαγή используется более общее слово φιλία.

Для выражения πρὸς τὸ ἄπορον ἐκατέρῳ διδόμενοι, οὐκ ἐχόντων ἄλλοθεν δύναμιν Дионисий дает два вариант метатесиса. Первый более ясный (Thuc. 31 σαφέστερον ἂν ἦν οὕτως ἐξενεχθέν· διὰ τὸ μηδεμίαν ἄλλην ἔχειν δύναμιν κατὰ τὸ ἄπορον ἐκατέρῳ διδόμενοι') и второй, который критик считает более синтаксически согласованным (Thuc. 31 τὸ δὲ κατάλληλον τῆς διανοίας ἦν ἂν τοιοῦτο· 'οἱ δὲ περὶ τῆς φιλίας ὄρκοι εἶ που ἄρα γένοιτο, ἀπορία πίστεως ἄλλης ἐκατέρῳ διδόμενοι ἐν τῷ παραχρῆμα ἴσχυον').

В первом случае πρὸς τὸ ἄπορον со значением причины (из-за невозможного) меняется на близкую конструкцию κατὰ τὸ ἄπορον (в соответствии с невозможным). Причастный оборот с genitivus absolutus предлагается заменить на конструкцию с διὰ и субстантивированным инфинитивом, где вместо наречия ἄλλοθεν используется согласованное определение к существительному δύναμις (μηδεμίαν ἄλλην δύναμιν).

Во втором случае две отдельных мысли Фукидида πρὸς τὸ ἄπορον и οὐκ ἐχόντων ἄλλοθεν δύναμιν Дионисий объединяет в одну ἀπορία πίστεως ἄλλης. Также заметим, что в этом варианте метатесисе субстантивированное

²⁷⁸ У Фукидида: ἐν τῷ αὐτίκα см. (Th. iii. 112, 7) (Th. iv. 108, 6) (Th. vii. 42, 2) (Th. viii. 27, 5); ἐν τῷ παραυτίκα см. (Th. ii. 11, 7), (Th. vii. 71, 7).

²⁷⁹ Например, Ксенофонт (X. Суг. 2. 2. 24), Платон (Pl. Phaedr. 240b1), Алкидамант (Alcid. fr. 1. 172), Дионисий (Ant. Rom. 6. 47. 1).

прилагательное среднего рода τὸ ἄπορον заменяется на абстрактное существительное ἀπορία, вместо словосочетания с предлогом πρὸς со значением причины используется конструкция *dativus causae*, также добавляется слово πίστις, которого вовсе не было в оригинальном тексте Фукидида.

У. К. Притчетт считает, что Дионисий неверно понимает οὐκ ἐχόντων ἄλλοθεν δύναμιν. Историк говорит о том, что враждующим сторонам могли помочь только другие государства, поэтому, когда такой помощи не было, они были готовы примириться, но собирались нарушить свои клятвы при первой возможности. В метатесисе Дионисия сформулирована другая мысль: у них не было никаких средств заверить в своей дружбе, кроме клятв (Pritchett, 1975: 116)²⁸⁰.

На наш взгляд, похожая идея сформулирована в схолиях к этому месту: καὶ ὁπότε, φησὶν, ὄρκους παράσχοιεν ἀλλήλοις **περὶ διαλλαγῆς, παραυτίκα μόνον ἴσχυον οἱ ὄρκοι, καὶ μέχρι τούτου ἐπίστευον αὐτοῖς ἕως ἐν ἀπορία τοῦ ἄλλῳ τινὶ πιστεῦσαι καθεστήκεσαν** (Sch. Th. 3. 82. 7. 9-11).

«и он говорит, что всякий раз, когда они давали друг другу клятвы о примирении, лишь недолгое время клятвы оставались в силе, и до того момента они доверяли им, пока не могли поверить чему-либо другому».

Итак, в схолиях вместо выражения πρὸς τὸ ἄπορον выбрано словосочетание с существительным ἀπορία в *dativus*, также использован глагол πιστεύω, отсутствующий в тексте Фукидида (ср. ἀπορία πίστεως ἄλλης у Дионисия и ἐπίστευον... ἕως ἐν ἀπορία τοῦ ἄλλῳ τινὶ πιστεῦσαι в схолиях). Мы можем отметить и другие параллели этого текста с метатесисом Дионисия: обстоятельство времени ἐν τῷ αὐτίκα заменяется на παραυτίκα и переносится ближе к сказуемому, к подлежащему ὄρκοι добавляется артикль, вместо несогласованного определения используется конструкция с περὶ, при этом συναλλαγή также заменяется синонимом (διαλλαγῆ).

²⁸⁰ См. также (Pavano, 1958: 127).

Наконец, последнее изменение, которое хотелось бы выделить – замена ἐγίγνοντο на γένοιτο: у Фукидида реальный условный период с имперфектом индикатива, а у Дионисия – итеративный период с аористом оптатива, чтобы показать повторяющееся действие. Однако следует заметить, что издания Дионисия Галикарнасского как правило ориентируются на вариант, предлагаемый рукописями Дионисия, где текст Фукидида приведен с имперфектом ἐγίγνοντο, в рукописях же самого Фукидида и в схолиях здесь стоит оптатив γένοιτο. Возможно, здесь мы имеем дело не с сознательным решением критика, но с рукописным чтением.

D. H. Thuc. 32, Th. iii. 82. 7 (ἐν δὲ τῷ παρατυχόντι ὁ φθάσας θαρρήσαι...)

Этот фрагмент Дионисий называет еще более искривленным (Thuc. 32 σκολιώτερα). Критик считает, что παρατυχόν использовано вместо παρχρήμα, ἄφρακτον вместо ἀφύλακτον, а выражение ἥδιον διὰ τὴν πίστιν ἐτιμωρεῖτο ἢ ἀπὸ τοῦ προφανοῦς непонятно (Thuc. 32 σκοτεινῶς περιέφρασαι), так как в нем не хватает какого-то элемента для заполнения мысли (Thuc. 32 ἐλλείπει τι μῦθον εἰς τὸ συμπληρωθῆναι τὴν νόησιν). Для исправления этих недостатков предлагается следующий вариант метатесиса:

Фукидид (Th. iii. 82. 7)	Дионисий (Thuc. 32)
ἐν δὲ τῷ παρατυχόντι ὁ φθάσας θαρρήσαι εἰ ἴδοι ἄφρακτον, ἥδιον διὰ τὴν πίστιν ἐτιμωρεῖτο ἢ ἀπὸ τοῦ προφανοῦς· καὶ τό τε ἀσφαλὲς ἐλογίζετο, καὶ ὅτι ἀπάτη περιγενόμενος συνέσεως ἀγώνισμα προσελάμβανε	εἰ δὲ που παρατύχοι τινὶ καιρὸς καὶ μάθοι τὸν ἐχθρὸν ἀφύλακτον , ἥδιον ἐτιμωρεῖτο, ὅτι πιστεύσαντι ἐπέθετο μᾶλλον ἢ φυλαττομένῳ· καὶ συνέσεως δόξαν προσελάμβανε, τό τε ἀσφαλὲς λογιζόμενος καὶ ὅτι διὰ τὴν ἀπάτην αὐτοῦ περιεγένετο.
«при случае успевший рискнуть, если видел незащищенного (врага), мстил (врагу, тайно, когда тот	«если кому-то представился случай и (если) знал, что враг не защищен, с большим удовольствием мстил, так

доверял клятве) с большим удовольствием, чем посредством открытого (противостояния), он имел в виду и безопасность, и, так как одержал верх обманом, получал славу за (свою) разумность».	как нападал скорее на доверяющего, чем на остерегающегося, и получал славу за (свою) разумность, и (как) имеющий в виду безопасность и, так как одержал верх благодаря обману».
---	---

В метатесисе предлагается раскрыть все краткие и сжатые выражения Фукидида. Так, словосочетание с причастием (*ἐν δὲ τῷ παρατυχόντι*) Дионисий разворачивает в условный период (*εἰ δὲ ποὺ παρατύχοι τινὶ καιρὸς*)²⁸¹. Обращает на себя внимание то, что из метатесиса вовсе исчезает подлежащее *ὁ φθάσας θαρρήσαι*. Можно предположить, что это выражение представлялось критику как неясным, так и не вполне корректным с точки зрения грамматики²⁸².

Придаточное *εἰ ἴδοι ἄφρακτον* Дионисий меняет на *εἰ μάθοι τὸν ἐχθρὸν ἀφύλακτον*: к глаголу добавляется прямое дополнение *τὸν ἐχθρὸν*, вместо *ἄφρακτον* предлагается *ἀφύλακτον*²⁸³, вместо *ὀράω* (*ἴδοι*) используется форма от *μανθάνω* (*μάθοι*). На наш взгляд, идея добавить к глаголу местоимение (*παρατύχοι τινὶ*) или существительное (*μάθοι τὸν ἐχθρὸν*) соотносится с таким понятием современного языкознания как валентность. Действительно, справедливо будет сказать, что мысль Фукидида производит впечатление незаконченности отчасти из-за того, что мы бы назвали нереализованной валентностью (ср. *ἴδοι ἄφρακτον* и *μάθοι τὸν ἐχθρὸν ἀφύλακτον*).

В оригинальном тексте *διὰ τὴν πίστιν* и *ἀπὸ τοῦ προφανοῦς* формально описывают действие основного субъекта (*ὁ φθάσας θαρρήσαι ἡδίων διὰ τὴν πίστιν ἐτιμωρεῖτο ἢ ἀπὸ τοῦ προφανοῦς*), а в варианте с метатесисом вводится придаточное предложение причины, где эти обстоятельства образа действия становятся причастиями, которые описывают уже не того, кто действует, но его

²⁸¹ По мнению У. К. Притчетта, здесь Дионисий совершает ошибку, ведь *ἐν δὲ τῷ παρατυχόντι* значит «когда шанс предоставит возможность» (Pritchett, 1975: 116).

²⁸² О возможность использования инфинитива при *φθάνω* см. (Pritchett, 1975: 116).

²⁸³ Разница в их значении такая же как между латинским *inermis*, *imparatus* и *non custoditus* (Pritchett, 1975: 116).

врага, т. е. относятся к другому субъекту (ἦδιον ἐτιμωρεῖτο, ὅτι πιστεύσαντι ἐπέθετο μᾶλλον ἢ φυλαττομένῳ).

У Фукидида основная мысль (ἀγώνισμα προσελάμβανε) стоит в конце предложения, а причины сформулированы раньше (καὶ τό τε ἀσφαλὲς ἐλογίζετο, καὶ ὅτι ἀπάτη περιγεγόμενος), тогда как Дионисий сначала приводит мысль о получении славы как основную (δόξαν προσελάμβανε), а затем указывает причины, одна из которых выражена предикативным причастием (τό τε ἀσφαλὲς λογιζόμενος), а вторая – придаточным предложением (ὅτι... περιεγέμετο). Следует также отметить, что дательный падеж со значением образа действия (ἀπάτη) заменяется на выражение с предлогом διὰ (διὰ τὴν ἀπάτην), а вместо обычного для Фукидида существительного ἀγώνισμα²⁸⁴ предлагается более общее δόξα.

Предложение Фукидида, действительно, трудно для понимания, поэтому основной задачей и метатесиса, и схолий является объяснение этого пассажа. При этом заметим, что схолиасты, в отличие от Дионисия, который, насколько это возможно, сохраняет оригинальный текст, не стараются достичь своей цели минимальными средствами:

ἐν δὲ τῷ συμβαίνοντι καὶ τῷ μετὰ ταῦτα χρόνῳ ὁ ἀπὸ τύχης ἐσχηκῶς πρῶτος τὸ θαρσῆσαι καὶ δυνηθῆναι ἡδύτερον μᾶλλον διὰ τὴν πίστιν ἐπετίθετο ἤπερ ἐκ τοῦ προφανοῦς μαχόμενος· καὶ τότε μάλιστα ἀσφαλὲς ἐνόμιζε τὸ ἐπιθέσθαι διὰ τὸ ἄφρακτον εὐρεῖν τὸν ἐναντίον τοῦ ὄρκου τῷ θάρρει. καὶ διὰ τοῦτο δὲ ἦδιον μετὰ τὸν ὄρκον ἐτιμωρεῖτο, ὅτι δόξαν φρονήσεως ἐλάμβανε τῇ ἀπάτῃ τοῦ ὄρκου καὶ τῇ τέχνῃ περιγεγόμενος (Sch. Th. 3. 82. 7. 16-23).

«в случившийся [момент] и время после тот, кто по [удачному] стечению обстоятельств первым рискнул и смог, скорее с большим удовольствием напал посредством доверия, чем сражался открыто. Тогда он считал особенно безопасным напасть из-за того, что находил врага незащищенным благодаря уверенности от клятвы. Из-за того также с большим удовольствием

²⁸⁴ Фукидид часто использует или придумывает отглагольные существительные на -μα, слово ἀγώνισμα, впервые засвидетельствовано в его «Истории», где встречается в 7 контекстах.

мстил после клятвы, поскольку получал славу рассудительного, одержав верх в результате обмана клятвы и хитрости».

Схолиасты перефразируют предложение Фукидида и, хотя они делают это не точно так же, как Дионисий, между текстом схолий и метатесисом обнаруживаются некоторые сходства: ὁράω заменяется на другой глагол (εὐρίσκω в схолиях, μανθάνω у Дионисия), к нему добавляется прямое дополнение τὸν ἐναντίον, ἀγώνισμα объясняется как δόξα, вводится глагол ἐπιτίθημι, которого не было в оригинале. Также заметим, что некоторые особенности текста, которые Дионисий критикует или исправляет в своем метатесисе, по-видимому, привлекали внимание и авторов схолий. Так, παρατυχόν заменяется на συμβαῖνον, а причастие ὁ φθάσας переписывается как ὁ ἀπὸ τύχης ἐσχηκὸς πρῶτος.

D. H. Thuc. 37, Th. v. 86. 1 (ἡ μὲν ἐπιείκεια τοῦ διδάσκειν...)

Предложенный здесь метатесис, отличается от рассмотренных выше тем, что текст Фукидида изменяется здесь не так значительно:

Фукидид (Th. v. 86. 1)	Дионисий (Thuc. 37)
Ἡ μὲν ἐπιείκεια τοῦ διδάσκειν καθ' ἡσυχίαν ἀλλήλους οὐ ψέγεται· τὰ δὲ τοῦ πολέμου παρόντα ἤδη καὶ οὐ μέλλοντα διαφέροντα αὐτοῦ φαίνετε. «Разумность спокойно объясниться друг с другом не порицается, но военные приготовления, уже существующие, а не будущие, отличаются от этого, как вы [нам] представляетесь».	ἡ μὲν ἐπιείκεια τοῦ διδάσκειν καθ' ἡσυχίαν ἀλλήλους οὐ ψέγεται, τὰ δὲ τοῦ πολέμου παρόντα ἤδη καὶ οὐ μέλλοντα διαφέροντα αὐτῆς φαίνεται. «Разумность спокойно объясниться друг с другом не порицается, но военные приготовления, уже существующие, а не будущие, отличаются от нее, как представляется».

В этом пассаже Дионисий видит не использование фигур речи, но солецизмы в числах и падежах (Thuc. 37 ...εἴ τις ἐν τοῖς σχήμασιν ἀξιώσει φέρειν, οὐκ ἂν φθάνοι πάντα τοὺς σολοικισμοὺς, ὅσοι γίνονται παρὰ τοὺς ἀριθμοὺς καὶ

παρὰ τὰς πτώσεις, σχήματα καλῶν;). Под солецизмами он понимает то, что вначале стоит единственное число и именительный падеж (ἐπιείκεια), а затем к нему присоединяется единственное число и родительный падеж указательного местоимения или артикля (Thuc. 37 ...ἐπιζεύγνυσι τούτοις ἐνικὸν καὶ κατὰ τὴν γενικὴν ἐσχηματισμένον πτῶσιν, εἴ τε ἄρθρον δεικτικὸν βούλεται τις αὐτὸ καλεῖν εἴ τε ἀντονομασίαν, τὸ 'αὐτοῦ'...). Добавление, которое не согласуется ни с женским родом, единственным числом и именительным падежом (т. е. с ἐπιείκεια), ни с множественным числом, средним родом и винительным падежом (т. е. с τὰ τοῦ πολέμου), нарушает последовательность (Thuc. 37 τοῦτο δὲ οὔτε τῷ θηλυκῷ καὶ ἐνικῷ καὶ ὀνοματικῷ προσαρμοστόμενον σῶζει τὴν ἀκολουθίαν οὔτε τῷ πληθυντικῷ καὶ οὐδετέρῳ <καὶ> κατὰ τὴν αἰτιατικὴν ἐσχηματισμένῳ πτῶσιν). Предложенный метатесис, по мнению критика, показывает более согласованный (по-видимому, с точки зрения грамматики и синтаксиса) вариант текста (Thuc. 37 ἦν δ' ἂν ὁ λόγος κατάλληλος οὕτω σχηματισθείς...).

Дионисий комментирует только исправление αὐτοῦ на αὐτῆς, но, как мы видим, он также меняет φαίνετε на φαίνεται. Во фразе Фукидида подчеркивался личный характер действия: мелосцы хотят сказать, что афиняне своими действиями противоречат собственным словам. Личный характер действия сохраняют и схолии к этому месту (Sch. Th. 5. 86. 1. 1-5 τῆς μὲν περὶ τοὺς λόγους εὐγνωμοσύνης οὐκ ἂν τις μέμψαιτο ὑμῖν· ἡρέμα γὰρ καὶ κατὰ σχολὴν ἀλλήλους ἀξιοῦτε πείθεσθαι· ἤδη δὲ πολεμοῦντες ἡμῖν οὐκέτι **εὐγνωμονεῖτε**, οὐδὲ ὅμοια οἷς λέγετε **ποιεῖτε**). В отличие от схолий, метатесис, хотя дает более простой и грамматически корректный вариант текста, чем у Фукидида, теряет этот изначальный акцент: в предложении Дионисия говорится не о конкретных людях, но скорее о том, что сложившаяся ситуация противоречит сказанному.

«Второе письмо к Аммею»

Содержательно к сочинению «О Фукидиде примыкает «Второе письмо к Аммею»²⁸⁵, где также рассматриваются недостатки стиля Фукидида: непонятные малоупотребительные слова, описательные выражения вместо одного слова, существительные вместо глаголов, несогласованность в родах и числах и т. д. По просьбе Аммея Дионисий подкрепляет каждое свое утверждение конкретными примерами из «Истории». Такой способ изложения материала в духе руководств и введений в ораторское искусство Дионисий Галикарнасский называет διδασκαλικὸν σχῆμα, она отличается от ἀποδεικτικὸν σχῆμα, которой он пользовался в других своих сочинениях (Amm. II 1). Метатесисы в этом сочинении как правило небольшие, чаще всего затрагивают не весь текст в целом, но только одно или несколько слов.

D. H. Amm. II 4, Th. iv. 12. 1 (πεσόντος δὲ αὐτοῦ...)

Известный эпизод битвы при Пилосе, когда один из лучших спартанских полководцев Брасид был ранен, упал и потерял свой щит. В этом месте рукописи Дионисия лакуна²⁸⁶, поэтому мы не знаем, как именно критик комментировал приведенный текст, сам же метатесис вводится частой у него формулой «он хочет показать» (βούλεται γὰρ δηλοῦν)²⁸⁷:

Фукидид (Th. iv. 12. 1)	Дионисий (Amm. II 4)
πεσόντος δὲ αὐτοῦ εἰς τὴν παρεξαιρεσίαν ἢ ἀσπίς περιερρῦη εἰς θάλατταν ²⁸⁸ .	πεσόντος δὲ αὐτοῦ ἔξω τῆς νεῶς ἐπὶ τὰ προέχοντα μέρη τῆς εἰρεσίας.

²⁸⁵ Письмо обычно рассматривается в качестве приложения к сочинению «О Фукидиде» (Jonge, 2011: 460).

²⁸⁶ καὶ γὰρ ἐν τούτοις τὸ σημαίνονμενον <... ..> ποιεῖ τὸν λόγον τοιοῦτον, ὡς ἐπὶ τοῦ Λακεδαιμονίου Βρασίδα τέθηκεν, ὅτε μαχόμενος περὶ Πύλον ἀπὸ τῆς νεῶς τραυματίας γενόμενος ἐξέλεσεν: “πεσόντος δὲ αὐτοῦ” φησὶν “εἰς τὴν παρεξαιρεσίαν ἢ ἀσπίς περιερρῦη.” βούλεται γὰρ δηλοῦν: “πεσόντος δὲ αὐτοῦ ἔξω τῆς νεῶς ἐπὶ τὰ προέχοντα μέρη τῆς εἰρεσίας εἰς θάλατταν (Amm. II 4)

²⁸⁷ Выражение βούλεται (γὰρ) δηλοῦν встречается у Дионисия довольно часто, но всегда в контексте критики Фукидида (Thuc. 29, 30, 31; Amm. II 4, 6, 8, 14).

²⁸⁸ Текст приводится по изданию Ж. Ожак, где εἰς θάλατταν относится к цитате из Фукидида и не повторяется в метатесисе, в издании Узенера-Радермахера εἰς θάλατταν вовсе не включается в текст Фукидида, в метатесисе эти слова отмечаются, но удаляются из текста: ‘πεσόντος δὲ αὐτοῦ’ φησὶν

«Когда он упал на аутригер, [его] щит свалился в море».	«Когда он упал снаружи корабля на выдающуюся часть скамьи (для гребцов)».
---	---

В начале 4 главы письма Дионисий отмечал у Фукидида перифразы и приводил примеры того, как вместо одного существительного или глагола историк вводит множество слов. Мы можем предположить, что далее критик рассматривал противоположное стилистическое качество, а именно, использование одного слова вместо многих. Действительно, как мы видим, метатесис не затрагивает начало и конец фразы, но обращается только к существительному *παρεξαιρεσία* (LSJ *outrigger, oar-box*), эта редкая лексема впервые встречается у Фукидида. Дионисий заменяет этот трудный термин пространственным выражением «снаружи корабля на выдающуюся часть скамьи для гребцов» (*ἔξω τῆς νεῶς ἐπὶ τὰ προέχοντα μέρη τῆς εἰρεσίας*), по-видимому, критик считает такую формулировку более удачной, так как она понятна всякому читателю без дополнительных пояснений.

Слово *παρεξαιρεσία* часто фигурировало в античных лексиконах и, разумеется, привлекало внимание схолиастов. Например, в схолиях к 7 книге сказано следующее:

...παρεξαιρεσία ἐστὶ τὸ κατὰ τὴν πρόραν πρὸ τῶν κωπῶν, ὡς ἂν εἴποι τις ‘τὸ πᾶρεξ τῆς εἰρεσίας’ (Sch. Th. 7. 34. 5-7)²⁸⁹.

«аутригер – это то, что находится на носу корабля перед веслами, как кто-то мог бы сказать ‘снаружи весел’».

Несколько толкований этого слова дается в схолиях к 4 книге, именно к тому пассажи, который рассматривает Дионисий:

1. *παρεξαιρεσία ὁ ἔξω τῆς εἰρεσίας τόπος, ὁ πρὸς τὴν πρόραν, καθ’ ὃν οὐκέτι κόπας ἔχει τὸ πλοῖον οὐδὲ ἐρέττεται* (Sch. Th. 4. 12. 1. 5-7).

‘εἰς τὴν παρεξαιρεσίαν ἢ ἀσπίς περιερρύη. ’ βούλεται γὰρ δηλοῦν· ‘πεσόντος δὲ αὐτοῦ ἔξω τῆς νεῶς ἐπὶ τὰ προέχοντα μέρη τῆς εἰρεσίας’ [εἰς θάλατταν].

²⁸⁹ Это толкование более всего соответствует тому, что дает Суда (Suda π 559 *Παρεξαιρεσίας: παρὰ Θουκυδίδην τὸ κατὰ τὴν πρόραν πρὸ τῶν κωπῶν· ὡς ἂν εἴποι τις τὸ πᾶρεξ τῆς εἰρεσίας*), исходно это объяснение могло опираться на Гезихия (Hsch. π 834 *παρεξαιρεσίαν· τὸ κατὰ τὴν πρόραν πρὸ τῶν κωπῶν· ὡσεὶ λέγοι τις, πᾶρεξ τῆς εἰρεσίας*).

«аутригер – место за веслами, перед носом, на этом месте на судне нет весел и не гребут».

2. παρεξαιρεσία ἐστὶν ὁ ἔξω τῆς εἰρεσίας τῆς νεῶς τόπος, καθ' ὃ μέρος οὐκέτι κόπαις κέχρηται. ἔστι δὲ τοῦτο τὸ ἀκρότατον τῆς πρύμνης καὶ τῆς πλώρας (Sch. Th. 4. 12. 1. 7-10).

«аутригер есть место на корабле за веслами, в этой части не пользуются веслами. это самая крайняя часть кормы и носа».

3. παρεξαιρεσίαν λέγει τὸ ἄκρον τῆς νηὸς τὸ ἔξωθεν τῶν ἐδωλίων καὶ τῶν καθεδρῶν, ἐφ' αἷς καθέζονται οἱ ἐρέσσοντες (Sch. Th. 4. 12. 1. 10-12).

«аутригером называет оконечность корабля, снаружи скамей и сидений, на которых сидят гребцы».

Объяснение Дионисия Галикарнасского лексически достаточно близко к тому, которое предлагают авторы схолий к 4 книге (ср. D.H ἔξω τῆς νεῶς ἐπὶ τὰ προέχοντα μέρη τῆς εἰρεσίας и Sch. Th. 4. 12. 1.7-10 ἔξω τῆς εἰρεσίας τῆς νεῶς τόπος, καθ' ὃ μέρος οὐκέτι κόπαις κέχρηται). Возможно, хотя и мы не можем этого утверждать, для толкования редкого слова критик воспользовался неким комментарием к Фукидиду.

D. H. Amm. II 8, Th. i. 120. 2 (ἡμῶν δὲ ὅσοι...)

Следующий пример критик берет из эпизода совета у спартанцев, а именно, из речи коринфян, в которой они убеждают начать войну с Афинами:

Фукидид (Th. i. 120. 2)	Дионисий (Amm. II 8)
ἡμῶν δὲ ὅσοι μὲν Ἀθηναίοις ἤδη ἐνηλλάγησαν «Из нас те, которые уже были введены к контакт с афинянами».	ἡμῶν δὲ ὅσοι μὲν Ἀθηναίοις συνήλλαξαν «Из нас те, которые имели дело с афинянами».

Дионисий считает, что здесь Фукидид использует пассивный залог вместо активного (Amm. II 8 ὅταν δὲ ἀντὶ τοῦ ποιητικοῦ τὸ παθητικὸν παραλαμβάνη, τοῦτον σχηματίζει τὸν τρόπον...), и предлагает заменить пассивную форму ἐνηλλάγησαν на активную συνήλλαξαν (Amm. II 8

...παρέιληφεν δὲ τὸ ἐνηλλάγησαν παθητικὸν ὑπάρχον ἀντὶ ποιητικοῦ τοῦ συνήλλαξαν)²⁹⁰. Авторы схолий также предлагают заменить пассив ἐνηλλάγησαν на активные аористы «сблизились» и «пообщались» (Sch. Th. 1. 120. 2. 2 ἀντὶ τοῦ συνέμιξαν καὶ ὁμίλησαν).

Обратим внимание на замену лексему, которую Дионисий не комментирует: вместо ἐναλλάσσω предлагается συναλλάσσω. Глагол ἐναλλάσσω нельзя назвать редким, однако в форме ἐνηλλάγησαν он встречается только 9 раз, причем впервые у Фукидида, далее в цитате у Дионисия, затем только у более поздних авторов. Основное значение ἐναλλάσσω «обмениваться чем-то», а данный контекст из Фукидида в LSJ переводится как «иметь коммерческие отношения с кем-либо». Мы можем предположить, что Дионисий заменяет ἐναλλάσσω на συναλλάσσω, так как последний глагол имеет более общие значения, без привязки именно к коммерческой составляющей, а именно, «вступать в сношения с кем-то» и «заключать контракты, соглашения».

В этой связи примечательно, что схолиасты, как и Дионисий, по-видимому, считают, что употребление этого глагола в данном контексте не совсем ясно и заслуживает комментария. Как мы уже видели, в схолиях ἐναλλάσσω понимается как «сближаться» (συμμίγνυμι) или «общаться» (ὁμιλέω), далее указывается следующее:

ἐναντίον δέ ἐστι τὸ διηλλάγησαν· διαλλαγήναι γάρ ἐστι τὸ δι' αὐτοῦ τοῦ ἐχθροῦ παρακληθῆναι καὶ φιλιωθῆναι αὐτῷ, ἐναλλαγήναι δὲ τὸ ἀπὸ φιλίας εἰς φιλίαν ἄλλου μεταπηδῆσαί τινος ἐχθροῦ ὄντος τῷ πρώτῳ φίλῳ (Sch. Th. 1. 120. 2. 2-6).

«(это слово) противоположно (по значению) «примириться», ведь «примириться» – это «быть смягченным этим самым врагом и сдружиться с ним», а ἐναλλαγήναι – это перейти от дружбы с одним человеком к дружбе с кем-то другим, став врагом своему прежнему другу».

²⁹⁰ Ж. Ожак, комментируя это место, высказывает мнение, что не слишком уместная критика Дионисия в отношении залогов показывает низкий уровень преподавания грамматики даже в среде образованных людей того времени (Aujas, 2002: 136). К. де Йонге, напротив, видит связь лингвистической терминологии Дионисия и более ранних грамматиков (Jonge, 2008: 226).

Итак, снова подчеркнем, что Дионисий и схолиасты обращают внимание на одни и те же трудности текста Фукидида и предлагают для них похожие, хотя и не идентичные решения.

D. H. Amm. II 10, Th. iv 78. 3 (ὥστε εἰ μὴ δυναστεία...)

Дионисий приводит цитату из рассказа о том, как полководцу Брасиду удалось быстро пройти через Фессалию и прийти в Халкидику. Причиной того, почему дружественные афинянам фессалийцы пропустили спартанские войска Фукидид считает политическую обстановку в Фессалии:

Фукидид (Th. iv. 78. 3)	Дионисий (Amm. II 10)
ὥστε εἰ μὴ δυναστεία μᾶλλον ἢ ἰσονομία ἐχρῶντο τῷ ἐπιχωρίῳ οἱ Θεσσαλοί...	ὥστε εἰ μὴ δυναστεία μᾶλλον ἢ ἰσονομία ἐχρῶντο τῇ ἐπιχωρίῳ οἱ Θεσσαλοί.
«Так что, если бы фессалийцы не пользовались властью олигархической больше, чем равноправной, [это у них] в обычае...».	«Так что, если бы фессалийцы не пользовались властью олигархической больше, чем равноправной, присущей [им]...».

В этом фрагменте Дионисий отмечает замену женского рода на средний (Amm. II 10 καὶ γὰρ ἐνταῦθα οὐδέτερον πελοίηκεν τὸ θηλυκόν). Обращая внимание на это несоответствие, он заменяет τῷ ἐπιχωρίῳ на τῇ ἐπιχωρίῳ ради согласования с существительным женского рода ἰσονομία²⁹¹. В рукописях Фукидида здесь стоит τὸ ἐγχώριον, которое в схолиях толкуется через наречие ἐγχωρίως (Pritchett, 1975: 92). Текст Фукидида у Дионисия и схолиастов, действительно, мог различаться. Мы же в свою очередь привлечем внимание к тому, что авторы схолий, как и Дионисий, считают необходимым переформулировать этот пассаж, хотя и действуют другим образом:

²⁹¹ Этот пример рассматривает К де Йонге (Jonge, 2008: 233-234).

ὅτι μᾶλλον δυναστεία ἢπερ ἰσονομία ἐγχωρίως ἐχρῶντο οἱ Θεσσαλοὶ (Sch. Th. 4. 78. 2. 3-4).

«так как фессалийцы больше олигархической властью, чем исономией по обычаю пользовались».

На наш взгляд, оригинальная фраза построена несколько двусмысленно: имеется ли в виду то, что у фессалицев в обычае была исономия, но в этот конкретный момент власть оказалась в руках олигархов, или же, напротив, у фессалийцев обычно была олигархия. Ни Дионисий, ни схолиасты, как нам представляется, не проясняют эту смысловую трудность, однако им, очевидно, удастся сделать предложение Фукидида более простым в отношении грамматики.

D. H. Amm. II 11, Th. viii. 64. 5 (σωφροσύνην γὰρ λαβοῦσαι...)

Следующая цитата выбрана Дионисием из последней книги «Истории», где описывается падение олигархических режимов, которые были установлены афинянами в союзных городах, в частности, на Фасосе. Этот пример продолжает тему «отклонений» от обычного грамматического согласования (Amm. II 11 ἐν οἷς δὲ τὰς πτώσεις τῶν ὀνομάτων καὶ τῶν προσηγοριῶν καὶ τῶν μετοχῶν καὶ τῶν συναπτομένων τούτοις ἄρθρων ἐξαλλάττει τοῦ συνήθους...), которые Дионисий оценивает не иначе как солецизмы (Amm. II 11 οἱ δὲ τὰ ἀρρενικὰ τοῖς θηλυκοῖς συντάττοντες, ὥσπερ οὗτος πεποίηκεν, καὶ τὰς γενικὰς ἀντὶ τῶν αἰτιατικῶν πτώσεων παραλαμβάνοντες σολοικίζειν ἂν ὑφ' ἡμῶν λέγοιντο):

Фукидид (Th. viii. 64. 5)	Дионисий (Amm. II 11)
σωφροσύνην γὰρ λαβοῦσαι αἱ πόλεις καὶ ἄδειαν τῶν πρασσομένων ἐχώρησαν ἐπὶ τὴν ἀντικρυς ἐλευθερίαν, τῆς ἀπὸ τῶν Ἀθηναίων ὑπούλου εὐνομίας οὐ προτιμήσαντες .	σωφροσύνην γὰρ λαβοῦσαι αἱ πόλεις καὶ ἄδειαν τῶν πρασσομένων ἐχώρησαν ἐπὶ τὴν ἀντικρυς ἐλευθερίαν, τὴν ἀπὸ τῶν Ἀθηναίων ὑπουλον εὐνομίαν οὐ προτιμήσασαι .

«Дело в том, что эти города, получив мудрость и свободу от наказания за свои дела, двинулись к прямой свободе, не отдавшие предпочтения ложной законности афинян».	«Дело в том, что эти города, получив мудрость и свободу от наказания за свои дела, двинулись к прямой свободе, не отдав предпочтения ложной законности афинян».
--	---

По мнению критика, общеупотребительный способ выражения требует, чтобы к существительному в женском роде присоединялось слово в женском роде, а вместо родительного необходимо поставить винительный падеж (Amm. II 11 οἱ μὲν γὰρ ἀκολούθως τῇ κοινῇ συνηθείᾳ σχηματίζοντες τὴν φράσιν τῷ τε θηλυκῷ γένει τῆς προσηγορίας τὸ θηλυκὸν ἂν ἔξευξαν μόριον, καὶ τὴν πτῶσιν τῆς μετοχῆς τὴν αἰτιατικὴν ἂν ἀντὶ τῆς γενικῆς ἔταξαν...). Этот пример, на наш взгляд, показывает некоторый языковой пуризм Дионисия, ведь фукидидовская *constructio ad sensum* (αἱ πόλεις... προτιμήσαντες) достаточно ясна и не выглядит ошибочной. Относительно выбора падежа при глаголе замечание Дионисия более понятно. Несмотря на то, что конструкция *προτιμάω* с родительным хорошо засвидетельствована (Weil, Romilly, 1972: 52), этот глагол часто сочетается с винительным падежом в значении «предпочитать кого-то» и с родительным в смысле «предпочитать кому-то».

Из двух проблем текста, обозначенных Дионисием, схолиасты обращают внимание только на использование Фукидидом родительного падежа: в метатесисе меняется падеж существительного, а в схолиях предлагается изменить сам глагол, *προτιμάω* вместо *φροντίζω* (Sch. Th. 8. 64. 5. 2-5 εὐβουλότεραι γὰρ γενόμεναι ἐχώρησαν ἐπὶ τὴν ἀντικρυς ἐλευθερίαν, τῆς ὑπὸ τῶν Ἀθηναίων ὑπούλου εὐνομίας οὐδὲν **φροντίσαντες**: τοῦτο γὰρ ἐστὶ τὸ προτιμήσαντες)²⁹².

²⁹² На эту параллель между Дионисием и схолиями обращает внимание К. де Йонге (Jonge, 2011: 468-469).

D. H. Amm. II 11, Th. iv. 10. 2 (καὶ μὴ τῷ πλήθει αὐτῶν...)

Тему неверного использования падежей у Фукидида продолжает следующий пример, взятый из речи афинского полководца Демосфена, ободряющего своих солдат накануне битвы при Пилосе:

Фукидид (Th. iv. 10. 2)	Дионисий (Amm. II 11)
καὶ μὴ τῷ πλήθει αὐτῶν καταπλαγέντες «и не пугаясь их множеству...»	καὶ μὴ τὸ πλήθος τῶν πολεμίων καταπλαγέντες «и не пугаясь множества врагов...»

Сразу же обращает на себя внимание то, что вместо αὐτῶν в метатесисе используется τῶν πολεμίων, это, по-видимому, свидетельствует о том, что Дионисий Галикарнасский помнит контекст приводимой цитаты, ведь речь там, действительно, идет о множестве врагов.

В этом фрагменте, по мнению Дионисия, следовало бы поставить не дательный, а винительный падеж (Amm. II 11 ...οὐ γὰρ ἐπὶ τῆς δοτικῆς πτώσεως ἐσχηματίσθαι τὴν λέξιν ἤρμοττεν, ἀλλ' ἐπὶ τῆς αἰτιατικῆς...). Для этого исправления критик приводит следующий аргумент: «ведь никто, пожалуй, не скажет, ‘бояться гневу богов’, но скажет ‘бояться гнева богов’» (Amm. II 11 οὐδὲ γὰρ ‘τῆ παρὰ τῶν θεῶν ὀργῆ φοβεῖσθαι’ λέγοιτ’ ἄν τις, ἀλλὰ ‘τὴν τῶν θεῶν ὀργήν’). К. де Йонге подробно анализирует это интересное замечание и приходит к выводу, что семантическая аналогия, которую Дионисий использует для решения синтаксической проблемы, близка к технике, которой пользуются Аристарх и Аполлоний Дискол (Jonge, 2011: 470-471). Ж. Ожак предполагает, что Дионисий выбирает конструкцию с винительным падежом как более употребительную в его время (Aujas, 2002: 164). Мы же со своей стороны заметим, что Дионисий в целом нередко избегает дательного падежа, даже в тех случаях, когда его использование возможно и не противоречит общим правилам.

D. H. Amm. II 15, Th. i. 2. 2 (τῆς γὰρ ἐμπορίας οὐκ οὔσης...)

Для метатесиса Дионисий выбирает цитату из самого начала «Истории», где описывается состояние греческих народов в древности. К этому предложению он уже обращался ранее, в выражении τῆς γὰρ ἐμπορίας οὐκ οὔσης, οὐδ' ἐπιμειγνύντες ἀδεῶς ἀλλήλοις критик отмечал необходимость заменить действительный залог ἐπιμειγνύντες на страдательный ἐπιμειγνύμενοι (Amm. II 7). Здесь же предложение из «Истории» должно проиллюстрировать замечание Дионисия о том, что мысли и энтимемы у Фукидида перемежаются большим числом вставок, которые делают речь трудной для понимания (Amm. II 15 Ἐν δὲ τοῖς ἐνθυμήμασιν τε καὶ νοήμασιν αἱ μεταξὺ παρεμπτώσεις πολλαὶ γινόμεναι καὶ μόλις ἐπὶ τὸ τέλος ἀφικνούμεναι, δι' ἧς ἡ φράσις δυσπαρακολούθητος γίνεται...):

Фукидид (Th. i. 2. 2)	Дионисий (Amm. II 15)
<p>τῆς γὰρ ἐμπορίας οὐκ οὔσης, οὐδὲ ἐπιμειγνύντες ἀδεῶς ἀλλήλοις οὔτε κατὰ γῆν οὔτε διὰ θαλάσσης, νεμόμενοί τε τὰ αὐτῶν ἕκαστοι ὅσον ἀποζῆν καὶ περιουσίαν χρημάτων οὐκ ἔχοντες, οὔτε γῆν φυτεύοντες, ἄδηλον ὃν πότε τις ἐπελθὼν καὶ ἅμ' ἀτειχίστων ὄντων ἄλλος ἀφαιρήσεται, τῆς τε ἀναγκαίου τροφῆς πανταχοῦ ἂν ὁμοίως ἐπικρατήσῃν οἰόμενοι οὐ χαλεπῶς ἀνίσταντο</p> <p>«Так как торговли не существовало, они не общались друг с другом безбоязненно ни на суше, ни на море, и поскольку</p>	<p>τῆς γὰρ ἐμπορίας οὐκ οὔσης, οὐδ' ἐπιμειγνύντες ἀδεῶς ἀλλήλοις οὔτε κατὰ γῆν οὔτε διὰ θαλάσσης, νεμόμενοι δὲ τὰ ἑαυτῶν ἕκαστοι ὅσον ἀποζῆν οὐ χαλεπῶς ἀνίσταντο</p> <p>«Так как торговли не существовало, они не общались друг с другом безбоязненно ни на суше, ни на море, и, поскольку каждый возделывал свои земли настолько, сколько требовалось, чтобы</p>

<p>каждый возделывал свои земли настолько, сколько требовалось, чтобы прокормиться, они не имели избытка средств, они не засаживали землю, так как было неясно, не придет ли кто-то отобрать, ведь их поселения были не укреплены, полагая, что они смогут найти необходимое пропитание точно также повсюду, они без труда переселялись».</p>	<p>прокормиться, они без труда переселялись».</p>
--	---

Главной мыслью этого фрагмента, по мнению Дионисия, является демонстрация слабого состояния Греции в древности и указание причины этого положения (Amm. II 15 ἢ τε δηλοῦσα τὴν ἀσθένειαν τῶν ἀρχαίων τῆς Ἑλλάδος πραγμάτων καὶ τὰς αἰτίας ἀποδιδούσα...). В варианте с метатесисом критик предлагает присоединить последнюю часть непосредственно к первой, считая, что без этой вставки мысль станет более ясной (Amm. II 15 ...φανερωτέραν ἂν ἐποίει τὴν διάνοιαν· τῇ δὲ παρεμβολῇ τῶν μεταξὺ πραγμάτων πολλῶν ὄντων ἀσαφῆ καὶ δυσπαρακολούθητον πεποίηκεν). В результате Дионисий исключает из текста всю ту информацию, которую не считает необходимой для выражения его основного содержания.

В схолиях дается краткий пересказ этого предложения, причем схолиасты также опускают некоторые подробности текста Фукидида, хотя делают это и не так радикально, как Дионисий:

ἡ περιοχὴ τοῦ λόγου καὶ ἡ σύνταξις τοιαύτη. **νεμόμενοι τὰ ἑαυτῶν ἕκαστοι ὅσον ἀποζῆν**, καὶ περιουσίαν χρημάτων οὐκ ἔχοντες, οὐδὲ γῆν φυτεύοντες, ἀλλὰ σπεύροντες, καὶ ἀπλῶς εὐμετακόμιστοι ὄντες πρὸς τὸ μετανίστασθαι· ὃ ἐστίν, οὐ χαλεπῶς ἀνίσταντο, ἀλλ' εὐχερῶς δηλονότι (Sch. Th. 1. 2. 2. 3-8).

«Краткое содержание текста и соединение следующее. Каждый возделывал свои земли настолько, сколько требовалось, чтобы прокормиться, они не имели

избытка средств, не засаживали, но засеивали землю, и были совершенно готовы к переселению, это значит, что они перемещаются не с трудом, но в самом деле легко».

«О соединении слов»

Главным риторическим сочинением Дионисия Галикарнасского считается трактат «О соединении слов», который посвящен его юному ученику римлянину Метилию Руфу в качестве подарка на совершеннолетие (Comp. 1). Жанр этого сочинения трудно определить однозначно. К. де Йонге относит его к типу τέχνη/ars (Jonge, 2016: 4). С. Боннер считал, что трактат является сочинением по литературной теории (Bonner, 1939: 71). Р. Нюнлист упоминает Дионисия Галикарнасского в числе авторов περὶ-литературы (Nünlist, 2009: 736). Исследователь не указывает, какие именно сочинения Дионисия следует рассматривать как примеры περὶ-литературы, однако можно предположить, что он имел в виду и трактат «О соединении слов».

В трактате рассматривается широкий круг вопросов ораторского искусства, так или иначе связанных с соединением слов. Данная тема рассматривается не только на материале прозы, но и поэзии, так как эти виды речи, по мнению Дионисия, часто организуются по одним и тем же принципам. Автор убедительно доказывает преимущество соединения слов в сравнении с их выбором. Соединение понимается с учетом музыкальности речи: особо подчеркивается, что музыка и речь отличаются только количественно, а не качественно. Большое внимание в трактате уделяется эвфонии и ритмической организации текста, которые рассматриваются в контексте эстетики. Обозначив свойства и задачи соединения, а также средства, при помощи которых оно создается, критик подробно описывает три рода соединения (строгое, гладкое, среднее). Эта тщательно и подробно выстроенная система у Дионисия сочетается с иррациональным подходом. Так, например, он выделяет категории прекрасного (καλόν) и приятного (ἡδονή), разница между которыми, по-видимому, постигается интуитивно. В

этом сочинении метатесис часто служит средством анализа поэзии и ритмизованной прозы.

D. H. Comp. 7, Th. iii. 57. 4 (ὕμεῖς τε ᾧ Λακεδαιμόνιοι...)

Единственный пример, где Дионисий использует метатесис, чтобы обратить внимание на достоинство стиля Фукидида. Цитата взята речи платейцев перед спартанцами²⁹³:

Фукидид (Th. iii. 57. 4)	Дионисий (Comp. 7)
<p>‘ὕμεῖς τε ᾧ Λακεδαιμόνιοι ἡ μόνη ἐλπίς, δέδιμεν μὴ οὐ βέβαιοι ᾗτε. ’</p> <p>«Вы, спартанцы, наша единственная надежда, мы боимся, как бы вы не оказались неверными».</p>	<p>‘ὕμεῖς τε, ᾧ Λακεδαιμόνιοι, δέδιμεν μὴ οὐ βέβαιοι ᾗτε, ἡ μόνη ἐλπίς. ’</p> <p>«Вы, спартанцы, мы боимся, как бы вы не оказались неверными, наша единственная надежда».</p>

Здесь Дионисий хвалит соединение слов Фукидида и подчеркивает, что, если бы колонны были соединены иначе, предложение лишилось бы своей приятности и патетики (Comp. 7 ἄρ' ἔτι μένει τοῦτον τὸν τρόπον ἡρμοσμένων τῶν κώλων ἢ αὐτὴ χάρις ἢ τὸ αὐτὸ πάθος; οὐδεὶς ἂν εἴποι).

Критик не объясняет, чем именно оригинальный текст превосходит вариант с метатесисом. Конечно, расположение ἡ μόνη ἐλπίς представляется более верным и естественным, ведь это приложение по смыслу относится к обращению ᾧ Λακεδαιμόνιοι, поэтому оно, конечно, и с точки зрения логики должно стоять рядом с тем словом, к которому относится, иначе получается фигура близкая к гипербату, который Дионисий, как известно, не одобряет.

Как нам представляется, можно сказать, хотя и с большой осторожностью пользуясь современной терминологией, что для Дионисия значение имеет не только формальная структура предложения, но и коммуникативный аспект высказывания. Рассмотрим эту фразу в более широком контексте. Платейцы, не выдержав долгой осады, сдались

²⁹³ К этому примеру обращаются С. Боннер (Bonner 1939: 76), Ф. Боттаи (Bottai 1999b: 145), К. де Йонге (Jonge 2008: 381).

спартанцам и ожидают решения своей участи. Спартанцы пообещали устроить над платейцами суд и предложили им высказаться в свою защиту. От этой речи зависит судьба всего города и его жителей, но какие аргументы могут привести в свою защиту платейцы, которые были врагами спартанцев? Платейцы говорят о том, что они всегда защищали общеэллинские интересы, порою сражались плечом к плечу со спартанцами, то есть были союзниками Лакедемона, а сейчас они покинуты своими прежними друзьями и могут надеяться только на справедливость спартанцев. В данном случае выражение ἡ μόνη ἐλπὶς относится к фокусу предложения, так как здесь важно передать крайнюю степень отчаяния платейцев, которые уже не полагаются на друзей, но могут надеяться только на справедливость врагов (Th. iii. 57. 4 ...καὶ οὕτε τῶν τότε συμμαχῶν ὠφελεῖ οὐδεὶς, ὑμεῖς τε, ᾧ Λακεδαιμόνιοι, ἡ μόνη ἐλπὶς, δέδιμεν μὴ οὐ βέβαιοι ᾗτε).

Помимо этого, мы можем предположить следующее объяснение. В этой главе трактата рассматривается удачное и неудачное расположение колонов (Comp. 7), для иллюстрации хорошего построения текста Дионисий сначала приводит метатесис из Фукидида, а затем из Демосфена. Проанализировав соответствующий пример из Демосфена в предыдущей главе, мы пришли к выводу, что критик обращал внимание на длину колонов в предложении оратора. Нам представляется возможным, что и в случае Фукидида для Дионисия важны длина колонов и их симметричное расположение: первый колон (ὑμεῖς τε ᾧ Λακεδαιμόνιοι) из 10 слогов, второй колон в два раза короче (ἡ μόνη ἐλπὶς), последний колон (δέδιμεν μὴ οὐ βέβαιοι ᾗτε) имеет ту же длину, что и первый. В варианте с метатесисом, напротив, подряд следуют два одинаково длинных колона, а в конце поставлен один несоразмерно короткий, что явно нарушает гармонию построения.

D. H. Comp. 4, Hdt. 1. 6. (Κροῖσος ᾗν Λυδὸς μὲν γένος...)

В строгом смысле этот пример не является метатесисом из Фукидида, ведь Дионисий в данном случае не анализирует какой-либо фрагмент из

«Истории», но сам конструирует предложение, которое должно воспроизвести стиль Фукидида. Для нашего исследования этот метатесис интересен в качестве примера того, как Дионисий Галикарнасский применяет на практике свои знания об особенностях стиля историка²⁹⁴:

Hdt. 1. 6. (Comp. 4. изменен только диалект)	Comp. 4. (Дионисий в стиле Фукидида)	Comp. 4. (Дионисий в стиле Гегесия)
<p>‘Κροῖσος ἦν Λυδὸς μὲν γένος, παῖς δ’ Ἀλυάττου, τύραννος δ’ ἐθνῶν τῶν ἐντὸς Ἰάλλου ποταμοῦ: ὃς ῥέων ἀπὸ μεσημβρίας μεταξὺ Σύρων τε καὶ Παφλαγόνων ἐξίησι πρὸς βορέαν ἄνεμον εἰς τὸν Εὐξεινον καλούμενον πόντον’</p> <p>«Крез, лидиец родом, был сыном Алиатта и правителем народов за рекой Галис, которая течет с юга через территории Сиров и Пафлагонцев на севере впадает в море, называемое Евксинским».</p>	<p>‘Κροῖσος ἦν υἱὸς μὲν Ἀλυάττου, γένος δὲ Λυδός, τύραννος δὲ τῶν ἐντὸς Ἰάλλου ποταμοῦ ἐθνῶν: ὃς ἀπὸ μεσημβρίας ῥέων μεταξὺ Σύρων καὶ Παφλαγόνων εἰς τὸν Εὐξεινον καλούμενον πόντον ἐκδίδωσι πρὸς βορέαν ἄνεμον. ’</p> <p>«Крез был сыном Алиатта, лидиец родом, правитель народов за рекой Галис: которая с юга течет через территории Сиров и Пафлагонцев в море, называемое Евксинским море вдается на севере».</p>	<p>‘Ἀλυάττου μὲν υἱὸς ἦν Κροῖσος, γένος δὲ Λυδός, τῶν δ’ ἐντὸς Ἰάλλου ποταμοῦ τύραννος ἐθνῶν: ὃς ἀπὸ μεσημβρίας ῥέων Σύρων τε καὶ Παφλαγόνων μεταξὺ πρὸς βορέαν ἐξίησιν ἄνεμον εἰς τὸν καλούμενον πόντον Εὐξεινον’</p> <p>«Аллиата сын был Крез, а родом Лидиец, народов за рекой Галис правитель, которая с юга течет Сиров и Пафлагонцев территории через и на севере вдается в называемое морем Евксинским».</p>

²⁹⁴ Этот пример рассматривают К. де Йонге (Jonge, 2008: 385-388), Ф. Боттаи (Bottai, 1999b: 145-146).

Дионисий хвалит предложение Геродота, однако цитирует его в аттическом варианте, чтобы не показалось, будто бы соединение слов стало приятным только из-за ионийского диалекта (Comp. 3 ἵνα δὲ μή τις ὑπολάβῃ τὴν διάλεκτον εἶναι τῆς ἡδονῆς αἰτίαν τῇ λέξει, μεταθεὶς αὐτῆς τὸν χαρακτήρα εἰς τὴν Ἀτθίδα γλῶτταν...). Эвфония, разумеется, имеет большое значение для концепции Дионисия и неизменно фигурирует как положительное свойство текста, однако в данном случае критик предлагает отвлечься от этой характеристики оригинала и оценивать исключительно соединение слов.

Переписав Геродота на аттический манер, Дионисий предлагает два других возможных варианта соединения, один из которых, по его мнению, соответствует стилю Фукидида (Comp. 4 οὗτος ὁ χαρακτήρ οὐ πολὺ ἀπέχειν ἀν δόξειεν τῶν Θουκυδίδου τούτων...), а второй – Гегесия (Comp. 4 Ἠγησιακὸν τὸ σχῆμα τοῦτο τῆς συνθέσεως). Вариант в духе Гегесия, по мнению Дионисия, вовсе лишен каких-либо достоинств. Стиль Гегесия он называет «жеманным» (μικρόκομψον), «низким» (ἀγεννές) и «размягченным/рыхлым» (μαλθακόν) (Comp. 4).

Если оригинальный текст описывается как неторопливый и исторический, то вариант в стиле Фукидида Дионисий называет прямым и подходящим для судебной речи (Comp. 4 ...οὐκέτι ὑπαγωγικὸν τὸ πλάσμα οὐδ' ἱστορικόν, ἀλλ' ὀρθὸν μᾶλλον καὶ ἐναγώνιον...). Здесь мы обращаем внимание на эпитет ὑπαγωγικός, который встречается у Дионисия, помимо этого, всего в двух контекстах. В сочинении «О Демосфене» критик отмечает следующий недостаток стиля Исократа:

διώκει δ' ἐκ παντὸς τρόπου τὴν περίοδον οὐδὲ ταύτην στρογγύλην καὶ πυκνὴν ἀλλ' ὑπαγωγικὴν τινα καὶ πλατεῖαν καὶ πολλοὺς ἀγκῶνας, ὥσπερ οἱ μὴ κατ' εὐθείας ῥέοντες ποταμοὶ ποιοῦσιν, ἐγκολπιζομένην. ταῦτα μέντοι πολλαχῆ μακροτέραν τε αὐτὴν ποιεῖ κἀναληθεστέραν ἀπαθῆ τε καὶ ἄψυχον καὶ πανηγυρικὴν μᾶλλον ἢ ἐναγώνιον (Dem. 4).

«он всячески стремится к периоду не к закругленному и компактному, но к неторопливому, широкому и образующему множество заливов, как делают

реки, текущие не по равнине. это, конечно, везде делает [его период] весьма длинным и неправдивым, ложным и безжизненным, даже скорее панегирическим, чем подходящим для судебной речи».

μετὰ τοῦτο τῆς συστροφῆς: ὑπτία γάρ ἐστι καὶ ὑπαγωγικὴ καὶ περιρρέουσα τοῖς νοήμασιν, ὥσπερ εἰσὶν αἱ τῶν ἱστορικῶν, ἢ δ' ἐναγώνιος στρογγύλη τε εἶναι βούλεται καὶ συκεκροτημένη καὶ μηδὲν ἔχουσα κοιλῶδες (Dem. 18).

«после этого [скажу о недостатке в] сжатости: ведь [его речь] утомительная и неторопливая, затоплена мыслями, как в исторических сочинениях, но подходящий для судебной речи [стиль] стремится быть закругленным и сжатым, не имеющим никаких заливов».

Из этих пассажей, как нам представляется, можно заключить, что «закругленный и компактный» период Дионисий относит к ораторскому стилю, а «неторопливый» считает атрибутом исторического стиля, т. е. оба типа построения приемлемы, но соответствуют текстам разных жанров. Таким образом, на наш взгляд, когда критик называет предложение Фукидида прямым и подходящим для судебной речи, это вряд ли можно считать комплиментом²⁹⁵, ведь построение Фукидида, очевидно, должно соответствовать правилам исторического стиля.

В этом же ключе, по-видимому, следует понимать и слово ὀρθός. В приведенных выше контекстах определение ὑπαγωγικός связано с таким лексемами как «изгиб, залив» (Dem. 4 ἀγκών), «образовывать залив» (Dem. 4 ἐγκολλίζω), «изобилующий заливами» (Dem. 18 κοιλῶδης), то есть ὀρθός в данном контексте обозначает «прямое» построение, противоположное извилистому, изогнутому.

К. де Йонге полагает, что ὀρθός указывает на то, что Фукидид излагает информацию более систематически, чем Геродот: сначала говорится о семье Креза, затем о том, что лидиец, наконец, о его царстве, таким же образом

²⁹⁵ Наша интерпретация этого места не совпадает с той, которую предлагает К. де Йонге. Исследователь полагает, что Дионисий демонстрирует здесь альтернативный вариант композиции и не считает, что предложение в стиле Фукидида в чем-то уступает тексту Геродота (Jonge, 2008: 388).

придаточное предложение «течет вместе с рекой Галис, начинаясь на юге (ἀπὸ μεσημβρίας) и заканчиваясь на севере (πρὸς βορέαν ἄνεμον)» (Jonge, 2008: 387). Исследователь предлагает рассматривать этот текст как отражение представления Дионисия о строгом соединении (αὐστηρά σύνθεσις). В предложении историка присутствуют анастрофа (υἱὸς μὲν Ἀλυάττου, γένος δὲ Λυδός), столкновение согласных и полугласных (μεσημβρίας ῥέων μεταξύ), зияние (ποταμοῦ ἔθνῶν), гипербатон (12 слов между ὅς и ἐκδίδωσι, вместо 8, как было у Геродота) (Jonge, 2008: 387).

На наш взгляд, когда критик конструирует текст в духе Фукидида, он намерен продемонстрировать «лучший» вариант стиля историка, то есть ясный, без заметных «ошибок» в согласовании или словоупотреблении и т. д., но имеющий определенные особенности в соединении слов.

Порядок изложения в фукидидовском варианте в целом совпадает с предложением Геродота, однако у Фукидида предикаты отделяют выражения ἀπὸ μεσημβρίας и πρὸς βορέαν ἄνεμον от той информации, с которой они непосредственно связаны по смыслу. Вынесение словосочетания πρὸς βορέαν ἄνεμον, на наш взгляд, весьма напоминает известное предложение Фукидида, где описывается течение реки Ахелой: ὁ γὰρ Ἀχελῷος ποταμὸς ῥέων ἐκ Πίνδου ὄρους... ἄνωθεν παρὰ Στράτον πόλιν ἐς θάλασσαν διεξιεῖς παρ' Οἰνιάδας (Th. ii. 102. 2).

Также здесь можно обратиться к одному из проанализированных нами метатесисов (Thuc. 31, Th. iii. 82. 7). Напомним, что у Фукидида обстоятельство причины стояло после предиката (καὶ ὄρκοι εἶ που ἄρα ἐγίγνοντο συναλλαγῆς, ἐν τῷ αὐτίκα πρὸς τὸ ἄπορον <ἐκατέρῳ> διδόμενοι ἴσχυον, οὐκ ἐχόντων ἄλλοθεν δύναμιν), тогда как Дионисий расположил все обстоятельства до предиката (οἱ δὲ περὶ τῆς φιλίας ὄρκοι εἶ που ἄρα γένοιντο, ἀπορία πίστεως ἄλλης ἐκατέρῳ διδόμενοι ἐν τῷ παραχρῆμα ἴσχυον).

У Геродота зависимые элементы следуют сразу после главного слова и не отделяются от него другими словами. В оригинальном предложении подчинительные связи оформлены последовательно: τύραννος → ἔθνῶν → τῶν

ἐντὸς Ἄλλοις ποταμοῦ. В то же время в варианте Фукидида между главным словом (τύραννος) и зависимым (τῶν ἐθνῶν) стоит словосочетание (ἐντὸς Ἄλλοις ποταμοῦ), которое прямо от первого главного не зависит. Другой пример – местоимение ὅς, которое у Геродота стоит сразу после слова, к которому относится ἐντὸς Ἄλλοις **ποταμοῦ**: ὅς ῥέων, в то время как у Фукидида местоимение отделено от своего антецедента ἐντὸς Ἄλλοις **ποταμοῦ** ἐθνῶν: ὅς.

Нам представляется, что разницу между порядком слов у Фукидида и Геродота отчасти можно сформулировать в категориях проективности/непроективности. «Неформально смысл проективности можно разъяснить так: слова, близкие друг к другу синтаксически, должны быть близки и по положению в тексте» (Тестелец, 2001: 96). Фукидид, как показывает не только этот пример, но и многие другие, имеет явную склонность к непроективности. Так, и гипербаты, которые нередко встречаются у него, можно понимать как непроективные словосочетания или предложения. Именно это качество речи Дионисий отмечает и рассматривает, с одной стороны, как недостаток стиля историка, а с другой, – как его характерную особенность.

В этой главе трактата «О соединении слов» Дионисий Галикарнасский намеревался показать, что разное соединение одних и тех же слов может значительно изменить текст. В этой связи примечательно, что критик все-таки считает необходимым изменить в своих метатесисах и несколько лексем. К. де Йонге предполагает, что использование в предложении Фукидида союза **καί** вместо **τε καί** объясняется качествами, присущими строгому соединению²⁹⁶. Причина замены геродотовского **παῖς** на более общее **υἰός** также вполне понятна²⁹⁷, чего нельзя сказать об употреблении **ἐκδίδωμι** вместо **ἐξίημι**. При том, что Дионисий оставляет **ἐξίημι** в варианте Гегесия, он заменяет этот глагол на **ἐκδίδωμι** в предложении, которое показывает стиль Фукидида. У

²⁹⁶ К. де Йонге предполагает, что речь идет о том, что в строгом соединении или используется меньше союзов, или встречается «грубое» столкновение согласных -v и κ- (Jonge 2008: 387-388).

²⁹⁷ По мнению К. де Йонге, Дионисий понимает, что слово **παῖς** чаще встречается у Геродота, чем у Фукидида и Гегесия. Также он указывает, что **υἰός** – слово более известное в позднем греческом (Jonge 2008: 387). Это замечание представляется особо интересным, если мы примем во внимание, что и в некоторых других метатесисах Дионисий обращается к современному для него узусу.

самого Геродота оба этих глагола используются в описаниях устья реки или другого водоема²⁹⁸, тогда как у Фукидида в таких случаях встречается только ἐξίημι (Th. i. 46. 4; ii. 102. 2; iv. 103. 1), но не ἐκδίδωμι, которое он и вовсе практически не использует. Мы можем предположить, что Дионисий в данном случае меняет глагол с целью обратить внимание на такую характеристику стиля Фукидида как необычное, в сравнение с другими авторами, словоупотребление, на которое, как мы помним, критик всегда обращает внимание в своих метатесисах.

²⁹⁸ ἐξίημι см. Hdt. 1. 180. 5; 2. 10. 13; 2. 17. 18; 6. 20. 5; ἐκδίδωμι см. Hdt. 1. 80. 5; 1. 157. 10; 1. 189. 3; 1. 189. 4; 2. 29. 16; 3. 9. 9. и др.

2.3. Метатесисы из Фукидида в трактате Псевдо-Деметрия «О стиле»

За исключением Дионисия, единственный античный писатель, который обращается к приему перестановки для анализа прозы Фукидида, – Псевдо-Деметрий, автор трактата «О стиле». Всего метатесисы из Фукидида встречаются в этом сочинении четыре раза (Demetr. Eloc. 45-46, 48, 65, 202), Деметрий дважды обращается к началу второй книги «Истории» и один раз к началу четвертой книги.

Метатесис, несомненно, относится к любимым приемам критики Деметрия, ведь он прибегает к нему даже чаще, чем Дионисий²⁹⁹. Время написания трактата «О стиле» остается дискуссионным, однако большинство последних исследований датирует его I–III в. до н. э.³⁰⁰, т. е. можно предполагать, что Деметрий обращается к приему метатезы раньше или примерно в то же время, что Филодем и Дионисий Галикарнасский.

Demetr. Eloc. 45-46, Th. ii. 102. 2 (ὁ γὰρ Ἀχελῷος ποταμὸς...)

Деметрий рассматривает, какими должны быть колонны и их соединение в величественном стиле красноречия. В качестве удачного примера такого построения приводится пассаж из «Истории», где описывается поход афинян в глубь Акарнании:

Фукидид (Th. ii. 102. 2)	Деметрий (Eloc. 45-46)
ὁ γὰρ Ἀχελῷος ποταμὸς ῥέων ἐκ Πίνδου ὄρους διὰ Δολοπίας καὶ Ἀγριανῶν καὶ Ἀμφιλόχων, ἄνωθεν παρὰ Στράτον πόλιν ἐς θάλασσαν	ὁ γὰρ Ἀχελῷος ποταμὸς ῥεῖ μὲν ἐκ Πίνδου ὄρους, ἐκβάλλει δὲ παρ' Οἰνιάδας ἐς θάλασσαν· πρὸ δὲ τῆς ἐκβολῆς τὸ Οἰνιαδῶν πεδῖον λίμνην ποιεῖ, ὥστ' αὐτοῖς πρὸς τὰς χειμερινὰς

²⁹⁹ По подсчетам С. Деймон в сочинении «О стиле» встречается 44 метатесиса (Damon, 1991: 52 n. 100). Меньшее число метатесисов называет Джанко (Janko, 2000: 227, n. 2).

³⁰⁰ Трактат относят к I в. до н. э. (Schenkeveld, 2000: 29-48), II – началу I в. до н. э. (Chiron, 1993) (Innes, 1995), III в. до н. э. (Morpurgo Tagliabue, 1980). Единственное исключение – Н. Марини, которая датирует сочинение I в. н. э. (Marini, 2007).

<p>διεξιείς παρ' Οἰνιάδας καὶ τὴν πόλιν αὐτοῖς περιλιμνάζων ἄπορον ποιεῖ ὕπὸ τοῦ ὕδατος ἐν χειμῶνι στρατεύεσθαι³⁰¹.</p> <p>«Дело в том, что река Ахелой, текущая с горы Пинд через Долопию, [земли] агрианов и амфилохов, в глубине [материка] мимо города Страта, впадающая в море у Эниад и, окружающая водой город, делает военный поход зимой трудным из-за воды».</p>	<p>ἐφόδους τῶν πολεμίων ἔρυμα καὶ πρόβλημα γίνεσθαι τὸ ὕδωρ</p> <p>«Дело в том, что река Ахелой течет с горы Пинд, впадает возле Эниад в море, а перед впадением делает равнину Эниад озером, так что у них вода становится защитой и оградой от зимних нападений врагов».</p>
---	--

Деметрий считает, что закругление соединения, т. е. закругленный период, делает предложение величественным (Елос. 45 Μεγαλοπρεπὲς δὲ καὶ τὸ ἐκ περιαγωγῆς τῆ συνθέσει λέγειν...). Этому качеству стиля способствует и то, что и автор, и слушатель едва могут здесь передохнуть (Елос. 45 σύμπλασα γὰρ ἢ τοιαύτη μεγαλοπρέπεια ἐκ τῆς περιαγωγῆς γέγονεν καὶ ἐκ τοῦ μόγις ἀναπαῦσαι αὐτόν τε καὶ τὸν ἀκούοντα). Если же, как это предлагается в метатесисе, разбить высказывание (Елос. 46 διαλύσας αὐτὸ), то появятся остановки и исчезнет величие (Елос. 46 πολλὰς μὲν ἀναπαύλας παρέξει τῷ λόγῳ, τὸ μέγεθος δ' ἀφαιρήσεται).

В варианте с метатесисом значительно меняется порядок изложения и синтаксис. У Фукидида последовательно говорится сначала об истоке реки, затем о местах, где она протекает, после о том, куда она впадает, в конце сказано, что река окружает город водой. В этом предложении всего один глагол в личной форме, все остальное выражено причастиями. Деметрий же сначала говорит об истоке реки, сразу после о ее устье, сведения о том, где она протекает сокращены и поставлены ближе к концу, при этом все причастия

³⁰¹ Здесь и далее текст Деметрия и цитаты из Фукидида приводятся по изданию трактата «О стиле» (Roberts, 1902).

заменяются личными формами, а вместо конструкции ὑπὸ с инфинитивом добавляется предложение следствия. Метатесис отличается от исходного предложения и по другим пунктам, которые Деметрий никак не комментирует: появляются частицы μέν и δέ, глагол ἐκβάλλω, вместо παρ' Οἰνιάδας говорится πρὸ δὲ τῆς ἐκβολῆς τὸ Οἰνιαδῶν πεδῖον, вместо περιλιμνάζων сказано λίμνην ποιεῖ, выражение ἄπορον ποιεῖ ὑπὸ τοῦ ὕδατος ἐν χειμῶνι στρατεύεσθαι превращается в длинное объяснение πρὸς τὰς χειμερινὰς ἐφόδους τῶν πολεμίων ἔρυμα καὶ πρόβλημα γίνεσθαι τὸ ὕδωρ.

На наш взгляд, сама техника метатесиса близка той, которая представлена у Дионисия, кроме того, некоторые из изменений Деметрия показывают то же стремление упростить конструкцию и прояснить смысл предложения Фукидида, которые мы отмечали и для Дионисия Галикарнасского. При этом заметим, что пояснения, которые предлагает Деметрий, не находят близких параллелей в фукидидовских схолиях. Мы можем отметить только то, что и Деметрий, и схолиасты предлагают объяснения, хотя и разные, для редкого слова περιλιμνάζω: в метатесисе говорится «делает озеро» (λίμνην ποιεῖ), а в схолиях «делающий вокруг города разлив воды» (Sch. Th. 2. 102. 2. 6 περὶ τὴν πόλιν πλημμύρας ὑδάτων ποιῶν).

Demetr. Eloc. 48, Th. ii. 49. 1 (τὸ μὲν δὴ ἔτος...)

Далее в той же главе Деметрий отмечает, что грубое в отношении звучания соединение слов также придает стилю величественность (Eloc. 48 ποιεῖ δὲ καὶ δυσφωνία συνθέσεως ἐν πολλοῖς μέγεθος). В качестве примера приводится фрагмент из знаменитого описания афинской чумы:

Фукидид (Th. ii. 49. 1)	Деметрий (Eloc. 48)
τὸ μὲν δὴ ἔτος, ὡς ὠμολόγητο, ἄνοσον ἐς τὰς ἄλλας ἀσθενείας ἐτύγχανεν ὄν.	ἄνοσον ἐς τὰς ἄλλας ἀσθενείας ὄν ἐτύγχανεν

«год в самом деле, как все были согласны, оказался свободным в отношении других болезней».	«свободным в отношении других болезней оказался».
--	---

Деметрий отмечает, что в этом предложении Фукидид, как он делает почти всегда, избегает гладкого и ровного соединения (Eloc. 48...ὁ Θουκυδίδης δὲ πανταχοῦ σχεδὸν φεύγει τὸ λειῖον καὶ ὀμαλὲς τῆς συνθέσεως...). После метатесиса предложение становится легче и приятнее, но теряет величественность (Eloc. 48 ῥᾶον μὲν γὰρ καὶ ἥδιον... ἀφήρητο δ' αὐτοῦ τὴν μεγαλοπρέπειαν). Н. Марини в своем комментарии объясняет грубость этого пассажа присутствием в начале повторяющихся зубных звуков, затем сибилантов и зубных. Исследовательница считает, что в варианте Деметрия исключение односложной концовки дает эффект большей беглости, но меньшего величия³⁰².

Demetr. Eloc. 65, Th. iv. 12. 1 (καὶ πρῶτος ἀποβαίνων...)

Продолжая рассматривать средства достижения величественного стиля, Деметрий приводит практически тот же пассаж о полководце Брасиде, который анализировал и Дионисий Галикарнасский (Amm. II 4):

Фукидид (Th. iv. 12. 1)	Деметрий (Eloc. 65)
καὶ πρῶτος ἀποβαίνων ἐπὶ τὴν ἀποβάθραν ἐλειποψύχησέ τε, καὶ πεσόντος αὐτοῦ ἐς τὴν παρεξαιρεσίαν «и первым ступив на трап, потерял сознание, а, когда упал на аутригер»	ἔπεσεν ἐς τὴν παρεξαιρεσίαν καὶ ἀλέβαλε τὴν ἀσπίδα «он упал на аутригер и уронил щит»

В этом фрагменте как величественное Деметрий оценивает построение с изменением падежных форм (Eloc. 65 [Τὸ] μεγαλεῖον μέντοι ἐν τοῖς σχήμασιν τὸ μηδὲ ἐπὶ τῆς αὐτῆς μένειν πτώσεως). Здесь имеется в виду, что субъект у

³⁰² «Nell'esempio, la frase è scabra per la presenza delle ripetute dentali all'inizio e di sibilanti e dentali in seguito... Nella riscrittura di Demetrio l'eliminazione della clausola monosillabica restituisce un effetto di maggiore scorrevolezza, ma di minor grandiosità» (Marini, 2007: 190).

ἀποβαίνων и πεσόντος один и тот же, но стоит в разных падежах (в именительном при ἀποβαίνων и родительном при πεσόντος) (Jonge, 2008: 239). В варианте с метатесисом вместо participium conjunctum (ἀποβαίνων) и genitivus absolutus (πεσόντος αὐτοῦ) ставятся личные формы глагола (ἔλεσεν и ἀπέβαλε), в таком случае субъект предложения может стоять только в номинативе – такое построение автор называет «с одним и тем же падежом» (Eloc. 65 ἐπὶ τῆς αὐτῆς πτώσεως). Обратим внимание на то, что Деметрий обращает внимание исключительно на синтаксис и, в отличие от Дионисия и схолиастов, не пытается объяснить трудное слово παρεξαιρεσία.

Demetr. Eloc. 202, Th. ii. 102. 2 (ὁ γὰρ Ἀχελῷος ποταμὸς...)

В главе о простом стиле Деметрий анализирует тот же пассаж о реке Ахелой, который рассматривал ранее как образец величественного периода (Eloc. 45-46):

Фукидид (Th. ii. 102. 2)	Деметрий (Eloc. 202)
ὁ γὰρ Ἀχελῷος ῥέων ἐκ Πίνδου ὄρους ἄνωθεν μὲν παρὰ Στράτον πόλιν ἐπὶ θάλασσαν διέξεισιν «Дело в том, что Ахелой, текущий с горы Пинд, вверху [своего течения] мимо города Страта, впадает в море».	ὁ γὰρ Ἀχελῷος ῥεῖ μὲν ἐκ Πίνδου ὄρους, ἔξεισιν δὲ εἰς θάλασσαν «Дело в том, что Ахелой течет с горы Пинд, а выходит в море».

На примере этого периода Деметрий показывает, что в простом стиле закругленное построение не должно быть затянутым, но необходимо быстрее закончить мысль и дать слушателю передышку (Eloc. 202 Πειρᾶσθαι δὲ μὴ εἰς μῆκος ἐκτείνειν τὰς περιαγωγὰς... ἀλλ' αὐτόθεν ἀπολήγειν καὶ ἀναπαύειν τὸν ἀκούοντα οὕτως). Примечательно, что измененный вариант текста Деметрий считает более ясным, чем оригинал (Eloc. 202 πολὺ γὰρ οὕτως σαφέστερον...).

В предложении с метатесисом опускается «лишняя» информация о том, где река протекает, причастие заменяется на личную форму (ῥεῖ вместо ῥέων), структура фразы подчеркивается противопоставлением частиц μέν и δέ, используется другой глагол и предлог (ἔξεισιν εἰς θάλασσαν вместо ἐπὶ θάλασσαν διέξεισιν). Рассмотрим эту последнюю замену: Фукидид употребляет глагол «проходить через» διέξειμι и предлог ἐπὶ в значении «доходить до чего-то», в то же время Деметрий выбирает более понятный и простой способ выражения с глаголом «выходить» ἔξειμι и предлогом εἰς.

Выводы

Прием метатесиса, основной целью которого было выделить и сделать предметом анализа композицию литературного произведения, традиционно использовался в античной риторике и литературной критике. Техника перестановки подразумевала сопоставление оригинального текста и его измененного варианта, которое мог сопровождать комментарий критика. Большой интерес Дионисия Галикарнасского к этому приему может объясняться следующим: метатеза привлекает внимание к важной для него теме соединения слов, она соответствует избранному им сравнительному методу исследования языка, стиля и текста, а кроме того, является эффективным дидактическим инструментом.

Давно замечено, что Дионисий часто пользуется приемом перестановки для того, чтобы наглядно и убедительно показать особенности языка и стиля Фукидида. Подчеркнем, что он обращается к этой теме в момент повышенного интереса к историку, особенно в среде римских интеллектуалов. Вопрос о том, был ли Дионисий Галикарнасский знаком с мнением Цицерона о стиле Фукидида, остается открытым, однако критика Дионисия во многом близка к той позиции, которая формулируется в сочинениях Цицерона. При этом заметим, что Дионисий, в отличие от Цицерона, стремится доказать, что стиль Фукидида не является идеальным образцом не только для выступления оратора, но и для исторического повествования.

Свои сочинения Дионисий предназначает для широкого круга читателей, но не в последнюю очередь для высокообразованной аудитории и писателей, прежде всего историков, которые ценили стиль Фукидида и желали ему следовать. Подход Дионисия Галикарнасского, по-видимому, расходился с общепринятым мнением о Фукидиде, о чем свидетельствуют и его собственные ремарки, и замечания более поздних авторов, которые, хотя и обращаются к авторитету Дионисия, все же считают его заметки о стиле историка не вполне справедливыми. «История» Фукидида высоко оценивалась

античными читателями, поэтому Дионисий должен был особенно стремиться к наглядному и доказательному изложению своей критики, с конкретными примерами, необходимыми для ее подтверждения.

К избранной теме Дионисий, действительно, подходит с особым вниманием и тщательностью. Он рассматривает мнения предшественников и современников о стиле Фукидида и скорее всего пользуется очень хорошим «александрийским» изданием «Истории», а возможно, и эллинистическим комментарием к ней. Предполагают, что следы эллинистической традиции сохранились также в византийских схолиях. Именно влиянием этого общего источника могут объясняться параллели между «Вторым письмом к Аммею» и комментариями схолиастов.

Исторический стиль и, конкретно, стиль Фукидида, был предметом изучения и до Дионисия, однако работы на эту тему практически не сохранились. В этой связи сочинения Дионисия Галикарнасского имеют особую ценность как один из немногих источников для исследования античной рецепции Фукидида и филологической мысли I в. до н. э.

Для демонстрации особенностей построения текста Фукидида Дионисий активно пользуется приемом метатесиса, что делает его критику стиля историка доказательной и убедительной. В сочинении «О Фукидиде» метатесисы затрагивают весь текст в целом, во «Втором письме к Аммею» этот прием выделяет в основном грамматические особенности «Истории», в результате перестановки изменяются как правило одно или несколько слов оригинала, в трактате «О соединении слов» отмечен единственный случай метатесиса, демонстрирующий достоинство стиля Фукидида, которое заключается в особом соединении колонов в предложении.

Анализ этих примеров показывает, как именно Дионисий Галикарнасский представляет реализацию системы достоинств стиля (ἀρεταὶ λέξεως) на практике. Предлагаемые им «переделки» текста, очевидно, не расходятся с теми теоретическими позициями риторики, которых он придерживается. Основными критериям оценки и исправления стиля

Фукидида для Дионисия являются правильность и чистота языка (ἑλληνισμός, καθαρότης), а также ясность и краткость (σαφήνεια, συντομία), причем ясность, очевидно, имеет преимущество перед краткостью: критик предпочитает более длинный текст в тех случаях, когда это помогает раскрыть мысль.

Метатесисы Дионисия нацелены на «нормализацию» языка Фукидида, т. е. на приведение его к некоему «естественному» общеупотребительному стандарту, а также на то, чтобы передать мысль историка с помощью минимально необходимого текста, избегая при этом всякой неясности или двусмысленности. Все это, на наш взгляд, согласуется с позицией Дионисия о том, что литературное сочинение, в частности, историческое, должно быть понятно не только специалистам, но и широкому кругу читателей, которые могут извлечь из прочитанного пользу. Внимание к смыслу, стремление к ясности – отличительная черта исследовательского метода Дионисия.

Как правило, критик объясняет, в чем состоит главный недостаток того или иного фрагмента из Фукидида, однако мы видим, что предлагаемый метатесис часто не только исправляет конкретную указанную «ошибку», но затрагивает весь текст в целом, во всех его важнейших аспектах.

Дионисий часто меняет порядок слов и части изложения, перестраивает конструкции, заменяет описательные и абстрактные выражения на более конкретные и точные, расширяет предложение за счет дополнительных уточнений или, напротив, сокращает лишние с точки зрения смысла обстоятельства. Синтаксис фразы в примерах с метатесисом по возможности упрощается: именным словосочетаниям с управлением предпочитается согласование, безличная конструкция заменяется на личную, пассивная – на активную (Thuc. 29). Дионисий постоянно чувствителен и строг к порядку слов. К примеру, ἐμβοήσαντες ἄθροοι ὄρμησαν ἐπ' αὐτοὺς (Th. iv. 34. 1) он переформулирует как ἐμβοήσαντες ὄρμησαν ἐπ' αὐτοὺς ἄθροοι (Thuc. 25), чтобы избежать амфиболон.

Некоторые из предлагаемых им изменений хорошо описываются в категориях современной языковой теории. Так, преобразование εἰ ἴδοι

ἄφρακτον (Th. iii. 82. 7) в εἰ μάθοι τὸν ἐχθρὸν ἀφύλακτον (Thuc. 32) соотносится с понятием валентности слова. Другой пример – критика Дионисия в адрес порядка слов Фукидида, особенно частых у него гипербагов, которую можно сформулировать в категориях проективного/ непроективного предложения.

Большое значение для Дионисия имеет соблюдение грамматических правил, поэтому отклонения от общей языковой нормы он рассматривает как ошибки и солецизмы, которые требуют исправления (Thuc. 37; Amm. II 11). Например, в метатесисах восстанавливаются опущенные Фукидидом артикли, даже тогда, когда их пропуск допустим: ср. τόλμα μὲν γὰρ ἀλόγιστος ἀνδρία φιλέταιρος ἐνομίσθη (Th. iii. 82. 4) и τὴν μὲν γὰρ τόλμαν ἀνδρίαν ἐκάλουν (Thuc. 29).

Исследователи всегда отмечали грамматические и синтаксические «исправления» Дионисия, мы же со своей стороны заметим его внимание к лексическому уровню текста. В этом отношении он выступает как последовательный сторонник общеупотребительной лексики: вместо ἐφυστερίζω (Th. iii. 82. 3) используется ὑστερέω или ὑστερίζω (Thuc. 29), а специальный термин παρεξαιρεσία (Th. 4. 12. 1) заменяется на длинное описательное выражение ἔξω τῆς νεῶς ἐπὶ τὰ προέχοντα μέρη τῆς εἰρεσίας (Amm. II 4).

Отдельные изменения, которые предлагаются Дионисием для текста Фукидида, носят стилистический характер. Например, он старается избегать слишком заметного параллелизма конструкций, повтора одинаковых или явно созвучных форм (Thuc. 29). Вероятно, некоторые из этих исправлений объясняются и влиянием современного Дионисию узуса. Так, дательному падежу он явно предпочитает предложные выражения: ср. τῇ ὄψει (Th. iv. 34. 1) и ἔκ τῆς ὄψεως (Thuc. 25), ἀπάτη (Th. iii. 82. 7) и διὰ τὴν ἀπάτην (Thuc. 32).

Сопоставление метатесисов Дионисия и византийских схолий показало, что Дионисий и схолиасты обращают внимание на одни и те же проблемы текста. Задача и метатесисов, и схолий – объяснить трудное или непонятное место из «Истории», пересказывая исходный пассаж более простым языком.

При этом заметим, что изменения, которые вносят в текст Фукидида Дионисий и авторы схолий, нередко совпадают. Конечно, многие из этих пересечений могут быть объяснены общей языковой логикой. Например, идея заменить редкую лексему ἀγώνισμα на более общеупотребительную δόξα настолько естественна, что вполне могла возникнуть у разных авторов независимо друг от друга (ср. Thuc. 32 и Sch. Th. 3. 82. 7. 16-23). В отдельных же случаях мы предполагаем, что Дионисий и схолиасты обращались к одному общему источнику, которым мог быть эллинистический комментарий к «Истории». К примеру, когда в метатесисе и схолиях к одному и тому же пассажируется слово ὑπόληψις как синоним для существительного πρῶδοκία (ср. Thuc. 25 и Sch. Th. 4. 34. 1. 9-12).

Заметим, что схолиасты ограничиваются объяснением непонятого текста, тогда как Дионисий Галикарнасский использует прием метатезы не в последнюю очередь для того, чтобы обосновать свою оценку Фукидида и показать непригодность его стиля для подражания. Кроме того, в отличие от авторов схолий, он вполне ожидаемо уделяет специальное внимание стилистике. Некоторые из предложенных им изменений текста не проясняют его смысл и не исправляют грамматические несоответствия, но имеют исключительно стилистический характер, тем самым демонстрируется, каким именно в представлении Дионисия должен быть хороший аттический стиль.

Сходство «Второго письма к Аммею» Дионисия и схолий было давно замечено исследователями. Мы дополняем эти наблюдения, а также выделяем пересечения между комментариями схолиастов и метатесисами Дионисия в сочинении «О Фукидиде», которые ранее не привлекали специального внимания исследователей. Важно, что отмеченные нами параллели относятся не только к языковой, но и к содержательной стороне текста.

За исключением Дионисия Галикарнасского, единственный античный автор, который использует метатесис для анализа прозы Фукидида, – Псевдо-Деметрий, автор трактата «О стиле». Оба автора пользуются сходными приемами перестраивания текста: расширение или, напротив, сокращение

предложения, изменение последовательности изложения, порядка слов и синтаксической структуры, в частности, замена причастия личной формой глагола, использование придаточного предложения вместо краткой инфинитивной конструкции, замена редкого слова более употребительным.

Как и Дионисий, Деметрий обращает внимание в первую очередь на усложненный синтаксис Фукидида, который предлагается упростить с помощью метатесисов. С другой стороны, хотелось бы подчеркнуть различия в их подходе к рассматриваемым текстам. Особенности языка Фукидида Дионисий Галикарнасский как правило считает недостатками, Деметрий же относит их к признакам величественного стиля. Также примечательно, что метатесисы из трактата «О стиле» не обнаруживают такого значительного сходства со схолиями к Фукидиду, которое было отмечено нами для Дионисия.

Глава 3. Стиль Дионисия Галикарнасского как филолога и ратора

В двух первых главах нашей работы были проанализированы важные для Дионисия Галикарнасского приемы изучения и оценки текстов древних авторов, которые характеризуют его метод работы с «чужим словом». В последней же главе диссертации мы рассмотрим подход Дионисия к собственной речи, его стиль как исследователя, ратора и критика.

О стиле риторических трудов Дионисия Галикарнасского не написано специальных сочинений, однако уже самые первые исследователи привлекали внимание к особенностям его языка и речевой манеры. Например, Ф. Бласс характеризует стиль Дионисия как «свободный от ошибок», «элегантный» и вместе с тем «поднимающийся до определенной высоты благородного чувства» (Blass, 1865)³⁰³. Особое изящество риторических сочинений Дионисия Галикарнасского отмечает А. Грайлих (Greilich, 1886)³⁰⁴. В. Шмид пишет о слишком «ученом» стиле Дионисия, имея в виду многочисленные цитаты и реминисценции из древних авторов, которые тот вводит в свои тексты (Schmid, 1887)³⁰⁵.

Большой интерес исследователей всегда вызывала лексическая сторона риторических сочинений Дионисия, как специальные «технические» лексемы, так и многочисленные образные выражения. До сих пор не потеряло актуальности предпринятое П. Гайгенмюллером исследование терминологии Дионисия (Geigenmueller, 1908), глоссарии к его риторическим трудам представлены в работе Я. ван Кронье (Cronjé, 1986), в диссертации К. Гудриана (Goudriaan, 1989), в изданиях У. Робертса (Roberts, 1901, 1910) и Ж.

³⁰³ «...zeigt er einen von allen lästigen Fehlern reinen und geschmackvollen Stil... Demosthenischen Schwung und Kraft konnte er besser fühlen als ausdrücken und wiedergeben, doch erhebt sich manchmal sein Ton in edlem Gefühl auf eine gewisse Höhe...» (Blass, 1865: 195).

³⁰⁴ «Pertractanti mihi scripta rhetorica Dionysii Harlicarnassensis, quem multo elegantius quam ceteros illius aetatis scriptoris genus scribendi secutum esse constat...» (Greilich, 1886: 3).

³⁰⁵ «...er drückt sich viel gelehrter aus, d. h. schreibt viel mehr Reminiszenzen als er selbst grundsätzlich zugeben kann» (Schmid, 1887: 23).

Ожак (Aujas, 1992), некоторые из используемых Дионисием терминов также обсуждаются в монографии К. де Йонге (Jonge, 2008).

Отметим, что, разрабатывая свою риторическую систему, Дионисий Галикарнасский любит обращаться к аппарату других искусств, который использует для аналогий и аргументации, что привлекало внимание многих исследователей. Так, в диссертации А. Грайлиха анализируются термины различных искусств, которые Дионисий заимствует и переносит в область риторики (Greilich, 1886). Автор рассматривает лексемы, связанные с искусствами ваяния (*vocabula ex arte fingendi translata*), живописи (*vocabula ex arte pingendi traducta*), шитья и вышивания (*vocabula rhetorica genuina ui in artibus texendi et acu pingendi usurpata*), будущим же исследователям он советует обратиться к анализу музыкальной и спортивной лексики Дионисия (Greilich, 1886: 46).

В XX веке попытка составить список метафорических лексем Дионисия Галикарнасского предпринималась Дж. Ф. Локвудом (Lockwood, 1937) (Lockwood, 1938). В своей статье исследователь подчеркивает, что обращение к метафорам и сравнениями необходимо Дионисию, чтобы проиллюстрировать те позиции своей критики, которые особенно нуждаются в помощи визуального или мысленного образа (Lockwood, 1937: 192)³⁰⁶.

В статье Ф. Боттаи и Ф. Скирони обсуждается многозначное слово *σύνθεσις*, которое, как они полагают, окончательно утвердилось как *terminus technicus* именно во времена Дионисия (Bottai, Schironi, 1998: 1070). Исследовательницы подчеркивают, что в употреблении этой лексемы Дионисий отчасти следует за предшествующей филологической традицией (Bottai, Schironi, 1998: 1056). Они предполагают, что уже александрийские филологи использовали слово *σύνθεσις* (соединение) для описания стиля, сочетания различных элементов в предложении или ритмов в стихе (Bottai,

³⁰⁶ Сходную мысль высказывает Л. Видебаум, которая полагает, что Дионисий вводит аналогии с другими искусствами, в частности, с живописью, с целью объяснить наиболее трудноопределимые из своих концепций, в частности, такое качество стиля Лисия как *χάρις* (Viidebaum, 2019: 113).

Schironi, 1998: 1074). По мнению Боттаи и Скирони, Дионисий, не будучи новатором в этой области, возобновляет и углубляет древнее учение о σύνθεσις, и, что особенно важно, отдает предпочтение соединению слов (σύνθεσις) в сравнении с их выбором (ἐκλογή) (Bottai, Schironi, 1998: 1076).

Наконец, отметим статью крупнейшего современного исследователя Дионисия Галикарнасского К. де Йонге, который делает ряд интересных выводов на основе анализа строительных метафор в трактате «О соединении слов» (Jonge, 2016). Так, устанавливается, что в концепции Дионисия ритор подобен архитектору, который разрабатывает план и пропорции здания, выбирает материалы, продумывает украшения и т. д. (Jonge, 2016: 11-12), аналогии из сферы строительства во многом формируют трактат «О соединении слов», они помогают решить дидактическую задачу автора, а именно, объяснить читателям различные аспекты продукции текста (Jonge, 2016: 16). «Архитектурная» концепция Дионисия, которая, по мнению Йонге, связана с влиянием античной поэзии и поэтической теории (Jonge, 2016: 12), находит параллели в сочинениях Псевдо-Деметрия, Филодема, Цицерона и Квинтилиана (Jonge, 2016: 12-13). Специальное внимание в статье уделяется тому, что некоторые важные для Дионисия идеи и термины используются также у его современника Витрувия³⁰⁷ в трактате «Об архитектуре» (Jonge, 2016: 15).

Статья С. Омса и К. де Йонге посвящена семантике прилагательного ἐναγώνιος (Ooms, Jonge, 2013). Анализируя употребление данной лексемы, авторы приходят к выводу, что такие значения этого слова как «подходящий для спора» и «энергичный, живой» связывает концепция «вовлеченности». В античной литературной критике «энергичными» (ἐναγώνιος) назывались определенные формы повествования в поэзии и прозе, подразумевавшие, что между автором и его аудиторией существует такое же тесное взаимодействие, т. е. «вовлеченность», которая имеет место в коммуникативной ситуации

³⁰⁷ О Дионисии и Витрувии см. также (Jonge, 2008: 33–4, 191), (Viidebaum, 2019: 112).

спора, дебатов (Ooms, Jonge, 2013: 109). В отношении Дионисия Галикарнасского исследователи замечают, что критик часто называет судебные и совещательные речи ἐναγώνιοι λόγοι, сама же лексема ἐναγώνιος как правило описывает у него определенный тип стиля, наиболее подходящий для судебного и совещательного красноречия (Ooms, Jonge, 2013: 100, 101). Сходное словоупотребление отмечается у Псевдо-Деметрия и Евстафия: Деметрий использует лексему ἐναγώνιος для обозначения «прерывистого» стиля устной речи (Demetr. Eloc. 193), у Евстафия эпитет ἐναγώνιος описывает 9 песнь «Илиады», а именно, знаменитое посольство к Ахиллу (Eust. II. 2. 642. 5-7) (Ooms, Jonge, 2013: 101, 102).

Анализируя употребление лексем λέξις и λόγος, Х. Артес Эрнандес приходит к выводу, что Дионисий Галикарнасский стабильно использует слово λέξις, почти как термин, для обозначения некоего выражения из текста или его стиля в целом, в отличие, от других античных авторов (Псевдо-Деметрий, Псевдо-Лонгин, Гермоген), которые в таких случаях чаще обращались к существительному λόγος (Artés Hernández, 2013: 372, 387).

Среди исследований стиля Дионисия особое место занимает статья Ф. Боттаи³⁰⁸, в которой выделены и проанализированы такие структурные элементы риторических трудов Дионисия как вступления («esordi»), резюме («ricapitolazioni») и эпилоги («epiloghi») (Bottai, 1999a). Как показано в исследовании, в начале сочинения Дионисий обычно дает ряд важных указаний, необходимых для правильной интерпретации своего текста: обстоятельства написания данной работы, обоснование выбора темы, заявление своей позиции, представление плана произведения, предвосхищение возможной критики (Bottai, 1999a: 46-50). Ф. Боттаи также отмечает любовь Дионисия к резюмированию, обобщению: критик нередко прерывает повествование и напоминает наиболее важные на данный момент

³⁰⁸ Статья Ф. Боттаи «Аспекты объяснительной техники Дионисия Галикарнасского в 'De oratoribus antiquis'» состоит из двух частей (Bottai, 1999a) (Bottai, 1999b). Вторую часть этой работы, которая посвящена анализу цитат в сочинениях Дионисия, мы рассматривали в первой главе диссертации.

аспекты своего рассуждения, чтобы его мысль оставалась достаточно ясной для читателей (Bottai, 1999a: 50-56). Также риторические сочинения Дионисия как правило имеют заключительную часть, в которой писатель повторяет важные идеи, дополнительно обосновывает выбор темы, утверждает, что выполнил задуманное или анонсирует будущие исследования (Bottai, 1999a: 56-60). Нельзя не согласиться с общим выводом, который делает Ф. Боттаи, а именно, что, используя разнообразные приемы структурирования и обогащения текста, Дионисий нацелен на создание сочинений полезных для каждого, при этом ясных и понятных в использовании (Bottai, 1999b)³⁰⁹.

Итак, как мы можем заключить, исследователи выделяют, с одной стороны, богатую образность и выразительность стиля Дионисия Галикарнасского, его метафоричность, а с другой – стремление к использованию специальной лексики, употребление которой находит соответствия в античной филологической традиции. Кроме того, отмечается особое внимание Дионисия к тому, чтобы его изложение всегда оставалось достаточно ясным для читателей, а значит, могло бы принести им наибольшую пользу.

Присоединяясь к этим выводам, мы приводим новые наблюдения о стиле Дионисия Галикарнасского, который рассматривается в контексте филологического метода, с учетом того, что, выбор писателем определенных средств выразительности согласуется с его Дионисия исследовательскими задачами. Он с большой тщательностью подходит не только к содержанию, но и к риторической отделке своих сочинений, поэтому анализ его стиля предполагает и обращение к теме риторики. Влияние теории и аппарата ораторского искусства на подход Дионисия к текстам древних авторов³¹⁰ было

³⁰⁹ «... tutto questo al fine de creare un'opera di commune utilità, di facile e chiara fruibilità» (Bottai, 1999b: 150).

³¹⁰ Так, любимый Дионисием прием сравнения (σύγκρισις) прочно закрепился в риторическом обиходе еще со времен софистов. Само же сопоставление авторов, произведений и стилей Дионисий упорядочивает в соответствии с параметрами, которые также заимствуются из риторики, в их числе достоинства речи (ἀρεταὶ λέξεως), части риторической разработки текста (πραγματικὸς τόπος, λεκτικὸς τόπος), три стиля (λέξεις) и три типа соединения слов/гармонии (συνθέσεως χαρακτήρες/ἁρμονίαι).

давно замечено исследователями, мы же со своей стороны предлагаем оценить риторическую организацию его собственного стиля.

В античной риторике разработка текста подразделялась на два больших раздела, стиль (λεκτικὸς τόπος) и содержание (πραγματικὸς τόπος), к последнему из них относится тема сочинения (ὑπόθεσις). Правильный выбор предмета изложения имеет большое значение для любого текста, но особенно подробно Дионисий Галикарнасский обсуждает этот вопрос применительно к истории. По его мнению, тема исторического сочинения должна быть достойной и приятной³¹¹, что вполне удалось Геродоту, но не Фукидиду, избравшему для своей «Истории» тягостную тему, которая с самого начала вызывает предубеждение у читателей³¹². При этом Дионисий сознает, что на выбор темы может влиять и то, была ли она разработана предшественниками. Так, он пишет: «нельзя сказать, что Фукидид избрал эту тему по необходимости, чтобы не повторять других, хотя понимал, что иная тема является более достойной...»³¹³. В то же время Дионисий одобряет Фукидида за то, что, выбирая материал для своей работы, тот стремился принести читателям пользу³¹⁴ и более всего заботился об истине³¹⁵. Для своего исторического труда «Римские древности» Дионисий Галикарнасский, по собственному заявлению, также выбирает тему достойную и полезную³¹⁶, но

³¹¹ πρῶτόν τε καὶ σχεδὸν ἀναγκαιότατον ἔργον ἀπάντων ἐστὶ τοῖς γράφουσιν πᾶσιν ἱστορίας ὑπόθεσιν ἐκλέξασθαι καλὴν καὶ κεχαρισμένην τοῖς ἀναγνωσομένοις (Ρομπ. 3).

³¹² ὥστε τοὺς ἀναγνόντας τὸ προοίμιον ἠλλοτριῶσθαι πρὸς τὴν ὑπόθεσιν... (Ρομπ. 3).

³¹³ οὐδὲ γὰρ οὐδὲ τοῦτο ἔνεστιν εἰπεῖν, ὅτι δι' ἀνάγκην ἤλθεν ἐπὶ ταύτην τὴν γραφήν, ἐπιστάμενος <μὲν ὡς> ἐκεῖνα καλλίω, βουλόμενος δὲ μὴ ταῦτ' ἑτέροις γράφειν... (Ρομπ. 3).

³¹⁴ ...πρὸς τὴν ὠφέλειαν, ὡς αὐτὸς ἐν τῷ προομίῳ τῆς ἱστορίας δεδήλωκε κατὰ λέξιν οὕτως γράφων... (Thuc. 7).

³¹⁵ μαρτυρεῖται δὲ τῷ ἀνδρὶ τάχα μὲν ὑπὸ πάντων φιλοσόφων τε καὶ ῥητόρων, εἰ δὲ μὴ, τῶν γε πλείστων, ὅτι καὶ τῆς ἀληθείας, ἧς ἰέρειαν εἶναι τὴν ἱστορίαν βουλόμεθα, πλείστην ἐποιήσατο πρόνοιαν, οὔτε προστιθεὶς τοῖς πράγμασιν οὐδὲν ὃ μὴ δίκαιον οὔτε ἀφαιρῶν, οὐδὲ ἐνεξουσιάζων τῇ γραφῇ, ἀνέγκλητον δὲ καὶ καθαρὰν τὴν προαίρεσιν ἀπὸ παντὸς φθόνου καὶ πάσης κολακείας φυλάττων, μάλιστα δ' ἐν ταῖς περὶ τῶν ἀγαθῶν ἀνδρῶν γνώμας (Thuc. 8).

³¹⁶ τὴν μὲν οὖν ὑπόθεσιν ὅτι καλὴν εἴληφα καὶ μεγαλοπρεπῆ καὶ πολλοῖς ὠφέλιμον... (Ant. Rom. 1. 2. 1).
...περὶ τε πόλεως γράφω τῆς περιφανεστάτης καὶ περὶ πράξεων ὧν οὐκ ἂν ἔχοι τις ἐτέρας ἐπιδείξασθαι λαμπροτέρας, οὐκ οἶδ' ὅ, τι δεῖ πλείω λέγειν (Ant. Rom. 1. 3. 6)

малоизученную³¹⁷, причем своей задачей он считает опровержение ошибочных суждений о древней истории Рима и установление истинного положения вещей³¹⁸.

В выборе и обосновании темы своих риторических сочинений Дионисий следует тем же критериям, которые считает важными для исторического повествования, о чем мы узнаем благодаря его собственным комментариям. Так, он особо подчеркивает, что его труды о стиле древних ораторов посвящены теме, которая представляет интерес для многих, является благодетельной для людей и может принести им большую пользу³¹⁹. Трактат «О соединении слов» Дионисий называет предметом самым нужным из всех и полезным во всяком деле, где бывает необходима речь³²⁰. Исследования жизни и стиля Динарха, а также установление подлинных речей этого оратора Дионисий мотивирует тем, что это совершенно необходимо для тех, кто серьезно занимается риторикой³²¹.

Важным условием выбора темы также является степень ее разработанности. Дионисий нередко замечает, что вопросы, к которым он обращается, были недостаточно хорошо изучены предшественниками или вовсе не привлекались к исследованию:

...καλὰ θεωρήματα καὶ ἀναγκαῖα τοῖς ἀσκοῦσι τὴν πολιτικὴν φιλοσοφίαν καὶ οὐ δῆπου μὰ Δία κοινὰ οὐδὲ κατημαξευμένα τοῖς πρότερον (Or. Ant. 1).

«...прекрасные темы для изучения, полезные для тех, кто занимается политической философией, и, конечно, клянусь Зевсом, они не относятся к предметам общим и совершенно истертым предшественниками».

³¹⁷ ἔτι γὰρ ἀγνοεῖται παρὰ τοῖς Ἑλλήσιν ὀλίγου δεῖν πᾶσιν ἢ παλαιὰ τῆς Ῥωμαίων πόλεως ἱστορία... (Ant. Rom. 1. 4. 2) ...οὐδεμία γὰρ ἀκριβὴς ἐξελέλυθε περὶ αὐτῶν Ἑλληνικὴ ἱστορία μέχρι τῶν καθ' ἡμᾶς χρόνων, ὅτι μὴ κεφαλαιώδεις ἐπιτομαὶ πάνυ βραχεῖαι... (Ant. Rom. 1. 5. 4).

³¹⁸ ταῦτας δὴ τὰς πεπλανημένας, ὡσπερ ἔφην, ὑπολήψεις ἐξελέσθαι τῆς διανοίας τῶν πολλῶν προαιρούμενος καὶ ἀντικατασκευάσαι τὰς ἀληθεῖς... (Ant. Rom. 1. 5. 1).

³¹⁹ ...ὑπόθεσιν τοῦ λόγου κοινὴν καὶ φιλόανθρωπον καὶ πλεῖστα δυναμένην ὠφελεῖσαι λαβῶν (Or. Ant. 4).

³²⁰ ...χρῆμα πρὸς ἀπάσας τὰς ἐν τῷ βίῳ χρεῖας ὅποσαι γίνονται διὰ λόγων ὠφέλιμον, ἀναγκαϊότατον ἀπάντων χρημάτων... (Comp. 1).

³²¹ ...ἡγήσάμην δεῖν μὴ παραλιπεῖν αὐτόν, ἀλλὰ καὶ περὶ τοῦ βίου καὶ τοῦ χαρακτῆρος αὐτοῦ διελθεῖν· καὶ διορίσαι τοὺς τε γνησίους καὶ ψευδεῖς λόγους πάντων ἢ τῶν γε πλείστων ἀναγκαϊότερον οἶμαι τοῖς μὴ ἐκ περιζώματος ἀσκοῦσι ῥητορικὴν... (Din. 1).

...ὀλίγοις μὲν ἐπὶ νοῦν ἔλθοῦσαν ὅσοι τῶν ἀρχαίων ῥητορικὰς ἢ καὶ λεκτικὰς συνέγραψαν τέχνας, οὐδενὶ δ' ἀκριβῶς οὐδ' ἀποχρώντως μέχρι τοῦ παρόντος ἐξεργασμένην, ὡς ἐγὼ πείθομαι (Comp. 1).

«...некоторым из древних авторов, которые написали риторики или даже трактаты о стиле, приходила в голову эта идея, но никто до сегодняшнего дня, как я считаю, не разработал ее исчерпывающе и точно».

...ἡγησάμην δεῖν μὴ παραλιπεῖν αὐτόν, ἀλλὰ καὶ περὶ τοῦ βίου καὶ τοῦ χαρακτήρος αὐτοῦ διελεῖν καὶ διορίσαι τούς τε γνησίους καὶ ψευδεῖς λόγους πάντων ἢ τῶν γε πλείστων ἀναγκαιότερον οἶμαι τοῖς μὴ ἐκ περιζώματος ἀσκοῦσι ῥητορικὴν. ἅμα δὲ ὁρῶν οὐδὲν ἀκριβὲς οὔτε Καλλιμάχον οὔτε τοὺς ἐκ Περγάμου γραμματικούς περὶ αὐτοῦ γράψαντας, ἀλλὰ παρὰ τὸ μηδὲν ἐξετάσαι περὶ αὐτοῦ τῶν ἀκριβεστέρων ἡμαρτηκότας... (Din. 1).

«...я считаю, что следует не пропускать его [Динарха], но описать его жизнь и стиль, а также полагаю, что самым необходимым является отделить его подлинные речи от подложных, или во всяком случае это очень необходимо тем, кто не поверхностно занимается риторикой. Вместе с тем, как я вижу, ни Каллимах, ни пергамские грамматики не написали о нем ничего точного, а кроме того, что ничего не выяснили, еще и ошиблись...».

Объясняя выбор темы для своих риторических сочинений, Дионисий ссылается на соображения практической пользы и степень исследованности темы, собственной же целью он называет не оценочное суждение, но поиск истины³²²:

...ὅταν δὲ βουλευθῆ διαγνῶναι τί τὸ κράτιστον ἐν ὧν δὴ ποτε βίω καὶ τί τὸ βέλτιστον τῶν ὑπὸ ταῦτο γένος ἔργων, τὴν ἀκριβεστάτην ἐξετάσιν προσφέρειν καὶ μηδὲν παραλείπειν τῶν προσόντων αὐτοῖς εἴτε κακῶν εἴτε ἀγαθῶν · ἢ γὰρ ἀλήθεια οὕτως εὐρίσκεται μάλιστα, ἧς οὐδὲν χρῆμα τιμιώτερον (Comp. 1).

«...когда же хочет выяснить, что именно в чьей-либо жизни наиболее выдающееся или какая из вещей одного и того же рода является наилучшей,

³²² О нацеленности Дионисия именно на поиск истины см. также (Bottai, 1999b: 132).

нужно предпринять тщательнейшее исследование и не упускать ничего из присущего этому предмету, ни плохого, ни хорошего, ведь так скорее отыщется истина, которой нет ничего дороже».

οὐκ ἐλάχιστην δέ μοι καὶ σὺ παρέσχου ῥοπήν εἰς τὸ μὴ παρέργως ἐξετάσαι τὴν ἀλήθειαν, παρακαλῶν φανεροὺς ποιῆσαι τοὺς λόγους, οἷς ἐμαυτὸν πέπεικα Δημοσθένους ἀκμάζοντος ἤδη καὶ τοὺς ἐπιφανεστάτους εἰρηκότους ἀγῶνας τότε ὑπὸ Ἀριστοτέλους τὰς ῥητορικὰς γεγράφθαι τέχνας (Amm. I 2).

«И ты указал мне немаловажную причину тщательно исследовать истину, когда попросил опубликовать аргументы, которые убедили меня самого в том, что “Риторика” была написана Аристотелем после того, как Демосфен стал известен и произнес свои самые выдающиеся речи».

ἔστι δὴ τὸ βούλημά μου τῆς πραγματείας οὐ καταδρομὴ τῆς Θουκυδίδου προαιρέσεώς τε καὶ δυνάμεως, οὐδ' ἐκλογισμὸς τῶν ἀμαρτημάτων οὐδ' ἐξευτελισμὸς... ἐκλογισμὸς δέ τις τοῦ χαρακτῆρος τῶν λόγων, ἅπαντα περιειληφώς, ὅσα συμβέβηκεν αὐτῷ κοινὰ τε πρὸς ἑτέρους καὶ διαφέροντα παρὰ τοὺς ἄλλους... ὅτι δ' οὐκ ἐγὼ τοῦτο πρῶτος ἐπικεχείρηκα ποιεῖν, ἀλλὰ πολλοὶ καὶ πάλαι καὶ καθ' ἡμᾶς, οὐ φιλαπεχθήμονας προελόμενοι γραφὰς ἀλλὰ θεωρητικὰς τῆς ἀληθείας... (Thuc. 3).

«замысел моего сочинения, очевидно, не нападение на выбор предмета и риторический стиль Фукидида, не подсчет его ошибок и не умаление... но некий учет особенностей его стиля, охватив все, что у него оказывает общим с другими и отличным от остальных... так как не я первый попытался это сделать, но многие и в древности, и в наше время, обратились к написанию таких сочинений не из враждебных чувств, но ради поиска истины».

На разработку избранной темы и выбор формы повествования большое влияние оказывает то, что Дионисий ориентирован на своего читателя и настроен на диалог с ним. В первую очередь отметим, что многие его сочинения имеют конкретных адресатов, в некоторых случаях он утверждает, что именно общение с этими людьми подтолкнуло его к более подробному исследованию того или иного вопроса:

σοῦ δὲ βουλευθέντος ἰδίαν συντάξασθαι με περὶ Θουκυδίδου γραφὴν ἅπαντα περιειληφυῖαν τὰ δεόμενα λόγων, ἀναβαλόμενος τὴν περὶ Δημοσθένους πραγματείαν, ἣν εἶχον ἐν χερσίν, ὑπεσχόμεν τε ποιήσῃν, ὡς προηροῦ, καὶ τελέσας τὴν ὑπόσχεσιν ἀποδίδωμι (Thuc. 1).

«когда же ты пожелал, чтобы я составил отдельное сочинение о Фукидиде, охватившее все, что необходимо сказать, я оставил свой труд о Демосфене, которым как раз занимался, и пообещал выполнить то, что ты выбрал, а сделав, отдаю обещанное».

...σοῦ δὲ ὑπολαμβάνοντος ἤττον ἠκριβῶσθαι τὰς γραφάς... ἀκριβεστέραν δὲ τὴν δῆλωσιν τῶν ἰδιωμάτων τοῦ χαρακτήρος ἔσεσθαι νομίζοντος, εἰ παρὰ μίαν ἐκάστην τῶν προθέσεων τὰς λέξεις τοῦ συγγραφέως παρατιθείην... προελόμενος εἰς μηδὲν ἐλλείπειν καὶ τοῦτο πεποίηκα... (Amm. II 1).

«когда же ты указал, что эти сочинения выполнены недостаточно тщательно... и ты высказал мнение, что описание особенностей стиля будет точнее, если бы я добавил к каждому утверждению пассаж из историка... пожелав ничего не упустить, я это и сделал...».

Даже в отсутствие ссылки на конкретного адресата Дионисий обращается к приему диалогичности, который вовсе не является обязательным атрибутом античных риторик. В свои сочинения он вносит риторические вопросы и рассуждения – эти элементы диалога значительно оживляют текст. Так, в сочинении «Об Исократе» пересказ содержания каждой из речей оратора начинается с риторического вопроса (Isoc. 5-9), например, с такого:

τίς οὐκ ἂν γένοιτο φιλόπολις τε καὶ φιλόδημος ἢ τίς οὐκ ἂν ἐπιτηδεύσειε τὴν πολιτικὴν καλοκἀγαθίαν ἀναγνοὺς αὐτοῦ τὸν Πανηγυρικόν; (Isoc. 5).

«Кто не сделается патриотом своего города и народа или, кто не станет приверженцем государственной добродетели, прочитав его “Панегирик”?».

Рассматривая ритмическую организацию речей Демосфена, Дионисий Галикарнасский прибегает к полноценному риторическому рассуждению, состоящему из предполагаемого вопроса и ответа на него. Парируя возможное возражение оппонентов, Дионисий использует метафору суда, которая легко

считывается благодаря глаголу ἀπολογέομαι (оправдываться, говорить в свою защиту на суде) и выражению ἔρημον ἀφικένοι τὸν ἀγῶνα (не явиться на суд)³²³: ὑφορῶμαί τινα πρὸς ταῦτα καταδρομὴν ἀνθρώπων τῆς μὲν ἐγκυκλίου παιδείας ἀπείρων, τὸ δὲ ἀγοραῖον τῆς ῥητορικῆς μέρος ὁδοῦ τε καὶ τέχνης χωρὶς ἐπιτηδευόντων, πρὸς οὓς ἀναγκαῖον ἀπολογήσασθαι, μὴ δόξωμεν ἔρημον ἀφικένοι τὸν ἀγῶνα. ἐροῦσι δὴ ταῦτα· ὁ Δημοσθένης οὖν οὕτως ἄθλιος ἦν, ὥσθ' ὅτε γράφοι τοὺς λόγους, μέτρα καὶ ῥυθμοὺς ὥσπερ οἱ πλάσται παρατιθέμενος, ἐναρμόττειν ἐπειρᾶτο τούτοις τοῖς τύποις τὰ κῶλα στρέφων ἄνω καὶ κάτω τὰ ὀνόματα καὶ παραφυλάττων τὰ μήκη καὶ τοὺς χρόνους καὶ τὰς πτώσεις τῶν ὀνομάτων καὶ τὰς ἐγκλίσεις τῶν ῥημάτων καὶ πάντα τὰ συμβεβηκότα τοῖς μορίοις τοῦ λόγου πολυπραγμονῶν; ... ταῦτα δὴ καὶ τὰ τούτοις παραπλήσια κωμωδοῦντας αὐτοὺς καὶ καταχλευάζοντας οὐ χαλεπῶς ἂν τις ἀποκρούσαιτο ταῦτα εἰπών· πρῶτον μὲν ὅτι οὐδὲν ἄτοπον ἦν, εἰ ὁ τοσαύτης δόξης ἠξιωμένος ἀνὴρ ὅσης οὐδεὶς τῶν πρότερον ὀνομασθέντων ἐπὶ δεινότητι λόγων, ἔργα συνταπτόμενος αἰώνια καὶ διδοὺς ἑαυτὸν ὑπεύθυνον τῷ πάντα βασανίζοντι φθόνῳ καὶ χρόνῳ ἐβουλήθη μηδὲν εἰκῆ μήτε πρᾶγμα παραλαμβάνειν μήτ' ὄνομα, πολλὴν δ' ἀμοιβὴν ἔχειν τούτων πρόνοιαν τῆς τε ἐν τοῖς νοήμασιν οἰκονομίας καὶ τῆς εὐμορφίας τῆς περὶ τὰ ὀνόματα, ἄλλως τε καὶ τῶν τότε ἀνθρώπων οὐ γραπτοῖς ἀλλὰ γλυπτοῖς καὶ τορευτοῖς εἰκότας ἐκφερόντων λόγους, λέγω δὲ Ἰσοκράτους καὶ Πλάτωνος τῶν σοφιστῶν... (Comp. 25).

«В отношении этого я опасуюсь нападков со стороны людей незнакомых с общим образованием, но занимающихся без всякого метода и искусства площадной риторикой. На это я должен найти аргументы в свою защиту, чтобы не казалось, будто я оставил это дело и не явился на суд. Так вот они говорят следующее: “Значит, Демосфен был настолько жалок, что, когда писал речи, откладывал метры и ритмы, словно лепщик, и пытался приладить свои

³²³ Здесь, на наш взгляд, уместно говорить о влиянии на повествование Дионисия риторической “агональности”, которая, по словам С. С. Аверинцева, «ставит не только ратора, но и риторически воспитанного писателя в отношении квазисудебного состязания с соперником или оппонентом, все равно – реальным или фиктивным. Риторический принцип постоянно толкает литературу к интонациям судоговорения» (Аверинцев, 1996: 135).

колонны к этим формам, вращая вверх и вниз имена, отслеживая их величину и долготы, и падежи имен, и спряжения глаголов, суетливо заботясь и обо всем остальном, что относится к частям речи?” ... Очевидно, что, когда они представляют в комическом свете и насмеваются над этим и близким к этому, нетрудно ответить им таким образом: во-первых, ничего нет странного в том, что человек, удостоенный столь великой славы, которую не снискал никто из ранее названных [ораторов], когда составлял важное и принимал на себя ответственность перед завистью и временем, все подвергающими испытанию, не желал ничего, ни дела, ни слова, брать наобум, но с большим вниманием относился к двум вещам – порядку мыслей и красоте слов, в особенности же, [учитывая то, что,] люди того времени составляли речи похожие не на писанные, но на резные или чеканные. Я имею в виду мудрецов Исократы и Платона...».

Дионисий, как уже отмечалось ранее, выступает в своих сочинениях с позиции специалиста, который обращается к широкой аудитории, но главным образом к хорошо образованным читателям. Он готов к возможным возражениям с их стороны и принимает их во внимание:

τοιοῦτος μὲν δὴ ἔστιν ὁ Λυσίου χαρακτήρ, ὡς ἐγὼ δόξης ἔχω περὶ αὐτοῦ. εἰ δέ τις ἄλλα παρὰ ταῦτα ἔγνωκε, λεγέτω· κἂν ἤ πιθανώτερα, πολλὴν αὐτῷ χάριν εἶσομαι (Lys. 20).

«Таков стиль Лисия, как я его представляю. Если же кто-то сделает об этом другие наблюдения, пусть скажет и, если они окажутся более убедительными, я буду весьма ему благодарен».

συκοφαντεῖς τὸ πρᾶγμα, τάχ' ἂν εἴποι τις, εὐέλπειαν ἀπαιτῶν καὶ καλλιλογίαν παρὰ ἄνδρὸς οὐ ταῦτα σοφοῦ (Dem. 25).

«пожалуй, кто-то скажет: “ты искажаешь суть дела, когда требуешь красноречия и красоты слога от мужа, который не является в этом сведущим”».

εἰ δέ τις οὕτως ἔσται δύσερις ὥστε καὶ πρὸς ταῦτα ἀντιλέγειν... ἀφείς ἃ πρὸς ταῦτα λέγειν εἶχον ἐπὶ τὰς αὐτοῦ τρέψομαι τοῦ φιλοσόφου μαρτυρίας... (Amm. I 8).

«если же кто-то будет настолько враждебен, что станет возражать и на это... опустив то, что я мог бы сказать на это, обращусь к свидетельствам, предоставляемых самим философом...».

Анализируя язык и стиль древних авторов, Дионисий Галикарнасский постоянно обращается к разработанной в античной риторике системе достоинств речи (ἀρεταὶ λέξεως): «достоинств речи существует пять, правильность греческого языка, ясность, сжатость, уместность и украшенность» (D. L. 7. 59 ἀρεταὶ δὲ λόγου εἰσὶ πέντε, Ἑλληνισμὸς, σαφήνεια, συντομία, πρέπον, κατασκευή). Он демонстрирует, по-видимому, более позднюю стадию развития этой системы: у Дионисия достоинства делятся на обязательные и дополнительные, к обязательным достоинствам (ἀρεταὶ ἀναγκαῖαι) относятся чистота языка (καθαρότης), ясность (σαφήνεια), сжатость (συντομία), в числе дополнительных (ἀρεταὶ ἐπιθετοί) он называет, в частности, живость (ἐνάργεια), умение изображать характеры и эмоции (ἡ τῶν ἠθῶν τε καὶ παθῶν μίμησις), величественность и необычайность (τὸ μέγα καὶ θαυμαστόν), силу и напряженность (ἰσχύς, τόνος), приятность и убедительность (ἡδονή, πειθώ), уместность (τὸ πρέπον) (Bonner, 1939: 19).

Когда Дионисий вовлекает в обсуждение той или иной темы читателей, которые могут с ним не согласиться, большое значение приобретает такое достоинство речи как убедительность (πιθανότης). Как мы видим, он не ограничивается перечислением неких аксиом и конечных выводов, но имеет намерение убедить аудиторию в своей правоте, чему способствуют системное и логичное изложение материала, отсылки к авторитетным источникам, подтверждающие примеры из сочинений древних писателей, которые комментируются и/или анализируются с помощью метатесиса, а также наглядный сравнительный анализ особенностей стиля нескольких авторов.

Следующее важнейшее достоинство стиля – ясность (σαφήνεια), это качество Дионисий не только высоко оценивает у других, но и стремится внести в собственные сочинения, что, на наш взгляд, ему вполне удастся. Ясность изложения достигается во многом благодаря четкой структуре текста,

за которой легко следовать, простому общеупотребительному языку без обилия сложных синтаксических конструкций и редких выражений. Также заметим постоянное обращение Дионисия к здравому смыслу и повседневному опыту читателей. Так, отличие между стилями Исократа и Лисия поясняется как разница между красивыми от природы телами и теми, которые специально украшены (Isoc. 3). Другой пример – освоение правил риторического искусства, которое предлагается понимать как процесс, родственному обучению начальным навыкам чтения и письма (Dem. 52).

Сам Дионисий нередко подчеркивает намерение сделать свою мысль достаточно ясной для читателей:

...τοῦ δ' εὐπαρακολούθητα γενέσθαι μοι μᾶλλον τὰ πρόσθεν εἰρημένα... τὰς ἀρετὰς αὐτῶν εἰς βραχύτερον συναγαγὼν λόγον ἐπὶ τὰ παραδείγματα μεταβήσομαι (Isoc. 10).

«...чтобы было легче следовать за сказанным мной ранее... я в более кратком изложении представлю достоинства их стилей и перейду к примерам...».

ἵνα δὲ μᾶλλον ἢ διαφορὰ τῶν ἀνδρῶν γένηται καταφανής, εἰκόνι χρήσομαι τῶν ὀρατῶν τιμῆ (Is. 4).

«чтобы разница между этими мужами стала более явной, я воспользуюсь неким сравнением с предметами, которые можно видеть».

οἶμαι μὲν οὖν καὶ ἐκ τούτων οὐκ ἄδηλον εἶναι τὴν τῶν ἀνδρῶν διαφορὰν· οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ἐκ τῶν μελλόντων λέγεσθαι μᾶλλον ἔσται καταφανής καὶ μάλιστα ἐκ τῶν ἀποδεικτικῶν καὶ παθητικῶν λόγων... (Is. 12).

«итак, я полагаю, что разница между этими мужами вполне ясна из этих примеров. Но все же она станет более явной из того, что будет сказано далее, в особенности благодаря пассажирам из их сочинений, которые содержат аргументацию и патетику...».

ἵνα δὲ εὐπαρακολούθητος ὁ λόγος σοι γένηται, προθεῖς κατὰ λέξιν ὅσα περὶ τοῦ συγγραφέως τυγχάνω προειρηκώς, ἐπιτροχάδην ἀναλήψομαι τῶν προθέσεων ἐκάστην καὶ τὰς ἀποδείξεις παρέξομαι, καθάπερ ἠξίους (Amm. II 2).

«чтобы тебе было легко следовать за моим рассуждением, я приведу дословно то, что я уже сказал об этом историке, затем бегло коснусь каждого из утверждений и представлю доказательства, как ты и желал».

В то же время заметим, что ясность стиля, которую преследует Дионисий Галикарнасский, не вступает в противоречие с таким достоинством речи как краткость (*συντομία*). Дионисий не стремится к излишне многословным и совершенно исчерпывающим объяснениям, как правило ограничиваясь необходимыми для раскрытия темы примерами и комментарием к ним. Он не всегда объясняет свою мысль до конца, например, в тех случаях, когда вывод достаточно очевиден или же предполагается, что читатель должен сделать его сам³²⁴.

Для того, чтобы объяснить краткость своего изложения, закончить один раздел и перейти к следующему, Дионисий обычно ссылается на обширность вопроса, недостаток времени или утверждает, что уже сказанного было достаточно для раскрытия темы на данном этапе:

πολὺς δ' ἂν εἴη μοι λόγος, εἰ περὶ πάντων βουλοίμην λέγειν τῶν σχηματισμῶν ὅσους τὰ κῶλα ἐπιδέχεται. ἀλόχρη δὲ εἰσαγωγῆς ἔνεκα τοσαῦτα εἰρήσθαι (Comp. 8).

«моя речь была бы длинной, если бы я захотел говорить обо всех формах, которые принимают колонны. Но для введения в предмет было достаточно сказанного».

πολλὰ καὶ καλὰ λέγειν ἔχων περὶ τῆς Λυσίου λέξεως, ἣν λαμβάνων καὶ μιμούμενος ἂν τις ἀμείνων γένοιτο τὴν ἐρμηνείαν, τὰ μὲν ἄλλα τοῦ χρόνου στοχαζόμενος ἐάσω, μίαν δὲ ἀρετὴν ἔτι τοῦ ρήτορος ἐπιδείξομαι... (Lys. 10).

«я могу сказать много хорошего о стиле Лисия, взяв который для подражания, всякий мог бы сделать свою речь лучше, но, сообразуясь со временем, я ограничусь еще одним достоинством этого оратора, а остальное пропущу...».

³²⁴ Например, Дионисий не всегда подробно комментирует примеры с метатесисом, но приглашает читателей сделать собственные выводы, так как в его сочинениях большое значение имеет дидактический аспект (Jonge, 2005: 474).

καὶ τί δεῖ τὰ πλείω λέγειν; δι' ὅλου γὰρ ἂν τις εὖροι τοῦ λόγου πορευόμενος τὰ μὲν οὐκ ἀκριβῶς οὐδὲ λεπτῶς εἰρημένα, τὰ δὲ μειρακιωδῶς καὶ ψυχρῶς, τὰ δὲ οὐκ ἔχοντα ἰσχὺν καὶ τόνον... ἀλλὰ περὶ μὲν τούτων ἄλις (Dem. 29).

«разве необходимо говорить больше? Ведь, проходя по всей речи, всякий может найти и не точное, и не изящное, одно сказано ребячески и холодно, другое не имеет силы и напряженности... но об этом достаточно».

В античной риторике к основным достоинствам стиля (ἀρεταὶ ἀναγκαῖαι) относилась чистота речи (καθαρότης). Это отмечает и сам Дионисий³²⁵, под чистотой речи он понимает прежде всего ее соответствие аттическому диалекту³²⁶. Привлечем внимание к интересному замечанию Л. Кима, который видит в прозе Дионисия, несмотря на отдельные «проблески аттицизма» («glimmers of “Atticizing”»), большое сходство с сочинениями таких представителей койне, как Полибий и Диодор Сицилийский (Kim, 2010: 473). Исследователь предполагает, что Дионисий Галикарнасский и другие писатели этого времени стремились подражать древним авторам, однако еще не имели набора четких критериев, следование которым означало бы воспроизведение аттического языка (Kim, 2010: 474). Насколько мы можем судить, под «прозой Дионисия» Л. Ким понимает прежде всего «Римские древности», вопрос о том, можно ли распространить его наблюдения и на риторические сочинения автора, остается открытым.

В целом Дионисий Галикарнасский отдает предпочтение простому общеупотребительному языку, который должен быть понятен каждому читателю, однако его риторические сочинения все же остаются специальными текстами, что подразумевает использование терминологической лексики, в частности, из таких сфер, как риторика или литературная критика. Так, в упомянутом выше глоссарии Ж. Ожак предлагается обзор следующих групп лексики: специальные технические термины из грамматики, метрики,

³²⁵ τὰς μὲν οὖν ἀναγκαίαις ἀρεταῖς ἢ λέξεις αὐτῶν πάντων ἔχει (καὶ γὰρ καθαρὰ καὶ σαφῆς καὶ σύντομος ἐστὶν ἀποχρώντως, σφίζουσα τὸν ἴδιον ἐκάστη τῆς διαλέκτου χαρακτῆρα) ... (Thuc. 23).

³²⁶ καθαρὸς ἐστὶ τὴν ἐρμηνείαν πάνυ καὶ τῆς Ἀττικῆς γλώττης ἄριστος κανὼν... (Lys. 2).

ритмики, музыки; общие термины, такие как «слушать», «слушатель», «речь» и др.; термины стилистического анализа; образные термины, позволяющие описывать впечатление от текста (Аујас, 1992: 185).

Не рассматривая подробно лексику, которая достаточно комментируется в изданиях и исследованиях, привлечем внимание к тому, что Дионисий неоднократно обращается не только к общеизвестным, но, напротив, к довольно редким лексемам, а некоторые слова использует в необычном значении.

Например, лексема *παρέμπτωσης*, в первом значении «приток, поступление», очень часто встречается в медицинских текстах, особенно у Галена, в смысле «переливание крови в артерии» (LSJ). В других случаях *παρέμπτωσης* обозначает «вставку дополнительного звука», в таком значении употребляется в гомеровском лексиконе Аполлония³²⁷. У Дионисия же это слово всегда используется при описании речи Фукидида, когда одна мысль вставляется внутрь другой, тем самым затрудняя понимание предложения³²⁸. Таким образом, Дионисий Галикарнасский оказывается первым из дошедших до нас греческих авторов, который использует слово *παρέμπτωσης* для обозначения фигуры парентезы (*παρένθεσις*). В этом же смысле Цецилий Калактийский использует существительное *παρεμβολή* (Anderson, 2000: 89), оно встречается и у Дионисия, также как синоним для парентезы³²⁹.

Другой пример – термин *ἀντιποφορά* «антипофора», т. е. фигура, которая содержит ответ на воображаемое возражение, подтверждающее истинность того, что было сказано (Anderson, 2000: 19). Эта лексема особенно часто встречается в схолиях к Демосфену, впервые же она

³²⁷ <εὐηγενέων> κατὰ παρέμπτωσιν τοῦ <η> (Apoll. Lex. Nom. p. 78).

³²⁸ ...καὶ ἐφ' ὧν ἐνθυμημάτων αἱ μεταξύ παρέμπτωσεις πολλαὶ γινόμεναι διὰ πολλοῦ τὴν ἀκολουθίαν κομίζονται... (Thuc. 24; Amm. II 2).

ἐν δὲ τοῖς ἐνθυμήμασιν τε καὶ νοήμασιν, αἱ μεταξύ παρέμπτωσεις πολλαὶ γινόμεναι καὶ μόλις ἐπὶ τὸ τέλος ἀφικνούμεναι, δι' ἧς ἡ φράσις δυσπαρακολούθητος γίνεται... (Amm. II 15).

³²⁹ ...τῇ δὲ παρεμβολῇ τῶν μεταξύ πραγμάτων, πολλῶν ὄντων, ἀσαφῆ καὶ δυσπαρακολούθητον πεποίηκεν... (Amm. II 15).

засвидетельствована у Дионисия Галикарнасского, причем именно в описании стиля Демосфена³³⁰.

Называя главные недостатки стиля Фукидида, Дионисий часто говорит о неправильном и неестественном построении речи, при этом несколько раз используется прилагательное *σολοικοφανής* «подобный солецизму, производящий впечатление солецизма»³³¹. По мнению К. де Йонге, говоря *σολοικοφανής* вместо *σολοικισμός*³³², Дионисий старается в какой-то степени смягчить свою критику стиля историка (Jonge, 2008: 272). Лексема *σολοικοφανής* не относится к числу очень редких, однако мы отмечаем, что сферой ее употребления являются исключительно филологические сочинения разного времени, например, комментарий Галена к Гиппократу, схолии к Гомеру, Демосфену, Фукидиду и другим авторам, особенно же часто она встречается в комментариях к «Илиаде» и «Одиссее» Евстафия. Из современников Дионисия этот термин употребляет александриец Аристоник в комментарии к «Илиаде» (Ariston. De sign. II. 6. 511).

В нашей работе уже привлекалось внимание к параллелям между сочинениями Дионисия Галикарнасского и произведениями античной филологии, также мы можем выделить некоторые пересечения между ними в использовании технических формул. Так, ссылаясь на мнения предшественников и современных ему критиков, Дионисий часто не называет конкретных имен, но пользуется неопределенно-личной формой *τινες*, которая считается обычной для античных комментаторов (Nünlist, 2009: 12):

³³⁰ ἴδιον δὲ δὴ που σχῆμα πεύσεως, ἴδιον δ' ἀνθυποφορᾶς, ἴδιον δ' αὐξήσεως. οὐ δύναται ταῦτα ἐνὶ τόνῳ καὶ μιᾷ μορφῇ φωνῆς λέγεσθαι (Dem. 54).

³³¹ οἱ δὲ Θουκυδίδην ζηλοῦν λέγοντες καὶ τὸ μὲν εὐτονον καὶ στερεὸν καὶ δεινὸν καὶ τὰ τούτοις ὅμοια χαλεπῶς ἐκλαμβάνοντες, τοὺς δὲ σολοικοφανεῖς σχηματισμοὺς καὶ τὸ ἀσαφὲς προχειρίζομενοι... (Din. 8) ἃ δὲ τούτοις ἐπιφέρει, σκολιὰ καὶ δυσπαρακολούθητα καὶ τὰς τῶν σχηματισμῶν πλοκάς σολοικοφανεῖς ἔχοντα... (Thuc. 29); ...καὶ οὐδὲ τῶν σχημάτων τὸ πεπλανημένον ἐκ τῆς κατὰ φύσιν ἀκολουθίας καὶ τὸ σολοικοφανεὲς ἠγάπησεν... (Thuc. 53); ...τὰς δὲ αἰνιγματώδεις καὶ δυσκαταμαθήτους καὶ γραμματικῶν ἐξηγήσεων δεομένας καὶ πολὺ τὸ βεβασανισμένον καὶ τὸ σολοικοφανεὲς ἐν τοῖς σχηματισμοῖς ἐχούσας μήτε θαυμάζειν μήτε μιμεῖσθαι... (Thuc. 55).

³³² Заметим, что в отношении стиля Фукидида Дионисий пользуется также термином *σολοικισμός* (Thuc. 37) и выражениями *σολοικισμῶν δόξα* (Thuc. 33), *σολοικισμῶν φαντασίαι* (Thuc. 24, Amm II 2).

Αἰτιῶνται δὲ καὶ τὴν τάξιν αὐτοῦ **τινες**, ὡς οὔτε ἀρχὴν τῆς ἱστορίας εἰληφότος ἦν ἐχρῆν οὔτε τέλος ἐφηρμοκότος αὐτῇ τὸ πρέπον... (Thuc. 10).

«Некоторые порицают и его построение, так как он [Фукидид] не взял для истории начала, какое следовало бы, и не придал ей подходящий конец...».

ἃ δὲ δὴ κράτιστα εἰρήσθαι τῷ ἀνδρὶ δοκοῦσί **τινες** ἐπὶ τῇ τελευτῇ τοῦ λόγου, κάγῳ σύμφημι... (Dem. 30).

«некоторые считают, что в конце речи этот муж [Платон] говорит наилучшим образом, и я с этим согласен...».

...γενόμενος δὲ ἀκουστής Προδίκου τε τοῦ Κείου καὶ Γοργίου τοῦ Λεοντίου καὶ Τισίου τοῦ Συρακουσίου, τῶν τότε μέγιστον ὄνομα ἐν τοῖς Ἑλλησιν ἐχόντων ἐπὶ σοφία, ὡς δὲ **τινες** ἱστοροῦσι, καὶ Θηραμένους τοῦ ῥήτορος... (Isoc. 1).

«...он [Исократ] сделался слушателем Продика Кеосского, Горгия Леонтинского и сиракузянина Тисия, имевших тогда среди греков славу мудрецов, а, как некоторые сообщают, он слушал также ритора Ферамена...».

δι' αὐτὸ γὰρ τοῦτο καὶ ἄγροικόν **τινες** Δημοσθένην ἔφασαν αὐτὸν εἶναι... (Din. 8).

«из-за вот этого качества некоторые сказали, что он [Динарх] является “деревенским Демосфеном” ...».

Привлекает внимание и конструкция с предлогом ἀντί в значении «вместо, в смысле», которую Дионисий использует в тех случаях, когда хочет пояснить оригинальный текст и показать некоторую особенность его стиля:

νυνὶ δὲ τό τε ὀλίγου δεῖν παραληφθὲν ἀντὶ τοῦ «σχεδὸν»... (Dem. 9).

«а теперь выражение “немного не хватает” использовано вместо “почти”».

...τὸ φησάντων γ' ἂν ἀντὶ τοῦ φασκόντων ... (Dem. 9).

«...“могли бы сказать” вместо “утверждали”».

τὸ γὰρ συγγενές καὶ τὸ ἐταιρικόν <ἀντὶ συγγενῶν καὶ ἐταίρων> κεῖμενον μετείληπται (Thuc. 31).

«ведь стоящее здесь “родственное” и “товарищеское” взято вместо “родственники и товарищи”».

τὸ δὴ παρατυχόν ἀντὶ τοῦ «παραχρῆμα» κεῖται, τό τε ἄφρακτον ἀντὶ τοῦ «ἀφυλάκτου»... (Thuc. 32).

«очевидно, что “при случае” стоит вместо “немедленно” и “неукрепленный” вместо “неохраняемый”».

Примечательно, что в таком же смысле это выражение активно используют схолиасты³³³, в качестве примера приведем несколько цитат из схолий к Фукидиду и Демосфену:

φησάντων] **ἀντὶ τοῦ ψηφισαμένων** (Sch. Dem. 9. 4. 1).

«сказали] вместо “проголосовали”».

παρ’ αὐτὰ τὰδικήματα] **ἀντὶ τοῦ ‘παραχρήμα’** (Sch. Dem. 20. 342. 1).

«в момент таких преступлений] вместо “немедленно”».

<καλῶς τοῦτο δρᾶν> **καλῶς ἀντὶ τοῦ εὐσεβῶς καὶ φιλανθρώπως** (Sch. Th. 1. 5. 2. 1-2).

«<это прекрасно делать> “прекрасно” вместо “благочестиво и человеколюбиво”».

τὸ γὰρ ‘μὴ βραδεῖς γένωνται’ **ἀντὶ τοῦ μὴ ὑστερήσωσι κεῖται** (Sch. Th. 7. 43. 5. 3-4).

«ведь “чтобы они не оказались медлительными” стоит вместо “чтобы они не опоздали”».

Также следует заметить выражение βούλεται (γὰρ) δηλοῦν («он хочет показать»), которое встречается у Дионисия довольно часто, всегда применительно к Фукидиду (Thuc. 29; Thuc. 30; Thuc. 31; Amm. II 4; Amm. II 6; Amm. II 8; Amm. II 14). В схолиях к Фукидиду это словосочетание используется только один раз, причем в комментарии к тому же контексту, который рассматривает и Дионисий:

“τὴν μὲν οὖν ἀληθεστάτην αἰτίαν, λόγῳ δὲ ἀφανεστάτην, τοὺς Ἀθηναίους οἴομαι μεγάλους γινομένους ἀναγκάσαι εἰς τὸ πολεμεῖν.” **βούλεται γὰρ δηλοῦν**, ὅτι μεγάλοι γιγνόμενοι οἱ Ἀθηναῖοι ἀνάγκην παρέσχον τοῦ πολέμου: πεποίηκεν δὲ ἀντὶ τῆς ἀνάγκης καὶ τοῦ πολέμου ὀνοματικῶν ὄντων ῥηματικὰ τό τε ἀναγκάσαι καὶ τὸ πολεμεῖν (Amm. II 6).

³³³ Р. Нюнлист помещает выражение ἀντὶ τοῦ в глоссарий терминов, используемых в античной литературной критике, в частности, в схолиях (Nünlist, 2009: 370).

«“итак, причиной самой истинной, но на словах самой скрытой, я считаю то, что Афиняне, сделавшись могущественными, принудили [лакедемонян] воевать”. Дело в том, что он хочет показать, что, сделавшись могущественными, афиняне вызвали необходимость войны, он поставил вместо “необходимость” и “война”, которые являются существительными, глаголы “заставлять” и “воевать”».

τοὺς Ἀθηναίους ...ἀνανγκάσαι ἐς τὸ πολεμεῖν· τὰ ὀνόματα ῥήματα ἐποίησεν. **βούλεται γὰρ δηλοῦν**, ὅτι μεγάλοι γινόμενοι οἱ Ἀθηναῖοι ἀνάγκην παρέσχον τοῦ πολέμου (Sch. Th. 1. 23. 6. 2-5).

«“афиняне ...принудили сражаться” – из существительных сделал глаголы. Ведь он хочет показать, что, сделавшись могущественными, афиняне вызвали необходимость войны».

Анализируя эту интересную параллель К. де Йонге, высказывает предположение, что, скорее всего, в данном случае схолиасты скопировали замечание Дионисия, а не наоборот (Jonge, 2011: 467). Мы же в свою очередь привлекаем внимание к тому, что в своем исследовании языка и стиля Фукидида Дионисий обращается к специальному выражению, которое широко использовалось в античной филологии. Так, например, Плутарх вводит формулу βούλεται δηλοῦν, объясняя слова Гомера (Plu. Quaest. Plat. 999c-1011e) и Хрисиппа (Plu. St. perugn. 1039f1). Также это выражение встречается в гомеровском лексиконе Аполлония (Apoll. Lex. Hom. p. 43; p. 94; p. 155), в гомеровских вопросах Порфирия (Porph. Quaest. Hom. II. 2. 447), в гомеровских схолиях (Sch. Hom. II. 8. 185b9 bT; Sch. Hom. Od. 17. 266. 1 V).

Дионисий Галикарнасский выступает как приверженец простого и даже строгого стиля, при этом он не является совершенным противником украшений речи, однако, считает, что их использование должно быть умеренным и подчиненным смыслу текста (Isoc. 12-14). Свои собственные риторические сочинения он выстраивает, имея в виду не только четкость, ясность изложения, но и его выразительность и наглядность. Рассматривая стиль того или иного автора, формулируя его особенности, Дионисий

обращается не только к рациональным доводам, но и к образному интуитивному восприятию³³⁴, неслучайно, в его сочинениях мы находим необычные и даже поэтические лексемы.

Так, соединение слов оратора Гегесия, представителя азианского красноречия, Дионисий называет «жеманным, неблагородным и рыхлым» (Comp. 4 Ἠγησιακὸν τὸ σχῆμα τοῦτο τῆς συνθέσεως, μικρόκομψον, ἀγεννές, μαλθακόν...)³³⁵. Создать яркую образную характеристику стиля оратора помогают подобранные автором эпитеты: имеющее явный поэтический оттенок прилагательное μαλθακός и композит μικρόκομψος, который является гапаксом как для самого Дионисия, так и для всего сохранившегося корпуса греческих текстов. Об этом последнем определении заметим, что μικρόκομψος происходит от прилагательного κομψός «приятный, изысканный», которое первоначально было связано с поэтическим языком, оно фигурирует, к примеру, у Еврипида (E. Cus. 315), Аристофана (Ar. Ra. 967), Кратина (Cratin. fr. 342 Meineke), впоследствии к нему часто обращается Платон.

Дионисий Галикарнасский отдает дань такому благодарному способу словопроизводства как композиты, в его сочинениях нередко встречаются сложные слова, которые помогают охарактеризовать язык, речь, стиль и текст. Например, он единственный из известных нам авторов пользуется такими композитами как ὀλιγοσύνδεσμος³³⁶ (малосоюзный) или λογοείδεια³³⁷

³³⁴ Важным способом восприятия и оценки произведения искусства, в частности, текста Дионисий называет «иррациональное чувство» (ἄλογος αἴσθησις) (Lys. 11; Dem. 24, 50; Thuc. 4). Подробнее о соотношении «рационального критерия» (λογικόν κριτήριον) и «иррационального чувства» в подходе Дионисия см. (Schenkeveld, 1975) (Damon, 1991). О значении ἄλογος αἴσθησις для оценки звукового оформления текста см. (Vaahtera, 1997).

³³⁵ Прилагательные ἀγεννής и μαλθακός Дионисий использует и в других случаях, главным образом для описания эвфонии и ритмической организации текста: о метризованной прозе Демосфена (Dem. 39 ... τοὺς ῥυθμοὺς τοὺς καταμετροῦντας αὐτὰ μὴ ταπεινοὺς μηδὲ μαλθακοὺς μηδ' ἀγεννεῖς εἶναι...); для описания ритма (Comp. 17 ... ἴαμβος καλεῖται, καὶ ἔστιν οὐκ ἀγεννής...); (Comp. 18 τούτων τῶν ῥυθμῶν οὐδεὶς ταπεινὸς οὐδὲ ἀγεννής).

³³⁶ «Малосоюзный», о типе соединения слов: ἔτι τῆς τοιαύτης ἐστὶν ἀρμονίας καὶ ταῦτα ἴδια: ἀντίρροπός ἐστι περὶ τὰς πτώσεις, ποικίλη περὶ τοὺς σχηματισμούς, ὀλιγοσύνδεσμος... (Comp. 22).

³³⁷ «Прозаичность», как качество поэзии: μηδεὶς δὲ ὑπολαμβανέτω με ἀγνοεῖν ὅτι κακία ποιήματος ἡ καλούμενη λογοείδεια δοκεῖ τις εἶναι... (Comp. 26).

(прозаичность); лексемы ψοφοειδής³³⁸ (шумоподобный), ὁμοζυγία³³⁹ (близость, соответствие, связанность) и ἀκαιρολογία³⁴⁰ (неуместная речь) употребляются и другими авторами, однако впервые мы отмечаем их именно у Дионисия.

В контексте описания стиля Дионисий Галикарнасский активно обращается к поэтическому языку. Так, по его мнению, смысл предложения может быть не только ясным, но также «чистым и далекосяющим» (Thuc. 30 καθαρὸς δὲ καὶ τηλαυγῆς ὁ νοῦς οὕτως ἄν ᾗν...). Лексема τηλαυγῆς – изначально поэтический эпитет, который встречается в гомеровских гимнах, у Вакхилилида, Феогида, Софокла, Ликофрона, впоследствии проникает и в прозаическую речь, например, часто фигурирует у современника Дионисия Филона Александрийского. Сам же Дионисий использует эпитет τηλαυγῆς дважды, всегда в сочетании с καθαρὸς (Thuc. 9, 30), в обоих случаях говорится о неясности речи Фукидида. Комментаторы справедливо предлагают сопоставить следующие слова Дионисия с выражением из оды Пиндара:

ἐφ' ᾧ θαυμάζειν ἄξιον, πῶς αὐτὸν ἔλαθεν, ὅτι πολλῶν ἅμα πραγμάτων κατὰ πολλοὺς τόπους γινομένων εἰς μικρὰς κατακερματιζομένη τομὰς ἢ διήγησις οὐκ ἀπολήψεται τὸ “**τηλαυγὲς φῶς**” ἐκεῖνο “καὶ καθαρὸν”, ὡς ἐξ αὐτῶν γίνεται τῶν πραγμάτων φανερόν (Thuc. 9).

«достойно удивления, как от него [Фукидида] укрылось, что, когда одновременно происходит множество событий во многих местах, такое раздробленное на маленькие части повествование не получит того “далекосяющего и чистого света”, как это ясно из самих событий».

...**τηλαυγέστερον** κείνῳ **φάος**... (Pi. P. 3. 76).

³³⁸ «Шумоподобный», о звуках: ὅταν δ' οἰκτρὰν ἢ φοβερὰν ἢ ἀγέρωχον ὄψιν εἰσάγη, τῶν τε φωνέντων οὐ τὰ κράτιστα θήσει ἀλλὰ τὰ δυσηχέστατα, καὶ τῶν ψοφοειδῶν ἢ ἀφῶνων τὰ δυσεκφορώτατα λήψεται... (Comp. 16)

³³⁹ «Близость, соответствие, связанность», о ритмах: διὰ μὲν τῶν γενναίων καὶ ἀξιοματικῶν καὶ μέγεθος ἐχόντων ῥυθμῶν ἀξιοματικῆ γίνεται σύνθεσις καὶ γενναία καὶ μεγαλοπρεπής, διὰ δὲ τῶν ἀγεννῶν τε καὶ ταπεινῶν ἀμεγέθους τις καὶ ἄσεμνος, ἐάν τε καθ' ἑαυτοὺς ἕκαστοι τούτων λαμβάνονται τῶν ῥυθμῶν, ἐάν τε ἀλλήλοις κατὰ τὰς ὁμοζυγίας συμπλέκονται (Comp. 18), см. также (Comp. 25), (Dem. 50).

³⁴⁰ «Неуместная речь»: ...Λυσίας, ὅς γε οὐδὲν τοῖς διὰ χειρὸς ἔχουσι τὸν ἄνδρα οὔτε ἀκαιρολογίας οὔτε ἀσαφείας δόξειεν ἄν λαβεῖν (Lys. 4).

«...свет более далеко сияющий, чем тот...».

Вероятно, именно в подражание Пиндару используется и такой поэтический композит как μαλακόφωνος (нежнозвучный, мягкозвучающий). Дионисий искусно инкорпорирует этот эпитет в описание соединения слов, которое, по его мнению, обладает поэтической мелодичностью и музыкальной гармонией:

ἔτι τῆς συνθέσεως ταύτης ἐστὶ καὶ τὰ κῶλα δεινῶς ποιήμασιν ἐμφερῆ, **μαλακόφωνα** καὶ λεῖα... (Dem. 40).

«еще в этом соединении³⁴¹ колоны сильно напоминают поэзию, они нежнозвучные и гладкие...».

...**μαλθακόφωνοι**³⁴² αἰοδαί (Pi. I. 2. 8).

«...нежнозвучные песни».

Также обратим внимание на редкую лексему δυσεξέλικτος (трудно развёртываемый, запутанный, скрученный, искривленный), которая первоначально фигурирует в трагедии Еврипида в сцене гибели Ипполита, когда кони влачат героя, запутавшегося в вожжах (E. Hipp. 1236-37 αὐτὸς δ' ὁ τλήμων ἠνίασιν ἐμπλακεῖς// δεσμὸν δυσεξέλικτον ἔλκεται δεθείς). Впервые после Еврипида это прилагательное появляется у Дионисия Галикарнасского³⁴³, который использует его исключительно для характеристики стиля Фукидида с точки зрения передачи смысла. Как известно, Дионисий считает, что для определенного содержания существует «естественный» и «прямой» способ его выражения, тогда как Фукидид формулирует свои мысли нестандартным и далеким от общепринятого образом³⁴⁴. Он подчеркивает этот «непрямой»

³⁴¹ Здесь Дионисий дает характеристику такому типу соединения слов, который он называет гладким, театральным и утонченным типом гармонии (Dem. 40 ἢ δὲ μετὰ ταύτην ἢ γλαφυρὰ καὶ θεατρικὴ καὶ τὸ κομψὸν αἰρουμένη πρὸ τοῦ σεμνοῦ...). По-видимому, это соответствует гладкому или цветущему соединению слов, который рассматривается в трактате «О соединении слов» (Comp. 23 ἢ δὲ γλαφυρὰ καὶ ἀνθηρὰ σύνθεσις...). В числе представителей этого типа соединения слов или гармонии Дионисий называет, в частности, Исократа и Сапфо.

³⁴² В данном случае прилагательные μαλακόφωνος и μαλθακόφωνος могут рассматриваться как равнозначные.

³⁴³ Подробнее об употреблении этой лексики см. статью (Волошина, 2023).

³⁴⁴ ...καθ' ὃ κάκεινιν πείθομαι μάλιστα διαφέρειν τῶν ἄλλων. τοῦτι δ' ἔστι τὸ μὴ κατ' εὐθειᾶν ἐρμηνεῖαν ἐξεννέχθαι τὰ νοήματα μηδ', ὡς ἔστι τοῖς ἄλλοις σύνηθες λέγειν, ἀπλῶς καὶ ἀφελῶς, ἀλλὰ ἐξηλλάχθαι

способ выражения историка, говоря о запутанном стиле³⁴⁵, запутанной разработке энтимем³⁴⁶. Так, Дионисий переписывает с помощью метатесиса фрагмент из «Истории» Фукидида (Th. iii. 82. 3) и комментирует его следующим образом:

ὁ γὰρ βούλεται δηλοῦν ἐν τῇ δυσεξελίκτῳ πλοκῇ, τοιοῦτόν ἐστι: “πολλὴν τὴν ἐπίδοσιν ἐλάμβανον εἰς τὸ διανοεῖσθαι τι καινότερον περὶ τὰς τέχνας τῶν ἐγχειρημάτων καὶ περὶ τὰς ὑπερβολὰς τῶν τιμωριῶν: τὰ τε εἰωθότα ὀνόματα ἐπὶ τοῖς πράγμασι λέγεσθαι μετατιθέντες ἄλλως ἤξιουν αὐτὰ καλεῖν” (Thuc. 29).

«А ведь то, что он хочет показать в этом запутанном переплетении таково: “они преуспели в измышлении нового как в отношении способов своих предприятий, так и в чрезмерности мщений: изменив привычные названия вещей, они посчитали нужным называть их по-другому”».

Как мы видим, лексема *δυσεξέλικτος* у Дионисия Галикарнасского описывает сложное и трудно составленное предложение. Учитывая отмеченную нами и другими исследователями связь сочинений Дионисия и античной филологической традиции, важно, что как отрицательная характеристика текста лексема *δυσεξέλικτος* фигурирует также в гомеровских схолиях. В начале 24 песни «Илиады» дважды употреблено причастие от глагола *μιμήσκω*: в 4 строке оно стоит в форме перфекта (Hom. II. 24. 3-4 ...*Ἀχιλλεὺς...//κλαῖε φίλου ἐτάρου μεμνημένος...*), в 9 строке – в настоящем времени (Hom. II. 24. 9 *τῶν μιμησκόμενος θαλερὸν κατὰ δάκρυον εἶβεν*). Схолиасты дают здесь следующий комментарий:

ἔχει δὲ καὶ τι *δυσεξέλικτον*, *τῶν μιμησκόμενος* καὶ γὰρ ἄνω εἶρηκεν *ἐτάρου μεμνημένος* (Sch. Hom. II. 24. 6-9a1. 7-8 A).

«но есть [здесь] и нечто запутанное, „это вспоминая“, а ведь выше он уже сказал „вспомнив о друге“».

καὶ ἀπεστράφθαι τὴν διάλεκτον ἐκ τῶν ἐν ἔθει καὶ κατὰ φύσιν εἰς τὰ μὴ συνήθη τοῖς πολλοῖς μηδ' ὡς ἡ φύσις ἀπαιτεῖ (Dem. 9).

³⁴⁵ ...καὶ ἐφ' ὧν ἐνθυμημάτων <τε καὶ νοημάτων> αἱ μεταξὺ παρεμπόσεις πολλαὶ γινόμεναι διὰ πολλοῦ τὴν ἀκολουθίαν κομίζονται: τὰ τε σκολιὰ καὶ πολὺπλοκα καὶ *δυσεξέλικτα*... (Thuc. 24).

³⁴⁶ ...σκολιὰ καὶ πολὺπλοκος καὶ *δυσεξέλικτος* ἢ τῶν ἐνθυμημάτων κατασκευῆ... (Amm. II 16).

Возможно, повтор причастий, хотя он и не нарушает правил грамматики, представлялся авторам схолий избыточным по смыслу. Как ошибка могло восприниматься и то, что причастия имеют разные видовые значения: перфектное причастие показывает результат действия к моменту речи (уже вспомнил), а причастие настоящего времени обозначает действие одновременное действию сказуемого (вспоминает в данный момент).

В числе лексем, которые Дионисий заимствует из поэтического языка, также заметим наречие ἐπιτροχάδην (быстро, бегло). У Гомера эта лексема фигурирует всего дважды: в описании красноречия Менелая (Hom. II. 3. 213-215 ἦτοι μὲν Μενέλαος ἐπιτροχάδην ἀγόρευεν, // παῦρα μὲν, ἀλλὰ μάλα λιγέως, ἐπεὶ οὐ πολὺμυθος// οὐδ' ἀφαρμάρτοεπής...) и как характеристика реплики Одиссея, которую произносит нищий Ир (Hom. Od. 18. 26 ὦ πόποι, ὡς ὁ μολοβρὸς ἐπιτροχάδην ἀγορεύει...). После Гомера это наречие использует Дионисий, характеризуя как изложение Фукидида, так и свое собственное: οἷς ἐπιτίθησι τὰ ἔργα τῆς πόλεως, ὅσα μετὰ τὸν Περσικὸν πόλεμον ἕως τοῦ Πελοποννησιακοῦ διεπράξαντο, κεφαλαϊωδῶς καὶ ἐπιτροχάδην ἐν ἐλάττοσιν ἢ πεντακοσίοις στίχοις (Thuc. 10).

«К этому он [Фукидид] прибавил дела города, свершившиеся между персидской и пелопонесской войной, сделал это в общих чертах и бегло, меньше чем в пятистах строках».

...οὕτως εἶρηκεν ἐπιτροχάδην, περὶ μὲν τῶν ἐν Κυθήροις πραγμάτων (Thuc. 14).

«...так бегло он [Фукидид] сказал, например, о делах на Кифере».

...ἐπιτροχάδην ἀναλήψομαι τῶν προθέσεων ἐκάστην... (Amm. II 2).

«...я бегло коснусь каждого из утверждений...».

Под «беглым, быстрым» Дионисий понимает краткий и сжатый текст, что, по-видимому, отсылает нас к характеристике речи Менелая (Hom. II. 3. 213), ведь наречие ἐπιτροχάδην в данном контексте схолиасты объясняют именно как краткость, связывая это с тем, что Менелай родом из Спарты, а

спартанцы – немногословны³⁴⁷ (Sch. Hom. II. 3. 213. 1 D <ἐπιτροχάδην> συντόμως, ἐσπευδμένος. Βραχυλόγοι γὰρ οἱ Λάκωνες αἰεὶ). Кроме того, обращает на себя внимание то, что Дионисий использовал вместе наречия ἐπιτροχάδην и κεφαλαιωδῶς (Thuc. 10), так как в комментарии к «Илиаде» Евстафия гомеровское ἐπιτροχάδην объясняется именно через κεφαλαιωδῶς:

Τὸ δὲ ἐπιτροχάδην ἀντὶ τοῦ κεφαλαιωδῶς, ταχέως, ἐσπευσμένως ἐν τῷ ἐπιτρέχειν τὰ πολλὰ (Eust. II. 1. 640. 22-23).

«“Бегло” вместо “в общих чертах”, “быстро”, “с поспешностью” в пробегании многого”».

Итак, Дионисий Галикарнасский знает редкое гомеровское наречие ἐπιτροχάδην и контекст, в котором оно употреблялось (у Гомера, как и у Дионисия, оно всегда используется как характеристика речи), при этом, как мы можем предположить, ему также была хорошо известна интерпретация этой лексемы (сжатая речь, когда о многом говорится в общих чертах).

Наконец, рассмотрим последний важный аспект обработки риторического стиля, а именно, средства выразительности, тропы и фигуры. В концепции Дионисия Галикарнасского риторические украшения не всегда приносят тексту пользу, но скорее вредят, если используются слишком часто³⁴⁸. Этот вывод Дионисий считает особенно верным для жанров совещательного и судебного красноречия³⁴⁹, которые и представляют для него самого основной интерес. В своей оценке выразительных средств Дионисий, на наш взгляд, руководствуется прежде всего такими категориями риторики как уместность (πρέπον)³⁵⁰ и ясность (σαφήνεια). Именно с наличием этих

³⁴⁷ Авторы схолий к Фукидиду также отмечают немногословность спартанцев, что, по их мнению, подтверждает та же цитата из «Илиады» (Hom. II. 3. 213-214): <ὡς Λακεδαιμόνιος> οἱ γὰρ Λάκωνες βραχυλόγοι. Ὅμηρος ἦτοι μὲν Μενέλαος ἐπιτροχάδην ἀγόρευεν, παῦρα μὲν, ἀλλὰ μάλα λιγέως (Sch. Th. 4. 84. 2. 2-6).

³⁴⁸ καὶ οὐ τὸ γένος μέμφομαι τῶν σχημάτων πολλοὶ γὰρ αὐτοῖς ἐχρήσαντο καὶ συγγραφεῖς καὶ ῥήτορες, ἀντίσαι βουλόμενοι τὴν λέξιν, ἀλλὰ τὸν πλεονασμὸν (Isoc. 13).

³⁴⁹ συμβούλῳ δὲ δὴ περὶ πολέμου καὶ εἰρήνης λέγοντι καὶ ιδίωτη τὸν περὶ ψυχῆς τρέχοντι κίνδυνον ἐν δικασταῖς τὰ κομψὰ καὶ θεατρικὰ καὶ μειρακίωδη ταῦτα οὐκ οἶδα ἤντινα δύναίτο ἂν παρασχεῖν ὠφέλειαν, μᾶλλον δὲ οἶδα ὅτι καὶ βλάβης ἂν αἴτια γένοιτο. χαριεντισμὸς γὰρ πᾶς ἐν σπουδῇ καὶ κακοῖς γινόμενος ἄωρον πρᾶγμα καὶ πολεμιώτατον ἐλέῳ (Isoc. 12).

³⁵⁰ В своем комментарии к этому пассажиу Ж. Ожак указывает, что Дионисий говорит здесь именно о категории уместности (πρέπον) (Aujac, 1978: 165).

качеств он связывает превосходство стиля Демосфена в сравнении с Фукидидом:

φέρει δὴ καὶ τίνι διαλλάττει τῆς Θουκυδίδου λέξεως ἢ Δημοσθένους ἢ παρὰ τὸν αὐτὸν κατασκευασμένη χαρακτῆρα, εἵπωμεν· ἀπαιτεῖ γὰρ ὁ λόγος. οὐχὶ τῷ ποιῶ μὰ Δία τοῦτο μὲν γὰρ ὁμοίως ἐπιτηδεύουσιν ἀμφοτέρω, λέγω δὲ τὸ ἐξαλλάττειν ἐκ τοῦ συνήθους καὶ μὴ τὸ κοινὸν ἀλλὰ τὸ περιττὸν διώκειν· τῷ δὲ ποσῷ καὶ ἔτι μᾶλλον τοῖς καιροῖς. ὁ μὲν γὰρ ἀταμιεύτως τῇ κατασκευῇ κέχρηται καὶ ἄγεται μᾶλλον ὑπ' αὐτῆς ἢ αὐτὸς ἄγει καὶ οὐδὲ τὸν καιρὸν αὐτῆς ἐπίσταται λαβεῖν δεξιῶς, ἀλλὰ καὶ παρὰ τοῦτον πολλάκις ἀμαρτάνει. καθ' ὃ ἢ μὲν ἀμετρία τῆς ἐξαλλαγῆς ἀσαφῆ ποιεῖ τὴν λέξιν αὐτοῦ, τὸ δὲ μὴ κρατεῖν τῶν καιρῶν ἀηδῆ. ὁ δὲ ῥήτωρ τοῦ τε ἀρκοῦντος στοχάζεται καὶ τοὺς καιροὺς συμμετρεῖται οὐκ εἰς ἀνάθημα καὶ κτήμα³⁵¹ κατασκευάζων τὴν λέξιν μόνον ὥσπερ ὁ συγγραφεύς, ἀλλὰ καὶ εἰς χρῆσιν. ὥστε οὔτε τὸ σαφὲς ἐκβέβηκεν, οὔ πρώτου τοῖς ἐναγωνίοις λόγοις δεῖ, τό τε δεινὸς εἶναι δοκεῖν, ἐφ' ᾧ μάλιστα φαίνεται σπουδάζων, προσεῖληφε (Dem. 10).

«В самом деле давайте скажем, ведь этого требует дело, чем различаются стиль Фукидида и, построенный по его образцу, стиль Демосфена. Клянусь Зевсом, не качеством, так как оба действуют одинаково, я имею в виду то, что они отходят от привычного и стремятся не к общеупотребительному, но к исключительному, они отличаются степенью, а еще больше обстоятельствами. Дело в том, что один [Фукидид] пользуется украшениями неумеренно и скорее они управляют им, чем он ими, он не умеет правильно выбирать для них момент, но часто в этом ошибается. В результате неумеренность в отклонении от обычного языка делает его речь неясной, а неспособность захватить нужный момент – тягостной. Оратор же [Демосфен] стремится к достаточному и примеривается к обстоятельствам, он готовит речь не только в качестве приношения и достойного, как это делает историк, но для пользы. Соответственно, он [Демосфен] не отделился от ясности, которая для

³⁵¹ Отсылка к Thuc. i. 22. 4.

судебных речей является первой необходимостью, к этому же присоединил славу мощного оратора, о чем, как кажется, более всего заботился».

Собственную манеру изложения Дионисия Галикарнасского нельзя назвать аскетичной, при этом, как нам представляется, использование риторических средств не нарушает ясность и уместность его речи. В данной главе уже были выделены некоторые характерные для него средства художественной выразительности, такие как поэтические эпитеты, риторические вопросы и рассуждения. Не рассматривая эту тему подробно, приведем еще несколько примеров фигур, демонстрирующих разнообразие и богатство риторического стиля Дионисия:

Синонимия, антитеза, синтаксический параллелизм

ἡ μὲν γὰρ **καταπλήξασθαι** δύναται τὴν διάνοιαν, ἡ δὲ **ἠδῶναι**, καὶ ἡ μὲν **συστρέψαι καὶ συντεῖναι** τὸν νοῦν, ἡ δὲ **ἀνεῖναι καὶ μαλάξαι**, καὶ εἰς πάθος ἐκείνη **προαγαγεῖν**, εἰς δὲ ἥθος αὕτη **καταστήσαι**. καὶ τὸ μὲν **βιάσασθαι καὶ προσαναγκάσαι** τι τῆς Θουκυδίδου λέξεως ἴδιον, τὸ δ' **ἀπατήσαι καὶ κλέψαι** τὰ πράγματα τῆς Λυσίου. καὶ ἡ μὲν **νεωτεροποιία καὶ τὸ τολμηρὸν**³⁵² τῆς τοῦ συγγραφέως οἰκεῖον ἰδέας, ἡ δ' **ἀσφάλεια καὶ τὸ ἀκίνδυνον** τῆς τοῦ ῥήτορος (Dem. 2).

«дело в том, что один [стиль] может поражать разум, другой – настраивать приязненно, один – скручивает и стягивает мысль, другой – распускает и смягчает, этот ведет к патетическому, а тот занимает место в этическом. Особенность стиля Фукидида – заставлять и принуждать, тогда как Лисия – обманывать и скрывать положение дел. Характерное качество историка – революционность и смелость, а ритора – стабильность и безопасность».

Аннотация

...ἐὰν μὲν ἀρετὴν τε καὶ χάριν τοῖς λόγοις **ἐπανθοῦσαν** ἴδη καὶ τὴν τῶν ὀνομάτων ἐκλογὴν **ἐνοῦσαν**... (Din. 7).

³⁵² Отсылка к Thuc. i. 102. 3. У Фукидида говорится о том, что спартанцы боялись смелости и стремления афинян к нововведениям (...δείσαντες τῶν Ἀθηναίων τὸ τολμηρὸν καὶ τὴν νεωτεροποιίαν...).

«...если кто-то увидит достоинство и прелесть, процветающую в речах и присутствующую в выборе слов...».

Distinctio

οὐδὲν γὰρ οὔτε κοινὸν οὔτ' ἴδιον ἔσχευ οὔτ' ἐν τοῖς ἰδίοις οὔτ' ἐν τοῖς δημοσίοις ἀγῶσιν... (Din. 5).

«дело в том, что он не имеет никакой общей или частной [особенности стиля] ни в частных, ни в общественных процессах...».

Figura etymologica

ταῦτα γὰρ εἰ μὲν τῷ ὄντι Λυσίας ἔγραψε, δικαίως ἂν ἐπιτιμήσεως ἤξιούτο **χαριεντιζόμενος** ἐν οὐ **χαρίεντι** καιρῷ (Lys. 14).

«ведь если бы Лисий в самом деле написал это, он справедливо был бы достоин упрека в том, что проявляет остроумие не в добрый час».

Χιασμ

αὕτη τε τὰ αὐτὰ λαμβάνουσα ὀνόματα τοτὲ μὲν **ἄμορφα καὶ πτωχὰ καὶ ταπεινὰ** ποιεῖ φαίνεσθαι τὰ νοήματα, τοτὲ δ' **ὕψηλὰ καὶ πλούσια** [καὶ ἀδρὰ³⁵³] **καὶ καλά** (Comp. 4).

«И [соединение слов], взяв одни и те же слова, заставляет мысли казаться то некрасивыми, бедными и низкими, а то высокими, богатыми [мощными] и прекрасными».

Среди всех средств выразительности ключевое положение в риторических сочинения Дионисия, на наш взгляд, занимают сравнение и метафора, с помощью которых объясняются трудноопределимые качества стиля и передается создаваемое речью впечатление. В качестве примера приведем метафору, описывающую особенности суровой гармонии (αὐστηρὰ ἀρμονία):

³⁵³ Выражение καὶ ἀδρὰ удаляет Л. Саде (Sadée, 1878), вслед за ним оно исключается из текста Дионисия в издании Узенера-Радермахера и Ожак-Лёбеля. Ж. Ожак и М. Лёбель считают, что καὶ ἀδρὰ – глосса, попавшая в текст позже. Это мнение основано на том, что Дионисий, скорее всего, выстраивал свой текст как хиазм (ἄμορφα – καλά, πτωχὰ – πλούσια, ταπεινὰ – ὑψηλὰ), кроме того, прилагательное ἀδρός не характерно для его языка.

πολλῆς δέ τινος ἔνταῦθα δεῖ τῆς τεχνήσεως, ἵνα μὴ κακόφωνοι μηδὲ ἀηδεῖς μηδὲ ἄλλην τινὰ ὄχλησιν ἐπενεγκάμεναι ταῖς ἀκοαῖς λάθωσιν αἱ τοιαῦται συζυγίαι, ἀλλ' ἐπανθῆ τις αὐταῖς χνοῦς ἀρχαιοπινῆς καὶ χάρις ἀβίαστος (Dem. 38).

«здесь же необходимо какое-то мастерство для того, чтобы такие сочетания [звуков] без ведома автора не стали диссонирующими, неприятными и не принесли никакого другого раздражения для слуха, но, чтобы от них расцвел некий пух с древней патиной и непринужденное изящество».

В концепции Дионисия Галикарнасского суровая гармония отличается шероховатостью, которую вызывает столкновение звуков, однако резкость звучания не должна нарушать общую приятность речи. Во-первых, отметим здесь выражение «непринужденное изящество» (χάρις ἀβίαστος). В своих риторических сочинениях критик связывает χάρις в первую очередь со стилем Лисия (Lys. 10), для понимания этого качества он советует обратиться не к разуму, но к некоему иррациональному чувству (ἄλογος αἴσθησις)³⁵⁴. Дионисий часто говорит о χάρις, однако затрудняется объяснить, о чем именно идет речь. При всей неясности этого концепта можно заключить, что χάρις у Дионисия подразумевает простоту, легкость и обаяние речи, которые не связываются с какими-то конкретными качествами стиля и воспринимаются интуитивно³⁵⁵.

Приятность суровой гармонии Дионисий Галикарнасский раскрывает через образ, в котором сочетаются пух, который можно видеть на живом растении (χνοῦς)³⁵⁶, и патина (λίπος), появляющаяся на старинных вещах³⁵⁷. Поэтический характер этой метафоры усиливается за счет звуковых повторов

³⁵⁴ αἰσθήσει γὰρ τούτων ἕκαστον καταλαμβάνεται καὶ οὐ λόγῳ... τοῦτο καὶ γὰρ τοῖς ἀναγινώσκουσι τὸν Λυσίαν καὶ τίς ἢ παρ' αὐτῷ χάρις ἐστὶ βουλομένοις μαθεῖν ὑποθείμην ἂν ἐπιτηδεύειν, χρόνῳ πολλῷ καὶ μακρῇ τριβῇ καὶ ἀλόγῳ πάθει τὴν ἄλογον συνασκεῖν αἴσθησιν (Lys. 11).

³⁵⁵ Подробный анализ концепта χάρις у Дионисия и его предшественников представлен в статье Л. Видебаум (Viidebaum, 2019). Исследовательница приходит к выводу, что χάρις как понятие описывает общий эффект произведения, а не его конкретный аспект (Viidebaum, 2019: 118).

³⁵⁶ У Гомера χνόος – это то, что счищает с головы Одиссей, выбравшись из моря, у Аристофана χνόος обозначает пыль или пудру, в значении «пушок на цветке» встречается у Феофраста, кроме того, это слово может описывать пушок на подбородке и щеках (LSJ). Ж. Ожак полагает, что лексема χνόος отсылает к растительному образу, возможно, речь идет о пушке на поверхности фруктов (Aujac, 1988: 55).

³⁵⁷ У Софокла и Еврипида λίπος обозначает грязь, нечистоты, в значении «патина» эта лексема фигурирует у Плутарха (LSJ).

(χνοῦς ἀρχαιοπινῆς καὶ χάρις ἀβίαστος), а также авторским композитом ἀρχαιοπινῆς (от ἀρχαῖος и πίνος).

Лексема πίνος неоднократно фигурирует у Дионисия при описании стиля³⁵⁸, как правило он имеет в виду особое очарование старины и красоту речи. Так, о простом стиле Платона³⁵⁹ сказано, что «[в его речи] патина и пух древности, мягко и тайно распространяясь, рождают распутившийся цветок, зеленеющий и полный свежести...» (Dem. 5 ὁ τε πίνος αὐτῆ καὶ ὁ χνοῦς ὁ τῆς ἀρχαιότητος ἡρέμα καὶ λεληθότως ἐπιτρέχει χλοερὸν τέ τι καὶ τεθελὸς καὶ μεστὸν ὄρας ἄνθος ἀναδίδωσι...). С другой стороны, πίνος, по-видимому, воспринимается как примета архаичного стиля, который не подходит для практического красноречия (Dem. 44 οὔτε δὴ τὸν ἐν δικαστηρίοις λόγον ᾤετο δεῖν κωτίλλειν καὶ λιγαίνειν, οὔτε τὸν ἐπιδεικτικὸν ἀύχμοῦ μεστὸν εἶναι καὶ πίνου)³⁶⁰.

Заметим, что существительное πίνος и однокоренной глагол πινόμαι также использует Цицерон в одном из писем к Аттику:

A Cicerone mihi litterae sane **πεπινωμένα** et bene longae. Cetera autem vel fingi possent, **πίνος** litterarum significat doctiorem (Cic. Att. 14. 7).

«От Цицерона³⁶¹ у меня письмо, *покрытое патиной* и довольно длинное. Прочее может быть выдуманно, но *патина* письма свидетельствует о том, что он стал более ученым».

В данном контексте πίνος предлагается понимать как «приятную старомодность стиля» или его «классическую корректность»³⁶². Из такой интерпретации этого пассажа следует, что Дионисий Галикарнасский

³⁵⁸ О возможных смыслах метафоры πίνος см. (Fornaro, 2001).

³⁵⁹ Дионисий Галикарнасский разделяет возвышенный и простой стиль Платона, в его представлении простой стиль философа заслуживает всяческих похвал, когда же Платон слишком обильно украшает свою речь, она становится значительно хуже. Именно этот чрезмерно возвышенный и малопонятный стиль Дионисий подвергает критике (Dem. 5).

³⁶⁰ В своем понимании πίνος в данном контексте мы следуем за Ж. Ожак, которая предлагает следующий перевод этого места: «Aussi Démosthène estimait-il que, dans un plaidoyer judiciaire, il fallait fuir les mots séduisants, les sonorités mélodieuses, tandis que dans un discours d'apparat, il fallait éviter une trop grande sécheresse et **un style trop archaïsant**» (Aujac, 1988: 139).

³⁶¹ Цицерон говорит о письме своего сына Марка Цицерона, которое тот отправил отцу, по-видимому, во время обучения в Афинах (Howley, 2014: 173-174).

³⁶² «πίνος is literally patina on bronze. In a literary context it denotes an agreeably old-fashioned quality of style ...or, with a slightly different nuance, classical correctness without slang or neologisms» (Shackleton Bailey, 1965: 218, n. 361).

ориентируется на уже закрепившееся в его время словоупотребление, в котором лексема *πίνος* использовалась метафорически для обозначения особого характера стиля.

Мы можем видеть, что развернутые близкие к поэтическим метафоры Дионисий выстраивает с особым мастерством. Так, его критику стиля Платона сопровождает следующий образ:

ὦ θεοὶ καὶ δαίμονες, ποῦ τὸ Πλατωνικὸν νᾶμα τὸ πλούσιον καὶ τὰς μεγάλας κατασκευὰς καχλάζον; οὕτως μικρολογεῖ³⁶³ καὶ κατὰ στράγγα ῥεῖ τὸ δωδεκάκρουνον ἐκεῖνο στόμα τοῦ σοφοῦ; – ἐταμιεύσατο νῆ Δία καὶ ὑφῆκε τῆς κατασκευῆς ἐκὼν, ἴσως τις ἐρεῖ. – καὶ πῶς; ὅς οὐκ οἶεται τὸ γάλα σεμνὸν εἶναι ὄνομα, ἀλλὰ πηγὴν τροφῆς αὐτὸ μετονομάζει διὰ τῶν ἐξῆς (Dem. 28).

«о боги и даймоны, где тот платоновский источник, обильный и бурлящий многими украшениями? Так мельчат и по капле изливаются двенадцатиструйные уста этого мудреца? Пожалуй, кто-то скажет: “Он, клянусь Зевсом, по собственному желанию контролировал и ограничивал украшение [стиля]”. Но как это возможно? Ведь это он считает, что молоко не величественное название, а в следующем отрывке переименует его в “источник пищи”».

Обычный у Дионисия образ источника речи³⁶⁴, который легко считывается благодаря соответствующей лексике (*νᾶμα*, *καχλάζω*, *στράγγξ*, *ῥέω*), обогащается цитатой из знаменитой комедии Кратина «Буылка», в которой выражение *δωδεκάκρουνον στόμα* также характеризует красноречие³⁶⁵. Кроме того, образ источника перекликается с процитированными здесь

³⁶³ Глагол *μικρολογέομαι* (*μικρολογέω*) в данном контексте, на наш взгляд, имеет значение «говорить обыденным языком». В таком смысле его употребляет Псевдо-Деметрий в сочинении «О стиле» (Demetr. Eloc. 56) (LSJ).

³⁶⁴ См. о стиле Исея и Демосфена (Is. 3 ... ὅσον τε ἀπολείπεται τῆς χάριτος ἐκείνης, τοσοῦτον ὑπερέχει τῆ δεινότητι τῆς κατασκευῆς καὶ πηγῆ τις ὄντως ἐστὶ τῆς Δημοσθένους δυνάμεως); о стиле Фрасимаха (Dem. 3 ἡ μὲν οὖν Θρασυμάχου λέξις, εἰ δὴ πηγῆ τις ἦν ὄντως τῆς μεσότητος...); о стиле Гомера с цитатой из «Илиады» об Океане (Il. 21, 196) (Compr. 24 κορυφὴ μὲν οὖν ἀπάντων καὶ σκοπός, ἐξ οὗ περ πάντες ποταμοὶ καὶ πᾶσα θάλασσα/ καὶ πᾶσαι κρῆναι, δικαίως ἂν Ὀμηρος λέγοιτο).

³⁶⁵ ἄναξ Ἄπολλον, τῶν ἐπῶν τῶν ῥευμάτων/ καναχοῦσι πηγαί, δωδεκάκρουνον τὸ στόμα / Ἰλισσὸς ἐν τῆ φάρυγγι · τί ἂν εἴποιμι σοι;/ εἰ μὴ γὰρ ἐπιβῦσει τις αὐτοῦ τὸ στόμα, / ἅπαντα ταῦτα κατακλύσει ποιήμασιν (Cratin. fr. 7 Meineke).

словами Платона об «источнике пищи» (Pl. Mx. 237e πηγὴ τροφῆς). Также отметим в этом пассаже любимые фигуры Дионисия Галикарнасского, способствующие усилению мысли, а именно, риторический вопрос и риторическое рассуждение.

Метафору, весьма похожую на ту, что использует Дионисий, мы находим у Горация, когда тот говорит о Пиндаре (Hor. Carm. 4. 2. 5-8 *Monte decurrens velut amnis, imbres/ quem super notas aluere ripas, / **fervet immensusque ruit profundo/ Pindarus ore***)³⁶⁶. А. Кисслинг видит в выражении *immensus profundo ore* параллель с вышеупомянутым фрагментом Кратина (Kießling, 1930: 393). На наш взгляд, примечательно, что Дионисий и Гораций говорят *καχλάζω* и *ferveo* (*fervo*), что описывает именно бурление жидкости, тогда как Кратин употребляет глагол *καναχέω*, который здесь обозначает «плеск воды», а в целом может относиться к самым разнообразным повторяемым звукам, от звона меди до кукареканья (LSJ). Трудно сказать, был ли этот образ взят авторами из общего источника, создают ли они его независимо, или, что вполне возможно с точки зрения хронологии, Дионисию был известен не только текст Кратина, но и Горация. С нашей точки зрения эта параллель интересна в первую очередь тем, что показывает общий подход к описанию и оценке авторского стиля, который проявляется в разных жанрах греко-римской словесности, таких как лирика и литературно-критическое эссе.

Рассматривая сравнения в сочинениях Дионисия Галикарнасского, заметим акцент, который он делает на сопоставлениях языка, стиля и риторики с другими искусствами. Например, он отмечает сходство древних ораторов и скульпторов: Исократ, как Поликлет и Фидий, с большим мастерством изображает большое и божественное, тогда как Лисий тонкостью и изяществом напоминает Каламида и Каллимаха, которые более искусны в малом и человеческом (Isoc. 3). В другом случае разница между Исеем и

³⁶⁶ Мы благодарим А. М. Белова, доктора филологических наук, доцента кафедры сравнительно исторического языкознания, который обратил наше внимание на параллель между образами, используемыми Дионисием и Горацием.

Лисием объясняется через сравнение с картинами: своей простотой и прелестью стиль Лисия напоминает древние изображения, отличающиеся строгостью линий и простыми цветами, тогда как стиль Исократа подобен более поздним картинам, менее изящным, но тщательным, в которых уже есть смешение цветов и светотень (Is. 4).

Обращаясь к традиционным для античной риторики визуальным аналогиям со скульптурой и живописью³⁶⁷, с особой тщательностью Дионисий выстраивает музыкальные сопоставления. Такой подход вполне ожидаем, хотя бы потому, что, занимаясь вопросами практического красноречия, наш критик придает большое значение устной речи и ее восприятию на слух. Как справедливо замечает Э. Сальм, взаимосвязь риторики и музыки – общеантичная идея, однако Дионисию Галикарнасскому принадлежит наиболее систематическая и теоретически обоснованная формулировка отношений между этими дисциплинами³⁶⁸. В своей работе мы хотели бы уделить специальное внимание именно музыкальным сравнениям, которые, как нам представляется, уточняют подход Дионисия к построению речи и ораторскому искусству³⁶⁹.

Значение музыкальной темы наиболее полно раскрывается в трактате «О соединении слов» и сочинении «О Демосфене», в которых Дионисий Галикарнасский отмечает, во-первых, качественное сходство речи и музыки. Он подчеркивает, что красноречие было музыкальной наукой, отличавшейся от пения или игры на инструментах количественно (τῶ ποσῶ), но не качественно (οὐχὶ τῶ ποιῶ) (Comp. 11)³⁷⁰. При этом, в отличие от музыки, где

³⁶⁷ Сравнения речи и скульптуры см. Псевдо-Деметрий (Demetr. Eloc. 14), Цицерон (Cic. Brut. 70), Квинтилиан (Quint. Inst. 12. 10, 7); речи и живописи см. Аристотель (Arist. Rh. 1414a8), Цицерон (Cic. Brut. 70), Квинтилиан (Quint. Inst. 12. 10, 7).

³⁶⁸ «...la musique, art des mots, des mélodies et des rythmes, et la rhétorique, art de la parole, forment deux vastes domaines aux multiples points communs. Dès une époque très ancienne, lorsque la rhétorique est apparue, les échos et les influences réciproques sont sensibles. C'est sans doute à Denys d'Halicarnasse que reviennent la formulation et la théorisation la plus systématique des relations entre les deux disciplines...» (Salm, 2011: 197).

³⁶⁹ Представленный здесь материал с некоторыми изменениями был опубликован в статье (Волошина, 2024b).

³⁷⁰ В этом отношении он следует общепринятому античному подходу, согласно которому и поэзия, и проза считались производными от песни (Habinek, 2017: 291). О влиянии музыки на риторику

слова подчиняются мелодии и ритму, в речи мелодия и ритм определяются естественной просодией слов (Comp. 11); различное время произнесения создает ритм, когда слова соединяются вместе, то к ритму добавляется тон, так возникает метр (Dem. 48). Мелодия речи отличается от музыкальной величиной интервала (διάστημα) (Comp. 11). Характеризуя элементы/буквы (στοιχεῖα καὶ γράμματα)³⁷¹ и слоги, Дионисий подчеркивает музыкальный характер языка (Comp. 14-16).

В концепции Дионисия красивая и приятная речь должна обладать теми же качествами, что и музыкальное произведение (Comp. 11; Dem. 47): мелодиями (μέλος, μέλη), ритмами (ῥυθμός, ῥυθμοί), вариациями (μεταβολή, μεταβολαί) и уместностью (πρέπον). Важность этих элементов, по его мнению, подтверждается опытом (Comp. 11), ведь все люди получают удовольствие от хорошей мелодии и ритма, даже необразованная толпа (ἄμουσος ὄχλος) замечает неверную ноту благодаря природному чувству (πάθος ὃ πᾶσιν ἀπέδωκεν ἡ φύσις). Похожий аргумент находим у Цицерона (Cic. de Orat. 3. 195), который приписывает невежественной толпе (vulgus imperitorum) способность судить о словах, ритме и произнесении в речи оратора (in verborum numerorum vocumque iudicio) благодаря чувству, данному природой (magna quedam est vis incredibilisque naturae).

Дионисий Галикарнасский акцентирует внимание на том, что музыкальное и литературное произведение сходным образом воздействуют на слушателей, вызывая у них различные эмоции. Влияние музыки и риторики на аудиторию иллюстрирует следующее сравнение:

говорит, например, Цицерон (Cic. de Orat. 3. 174): музыканты, бывшие некогда и поэтами, привнесли в красноречие управление голосом (vocis moderatio) и ритмические окончания слов (verborum conclusio).

³⁷¹ Говоря об элементах или буквах, Дионисий выделяет гласные (долгие, краткие, двойные), полугласные (простые и двойные) и безгласные (придыхательные, непридыхательные и промежуточные), затем подробно описывает их артикуляцию. В современной терминологии речь, скорее, идет о звуках, или даже, как замечают Ж. Ожак и М. Лёбель, о фонемах (Aujac, Lebel, 1981: 29).

ὅταν μὲν τινα τῶν Ἰσοκράτους ἀναγινώσκω λόγων, εἴτε τῶν πρὸς τὰ δικαστήρια καὶ τὰς ἐκκλησίας γεγραμμένων ἢ τῶν... **τὰ ἦθη σπουδαῖος γίνομαι** καὶ πολὺ τὸ εὐσταθὲς ἔχω τῆς γνώμης, **ὥσπερ οἱ τῶν σπονδείων ἀύλημάτων ἢ τῶν Δωρίων τε κἀναρμονίων μελῶν ἀκροώμενοι**. ὅταν δὲ τῶν Δημοσθένους τινα λάβω λόγων, ἐνθουσιῶ τε καὶ δεῦρο κάκεισε ἄγομαι, **πάθος ἕτερον ἐξ ἑτέρου μεταλαμβάνων, ἀπιστῶν, ἀγωνιῶν, δεδιῶς, καταφρονῶν, μισῶν, ἐλεῶν, εὐνοῶν, ὀργιζόμενος, φθονῶν, ἅπαντα τὰ πάθη μεταλαμβάνων, ὅσα κρατεῖν πέφυκεν ἀνθρωπίνης γνώμης**: διαφέρειν τε οὐδὲν ἐμαυτῷ δοκῶ τῶν **τὰ μητρῶα καὶ τὰ κορυβαντικά** καὶ ὅσα τούτοις παραπλήσιά ἐστι, τελουμένων, εἴτε ὀσμαῖς ἐκεῖνοί γε... εἴτε ἦχοις εἴτε τῶν δαιμόνων πνεύματι αὐτῶν κινούμενοι τὰς πολλὰς καὶ ποικίλας ἐκεῖνοι λαμβάνουσι φαντασίας (Dem. 22).

«Когда я читаю какую-либо речь Исократы ... в отношении нрава я становлюсь добродетельным, а в отношении разума – уравновешенным, как те, кто слушает спондеические напевы флейты или дорийские и энгармонические мелодии. А когда я беру какую-то речь Демосфена, я преисполняюсь энтузиазмом, устремляюсь то к одному, то к другому, я чувствую одно за другим: не верю, тревожусь, боюсь, презираю, ненавижу, жалею, преисполняюсь расположения, гневаюсь, завидую – я испытываю все те чувства, какие обычно властвуют над человеческим разумом. Мне кажется, я ничем не отличаюсь от тех, кто участвует в ритуалах Матери богов, корибантов и всех других похожих церемониях: приводимые в движение или дуновением... или звуками, или дыханием божества, они преисполняются многими различными видениями».

Выражение **τὰ ἦθη σπουδαῖος**, на наш взгляд, отсылает к описанию стиля самого Исократы³⁷² у Дионисия, который особенно ценит этого оратора за нравственное воздействие его речей. Сравнение с корибантами напоминает о словах Алкивиада в «Пире» (Pl. Symp. 215e1-3): «когда я слушаю его

³⁷² См. в сочинении «Об Исократае» (Isoc. 4 ...ἐξ ὧν οὐ λέγειν δεινὸς μόνον ἀπεργάσαιτ' ἂν τοὺς προσέχοντας αὐτῷ τὸν νοῦν, ἀλλὰ καὶ **τὰ ἦθη σπουδαίους**, οἴκῳ τε καὶ πόλει καὶ ὅλῃ τῇ Ἑλλάδι χρησίμους...). Также в сочинении «О Демосфене» (Dem. 18 ...πείθεται δὲ ἀποχρῆν τῷ πολιτικῷ **διάνοιαν ἀποδείξασθαι σπουδαίαν καὶ ἦθος ἐπεικές**).

[Сократа], у меня сердце прыгает гораздо сильнее, чем у корибанствующих...»³⁷³. Дионисий описывает оратора как музыканта, который властвует над слушателями, внушая им различные чувства. Похожие образы находим у Цицерона: оратор дует в уши слушателей как музыкант в свой инструмент (Cic. Brut. 192) или играет на их душах как музыкант на лире (Cic. Brut. 199).

Музыкальное сравнение показывает, что для Дионисия эмоциональное воздействие речи даже более важно, чем качество аргументации или красота риторических украшений. При этом он особенно выделяет сильные, преимущественно неприятные, аффекты, а благоразумие и уравновешенность, которых достигают речи Исократа, ценит значительно меньше. Дионисий предпочитает Демосфена, а не Исократа еще и потому, что впечатление от речей Исократа прекрасно, но однообразно³⁷⁴, тогда как Демосфен действительно управляет настроением аудитории, вызывая у нее разные чувства³⁷⁵.

На наш взгляд, здесь Дионисий следует аристотелевскому пониманию πάθη как способу воздействия на суждения аудитории (Arist. Rh. 1378a τὰ πάθη δι' ὅσα μεταβάλλοντες διαφέρουσι πρὸς τὰς κρίσεις). Впрочем, список πάθη у Дионисия лишь отчасти соответствует упомянутыми во 2 книге «Риторики» Аристотеля: δεδιώς и φόβος (1382a), ἔλεῶν и ἔλεος (1385b), ὀργιζόμενος и ὀργή (1378a), φθονῶν и φθόνος (1386b, 1387b); также μισῶν и τὸ μισεῖν/μῖσος (1382a), καταφρονῶν и καταφρόνησις (1378b). Тревога (ἀγωνιῶν), расположение (εὐνοῶν) и неверие (ἀπιστῶν) упоминаются в «Риторике», но в других контекстах: у Аристотеля «тревожиться» почти синоним к «бояться» (1383аб), благорасположение одна из причин, возбуждающих доверие к говорящему

³⁷³ Платон часто сравнивает поэта и чтеца с корибантами (Pl. Ion 533e8-a1, 536c2-d3), (Pl. Crto. 54d3-4).

³⁷⁴ Дионисий замечает, что Исократ и не стремился волновать слушателей, так как он считал достаточным показывать в речи хорошие намерения и нравственную добродетель (Dem. 18): παθαίνειν τε οὐ δύναται τοὺς ἀκροαμένους, ὅποσα βούλεται, τὰ πολλὰ δὲ οὐδὲ βούλεται, πείθεται δὲ ἀποχρῆν τῇ πολιτικῇ διάνοιαν ἀποδείξασθαι σπουδαίαν καὶ ἦθος ἐπιεικές.

³⁷⁵ Напомним, что за многообразие стиля и способность подстраивать свою речь под множество ситуаций Дионисий сравнивает Демосфена с Протеем (Dem. 8).

(1378a8), недоверчивость – черта характера, свойственная старости (1389b22). В одном ряду с названными Дионисием πάθη можно рассматривать ἐνθουσιασμός (у Дионисия ἐνθουσίαω). Аристотель, говоря о чувствах, которым подвержены все люди, упоминает ἐνθουσιασμός вместе с жалостью и страхом (Arist. Pol. 1342a7). Феофраст называет энтузиазм одним из источников музыки наряду с печалью и удовольствием (Plu. Quaest. conv. 623a5-9).

Описывая эмоциональное воздействие риторики и музыки на слушателей, Дионисий воспроизводит общеантичные представления о том, что музыка оказывает сильное влияние на психику, а каждый элемент музыкального произведения имеет этическое значение (West, 1992: 246-253). Сpondeй воспринимался как спокойный и величественный, умиротворяющий³⁷⁶, сам Дионисий называет его важным и торжественным (Comp. 5). Дорийский лад – мужественный, деятельный, способный сопровождать на раны и смерть (Pl. RP 398e-399c), он вызывает уравновешенное настроение (Arist. Polit. 1340b). Церемонии Кибелы сопровождал фригийский лад, воспринимавшийся как экстатический и оргиастический, вызывающий безумие³⁷⁷. Эпгармонический род музыки считался значительным, благородным, простым и чистым (Phld. de Mus. col. II. 15-23 Kemke).

Дионисий Галикарнасский обращается к музыкальным сравнениям также с целью наглядно и кратко представить сложные для понимания концепции, например, показать разницу между риторическими стилями или типами соединения слов. Так, сравнение необычного, неумеренного и богато украшенного стиля Фукидида и похожего на обычную речь, гладкого и простого стиля Лисия, Дионисий формулирует следующим образом:

³⁷⁶ Об умиротворяющей силе спондеического размера свидетельствует случай с Пифагором, который успокоил юношей тем, что приказал флейтистке изменить ритм на спондей (Quint. Inst. 1. 10. 32).

³⁷⁷ Так, флейтист, заигравший фригийскую песнь во время жертвоприношения, обвиняется в том, что приносивший жертву обезумел и бросился в пропасть (Quint. Inst. 1. 10. 33).

ἀρκέσει δὲ τοσοῦτο μόνον εἰπεῖν, ὅτι **τὴν διαπασῶν ἁρμονίαν** οὗτοι πρὸς ἀλλήλους οἱ ἄνδρες **ἠρμόσαντο, τὰς ἀκρότητας ἀμφοτέρας τῆς λέξεως, αἱ πλείστον ἀλλήλων ἀπέχουσι**, δαιμονία σπουδῆ προελόμενοι τε καὶ τελειώσαντες. **καὶ ὄνπερ ἡ νῆτη πρὸς ὑπάτην ἐν μουσικῇ λόγον ἔχει**, τοῦτον ἡ Λυσίου λέξις ἐν πολιτικῇ διαλέκτῳ πρὸς τὴν Θουκυδίδου (Dem. 2).

«Достаточно сказать только то, что эти мужи соотносятся друг с другом как октава, они заняли крайние точки обоих стилей, которые более всего отстоят друг от друга, и с удивительным старанием довели их до совершенства. В каком отношении самая верхняя струна состоит к самой нижней в музыке, так же в красноречии стиль Лисия соотносится со стилем Фукидида».

Здесь проводится аналогия между риторическим стилем и октавой, самым большим интервалом, крайние звуки которого находятся на наибольшем расстоянии друг от друга: νῆτη, обладающая самым высоким звуком, сравнивается с легким и приятным стилем Лисия, а ὑπάτη, т. е. самый низкий звук, – с трудным и необычным стилем Фукидида.

К музыкальной лексике, помимо очевидных терминов νῆτη и ὑπάτη, можно отнести λόγος как «соотношение, пропорция»³⁷⁸ и ἀπέχω, которое в музыкальных контекстах обозначает интервал между звуками³⁷⁹. Интересно выражение διαπασῶν ἁρμονία. Например, у Аристоксена διαπασῶν соединяется только с διάστημα (интервал)³⁸⁰, у Дионисия слово διαπασῶν встречается и с ἁρμονία, и с διάστημα³⁸¹. Возможно, Дионисий Галикарнасский отдает

³⁷⁸ «Почему октава – наилучшее созвучие? Потому что ее границы соотносятся как целые числа...» (Ps.-Arist. Probl. 920a 27-28 Διὰ τί ἡ διὰ πασῶν καλλίστη συμφωνία; ἢ ὅτι ἐν ὅλοις ὄροις οἱ ταύτης λόγοι εἰσιν...).

«Мы радуемся созвучию, так как оно – слияние противоположностей, соотносящихся друг с другом...» (Ps.-Arist. Probl. 921a 2-3 συμφωνία δὲ χαίρομεν, ὅτι κρασίς ἐστι λόγον ἔχόντων ἐναντίων πρὸς ἀλλήλα).

³⁷⁹ «...лихана, которая отстоит от мезы на тон» (Aristox. EH 46. 95 λιχανὸς ἡ τόνον ἀπὸ μέσης ἀπέχουσα). Здесь и далее цитаты из сочинения Аристоксена «Элементы гармоник» даются в переводе В. Г. Цыпина (Цыпин, 1997).

«Они [ἀντίφωνοι φωναί, букв. – звучащие в ответ] единственные отстоят на равном расстоянии от мезы» (Ps.-Arist. Probl. 919a 10 μόναι ἴσον ἀπέχουσι τῆς μέσης).

³⁸⁰ «Вовсе не потому возникает согласие через четыре, через пять и через все [звуки, т. е. через восемь], и каждый из прочих интервалов получает надлежащую величину...» (Aristox. EH 41. 66 οὐ ...διὰ τοῦτο συμφωνεῖ διὰ τεσσάρων ἢ διὰ πέντε ἢτοι διὰ πασῶν, ἢ τῶν ἄλλων διαστημάτων ἕκαστον λαμβάνει τὸ προσῆκον μέγεθος...).

³⁸¹ «Инструментальная и вокальная музыка использует большее число интервалов, не только квинту, но, начиная с октавы, пользуется в своей мелодии и квинтой, и квартой...» (Comp. 11 ἡ δὲ ὀργανικῇ

предпочтение ἄρμονία из-за его риторического значения. Так, в сочинении «О Демосфене» три вида композиции (Dem. 37 τρεῖς γὰρ δὴ συνθέσεως... χαρακτήρες) называются «гармониями» (Dem. 37 αἱ τῆς λέξεως ἄρμονίαι τρεῖς). Кроме того, в слове ἄρμονία, в отличие от διάστημα, присутствует идея связанности, сочетания, соединения. Тем самым Дионисий подчеркивает, что стили Лисия и Фукидида не только отличаются, но и дополняют друг друга.

Также отметим слово ἀκρότης, которое встречается у Дионисия всего дважды. В «Римских древностях» (Ant. Rom. 8. 61. 2) в числе недостатков полководца Марсия он называет чрезмерную строгость в соблюдении законов, ссылаясь при этом на древних философов, которые считали добродетелью середину, а не крайности: μεσότητές εἰσιν, ἀλλ' οὐκ ἀκρότητες αἱ τῶν ἠθῶν ἀρεταί – очевидная параллель с «Никомаховой этикой» (Arist. EN 1106b24-28, 1107a1-8). Можно предположить, что в музыкальном сравнении ἀκρότητες также отсылает к аристотелевской идее превосходства середины над крайностями³⁸². Слово «середина» здесь еще не звучит, но, очевидно, подразумевается. Действительно, вскоре Дионисий перейдет к описанию среднего стиля, изобретателем которого был Фрасимах (Dem. 3 ἡ μὲν οὖν Θρασυμάχου λέξις, εἰ δὴ πηγὴ τις ἦν ὄντως τῆς μεσότητος...).

Сходная с этой аналогия встречается у Лукиана, когда он подчеркивает разницу между философским диалогом и комедией: эти жанры сопоставлены с высоким и низким музыкальным тоном, они настолько не похожи, как будто между ними две октавы (Luc. Prom. in verb. 6 ὅστε, τὸ τῶν μουσικῶν τοῦτο, δις διὰ πασῶν³⁸³ εἶναι τὴν ἄρμονίαν, ἀπὸ τοῦ ὀξυτάτου ἐς τὸ βαρύτατον). Заметим, что, Дионисий прибегает к музыкальному сравнению с целью наглядно

τε καὶ ᾠδικῆ μοῦσα διαστήμασι τε χρῆται πλείοσιν, οὐ τῷ διὰ πέντε μόνον, ἀλλ' ἀπὸ τοῦ διὰ πασῶν ἀρξαμένη καὶ τὸ διὰ πέντε μελωδεῖ καὶ τὸ διὰ τεττάρων...).

³⁸² Аристотелевская идея превосходства середины над крайностями значительно повлияла на теорию стиля Дионисия (Bonner, 1938).

³⁸³ Словосочетание δις διὰ πασῶν, кроме этого места, встречается у Лукиана еще дважды (Luc. Quom. hist. 14-16; Apol. 14-17) как устойчивое выражение, показывающее большую разницу между двумя предметами, явлениями и т. д.

описать важную для него концепцию стилей красноречия, тогда как Лукиан пользуется им, скорее, как фразеологизмом, украшающим речь.

Формулируя теорию трех типов соединения слов (σύνθεσις/ἄρμονία), Дионисий Галикарнасский подробно описывает гладкое (γλαφυρά) и шероховатое (αὐστηρά) соединение, но затрудняется дать определение среднему (Comp. 24 ἡ δὲ τρίτη καὶ μέση τῶν εἰρημένων δυεῖν ἄρμονιῶν, ἣν εὐκρατον καλῶ...). В этом случае он также прибегает к музыкальному сравнению, которое, впрочем, не помогает достаточно ясно охарактеризовать среднее соединение слов:

μή ποτ' οὖν κρεῖττον ἢ λέγειν, ὅτι κατὰ ἄνεσιν τε καὶ ἐπίτασιν τῶν ἐσχάτων ὄρων οἱ διὰ μέσου γίνονται πολλοὶ πάνυ ὄντες: οὐ γὰρ ὥσπερ ἐν μουσικῇ τὸ ἴσον ἀπέχει τῆς νήτης καὶ τῆς ὑπάτης ἢ μέση, τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ ἐν λόγοις ὁ μέσος χαρακτήρ ἑκατέρου τῶν ἄκρων ἴσον ἀφέστηκεν, ἀλλ' ἔστι τῶν ἐν πλάτει θεωρουμένων ὡς ἀγέλη τε καὶ σωρὸς³⁸⁴ καὶ ἄλλα πολλά (Comp. 21).

«Итак, не лучше ли будет сказать, что в соответствии с ослаблением и натяжением крайних звуков образуются многие средние [виды соединения слов]: однако не как в музыке, где средняя струна отстоит от верхней и нижней на одинаковом расстоянии, в речах средний тип [соединения] не отстоит от каждой крайней точки на равном расстоянии, но относится к тому, что рассматривается в широком смысле, как стадо, куча и многое другое».

Существительные ἄνεσις и ἐπίτασις отсылают к идее настраивания струнного инструмента³⁸⁵; ὄροι – звуки, ограничивающие интервал³⁸⁶, однако прилагательное ἔσχατος в сочетании с ὄρος обычно не встречается в музыкальном контексте. Интересно, что применительно к стилю Лисия и Фукидида крайности обозначались аристотелевским словом ἀκρότης, когда же

³⁸⁴ Ж. Ожак и М. Лёбель в своем комментарии (Aujas, Lebel, 1981: 218) обращают внимание на слово σωρὸς и предлагают параллель с Аристотелем (Arist. Metaph. 1044a, 1084b).

³⁸⁵ Например, Платон так описывает настраивание лиры: (Pl. RP 349e11 μουσικὸς ἀνὴρ ἀρμοττόμενος λύραν ἐθέλειν μουσικοῦ ἀνδρὸς ἐν τῇ ἐπίτάσει καὶ ἀνέσει τῶν χορδῶν πλεονεκτεῖν...).

³⁸⁶ «...границы кварты консонируют...» (Aristox. EH 55. 146 ὑπάρχουσι μὲν γὰρ οἱ τοῦ διὰ τεσσάρων ὄροι σύμφωνοι).

«Так что могут быть смежны два таких подобных тетрахорда, у которых либо посередине имеется тон, либо перекрещиваются границы» (Aristox. EH 59. 6 ὥστε δύο τετράχορδα ὅμοια τοιαῦτα συμβαίνειν ἐξῆς ἀλλήλων εἶναι ὧν ἦτοι τόνος ἀνά μέσον ἐστὶν ἢ οἱ ὄροι ἐπαλλάττουσιν).

речь идет о типах соединения, Дионисий использует более подходящее для музыкального описания слово ἄκρον, которое обозначает границы интервала³⁸⁷.

Соединение слов уподобляется музыкальному звукоряду, но, если в риторике крайности могут быть сопоставлены с самой высоким и низким звуком, то среднее соединение не находит точного соответствия с μέση в музыке: μέση в музыкальной системе всегда занимает среднее положение (West, 1990: 219), а середина в красноречии не имеет строго определенного места. Эта мысль проясняется, когда Дионисий говорит, что среднее соединение слов имеет множество видов (Comp. 24): авторы, использующие среднее соединение, действуют не одинаково, одни усиливают и ослабляют одно, другие – другое (ἐπέτεινάν τε καὶ ἀνῆκαν ἄλλως ἄλλοι τὰ αὐτά). Здесь снова отметим сравнение: глаголы ἐπιτείνω и ἀνίημι, как ἄνεσις и ἐπίτασις выше, описывают натягивание/ослабление струны³⁸⁸.

Дионисий предлагает понимать среднее соединение расширительно, как коллективное обозначение совокупности подобной стаду или куче. К этому определению он вернется в Comp. 24: οὐ κατὰ ἀπαρτισμὸν ἀλλ' ἐν πλάτει. Противопоставление ἐν πλάτει/κατὰ ἀπαρτισμὸν для определения того, что имеет протяженность, Дионисий, на наш взгляд, заимствует у стоиков³⁸⁹. Известно, что многие идеи, изначально разработанные стоической школой, ко времени Дионисия стали частью общекультурного репертуара³⁹⁰. Данный же пример, на наш взгляд, представляет собой заимствование не на уровне

³⁸⁷ «Различия родов постигаются в таком тетрахорде, как от мезы до гипаты, когда крайние [звуки] остаются неподвижными, а средние перемещаются...» (Aristox. EN 46. 93 Αἱ δὲ τῶν γενῶν διαφοραὶ λαμβάνονται ἐν τετραχορδῷ τοῦτω οἷόν ἐστι τὸ ἀπὸ μέσης ἐφ' ὑπάτην, τῶν μὲν ἄκρων μενόντων, τῶν δὲ μέσων κινουμένων...).

³⁸⁸ Образ ослабления/натяжения (ἄνεσις/ἐπίτασις) у Дионисия встречается часто (Isoc. 13; Dem. 13; Dem. 37; Dem. 44, Dem. 46).

³⁸⁹ Стоик Хрисипп, а вслед за ним Посидоний и Арий Дидим говорят так о времени: πᾶς χρόνος εἰς ἄλειρον ἔχει τὴν τομὴν· ὥστε μηθένα κατ' ἀπαρτισμὸν ἐνεστάναι χρόνον, ἀλλὰ κατὰ πλάτος λέγεσθαι (Chrysipp. Stoic. 509. 12); τὸ δὲ νῦν καὶ τὰ ὅμοια ἐν πλάτει χρόνον καὶ οὐχὶ κατ' ἀπαρτισμὸν νοεῖσθαι (Posid. 270. 8); τὸ δὲ νῦν καὶ τὰ ὅμοια ἐν πλάτει χρόνον καὶ οὐχὶ κατ' ἀπαρτισμὸν νοεῖσθαι (Ar. Did. Phys. 26.19).

³⁹⁰ «...many Stoic ideas had become part of the general intellectual discourse of the first century BC...» (Jonge, 2016: 276).

содержания, но на уровне выражения, показывая, как круг чтения античного критика влияет на форму, в которую он облакает свою мысль.

Похожий образ использует Квинтилиан. Он отмечает, что наряду с тремя основными родами красноречия (*subtile, grande, floridum*) существует множество их разновидностей, как у музыкантов, которые, установив на кифаре пять нот, заполняют оставшееся пространство между струнами многочисленными «вставными» нотами (Quint. Inst. 12. 10. 68). Эти ноты – установившаяся с V в. до н. э. тетрада (гипата, меса, парамеса, нета) с гипергипатой (Hagel, 2009: 133-134). Пять нот, очевидно, не могут быть сопоставлены с тремя родами красноречия, о которых говорит Квинтилиан, тогда как Дионисий обращается к более древней триаде (гипата, меса, нета), которая прямо соответствует трем типам соединения слов, которые он выделяет. Дионисий Галикарнасский привлекает сравнение для того, чтобы описать трудноопределимое среднее соединение, при этом подчеркивается разница между риторикой и музыкой, Квинтилиан же показывает многообразие вариантов красноречия, обращая внимание на сходство этих искусств.

Основанием для сравнения риторического и музыкального искусств Дионисий Галикарнасский также считает сходство между деятельностью оратора и музыканта. Подобно тому, как создатель музыкального произведения учитывает мелодию и ритм, их разнообразие и уместность, так же должен действовать и автор литературного текста:

καὶ τοῦτο οὐ χαλεπὸν ἐπὶ τῶν τῆς μουσικῆς ἔργων καταμαθεῖν. φέρε γάρ, εἴ τις **ῥῥδαῖς ἢ κρούμασιν ὀργάνων** τὸ κάλλιστον ἐντείνας **μέλος ῥυθμοῦ** μηδένα ποιοῖτο λόγον, ἔσθ' ὅπως ἄν τις ἀνάσχοιτο τῆς τοιαύτης **μουσικῆς**; τί δέ; εἰ τούτων μὲν ἀμφοτέρων προνοηθεῖη μετρίως, μένοι δ' ἐπὶ τῆς αὐτῆς **μελωδίας** καὶ τῶν αὐτῶν **ῥυθμῶν**, οὐδὲν **ἐξαλλάττων** οὐδὲ **ποικίλλων**, ἄρ' οὐχ ὅλον ἂν διαφθείροι τὸ ἀγαθόν; εἰ δὲ καὶ τούτου στοχάσαιτο, μηδεμίαν δὲ πρόνοιαν ἔχων φαίνοιτο τοῦ πρέποντος τοῖς ὑποκειμένοις, οὐκ ἀνόνητος αὐτῷ πᾶς ὁ περὶ ἐκεῖνα ἔσται πόνοσ; ἐμοί γ' οὖν δοκεῖ. ταῦτα δὴ καταμαθὼν ὁ Δημοσθένης τά τε μέλη τῶν ὀνομάτων καὶ

κῶλων καὶ τοὺς χρόνους αὐτῶν ἐπιλογιζόμενος οὕτω συναρμόττειν αὐτὰ ἐπειρᾶτο, ὥστ' ἐμμελῆ φαίνεσθαι καὶ εὐρυθμα, ἐξαλλάττειν τε καὶ ποικίλλειν ἑκάτερον αὐτῶν ἐπειρᾶτο μυρίοις ὅσοις σχήμασι καὶ τρόποις καὶ τοῦ πρέποντος ὅσῃν οὐδεὶς τῶν περὶ λόγους σπουδαζόντων ἐποιεῖτο δόσιν (Dem. 48).

«И это нетрудно понять на примере музыкального исполнения. Так вот, если кто-то, составляя прекраснейшую мелодию для вокального или инструментального произведения, не будет придавать значения ритму, будет ли кто-то способен выносить такую музыку? Так что же? Если эти две стороны он продумает как следует, но будет придерживаться одной и той же мелодии и одних и тех же ритмов, ничего не меняя и не расцвечивая, разве он при этом не разрушит все хорошее? А если и это он будет соблюдать, но не позаботится о соответствии предмету, не будет ли бесполезен весь остальной его труд? Мне во всяком случае кажется, что будет. Очевидно, что Демосфен это понимал и принимал во внимание ударения и долготы слов и колонов. Он старался их составить таким образом, чтобы их мелодия и ритм были приятны, а еще старался изменить и расцветить каждый из этих элементов при помощи тысяч фигур и тропов, при этом он достигал уместности как никто из тех, кто занимается риторикой».

Главными составляющими музыкального произведения Дионисий называет мелодию (μέλος) и ритм (ῥυθμός), которые необходимо менять (ἐξαλλάττω, ποικίλλω), соблюдая уместность (πρέπον). Эти элементы являются одинаково важными для музыканта и оратора. Сравнение музыки и риторики поддерживается на уровне лексики: μέλος и ἐμμελῆ, ῥυθμοῦ и εὐρυθμα, ἐξαλλάττων и ἐξαλλάττειν, ποικίλλων и ποικίλλειν. Сопоставление показывает внимание критика к звуковому оформлению текста и его восприятию на слух. Интересно, что на основании этого критерия оцениваются сочинения Демосфена, которые Дионисий и его читатели скорее читают, чем слышат.

Само освоение правил риторического искусства Дионисий представляет как процесс, родственной обучению музыке:

...μειράκιον μὲν ὄντα καὶ νεωστὶ τοῦ μαθήματος ἀπτόμενον αὐτὸν οὐκ ἄλογον ἦν πάντα περισκοπεῖν, ὅσα δυνατὰ ἦν εἰς ἐπιτήδευσιν ἀνθρωπίνην πεσεῖν· ἐπειδὴ δὲ ἡ χρόνιος ἄσκησις ἰσχὺν πολλὴν λαβοῦσα **τύπους τινὰς ἐν τῇ διανοίᾳ παντὸς τοῦ μελετωμένου καὶ σφραγίδας ἐνεποίησεν**, ἐκ τοῦ ῥάστου τε καὶ **ἀπὸ τῆς ἕξεως** αὐτὰ ἤδη ποιεῖν. οἷόν τι γίνεται κὰν ταῖς ἄλλαις τέχναις, ὧν ἐνέργειά τις ἢ **ποίησις τὸ τέλος**· αὐτίκα οἱ **κιθαρίζειν τε καὶ ψάλλειν καὶ αὐλεῖν ἄκρως εἰδότες** ὅταν **κρούσεως ἀκούσωσιν ἀσυνήθους**, οὐ πολλὰ πραγματευθέντες **ἀπαριθμοῦσιν αὐτὴν** εὐθὺς **ἐπὶ τῶν ὀργάνων** ἅμα νοήσει· μανθάνοντες δέ γε χρόνῳ τε πολλῷ καὶ πόνῳ **τὰς δυνάμεις τῶν φθόγγων ἀναλαμβάνουσιν**, καὶ οὐκ εὐθὺς αἱ χεῖρες αὐτῶν ἐν ἕξει τοῦ δρᾶν τὰ παραγγελλόμενα ἦσαν, ὅψε δέ ποτε καὶ ὅτε ἡ πολλὴ ἄσκησις αὐταῖς **εἰς φύσεως ἰσχὺν κατέστησε τὸ ἔθος**, τότε τῶν ἔργων ἐγένοντο ἐπιτυχεῖς (Comp. 25).

«...когда он был юношей и только приступал к учению, было разумно, чтобы он [Демосфен] обозрел все, что могло бы послужить человеку на пользу: а после того, как долговременное упражнение, получив большую силу, запечатлеваются в сознании некие оттиски и отпечатки всего, чему он учился, он уже легко делал это благодаря навыку. То же бывает и в других искусствах, цель которых некое действие или произведение: умеющие в совершенстве играть на кифаре, лире или авле, всякий раз когда слышат незнакомую музыку, тут же без многих усилий подбирают ее на своих инструментах, как только осознают ее; ведь они долгое время и с большим трудом учатся постигать значение звуков, и не сразу их руки были в состоянии исполнять предписанное, но затем, когда многие упражнения превратили у них привычку в природную способность, тогда они стали преуспевать в этих делах».

Использованное здесь слово *δύναμις* как музыкальный термин обозначает функцию или значение звука³⁹¹. Глагол *ἀπαριθμέω*, не имея специального музыкального значения, обычно используется при счете или

³⁹¹ «...если величина интервала остаётся неизменной, могут изменяться функции звуков...» (Aristox. EH 34. 21 ...μένοντος γὰρ τοῦ μεγέθους συμβαίνει κινεῖσθαι **τὰς τῶν φθόγγων δυνάμεις**...). «Так что ясно, что при изменении интервальных величин род <остаётся> ...соответственно, остаются неизменными и функции звуков» (Aristox. EH 49. 105 ὥστ' εἶναι φανερόν, ὅτι κινουμένων τῶν μεγεθῶν συμβαίνει <διαμένειν> τὸ γένος... εἰκὸς καὶ **τὰς τῶν φθόγγων δυνάμεις διαμένειν**).

перечислении предметов³⁹². Здесь выражение ἀλαριθμοῦσιν αὐτήν, т. е. κροῦσιν (букв. – они пересчитывают инструментальную музыку) указывает на то, что музыка раскладывается на элементы, поддающиеся счету. На наш взгляд, в данном контексте может подразумеваться такой компонент музыкального произведения, как ритм, ведь в этой главе Дионисий рассуждал о метрах в речах Демосфена, а рассматриваемое сравнение привел как доказательство того, что Демосфен мог без особых усилий придавать своей прозе ритмическую организованность.

Говоря о запечатленных в сознании оттисках, Дионисий обращается к распространенной идее следа. Платон описывает знание как остающийся в душе отпечаток (τύπον) или печать (σφραγίς) (Pl. Theaet. 191c8-192c6); по Аристотелю, изображения, возникающее в памяти, подобны отпечатку ощущения (τύπον τινα τοῦ αἰσθήματος), как будто отпечатываемые перстнем (οἱ σφραγίζόμενοι τοῖς δακτυλίοις) (Arist. Mem. 450a25-b7).

В замечании об искусствах, цель которых действие и произведение, У. Робертс (Roberts, 1910: 268) видит параллель с «Никомаховой этикой» (Arist. EN 1094a4-5), где сказано, что цель науки или искусства – деятельность (ἐνέργεια) или результат этой деятельности (ἔργα). Ж. Ожак и М. Лёбель (Aujac, Lebel, 1981: 224) сравнивают это место с разделением наук у Платона на πρακτικόν, θεωρητικόν, ποιητικόν (D. L. 3. 84). Нам представляется, что здесь уместно вспомнить и аристотелевское разделение видов знания на теоретическое, практическое и поийетическое (Arist. Metaph. 1025b25), ведь к сфере поийетического знания можно отнести как риторику, так и музыку.

Дионисий Галикарнасский видит сходство ораторского и музыкального искусства и в длительной и трудной подготовке, в результате которой вырабатывается навык (ἔξις). При этом обучение настолько развивает музыканта и оратора, что они могут действовать без усилий и рассуждений.

³⁹² У самого Дионисия этот глагол встречается в следующих контекстах: «подсчитывать долги» (Ant. Rom. 4. 10. 3), «отмерять золото» (Ant. Rom. 4. 62. 3), «возместить штраф» (Ant. Rom. 9. 27. 5), «перечислить основные пункты» (Lys. 19).

Умение изначально развивается благодаря правилам искусства, но после многих упражнений становится «естественной силой», способностью мастера (εἰς φύσεως ἰσχύὸν κατέστησε τὸ ἔθος³⁹³). Специальное внимание Дионисия к обучению оратора, освоению им правил риторики, по-видимому, связано с дидактической задачей его сочинений. Кроме того, мы можем видеть здесь отзвук его полемики с перипатетической критикой, которая ставит «природный» талант выше способностей, приобретаемых благодаря искусству и тренировке.

Сходную мысль высказывает Квинтилиан. Он замечает, что оратор должен уметь не только находить доказательства, но и делать это быстро. Скорость достигается благодаря многим упражнениям (*exercitatione multa*) подобно тому, как у музыкантов рука сама в силу привычки находит высокую, низкую и среднюю струну (Quint. Inst. 5. 10. 125 **manus** tamen **ipsa consuetudine** ad graves, acutos, medios nervorum sonos fertur). Квинтилиан сравнивает опытного музыканта и ритора на основании того, что оба могут действовать автоматически, Дионисий, помимо этого сходства, отмечает, что мастерство музыканта и оратора проявляется в способности легко воспроизводить услышанное.

Дионисий Галикарнасский часто замечает, что невозможно стать хорошим оратором, не изучая правил, хотя это требует немало времени и усилий. Проблема соотношения дарования и искусства затрагивается в римской риторике этого времени: противопоставляя природу и искусство, Гораций считает одинаково важными и обучение, и талант (Hor. Ars. 408-411), Цицерон уверен, что нельзя достичь превосходства в красноречии без освоения науки о речи (Cic. de Orat. 3. 1).

³⁹³ Близкое к этому сравнение встречается в сочинении «О Лисии». Дионисий подчеркивает, что музыканты умеют распознать малейшую разницу в интервалах благодаря чувству, выработанному приучением слуха (τὴν ἀκοὴν ἐθίζειν καὶ μηδὲν ἄλλο ταύτης ἀκριβέστερον ζητεῖν κριτήριον). Таким же образом должен действовать тот, кто хочет понять, в чем состоит χάρις Лисия (Lys. 11).

Выводы

Проведенный нами анализ показал, что в своих риторических сочинениях Дионисий Галикарнасский уделяет большое внимание обоснованию выбора темы. Он делает акцент на практической пользе, которую изучение данного предмета может принести читателю, на недостаточной разработанности избранной темы. Своей целью он декларирует всестороннее исследование вопроса, результатом которого является нахождение истины. О том, какие задачи ставит перед собой Дионисий, и как предполагает их решать мы узнаем во многом благодаря его комментариям о самом себе и своем филологическом подходе, которые вносят личностный мотив в сочинения на общие темы и создают образ писателя.

В разработке темы Дионисий стремится к систематическому, последовательному и ясно структурированному изложению. Первостепенная характеристика его исследовательского подхода – ориентация на хорошо образованного читателя, который может оспорить его выводы, отсюда и стремление Дионисия Галикарнасского к доказательному высказыванию и постоянная готовность к полемике. Мы не склонны модернизировать Дионисия, который, разумеется, представляет донаучный этап развития филологии, однако нельзя не отметить, что все те позиции, которые он выделяет для себя как основные, являются базовыми и для современного научного исследования.

Изложение Дионисия, его способ подачи материала обладает, как нам представляется, чертами специального текста, в частности, мы отмечаем у него использование терминов, причем довольно редких, и технических формул, что сближает его работы с сочинениями античной филологии. Заметим, что связь Дионисия с традицией филологии и литературной критики прослеживается и на уровне метафорической лексики (см., например, употребление лексемы *δυσεξέλικτος*).

Теория и практика риторики, имеющие большое значение в контексте анализа Дионисием текстов древних авторов, несомненно влияют и на его собственный стиль. Свои риторические сочинения он строит во многом в соответствии с теми качествами (ἀρεταὶ λέξεως), которые требует от древних писателей, речь идет в первую очередь о ясности (σαφήνεια), краткости (συντομία), уместности (πρέπον) и убедительности (πιθανότης). Такой подход соотносится с его дидактической задачей: предполагая научить читателей продукции текста, Дионисий Галикарнасский стремится не отступать от правил хорошего стиля, о которых сам говорит.

Дионисий призывает к умеренности в отношении средств выразительности, но, разумеется, не к полному отказу от такого достоинства речи, как украшенность (κατασκευή). Мы отметили в его сочинениях эпитеты, неологизмы и поэтические лексемы, фигуры речи, сравнения и метафоры, наконец, его любимый прием – встраивание поэтической цитаты в собственный текст. Трудно судить об оригинальности этих образов, тем более что они находят параллели в сочинениях других античных авторов, однако Дионисий Галикарнасский, несомненно, выстраивает их с большим искусством и тщательностью.

Многочисленные образные выражения необходимы ему не только для разнообразия и оживления речи, но и для того, чтобы передать труднообъяснимые и постигаемые на уровне ощущений качества стиля. Одной из своих задач Дионисий считает описать индивидуальную авторскую манеру речи, которая не исчерпывается стандартными риторическими категориями, поэтому сравнения, метафоры и эпитеты становятся для него инструментами исследования и критики. Примечательно, что образы, сходные с теми, которые он использует, мы находим и в сочинениях римских авторов, что показывает определенную общность подхода к описанию и оценке стиля в греко-римской риторике и литературной критике.

Особенно разнообразно и широко в сочинениях Дионисия Галикарнасского представлены музыкальные сравнения, что, на наш взгляд,

объясняется, во-первых, его вниманием именно к звуковому оформлению речи и ее устному воспроизведению, а кроме того, тем, что музыка была частью повседневной жизни, а значит, такого рода аналогии были близки и понятны любому читателю.

Анализ музыкальных сравнений у Дионисия был призван не углубить наши знания об античной теории музыки, хотя мы и выделили различные музыкальные термины в его сочинениях, но проследить, как через систему музыкальных аналогий раскрывается подход древнего автора к речи и риторике. Дионисий Галикарнасский проводит сопоставление этих искусств по ряду аспектов, которые таким образом выделяются как ключевые для языка, стиля и ораторского искусства: музыка и речь имеют общий тип построения, в котором важны мелодия, ритмы и их разнообразные сочетания; оратор и музыкант способны воздействовать на умонастроения аудитории, вызывая у слушателей (или читателей) разнообразные аффекты; навык и опытность, приобретаемые в ходе длительных тренировок, переходят у оратора и музыканта в природную способность; с одной стороны, риторика и музыка требуют специального обучения, а с другой, – даже профан может получить удовольствие от произведений этих искусств и судить о них. Наконец, заметим, что Дионисий задействует данные аналогии и в традиционной для сравнений функции, а именно, для объяснения сложных концепций. Так, проведенные им музыкальные сопоставления помогают определить трудно формулируемое соотношение между разными типами стиля и соединения слов.

Заключение

В диссертации было показано, что сочинения Дионисия Галикарнасского, которые традиционно относят к сфере риторики и литературной критики, демонстрируют филологический подход писателя I в. до н. э. к языку, стилю и тексту. Мы рассмотрели взгляды Дионисия на литературу и продукцию текстов, а также его принципы и способы интерпретации, анализа и оценки произведений древних авторов.

Анализ приема цитирования позволил выделить группы цитат в соответствии с их основной функцией в тексте писателя (информативная, орнаментальная, парадигматическая). Этот материал привлекается Дионисием с целью предоставить читателю необходимую информацию, украсить собственный текст или проиллюстрировать свои наблюдения за стилем того или иного автора. В конечном итоге все приводимые Дионисием фрагменты необходимы для аргументации и усиления важных для него позиций и выводов.

Несмотря на большую эрудицию Дионисия Галикарнасского, впечатление пестроты и разнообразия, которое создается в его сочинениях, фактически круг цитируемых им авторов и произведений определенным образом ограничен. Большая часть фрагментов вполне ожидаемо взята из исследуемых Дионисием сочинений древних авторов, тип и размер этих цитат зависит от того, какое конкретно качество языка и стиля он хочет выделить, а также от характера и построения его собственного изложения.

Критерии отбора произведений и конкретных пассажей из них согласуются с программой Дионисия как писателя и исследователя, его личными литературными предпочтениями, а также соображениями практической пользы. Он обращается к хорошо образованной аудитории, однако предполагает, что его сочинения будут полезны не только специалистам, но и широкому кругу читателей. В этой связи предпочтение отдается не редким, но, напротив, хорошо известным классическим текстам,

которые, кроме того, рассматриваются как образцы для обучения и подражания. С целью получить достоверные выводы о стиле рассматриваемых авторов, Дионисий избегает цитировать произведения сомнительной подлинности. При отборе также учитывается жанр и риторическая структура текста, его тема и образность, стиль и выразительность авторского изложения. Такой подход объясняется задачей Дионисия – выделить главные черты языка и стиля писателя, показать, какой жанр или тип изложения удастся ему лучше всего. Эти характеристики особенно важны с точки зрения любимого им сравнительного метода исследования, ведь справедливое сравнение подразумевает выбор текстов, имеющих определенные основания для сопоставления.

Центральное положение в сочинениях Дионисия и его риторической системе занимает Демосфен, именно его стиль обладает всеми лучшими качествами и является наиболее достойным подражания. С целью доказать и объяснить превосходство Демосфена, которое еще не было столь неоспоримым в I в. до н. э., Дионисий подробно рассматривает язык и стиль оратора: он цитирует, комментирует и анализирует пассажи из его речей с помощью метатесиса, а также сравнивает их с эксцерптами из других писателей. Дионисий особо выделяет следующие качества красноречия Демосфена: разнообразие и изменчивость стиля, хорошее сочетание слов и умение сохранять ясность мысли даже при их трудном соединении, уместность в использовании выразительных средств и стиля, отклоняющегося от обычной речи, энергичность, живость, сила, напряженность, патетичность стиля, простота, правдоподобие и убедительность речи, наконец, способность оратора воздействовать на эмоции аудитории и соответствие его стиля публичному выступлению.

В фокусе внимания Дионисия Галикарнасского находятся δημόσιοι λόγοι Демосфена, в особенности же, речи против Филиппа и македонской партии во главе с Эхином, что объясняется повышенным интересом Дионисия к жанру πολιτικὸς λόγος, а кроме того, высокой репутацией этих произведений и их

исключительными достоинствами. Мы предполагаем, что, выбирая конкретные пассажи для цитирования, Дионисий также мог опираться на уже сложившуюся традицию, в которой именно эти эксцерпты были наиболее востребованы как предмет изучения и комментирования. При этом, мы отмечаем, что, в отличие от других авторов, он стремится скорее описать общее впечатление от текста, подчеркнуть его красоту и убедительность, чем перечислить использованные оратором конкретные риторические средства.

Углубленное представление о важных для античного филолога принципах исследования и оценки литературного произведения дает анализ приема метатесиса, к которому Дионисий обращается в основном как к инструменту изучения и критики Фукидида. Его главная цель – доказать, что не только оратор, но и исторический писатель не должен буквально и точно подражать всем качествам стиля Фукидида. Дионисий учитывает, что Фукидид был признан одним из лучших аттических авторов и пользовался особой популярностью у римских читателей I в. до н. э., поэтому представляет свою критику в наглядной и убедительной форме. Прием перестановки привлекает внимание к важнейшему, с точки зрения Дионисия, разделу риторической разработки, а именно, к соединению слов, которое у Фукидида, действительно, чрезвычайно трудно и необычно. Также метатесис хорошо подходит к сравнительному способу исследования, а кроме того, демонстрирует дидактику Дионисия – показывает, как именно может быть усовершенствован стиль писателя.

Разнообразные способы переделки текста, которые мы отмечаем у Дионисия, «исправляют» не только конкретный указанный им недостаток, но нередко затрагивают все важнейшие аспекты текста, его лексику, грамматику, синтаксис и стиль. Метатесисы соотносятся с выделенными в античной риторике достоинствами стиля (ἀρετὰ λέξεως), которые и сам Дионисий Галикарнасский считает необходимыми для хорошего текста, а именно, правильность и чистота греческого языка, краткость, и самое главное – ясность (σαφήνεια). Литературное произведение, в частности, историческое, которое

приносит читателям пользу, по мнению Дионисия, должно быть понятно всем, а не только специалистам. В контексте этой идеи предлагаемые им перестановки нацелены на то, чтобы «нормализовать» язык Фукидида и максимально прояснить его мысль. Его подход к тексту историка во многом близок, хотя и не идентичен, технике схолий. Проанализировав параллели между ним и схолиастами, в частности, те, которые еще не рассматривались исследователями, мы предполагаем, что в своей работе Дионисий обращался к эллинистическому комментарию к «Истории» Фукидида.

В диссертации отмечаются пересечения между Дионисием и античной филологической традицией. Во-первых, его интересы сосредоточены вокруг текстов, их описания, интерпретации и анализа через определенный инструментарий. Дионисий также обращается к таким традиционным филологическим темам, как литературная история, установление времени написания и подлинности произведения. Он активно пользуется изданиями и комментариями к древним авторам, обсуждает мнения и сочинения предшественников, обращается к историческим источникам – этот обширный материал не только упоминается, но и подвергается критическому анализу с его стороны. Параллели между сочинениями Дионисия и другими филологическими трудами (как на уровне смысла, так и в отдельных формулировках) показывают его знакомство со специальной литературой, а также свидетельствуют об определенной общности подходов к тексту в античных исследованиях словесности.

Изучение сочинений Дионисия Галикарнасского, их содержания, языка и стиля, позволяет до некоторой степени воссоздать образ античного писателя, ритора, филолога и критика. Дионисий выстраивает наглядное и систематизированное изложение своей позиции, его исследовательский метод отличают рациональность и стремление к объективности. Обращаясь к широкой аудитории, он нацелен на доступность повествования, при этом Дионисий рассчитывает и на хорошо образованных читателей, которые оценят его риторическое искусство и глубокое знание древних текстов, но в то же

время могут оспорить его выводы – отсюда особое внимание Дионисия к доказательности и аргументации. Его интерес к таким авторам как Демосфен и Фукидид объясняется не одной только приверженностью классическим образцам, но и вниманием к современной ему, Дионисию, полемике в среде греческих и римских интеллектуалов.

Дидактическая интенция Дионисия проявляется не только в анализе чужой речи, но и в том, как он выстраивает собственный текст: его стиль, если и не позиционируется как образец для продукции текстов, то во всяком случае соответствует критериями хорошей речи, которые им предложены. Изложение Дионисия отличается не только ясностью и четкостью, но и большой выразительностью, она достигается за счет многочисленных образных выражений, которые являются не только риторическими украшениями, но относятся к инструментарию античного критика.

Подход Дионисия Галикарнасского к анализу и оценке текста тесно связан с риторикой. Обращаясь к данной теме, он избегает чрезмерного теоретизирования и ключевое значение для него имеет практическое красноречие, в нем он видит не мелочное следование предписаниям, но мастерство, которое требует правил, тренировки и навыка, однако остается высоким искусством.

Библиография

Издания и комментарии

Дионисий Галикарнасский

1. Das klassizistische Manifest des Dionys von Halicarnass. Die Praefatio zu De oratoribus veteribus Einleitung, Übersetzung, Kommentar / Hidber T. Stuttgart / Leipzig. 1996.
2. Denys D'Halicarnasse. Opuscles Rhétoriques. Tome I. Les orateurs antiques / Aujac G. Paris. 1978. (repr. 2002).
3. Denys D'Halicarnasse. Opuscles Rhétoriques. Tome II. Démosthène / Aujac G. Paris. 1988 (repr. 2002).
4. Denys D'Halicarnasse. Opuscles Rhétoriques. Tome III. La Composition Stylistique / Aujac G., Lebel M. Paris. 1981 (repr. 2003).
5. Denys D'Halicarnasse. Opuscles Rhétoriques. Tome IV. Thucydide. Seconde Lettre À Ammée / Aujac G. Paris. 1991 (repr. 2002).
6. Denys D'Halicarnasse. Opuscles Rhétoriques. Tome V. L'Imitation. Première Lettre À Ammée. Lettre À Pompée Géminos. Dinarque / Aujac G. Paris. 1992 (repr. 2002).
7. Dionisio D'Alicarnasso. Saggio su Tucidide. Introduzione, testo, traduzione, commento, appendice e indici / Pavano. G. Palermo. 1958.
8. Dionisio di Alicarnasso. Epistola a Pompeo Gemino. Introduzione e commento / Fornaro S. Stuttgart / Leipzig. 1997.
9. Dionysii Halicarnassensis operum volumen sextum et ultimum, ex scriptis rhetoricis et criticis Epistolam primam ad Ammaeum, Epistolam ad Cn. Pompeium, Epistolam secundam ad Ammaeum, Iudicium de Thucydidis historiis, et librum De admiranda vi dicendi in Demosthene / Reiske J.J. Lipsiae. 1777.
10. Dionysii Halicarnasensis Antiquitatum Romanarum quae supersunt. Vol. I-IV / Jacoby C. Lipsiae. 1885-1905.
11. Dionysii Halicarnassensis ad Ammaeum de Thucydidis idiomatis epistula / Usener H. Bonn. 1889.
12. Dionysii Halicarnasei quae exstant. Volumen I / Usener H., Radermacher L. Lipsiae. 1899.
13. Dionysius of Halicarnassus. The three literary letters / Roberts R. W. Cambridge. 1901.
14. Dionysius of Halicarnassus. On Literary Composition / Roberts R. W. London. 1910.
15. Dionysius of Halicarnassus. The critical essays in two volumes with an English translation / Usher S. Cambridge / London. 1974, 1985.

16. Dionysius of Halicarnassus: On Thucydides, English translation, based on the Greek text of Usener-Radermacher, with commentary / Pritchett W. K. Berkeley / Los Angeles / London. 1975.
17. The Roman Antiquities of Dionysius of Halicarnassus with an English translation by Earnest Cary, on the basis of the version of Edward Spelman in seven volumes. Cambridge / London. 1937-1950.

Другие авторы

1. A Commentary on Homer's Odyssey. Vol. II: Books IX-XVI. Heubeck A., Hoekstra A. Oxford. 1988.
2. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. 2. Books II-III / Gomme A.W. Oxford. 1956.
3. Apollonii Sophistae lexicon Homericum / Bekker I. Berolini. 1833 (repr. 1967).
4. Aristonici perì σημείων Ἰλιάδος reliquiae emendatiores / Friedländer L. Göttingae. 1853 (repr. 1965).
5. Aristophane. Vol. 4 / Coulon V., Daele van M. Paris. 1928 (repr. 1967).
6. Aristote. Problèmes. Tome I-III / Louis P. Paris. 1991-1994.
7. Aristotelis Ethica Nicomachea / Bywater I. Oxonii. 1894 (repr. 1962).
8. Aristotle. Metaphysics / Ross W. D. Oxford. 1924.
9. Aristotle. Parva naturalia / Ross W.D. Oxford. 1955.
10. Aristotle. Ars Poetica / Kassel R. Oxford, 1966.
11. Aristotle. Ars Rhetorica / Ross W.D. Oxford, 1959.
12. Aristoxeni Elementa Harmonica / Rios de R. Roma. 1954.
13. Artium scriptores. Reste der voraristotelischen Rhetorik / L. Radermacher, Vienna, 1951.
14. Athenaei Naucraticae deipnosophistarum libri xv. 3 Vols. / Kaibel G. Lipsiae. 1887, 1890 (Repr. 1965, 1966).
15. Caecilius de Calè-Actè. Fragments et témoignages / Woerther F. Paris. 2015.
16. Cicero's Letters to Atticus. Volume VI. Books XIV-XVI / Shackleton Bailey D. R. Cambridge. 1967.
17. Demetrii Phalerei qui dicitur de elocutione libellus / Radermacher L. Lipsiae. 1901 (repr. 1967).
18. Demetrio. Dello stile / Morpurgo-Tagliabue G. Roma. 1980.
19. Demetrio. Lo Stile / Marini N. Roma. 2007.
20. Demetrius. On Style / Roberts W. Rhys. Cambridge. 1902.
21. Demetrius. On Style / Innes D. C. Cambridge. 1995.
22. Demosthenis Orationes. T. 1, 2 / Butcher S. H. Oxonii. 1903.
23. Demosthenis Orationes. T. 3 / Butcher S. H., Rennie W. Oxonii. 1907.
24. Demosthenis Orationes. T. 4, 5, 6 / Rennie. W. Oxonii. 1920.
25. Didymi Chalcenteri grammatici Alexandrini fragment quae supersunt omnia / Schmidt M. Lipsiae. 1854.
26. Didymos: On Demosthenes / Harding P. New York. 2006.

27. Die Schule des Aristoteles. Demetrios von Phaleron / Wehrli F. Basel / Stuttgart. 1968.
28. Die Schule des Aristoteles. Hieronymos von Rhodos. Kritolaos und seine Schüler / Wehrli F. Basel / Stuttgart. 1969.
29. Die Schule des Aristoteles. Hermippos. Der Kallimacheer / Wehrli F. Basel / Stuttgart. 1974.
30. Diodori bibliotheca historica. 5 Vols. / Vogel F., Fischer K.T. (post Bekker I., Dindorf L.). Lipsiae. 1888, 1890, 1893, 1906 (Repr. 1964).
31. Diogenis Laertii Vitae philosophorum. 3 Vols. / Marcovich M., Gärtner H. Stuttgart / Leipzig. 1999-2002.
32. Doxographi graeci / Diels H. Berolini. 1879 (repr. 1965).
33. Eschine. Discours. T. 2 / Martin V., Budé de G. Paris. 1928 (repr. 1962).
34. Euripidis fabulae. T. 1. / Murray G. Oxonii. 1902 (repr. 1966).
35. Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes. Vols. 1-4 / Valk van der M. Leiden. 1971, 1976, 1979, 1987.
36. Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Odysseam. T. 1,2 / Stallbaum G. Lipsiae. 1825, 1826 (repr. 1970).
37. Fragmenta comicorum Graecorum. Vol. 2.1 / Meineke A. Berlin. 1839 (repr. 1970).
38. Fragmenta historicorum Graecorum. Vol. 3 / Müllerus C. Parisiis. 1849.
39. Harpocratonis lexicon in decem oratores Atticos. T. 1 / Dindorfii G. Oxonii. 1853 (repr. 1969).
40. Hermiae Alexandrini. In Platonis Phaedrum scholia / Couvreur P. Paris. 1901 (repr. 1971).
41. Hermogenis opera / Rabe H. Leipzig. 1913 (repr. 1969).
42. Hérodote. Histoires. 9 vols. / Legrand Ph.-E. Paris. 1932-1968.
43. Hesiod. Theogony / West M.L. Oxford. 1966.
44. Hesychii Alexandrini Lexicon. Vol. III: Π-Σ / Hansen P. A. Berlin / New York. 2005.
45. Homeri Ilias. Vol. 2. XIII-XXIV / West M. L. Stuttgart / Leipzig. 2000.
46. Homeri Odyssea / Thiel van H. Hildesheim. 1991.
47. Homeri Opera. V. I-IV / Monro D. B., Allen T. W. Oxford. 1920.
48. Horace on Poetry / Brink C.O. Cambridge. 1997.
49. Isagoge (Introduction aux phénomènes) / Aujac G. Paris. 1975.
50. Libanii opera. Vol. 8 / Foerster R. Leipzig. 1915 (repr. 1997).
51. 'Longinus'. On the sublime / Russell D.A. Oxford. 1964.
52. Lucian. Vol. 5. / Harmon A.M. London / Cambridge. 1936 (repr. 1972).
53. Lucian. Vol. 6. / Kilburn K. London / Cambridge. 1959 (repr. 1968).
54. M. Tulli Ciceronis Orationes. Vol. 2 / Clark A.C. Oxford. 1918.
55. M. Tulli Ciceronis Scripta Quae Manserunt Omnia. Fasc. 5 / Reis P. Leipzig. 1932.
56. M. Tulli Ciceronis Scripta Quae Manserunt Omnia. Fasc. 4 / Malcovati H. Leipzig. 1970.
57. M. Tullius Cicero. Rhetorica. T. I, II / Wilkins A. S. Oxonii. 1902, 1911.

58. Philodème de Gadara. Sur la musique. Livre IV. Tome I, II / Delattre D. Paris. 2007.
59. Philodemi De musica librorum quae extant / Kemke I. Lipsiae. 1884.
60. Philodemus. On Poems. Book 1. With introduction, translation, and commentary / Janko R. Oxford. 2000.
61. Pindari carmina cum fragmentis / Snell B., Maehler H. Leipzig. 1971-1975.
62. Platonis Opera. Vol. 1-5 / Burnet J. Oxonii. 1900-1910.
63. Plutarchi moralia. Vol. 1 / Bernardakis G. N. Lipsiae. 1888.
64. Plutarchi moralia. Vol. 2.2 / Nachstädt W. Leipzig. 1935 (repr. 1971).
65. Plutarchi moralia. Vol. 3 / Pohlenz M. Leipzig. 1929 (repr. 1972).
66. Plutarchi moralia. Vol. 4 / Hubert C. Leipzig. 1938 (repr. 1971).
67. Plutarchi moralia. Vol. 5.2.1 / Mau J. Leipzig. 1971.
68. Plutarchi moralia, vol. 6.1 / Hubert C. Leipzig. 1954 (repr. 1959).
69. Plutarchi moralia, vol. 6.2 / Westman R. (post Pohlenz M.). Leipzig. 1959.
70. Plutarchi vitae parallelae. Vol. 1.2 / Ziegler K. Leipzig. 1964 (repr. 1994).
71. Plutarchi vitae parallelae. Vol. 2.1 / Ziegler K. Leipzig. 1964 (repr. 1993).
72. Poetae lyrici Graeci / Bergk T. Lipsiae. 1843.
73. Pollucis onomasticon. 2 vols. / Bethe E. Leipzig. 1900, 1931.
74. Polybii historiae. 1-4 vols. / Büttner-Wobst T. Leipzig. 1905, 1889, 1893, 1904 (repr. 1962, 1965, 1967).
75. Porphyrii Quaestionum Homericarum ad Iliadem pertinentem reliquias / Schrader H. Lipsiae. 1880, 1882.
76. Porphyrii Quaestionum Homericarum ad Odysseam pertinentium reliquias / Schrader H. Lipsiae. 1890.
77. Porphyry's Homeric Questions on the Iliad. Text, Translation, Commentary / MacPhail J. A. Berlin / New York. 2011.
78. Posidonius. The Fragments. Vol. I / Edelstein L., Kidd I.G. Cambridge. 1972.
79. Posidonius. Die Fragmente. Texte und Kommentare / Theiler W. New York. 1982.
80. Q. Horatius Flaccus. Oden und Epoden. Erster Teil / Kiessling A., Heinze R. Berlin. 1930.
81. Quintilien. Institution oratoire. Tome I-VII / Cousin I. J. Paris. 1975-1980.
82. Rhetores Graeci. Vol. 2, 3 / Spengel L. Leipzig. 1854, 1856 (repr. 1966).
83. Scholia Demosthenica. 2 vols. / Dilts M.R. Leipzig. 1983, 1986.
84. Scholia Graeca in Homeri Iliadem (scholia vetera). Bd. I-VII. / Erbse H. Berlin. 1969-1988.
85. Scholia Graeca in Homeri Odysseam. 2 vols. / Dindorfius G. Oxonii. 1855.
86. Scholia in Thucydidem ad optimos codices collate / Hude K. Leipzig. 1927.
87. Scholia Graeca in Thucydidem. Scholia vetustiora et Lexicon Thucydidium Patmense / Kleinlogel A., Alpers K. Berlin / Boston. 2019.
88. Scholia vetera in Pindari carmina. 3 vols. / Drachmann A.B. Leipzig. 1903, 1910, 1927 (repr. 1969, 1967, 1966).
89. Sophoclis fabulae / Lloyd-Jones H., Wilson N.G. Oxford. 1990.
90. Stoicorum veterum fragmenta / Arnim von H. F. Lipsiae. 1903.

91. Strabonis geographica. 3 vols. / Meineke A., Lipsiae. 1852.
92. Suidae Lexicon. 5 vols. / Adler A. München / Leipzig. 1928, 1931, 1933, 1935, 1938 (repr. 2001).
93. Thucydide. La guerre du Péloponnèse. Tome 8 / Weil R., Romilly de J. Paris. 1972.
94. Thucydides. Historiae in two volumes / Jones H. S., Powell J. E. Oxonii. 1901. (repr. 1960).
95. Thucydidis. Historiae. Vol.1-3 / Alberti G. B. Roma. 1972, 1992, 2000.
96. Tiberii de figuris Demosthenicis / Ballaira G. Rome. 1968.
97. The Oxyrhynchus Papyri. Volume VI / Grenfell B. P., Hunt A. S. London. 1908.
98. Tragicorum graecorum fragmenta / Nauck A. Lipsiae. 1889.
99. Xenophontis opera omnia. Vol. 4 / Marchant E.C. Oxford. 1910 (repr. 1970).

Переводы

1. Аристоксен. Элементы гармоник / пер., прим. В.Г. Цыпина. М., 1997.
2. Аристотель. Риторика / пер. Платоновой Н. // Античные риторик / под ред. А.А. Тахо-Годи. М. 1978.
3. Аристотель. Поэтика / пер. Аппельрота В. Г. М. 1957.
4. Гомер. Илиада / пер. Гнедича Н. И. Л. 1990.
5. Гомер. Одиссея / пер. Жуковского В. А. М. 2000.
6. Деметрий. О стиле / пер. Старостиной Н. А., Смыки О.В. // Античные риторик / под ред. А.А. Тахо-Годи. М. 1978.
7. Демосфен. Речи / пер. Радцига С.И. М. 1954.
8. Дионисий Галикарнасский. О сочетании имен / пер. Толстого И. И. // Античные теории языка и стиля / под ред. Фрейденберг О. М. М., Л. 1936.
9. Дионисий Галикарнасский. О соединении слов / пер. Гаспарова М. Л. // Античные риторик / под ред. А.А. Тахо-Годи. М. 1978.
10. Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею / пер. Смыки О.В. // Античные риторик / под ред. А.А. Тахо-Годи. М. 1978.
11. Дионисий Галикарнасский. Римские древности / пер. Майоровой Н. Г., Маяк И. Л., Кофанова Л. Л., Щеголева А.В., Сморгчова А. М., Тыжова А. Я., Токмакова В. Н. / под ред. Маяк И.Л. М. 2005.
12. Дионисий Галикарнасский «О Фукидиде». Главы 21-34 / пер. Строгеецкого В.М., Абаимова М.С. // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. «Thesaurus scientiarum et virtutum. Сокровищница знаний и добродетелей» Выпуск 2. Нижний Новгород. 2009, с. 98-113.
13. Дионисий Галикарнасский. О Фукидиде. С приложением второго письма к Аммею / пер. Рушкина И. П. Аристей. том IX. 2014. Москва. с.185-256.
14. Квинтилиан. Двенадцать книг риторических наставлений / пер. Никольского А. СПб. 1834.
15. Пиндар. Вакхилид. Оды, фрагменты / пер. Гаспарова М.Л. М. 1980.

16. Пиндар. Пифийские оды / пер. Стариковского Г.Г.; исслед. и коммент. Ахуновой О.Л., Жаркой В.Ю., Можайского А.Ю., Мостовой В.Г., Стариковского Г.Г., Степанцова С.А. / под науч. ред. Л.В. Луховицкого; под общ. ред. Ахуновой О. Л., Степанцова С. А. М. 2025.
17. Творения Платона. IX том / пер. Болдырева А.В. под ред. Жебелева С.А., Радлова Э.Л. Л.1924.
18. Фукидид. История / пер. Мищенко Ф. в перераб., с примеч. и вступ. очерком С. Жебелева. М. 1915.
19. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / пер. Петровского Ф. А., Стрельниковой И. П., Гаспарова М. Л. Под ред. Гаспарова М. Л. М. 1972.
20. Hermogenes. On types of style / trans. Wooten C. W. Chapel Hill / London. 1987.
21. Invention and Method. Two rhetorical treatises from Hermogenic Corpus / trans. Kennedy G. A. Atlanta. 2005.

Исследования

1. Аверинцев С.С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. с. 115-145.
2. Альбрехт фон М. История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияние на позднейшие эпохи Т.1 / Пер. А.И. Любжина. М., 2002.
3. Античная философия: Энциклопедический словарь / Под ред. Гайденко П. П., Месяц С. В., Серегина А. В., Солоповой М. А., Столярова А. А., Шичалина Ю. А. М., 2008. с. 681-694.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
5. Волошина А. В. О сравнении текстов Платона и Пиндара в сочинении Дионисия Галикарнасского «О Демосфене» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 26, № 1, 2022а. с. 198-208.
6. Волошина А. В. Прием цитирования у Дионисия Галикарнасского (на материале сочинения «О Демосфене») // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. № 4, М., 2022б. с. 93-102.
7. Волошина А. В. Лексема $\delta\upsilon\sigma\epsilon\acute{\xi}\epsilon\lambda\iota\kappa\tau\omicron\varsigma$ в сочинениях Дионисия Галикарнасского: семантика и словоупотребление // Мир науки, культуры, образования, издательство. № 4, 2023. с. 334-337.
8. Волошина А. В. Прием метатезы в сочинении Дионисия Галикарнасского "О Фукидиде" // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 28, № 1, 2024а. с. 334-348.
9. Волошина А. В. О сравнении ораторского и музыкального искусств у Дионисия Галикарнасского // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, № 4, 2024б. с. 116-126.
10. Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М. 1972.
11. Гаспаров М. Л. Античная риторика как система // Избранные труды. Том I. О поэтах. М. 1997.

12. Гринцер Н. П., Гринцер П. А. Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М. 2000.
13. Карасёва А. В. Частные библиотеки времени Цицерона // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 4 (8). 2008. с. 67-74.
14. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В. Н. М. 1990.
15. Лосев А. Ф. Дионисий Галикарнасский // История античной эстетики. Ранний Эллинизм. М. 1979. с. 515-525.
16. Лютикова Е. А. Синтаксис // Введение в науку о языке / А.Е Кибрик и др. / Под ред. Федоровой О. В., Татевосова С. Г. М., 2019. С. 89-125.
17. Миллер Т. А. Михаил Пселл и Дионисий Галикарнасский // Сборник «Античность и Византия» / Под ред. Фрейберг Л.А. М. 1975. с. 140-155.
18. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. Николюкин А.Н. М. 2001.
19. Осипова О. В. Классическая историография в эллинистической риторике: Дионисий Галикарнасский о речах в «Истории» Фукидида // Colocviul Internațional FILOLOGIA MODERNĂ: realizări și perspective în context european (ediția a II-a). Semiotica și hermeneutica textului. 2009. с. 227-230.
20. Осипова О. В. Дионисий Галикарнасский о речах в «Истории» Фукидида // Вопросы классической филологии. ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ: Сборник статей в честь А.А. Тахо-Годи. Серия Вопросы классической филологии. Том 15 / Под ред. Савельевой О. М., Солопова А. И. М., 2010. с. 323-329.
21. Осипова О. В. Дионисий Галикарнасский об отступлениях в исторических сочинениях // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XV (чтения памяти И.М. Тронского). 2011. с. 433-437.
22. Осипова О. В. ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ: Дионисий Галикарнасский о композиции исторических сочинений // Античный мир и археология: Межвуз. сб. науч. тр. Том 16. 2013. с. 71-76.
23. Осипова О. В. Интерпретация текста литературного произведения в трактате Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде» // Проблемы истории, филологии, культуры. №3. 2015. с. 22-29.
24. Осипова О. В. Дионисий Галикарнасский об «историческом» стиле // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 23, № 2. 2019. с. 828-833.
25. Осипова О. В. Дионисий Галикарнасский об изложении древнейшей истории // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 25, № 2. 2021. с. 996-1002.
26. Осипова О. В. Композиция и стиль в риторической системе Дионисия Галикарнасского // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 26, № 2. 2022. с. 892-897.
27. Риторические фигуры в римской литературе. Справочник и хрестоматия. Учебное пособие / Антоненц Е. В., Беликов А. Е., Тимофеев И. С. М. 2024.

28. Синицын А. А. Историки, историография и историко-риторических агон: сопоставление классических эллинических писателей в «Письме к Помпею» Дионисия Галикарнасского (часть 1) // История и историческая память № 25. 2022. с. 178-208.
29. Синицын А. А. Историки, историография и историко-риторических агон: сопоставление классических эллинических писателей в «Письме к Помпею» Дионисия Галикарнасского (часть 2) // История и историческая память № 26. 2023. с. 186-206.
30. Соболевский С. И. Дионисий Галикарнасский // История греческой литературы Т. 3 / Под ред. Соболевского С.И., Грабарь-Пассек М.Е., Петровского Ф.А. М.1960. с. 156–167.
31. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М. 2001.
32. Харламова С. А. Гомеровские цитаты и гомеровские проблемы в платоновской традиции критики поэзии: «Государство» Платона и «De audiendis poetis» Плутарха. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. М. 2021.
33. Alexiou E. Isokrateszitate in der aristotelischen *Rhetorik* und das „Schweigen“ über Demosthenes // *Hermes*. Bd. 144. H. 4, 2016, pp. 401-418.
34. Anderson Jr. R. D. Glossary of Greek rhetorical terms connected to methods of argumentation, figures and tropes from Anaximenes to Quintilian. Leuven. 2000.
35. Ammon G. De Dionysii Halicarnassensis librorum rhetoricorum fontibus. Dissertatio inauguralis, quam ad summos in philosophis honores ab amplissimo philosophorum ordine universitatis Ludovico-Maximilianae rite impetrandos. Monachii. 1889.
36. Artés Hernández J. A. Λέξις in Dionysius of Halicarnassus' writings on rhetoric // *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric* Vol. 31, No. 4. 2013. pp. 372-387.
37. Atkins J. W. H. Literary criticism in antiquity: a sketch of its development. Volume II. Graeco-Roman. Cambridge. 1934.
38. Aujac G. Michel Psellos et Denys d' Halicarnasse: le traité "Sur la composition des éléments du langage" // *Revue des études byzantines*. Tome 33, 1975. pp. 257-275.
39. Bakker S. J. The noun phrase in Ancient Greek. Leiden / Boston. 2009.
40. Bishop C. Cicero, Greek Learning, and the Making of a Roman Classic. New York. 2019.
41. Blänsdorf J. Interpretationsmethoden in der griechischen und römischen Philologie // *Studien zur klassischen Philologie*. Band 180 / Hrsg. Albrecht von M. 2020.
42. Blass F. Die Griechische Beredsamkeit in dem Zeiraum von Alexander bis auf Augustus. Berolinae. 1865.
43. Bonner S. F. Dionysius of Halicarnassus and the Peripatetic Mean of Style // *Classical Philology*. Vol. 33, №3, 1938. pp. 257-266.
44. Bonner S. F. The Literary Treatises of Dionysius of Halicarnassus. A Study in the Development of Critical Method. Cambridge. 1939.

45. Bottai F., Schironi F. Sull'uso di σύνθεσις nella critica letteraria antica // Studi Classici e Orientali. Vol. 45, № 3, 1998. pp. 1049-1077.
46. Bottai F. Aspetti della tecnica espositiva di Dionigi di Alicarnasso nel *De oratoribus antiquis* // Prometheus. 1999a. Vol.25. №1. pp. 45-60.
47. Bottai F. Aspetti della tecnica espositiva di Dionigi di Alicarnasso nel *De oratoribus antiquis* II* // Prometheus. 1999b. Vol.25. № 2. pp. 132-150.
48. Bowersock G. W. *Augustus and the Greek World*. 1965.
49. Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship. Vol. 1 / Ed. Montanari F., Matthaios S., Rengakos A. Leiden / Boston. 2015.
50. Brill Dictionary of Ancient Greek / Montanari F., Goh M., Schroeder C. Leiden / Boston. 2015.
51. Burns T. On Marcellinus' Life of Thucydides // Interpretation. Vol. 38 № 1. 2010
52. Calvani Mariotti G. Le citazioni omeriche di Dionigi di Alicamasso nel "De compositione verborum" // Athenaeum. Vol. 78, 1990. pp. 85-95.
53. Calvani Mariotti G. Le citazioni nel "De compositione verborum" e la tradizione scoliografica // Studi Classici e Orientali. Vol. 45, 1997. pp. 163-190.
54. Cambridge History of Literary Criticism. Volume 1. Classical Criticism / Ed. Kennedy G. A. Cambridge, 1993.
55. Canfora L. Thucydides in Rome and Late Antiquity // Brill's Companion to Thucydides / Ed. Rengakos A., Tsakmakis A. 2006. pp. 721– 753.
56. Canfora L. Textgeschichte des Demosthenes im Wandel der Jahrhunderte // Demosthenica libris manu scriptis tradita. Studien zur Textüberlieferung des Corpus Demosthenicum. Internationales Symposium in Wien, 22.-24. September 2011 / Hrsg. Grusková J., Bannert H. 2014. pp. 21-52.
57. Clavaud R. *Le Ménexène de Platon et la rhétorique de son temps*. Paris. 2010.
58. Cooper C. Philosophers, politics, academics: Demosthenes' rhetorical reputation in antiquity // Demosthenes. Statesman and orator / Ed. Worthington I. 2000. pp. 224-245.
59. Costil P. E. *L'esthétique littéraire de Denys d'Halicarnasse: étude sur le classement et la doctrine des Opera rhetorica*. Paris. 1949.
60. Cronjé Van Wyk J. Dionysius of Halicarnassus, *De Demosthene*: a critical appraisal of the status quaestionis, followed by a glossary of the technical terms. Hildesheim / Zürich / New York. 1986.
61. Damon C. Aesthetic response and technical analysis in the rhetorical writings of Dionysius of Halicarnassus // Museum Helveticum. 1991. Vol. 48, № 1. pp. 33-58.
62. Denniston J. D. *Greek prose style*. Oxford. 1952.
63. Devine A. M., Stephens L. D. Dionysius of Halicarnassus, *De Compositione Verborum* XI: Reconstructing the Phonetics of the Greek Accent // Transactions of the American Philological Association. Vol. 121. 1991. pp. 229-286.
64. Dickey E. *Ancient Greek Scholarship. A guide to finding, reading, and understanding scholia, commentaries, lexis, and grammatical treatises, from their beginnings to the Byzantine period*. New York. 2007.

65. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. T. I-IV / Ed. Chantraine P. Paris. 1968-1980.
66. Dik H. Word order in Greek tragic dialogue. Oxford. 2007.
67. Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome. Rhetoric, Criticism and Historiography / Ed. Hunter R., Jonge de C. C. Cambridge, 2019.
68. Donaldi F. Il bello e il piacere (osservazioni sul *De compositione verborum* di Dionigi d'Alicarnasso) // Studi italiani di filologia classica. Vol. 4, Fasc.1, 1986. pp. 42-63.
69. Dover K. J. Lysias and the corpus Lysiacum. Berkeley / Los Angeles. 1968.
70. Dubischar M. Typology of Philological Writings // Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship. Vol. 1 / Montanari F., Matthaios S., Rengakos A. 2015. pp. 545-599.
71. Düring I. Aristotle in the Ancient Biographical Tradition. Göteborg. 1957.
72. Egger M. Denys d'Halicarnasse. Essai sur la critique littéraire et la rhétorique chez les Grecs au siècle d'Auguste. Paris. 1902.
73. Fantham E. Literarisches Leben im antiken Rom: Sozialgeschichte der römischen Literatur von Cicero bis Apuleius. Aus dem Englischen von T. Heinze Stuttgart / Weimar. 1998.
74. Ford A. Origins of Criticism. Princeton. 2004.
75. Fornaro M. "Patina d'antico" da Dioniso d'Alicarnasso a Winckelmann // Sandalion. Quaderni di cultura classica, cristiana e medievale. Vol. 21-22, 2001. pp. 35-45.
76. Fox M. History and Rhetoric in Dionysius of Halicarnassus // The Journal of Roman Studies. Vol. 83, 1993. pp. 31-47.
77. Fox M. Dionysius, Lucian, and the Prejudice against Rhetoric in History // The Journal of Roman Studies. Vol. 91, 2001. pp. 76-93.
78. Fuhrmann M. Caecilius von Kale Akte // Der kleine Pauly. Lexicon der Antike. 1964. pp. 988-989.
79. Gabba E. Dionysius and the History of Archaic Rome. Berkeley / Los Angeles / Oxford. 1991.
80. Galinsky K. Augustan Culture: an interpretive introduction. Princeton. 1996.
81. Geigenmueller P. Quaestiones Dionysianae de vocabulis artis criticae. Dissertatio. Lipsiae. 1908.
82. Gentili B. *De compositione verborum* di Dionigi di Alicarnasso: Parola, metro e ritmo nella comunicazione letteraria // Quaderni Urbinati di Cultura Classica New Series, Vol. 36, No. 3. 1990. pp. 7-21.
83. Gibson C. A. Interpreting a Classic Demosthenes and His Ancient Commentators. Oakland. 2002.
84. Gomme A. W. Who was 'Kratippos'? // The Classical Quarterly. New Series. Vol. 4, № 1 / 2. 1954. pp. 53-55.
85. Goudriaan K. Over classicisme: Dionysius van Halicarnassus en zijn program van welsprekendheid, cultuur en politiek. Academisch proefschrift ter verkrijging van de graad van doctor aan de Vrije Universiteit van Amsterdam. Amsterdam. 1989.

86. Greek-English Lexicon / Liddell H. G., Scott R., Jones H. S., McKenzie R. / Ed. Glare P. G. W. 1996.
87. Greenberg N. Metathesis as an Instrument in the Criticism of Poetry // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Vol. 89. 1958. pp. 262-270.
88. Greilich A. Dionysius Halicarnassensis quibus potissimum vocabulis ex artibus metaphoricè ductis in scriptis rhetoricis usus sit. Dissertatio inauguralis philologica. Suidnicæ. 1886.
89. Grossi V. Thucydides and Poetry. Ancient Remarks on the Vocabulary and Structure of Thucydides' History // The Art of History. Literary Perspectives on Greek and Roman Historiography / Ed. Liotsakis V., Farrington S.T. 2016. pp. 99-118.
90. Grube G. M. A. Dionysius of Halicarnassus on Thucydides // Phoenix. Vol. 4, No. 3, 1950. pp. 95-110.
91. Grube G. M. A. Thrasymachus, Theophrastus, and Dionysius of Halicarnassus // The American Journal of Philology. Vol. 73, № 3, 1952. pp. 251-267.
92. Grube G. M. A. The Greek and Roman Critics. Toronto. 1965.
93. Grube G. M. A. Greek Historians and Greek Critics // Phoenix. Vol. 28, No. 1, 1974. pp. 73-80.
94. Habinek T. Rhetoric, Music, and the Arts // The Oxford Handbook of Rhetorical Studies / Ed. MacDonald M. J. 2017. pp. 289-299.
95. Hagel S. Ancient Greek Music. A new technical history. Cambridge. 2009.
96. Heath M. Dionysius of Halicarnassus 'On Imitation' // Hermes. Bd. 117. H. 3, 1989. pp. 370-373.
97. History of Ancient Greek Scholarship. From the Beginnings to the End of the Byzantine Age / Ed. Montanari F. Leiden / Boston. 2020.
98. Hook van L. The Metaphorical Terminology of Greek Rhetoric and Literary Criticism. A dissertation submitted to the faculty of the Graduate School of Arts and Literature in candidacy for the degree of doctor of philosophy. Chicago, 1905.
99. Hornblower S. The fourth-century and Hellenistic reception of Thucydides // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 115. 1995. pp. 47-68.
100. Howley J. 'Heus tu, rhetorisce': Gellius, Cicero, Plutarch, and Roman Study Abroad // Ed. Madsen J., Rees R. / Roman Rule in Greek and Latin Writing. Double Vision. 2014, Leiden, pp. 163-192.
101. Hubbell H. M. The Influence of Isocrates on Cicero, Dionysius and Aristides. A Thesis presented to the Faculty of the Graduate School of Yale University in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. New Haven / London / Oxford. 1914.
102. Hunter R. Critical Moments in Classical Literature. Studies in the Ancient View of Literature and its Uses. Cambridge. 2009.
103. Hunter R. Plato and the Traditions of Ancient Literature. The Silent Stream. Cambridge. 2012.

104. Innes D. C. Augustan critics // *The Cambridge History of Literary Criticism*. Volume 1. Classical Criticism / Ed. Kennedy G. A. Cambridge, 1993. pp. 245-273.
105. Jacoby F. Euagoras von Lindos // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, Band 11, Stuttgart. 1907. p. 828.
106. Joho T. Style and Necessity in Thucydides. 2022.
107. Jonge de C. C. Natura artis magistra: Ancient rhetoricians, grammarians and philosophers on natural word order // *Linguistics in the Netherlands*. Vol. 18, №1, 2001. pp. 159-166.
108. Jonge de C. C. Dionysius of Halicarnassus as a Historian of Linguistics. The history of the theory of the 'parts of speech' in *De compositione verborum* 2 // *Henry Sweet Society for the History of Linguistic Ideas Bulletin* 44 (1). 2005. pp. 5-18.
109. Jonge de C. C. Dionysius of Halicarnassus and the method of metathesis // *The Classical Quarterly*. Vol. 55, №2. 2005, pp. 463-480.
110. Jonge de C. C. From Demetrius to Dik. Ancient and Modern Views on Greek and Latin Word Order // *The Language of Literature. Linguistic Approaches to Classical Texts* / Ed. Allan R.J., Buijs M. 2007. pp. 211-232.
111. Jonge de C. C. Between Grammar and Rhetoric: Dionysius of Halicarnassus on language, linguistics and literary // *Mnemosyne Supplements*. Volume 301. 2008.
112. Jonge de C. C. Dionysius of Halicarnassus and the Scholia on Thucydides Syntax // *Ancient scholarship and grammar. Archetypes, Concepts and Contexts. Trends in Classics Supplementary Volumes*. Volume 8 / Ed. Matthaios S., Montanari F., Rengakos A. 2011. pp. 451-478.
113. Jonge de C. C. Dionysius and Longinus on the Sublime. Rhetoric and Religious Language // *The American Journal of Philology*. Vol. 133, №2. 2012, pp. 271-300.
114. Jonge de C. C. Rhetorical Tradition in Ancient Linguistics // *Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics* Vol. 3. / Ed. Giannakis G. K. 2014. pp. 238-242.
115. Jonge de C. C. Grammatical Theory and Rhetorical Teaching // *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship* Vol. 2: Between Theory and Practice. / Ed. Montanari F., Matthaios S., Rengakos A. 2015. pp. 981-1011.
116. Jonge de C. C. Dionysius of Halicarnassus on Thucydides // *The Oxford Handbook of Thucydides* / Ed. Balot R.K., Forsdyke S., Foster E. 2017. pp. 641-658.
117. Jonge de C. C. Geschichte, Rhetorik und Wahrheit. Dionysios von Halikarnassos über Thukydides // *Die symphonischen Schwestern. Narrative Konstruktion von 'Wahrheiten' in der nachklassischen Geschichtsschreibung* / Ed. Blank Th., Maier F.K. 2018. pp. 281-301.
118. Jonge de C. C. Linguistic Naturalism and Natural Style. From Varro and Cicero to Dionysius of Halicarnassus // *Language and Nature in the Classical Roman World* / Ed. Pezzini G., Taylor B. 2019. pp. 171-190.

119. Jonge de C. C. Critique littéraire grecque et poésie latine: Denys et Horace, Longin et Virgile // *Lalies Langue & Littérature*. Vol. 39. 2019. p. 87-124.
120. Jonge de C. C. Dionysius and Horace. Composition in Augustan Rome // *Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome. Rhetoric, Criticism and Historiography* / Ed. Hunter R., Jonge de C. C. 2019. pp. 242-266.
121. Jonge de C. C. Greek reading lists from Dionysius to Dio: rhetorical imitation in the Augustan Age and the Second Sophistic // *Late Hellenistic Greek literature in dialogue* / Ed. König J., Wiater N. 2022. pp. 319-350.
122. Jonge de C. C. Greek migrant literature in the early Roman empire // *Mnemosyne*. Vol. 75, №1, 2022. pp. 10-36.
123. Kennedy G. A. *A new history of classical rhetoric*. Princeton. 1994.
124. Kim L. *The Literary Heritage as Language: Atticism and the Second Sophistic* // *A companion to the Ancient Greek Language* / Ed. Bakker J. E. Malden, 2010. pp. 468-482.
125. Lebel M. Évolution de la doctrine de Denys d'Halicarnasse du *De Lysia* aux *De Compositione Verborum* et *De Demosthene II* // *Cahier des Études Anciennes*, II, 1973, pp. 79-88.
126. Lockwood J. F. $\Theta\text{IKH } \Lambda\text{E}\text{E}\text{I}\Sigma$ and Dinarchus // *The Classical Quarterly*, Vol. 23, №3-4, 1929. pp. 180-185.
127. Lockwood J. F. The Metaphorical Vocabulary of Dionysius of Halicarnassus // *The Classical Quarterly*, Vol. 31, №3-4. 1937. pp. 192-203.
128. Lockwood J. F. Further Lexical Notes // *The Classical Quarterly*, Vol. 32, №2, 1938. pp. 109-115.
129. Lockwood J. F. Review: A Study of Critical Method. The Literary Treatises of Dionysius of Halicarnassus by S. F. Bonner // *The Classical Review*. Vol. 53, №. 5, 1939. pp. 181-182.
130. Lossau M. J. *Untersuchungen zur Antiken Demosthenesexegese. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der akademischen Grade eines Doktors der Philosophie der philosophischen Fakultät der Universität des Saarlandes*. Bad Homburg v. d. Höhe. 1964.
131. Luraghi N. *Dionysios von Halikarnassos zwischen Griechen und Römern* // *Formen römischer Geschichtsschreibung von den Anfängen bis Livius. Gattungen - Autoren – Kontexte* / Hrsg. Eigler U. von, Gotter U., Luraghi N., Walter U. 2003, pp. 268-286.
132. Luschnat O. *Die Thukydidesscholien: zu ihrer handschriftlichen Grundlage, Herkunft und Geschichte* // *Philologus*. Vol. 98. 1954, pp. 14-58.
133. MacDowell D. M. *Demosthenes the Orator*. New York. 2009.
134. Maehler H. *Das Thukydides-Hypomnema P. Oxy. 853 und die Scholien* // *Proceedings of the 24th international congress of Papyrology, Helsinki, 1-7 August, 2004* / Ed. Frösén J., Purola T., Salmenkivi E. 2007 II, pp. 587-593.
135. Maitland J. *Marcellinus, Life of Thucydides: Criticism and Criteria in the Biographical Tradition* // *The Classical Quarterly*, Vol. 46, № 2, 1996. pp. 538-558.

136. Matijašić I. *Shaping the Canons of Ancient Greek Historiography // Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 359.* Berlin / Boston. 2018.
137. Maurer K. *Interpolation in Thucydides // Mnemosyne, bibliotheca classica Batava, Supplementum.* 1995.
138. Meijering R. *Literary and rhetorical theories in Greek Scholia.* Groningen. 1987.
139. Mestwerdt G. *De Dionysii Halicarnassensis in Libro De Compositione Verborum Studiis.* Gottingae. 1868.
140. Montana F. *Hellenistic Scholarship // Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship. Vol. 1 / Ed. Montanari F., Matthaios S., Rengakos A.* 2015, pp. 60-183.
141. Nassal F. *Aesthetisch-rhetorische Beziehungen zwischen Dionysius von Halicarnass und Cicero. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde einer hohen philosophischen Fakultät der Universität zu Tübingen.* 1910.
142. Nicolai R. *Historians' Speeches in Rhetorical Education: Dionysius of Halicarnassus' Selection from Thucydides // Anthologies of Historiographical Speeches from Antiquity to Early Modern Times: Rearranging the Tesserae / Ed. Iglesias-Zoido J. C., Pineda V.* 2017. pp. 42–62.
143. Norden E. *Die antike Kunstprosa. Vom VI. Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance. Erster band.* Leipzig. 1898.
144. Nünlist R. *The Ancient Critic at Work. Terms and Concepts of Literary Criticism in Greek Scholia.* New York. 2009.
145. Ooms S., Jonge C.C. de. *The Semantics of ΕΝΑΓΩΝΙΟΣ in Greek Literary Criticism // Classical Philology 108 (2).* 2013. pp. 95-110.
146. Ooms S. *How to compose great prose: Cicero, Dionysius of Halicarnassus and stylistic theory in Late-Republican and Augustan Rome. Diss.* Leiden. 2019.
147. *Oxford Latin Dictionary / Ed. Glare P. G. W.* Oxford. 1982.
148. Payen P. *Les citations des historiens dans les traités rhétoriques de Denys d'Halicarnasse // La citation dans l'Antiquité. Actes du colloque du PARSA Lyon, ENS LSH, 6-8 novembre 2002 / Ed. Darbo-Peschanski C.* 2004. pp. 111-134.
149. Pfeiffer R. *History of Classical Scholarship.* New York. 1968.
150. Pohl K. *Die Lehre von den Drei Wortfügungsarten. Untersuchungen zu Dionysios von Halikarnaß, De compositione Verborum. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen.* 1968.
151. Pöhlman E. *Ancient Music in Antiquity and Beyond. Collected Essays (2009-2019) // Beiträge zur Altertumskunde. Band 381 / Hrsg. Daub S., Erler M., Gall D., Koenen L., Zintzen C.* 2020.
152. Porter J. I. *Classical Pasts: The Classical Traditions of Greece and Rome.* Princeton. 2006.
153. Pulice A. *From ἐξήγησις to μίμησις: Thucydides' Readership in the ὑπομνήματα from the Roman Period // Reading History in the Roman Empire / Ed. Baumann M., Liotsakis V.* 2022. pp. 79-113.

154. Purves A. Rough Reading: Tangible Language in Dionysius' Criticism of Homer // Experience, Narrative, and Criticism in Ancient Greece. Under the spell of stories / Ed. Grethlein J., Huitink L., Tagliabue A. 2020. pp. 172-187.
155. Radermacher L. Dionysios von Halikarnassos // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Band 5. 1905. pp. 934–971.
156. Reid R. S. "Neither Oratory nor Dialogue": Dionysius of Halicarnassus and the Genre of Plato's Apology // Rhetoric Society Quarterly. Vol. 27, No. 4, 1997. pp. 63-90.
157. Roberts W. R. Dionysius of Halicarnassus as an Authority for the Text of Thucydides (With Special Reference to Thucyd. VIII. 64 § 5 as Quoted in Ep. ad Ammaeum II. 11) // The Classical Review 14 (05), 1900. pp. 244-246.
158. Rocconi E. Musica e retorica nel De compositione verborum di Dionigi di Alicarnasso: per un'ipotesi sulle fonti ritmiche del trattato dionisiano // Incontri triestini di filologia classica 8. 2008–2009. pp. 175–190.
159. Ros J. G. A. Die μεταβολή (Variatio) als Stilprinzip des Thukydidēs. Paderborn. 1938 (repr. 1969).
160. Rowe G. O. Style // Handbook of classical rhetoric in the Hellenistic period (330 B.C. – A.D. 400) / Ed. Porter S. E. 1997. pp. 121-158.
161. Rutherford I. Canons of Style in the Antonine Age. New York. 1998.
162. Rutherford I. Pindar's Paeans. A reading of the fragments with a survey of the genre. New York. 2001.
163. Russel D. A. Criticism in Antiquity. London. 1981.
164. Sacks K. S. Historiography in the Rhetorical Works of Dionysius of Halicarnassus // Athenaeum. Vol. 61, 1983. pp. 65-87.
165. Sadée L. De Dionysii Halicarnassensis scriptis rhetoricis quaestiones criticae. Argentorati. 1878.
166. Salm E. Rhétorique et musique dans l'œuvre de Denys d'Halicarnasse (La Composition stylistique, 11, 6-14) // Musiques et danses dans l'Antiquité / Ed. Delavaud-Roux M.-H. 2011. pp. 197-206.
167. Sandys J. E. A History of Classical Scholarship. From the sixth century B.C. to the end of the Middle Ages. Cambridge. 1903.
168. Schenkeveld D.M. Οι κριτικοί in Philodemus // Mnemosyne. Fourth Series, Vol. 21. Fasc. 2 / 3, 1968. pp. 176–214.
169. Schenkeveld D. M. Theories of Evaluation in the Rhetorical Works of Dionysius of Halicarnassus // Museum Philologum Londiniense 1, 1975, (repr. 2006). pp. 93 -107.
170. Schenkeveld D.M. Linguistic Theories in the Rhetorical Works of Dionysius of Halicarnassus // Glotta Bd. 61, H. 1. / 2, 1983. pp. 67–94.
171. Schenkeveld D.M. The Intended Public of Demetrius's On Style: The Place of the Treatise in the Hellenistic Educational System // Rhetorica 18 (1), 2000. pp. 29-48.
172. Schippers A.M. Dionysius and Quintilian. Imitation and Emulation in Greek and Latin Literary Criticism. Diss. Leiden. 2019.

173. Schmid W. Der Atticismus in seinen Hauptvertretern von Dionysius von Halikarnass bis auf den zweiten Philostratus I. Erster Band. Stuttgart. 1887.
174. Schwartz E. Das Geschichtswerk des Thukydidés. Bonn. 1919.
175. Sealey R. Demosthenes and his time. A study in Defeat. Oxford. 1993.
176. Small J. P. Wax tablets of the mind. Cognitive studies of memory and literacy in classical antiquity. London / New York. 2005.
177. The Oxford Handbook of Demosthenes / ed. Martin G. Oxford / New York. 2019. Toye D. L. Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians // The American Journal of Philology. Vol. 116. № 2, 1995. pp. 279–302.
178. Treggiari S. Terentia, Tullia and Publilia: the women of Cicero's family // Women of the ancient world. 2007.
179. Tukey R.H. The Composition of the *De Oratoribus Antiquis* of Dionysius // Classical Philology. Vol.4, No.4, 1909. pp. 390-404.
180. Vaahtera J. Phonetics and Euphony in Dionysius of Halicarnassus // Mnemosyne. Fourth Series, Vol.50, Fasc. 5, 1997. pp. 586-595.
181. Verdenius W. J. The principles of Greek literary criticism // Mnemosyne. Fourth Series, Vol. 36, Fasc. 1 / 2, 1983. pp. 14-59.
182. Viidebaum L. Dionysius and Lysias' Charm // Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: rhetoric, criticism and historiography / Ed. Hunter R., Jonge C.C. de. 2019. pp. 106-124.
183. Viidebaum L. Creating the Ancient Rhetorical Tradition. Cambridge. 2021.
184. Viljamaa T. Colon and Comma. Dionysius of Halicarnassus on the Sentence Structure // Syntax in Antiquity / Swiggers P., Wouters A. 2003. pp.163-178.
185. Vatri A. Orality and Performance in Classical Attic Prose. A Linguistic Approach. Oxford. 2017.
186. Voltz E. Die Thukydidés-papyri. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde einer Hohen Philosophischen Fakultät der Kaiser-Wilhelms-Universität zu Strassburg i. E., Strasbourg. 1911.
187. Walker J. Dionisio de Halicarnaso y la idea de "crítica de la retórica" // Anuario Filosófico 31, 1998. pp. 581-604.
188. Walker J. The genuine teachers of this art: rhetorical education in antiquity. Columbia, South Carolina. 2011.
189. Weaire G. Dionysius of Halicarnassus' Professional Situation and the *De Thucydide* // Phoenix. Vol. 59. No. 3 / 4, 2005. pp. 246-266.
190. Weaire G. How to Talk to a Roman Student. The Teacher's Authority in Dionysius of Halicarnassus's *De compositione verborum* // Illinois Classical Studies. No. 35-36, 2010-2011. pp. 43-67.
191. Weische A. Ciceros Nachahmung der Attischen Redner. Heidelberg. 1972.
192. West M.L. Ancient Greek Music. Oxford. 1992.
193. Wiater N. The ideology of classicism: language, history, and identity in Dionysius of Halicarnassus // Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte / Hsg. Nesselrath H.-G., Scholz P., Zwierlein O. Band 105. 2011.

194. Wiater N. Expertise 'Character' and the 'Authority Effect' in the Early Roman History of Dionysius of Halicarnassus // *Authority and Expertise in Ancient Scientific Culture* / Ed. König J., Woolf G. 2017. pp. 231-259.
195. Wilamowitz-Moellendorff U. von. Asianismus und Atticismus // *Hermes*. Bd. 35, 1900. pp. 1–52.
196. Wooten C. Dionysius of Halicarnassus and Hermogenes on the Style of Demosthenes // *The American Journal of Philology*, Vol. 110, No. 4, 1989. pp. 576-588.
197. Wooten C. The Peripatetic Tradition in the Literary Essays of Dionysius of Halicarnassus // *Peripatetic Rhetoric after Aristotle* / Ed. Fortenbaugh W. W., Mirhady D. C. 1994. pp. 121-130.
198. Yunis H. Dionysius' Demosthenes and Augustan Atticism // *Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome: rhetoric, criticism and historiography* / Ed. Hunter R., Jonge C.C. de. 2019. pp. 83-105.